

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

5

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

5

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Т Р У Д Ы ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

5

МОСКВА НАУКА 2005

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Т78

Продолжающееся издание основано в 1997 году

Редакционная коллегия:

А.Н. Сахаров (ответственный редактор),
Г.Б. Куликова, Е.Н. Рудая

Научно-техническая работа выполнена
И.А. Головань

Рецензенты:

доктор исторических наук *А.Г. Голиков*,
доктор исторических наук *В.Б. Жиромская*

Труды Института российской истории / Ин-т рос. истории РАН. –
М. : Наука, 1997–.

Вып. 5 / отв. ред. А.Н. Сахаров. – 2005. – 350 с. – ISBN 5-02-010284-9
(в пер.).

В выпуске публикуются переработанные в статьи научные доклады, обсужденные на заседаниях Ученого совета Института и его производственных секциях. Представлены новейшие разработки в различных областях отечественной истории – от Средневековья до XX в.

Для историков.

Темплан 2005-I-348

ISBN 5-02-010284-9

© Институт российской истории РАН, 2005

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Труды Института российской истории”
(разработка, редакционно-издательское
оформление), 1997 (год основания), 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>В.В. Фомин</i>	
Этнос и родина варяжской руси в письменных источниках	7
<i>Е.И. Малето</i>	
Русские средневековые хождения в отечественной и зарубежной историографии. История и перспективы изучения	38
<i>Л.Е. Морозова</i>	
Роль великих княгинь в становлении русского централизованного государства	64
<i>Е.Н. Марасинова</i>	
Власть и общество в России XVIII века (проблемы понятийной истории)	87
<i>В.Я. Гросул</i>	
Власть и общественное мнение в России XVIII–XIX веков	118
<i>Б.Н. Миронов</i>	
Антропометрическая история России XVIII–XX веков: теория, методика, источники, первые результаты	173
<i>В.М. Кабузан</i>	
Динамика численности и этнического состава населения Чечено-Ингушетии в XVIII–XX веках	206
<i>Г.Д. Алексеева</i>	
Изучение методологических проблем истории в XX веке	226
<i>Т.Ю. Красовицкая</i>	
Н.К. Крупская – идеолог большевистской реформы образования	244

<i>А.В. Голубев</i>	
Образ Европы в советской карикатуре 20–30-х годов	273
<i>О.М. Вербицкая</i>	
Демографические проблемы российской деревни в послевоенные годы (1945–1959)	300
<i>С.В. Журавлев</i>	
“Кремлевский диссидент”: документы об Отто Куусинене в ЦК КПСС в середине 1950-х – начале 1960-х годов	322

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт российской истории РАН публикует пятый выпуск своих трудов¹. В него вошли последние разработки в области изучения отечественной истории, впервые прозвучавшие в научных докладах, на заседаниях ученого совета института и его секций.

В настоящем выпуске представлены статьи, охватывающие широкий хронологический срез истории России – от глубокой древности до второй половины XX в. Сборник интересен и тем, что включает ряд статей, подготовленных не только сотрудниками института, но и специалистами из других научных центров страны, представившими на ученый совет результаты своих многолетних исследований и дискуссии по выдвинутым проблемам.

К работам общеисторического плана, вызвавшим оживленную дискуссию, относятся в данном сборнике такие работы, как статья доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского университета Б.Н. Миронова “Антропометрическая история России XVIII–XX вв.: теория, источники, методика, первые результаты” и доклад кандидата исторических наук, доцента Липецкого государственного педагогического университета В.В. Фомина “Этнос и родина варяжской Руси в письменных источниках”.

Широкому кругу проблем посвящена и статья доктора исторических наук В.Я. Гросула “Власть и общественное мнение в России XVIII–XIX вв.”, в котором на обширном фактическом материале раскрывается до сих пор мало исследованная тема противоречивого и сложного складывания в российском обществе феномена общественного мнения, столь актуального для страны и в наши дни.

Статья кандидата исторических наук Е.И. Малето “Русские средневековые хождения в отечественной и зарубежной историографии” существенно расширяет представления об одном из интереснейших типов средневековой литературы. Статья доктора исторических наук Л.Е. Морозовой также связана с малоисследованной темой роли великих княгинь в становлении русского централизованного государства.

На большом фактическом материале построена статья кандидата исторических наук Е.Н. Марасиновой, раскрывающая

идеологический и социопсихологический аспекты российского самодержавия и дворянства в XVIII в.

Острой и значимой в контексте настоящего времени является статья доктора исторических наук В.М. Кабузана “Динамика численности и этнического состава населения Чечено-Ингушетии в XVIII–XX вв.”, включающая ряд интересных статистических сведений, представленных в виде таблиц.

Как и в предыдущих выпусках, в данном сборнике уделено большое внимание проблемам истории XX в.

Изучению методологических проблем советской истории посвящена статья доктора исторических наук Г.Д. Алексеевой.

Ряд новых проблем, связанных с историей народного образования в советской России, поднимает в своей статье “Н.К. Крупская – идеолог большевистской реформы образования” доктор исторических наук Т.Ю. Красовицкая.

В течение последнего десятилетия в институте активно изучаются проблемы взаимосвязи и взаимодействия культур России и внешнего мира. В контексте этой проблемы большой интерес представляет статья кандидата исторических наук А.В. Голубева на фактически не изученную тему “Образ Европы в советской карикатуре 20–30-х годов”.

Традиционной для института является и изучение проблем демографии. В данном ракурсе особенного внимания заслуживает статья доктора исторических наук О.М. Вербицкой “Демографические проблемы российской деревни в послевоенные годы (1945–1959)”.

Все большее внимание в научных разработках института занимают темы, связанные с ролью человеческого фактора, с изучением персоналий. В этом плане большой интерес представляет статья доктора исторических наук С.В. Журавлева “Кремлевский диссидент” – документы об Отто Куусинене в ЦК КПСС в середине 1950-х – начале 1960-х годов.

¹ Предыдущие выпуски выходили: Доклады Института российской истории РАН, 1995–1996. М.: ИРИ РАН, 1997. Вып. 1; Труды Института российской истории РАН, 1997–1998. М.: ИРИ РАН, 2000. Вып. 2; Труды Института российской истории РАН, 1999–2000. М.: ИРИ РАН, 2002. Вып. 3; Труды Института российской истории. М.: Наука, 2004. Вып. 4.

ЭТНОС И РОДИНА ВАРЯЖСКОЙ РУСИ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ*

По поводу этноса варягов (варяжской руси) в историографии был высказан не один десяток мнений. В них видели славян, норманнов, финнов, литовцев, венгров, хазар, готов, грузин, иранцев, кельтов, евреев, представителей других народов¹. Сейчас в вопросе происхождения варягов царит полнейший застой, так как право на истину монополизировали сторонники норманнской теории. Давно прописавшись в школьных и вузовских программах, войдя в научные, популярные и художественные издания, она активно формирует сознание наших сограждан. Еще в 1876 г. И.Е. Забелин констатировал, что “мнение о норманстве Руси поступило даже посредством учебников в общий оборот народного образования. Мы давно уже заучиваем наизусть эту истину как непогрешимый догмат”². В этих словах находится ключ к пониманию той весьма парадоксальной ситуации, в силу которой в отношении альтернативы норманизму – южнобалтийской теории – в академической среде существует устойчивый скепсис или, точнее, полное неприятие, хотя она при этом и мало кому знакома не только в деталях, но и в своей принципиальной основе – в системе доказательств. В чем причина такого расклада симпатий и антипатий отечественных исследователей – это тема отдельного разговора. А сейчас следует задаться вопросом: стоят ли за выделенными теориями традиции, прослеживаемые по источникам и приемственно фиксируемые в них?

Сводчики Повести временных лет (ПВЛ), трудившиеся над нею со второй половины X до начала XII в.³, не касались проблемы этноса и родины варяжской руси, самым деятельным образом участвующей с середины IX столетия в жизни восточных славян. Для них этой проблемы просто не существовало, так как они, пояснял И.Е. Забелин, хорошо знали, о ком вели речь, поэтому не считали надобным входить в подробности, в свое время всем известные⁴, и в первую очередь, конечно, тем, кому был адресован их труд. Политическая раздробленность русских земель резко су-

* Доклад на заседании ученого совета ИРИ РАН 27 февраля 2003 г.

зила горизонты видения летописцами как настоящего, так и прошлого, в связи с чем разговор о варягах, ушедших в небытие вместе с Киевской Русью, потерял былую актуальность, а память о них начала постепенно ослабевать. Особенно большую проверку на прочность ей пришлось выдержать в страшный период нашествия и владычества монголов, но и тогда она не стерлась вовсе. Процессы образования централизованного государства, подъем национального самосознания русских, устремленного в будущее, но произрастающего на осмыслении пройденного ими пути, вызвали у летописцев закономерное обращение к истокам своей государственности, у которых стояли варяги. Будучи хранителями и сберегателями исторической памяти народа, в принципиальных вопросах которой, по их понятиям, не должно быть белых пятен, они напомнили соотечественникам родину варяжской руси – южное побережье Балтийского моря.

Впервые эта территория была названа в “Сказании о князьях владимирских”, возникшем во второй половине XV в.⁵ В нем повествуется, как “воевода новгородскыи” Гостомысл перед своей кончиной созвал сограждан и сказал им: «Съвет даю вам, да полете в Прусскую землю мудра мужа и призовите князя от тамо сущих родов римска царя Августа рода. Они же шедше в Прусскую землю и обретоша там некоего князя имянем Рюрика, суща от рода римска царя Августа...»⁶ Появление “августинской” легенды было продиктовано притязаниями России на равное место среди европейских держав. Но равенство им вытекала из равенности исторического начала, поэтому родословная московских великих князей была возведена, что тогда было в порядке вещей, к Августу “кесарю”, наиболее почитаемому европейскими монархами из всех правителей древности. Как подчеркивает С.В. Перевезенцев, “удревление генеалогии московских государей на максимально возможный срок позволяло рассматривать историю самой России как часть общемировой истории, в которой Россия занимает самое достойное место”⁷. Естественно было ожидать, что русские книжники, установив “родство” Рюрика с римским императором, связали бы его, как это проделали, например, молдаване и литовцы с родоначальниками своих династий, непосредственно с самим Римом. Но наши мыслители, отступив от принятых канонов, вывели Рюрика не из Рима, не из Италии, а с Южной Балтики, которая во времена могущества “вечного города” находилась далеко на периферии мировой истории и ничем не была примечательна.

Что же заставило летописцев назвать в качестве родины Рюрика именно Южную Балтику, тем самым совершенно проигно-

рировав наиболее престижные, по понятиям того времени, территории для корней правящих домов? Конечно, только традиция, освященная временем и имеющая широкое распространение. С.А. Геденов видел в “августинской” легенде общенародное предание о южнобалтийском происхождении варяжской династии. Р.П. Дмитриева допускала мысль, что при ее создании могли быть использованы “какие-то устные легенды”. А.Г. Кузьмин связывает истоки “августинской” легенды с Южной Балтикой, указывая, что именно в ее пределах “существовали предания, увязывавшие основание разных городов Юлием Августом”⁸. Он при этом уточняет, что зародилась она в Понеменье, где, согласно источникам, существовала “Черная (т.е. Чермная – красная) Русь”⁹. В представлении о выходе Рюрика с южного берега Балтики, в целом резюмирует историк, “можно увидеть отражение еще живой традиции”¹⁰. Обращает на себя внимание тот факт, что “Сказание”, давая информацию о родине варягов, персонафицированных Рюриком, ни словом не обмолвилось о его этносе. Это молчание весьма красноречиво: оно показывает, что в те годы никто не сомневался в славянском происхождении и Рюрика, и варягов. Тема их языковой и этнической принадлежности будет прямо затронута в восточнославянских источниках лишь 200 лет спустя – во второй половине XVII в.

В XVI в. “Сказание о князьях владимирских” становится выразителем государственных интересов России в ее внутри- и внешнеполитической деятельности, и мыслью о южнобалтийской родине Рюрика проникнуты многие памятники того времени. Продолжает она громко звучать в XVII в. – веке начала нового периода в русской истории, времени серьезных потрясений России и основательных изменений в ее экономической и общественно-политической жизни, что опять же заставляло наших мыслителей всматриваться в прошлое своего Отечества, искать там ответы на злобу дня, заглядывать в день грядущий. Их приемы исторического изучения уже были настолько высоки, что XVII столетие признано в науке качественно новым этапом в русской историографии¹¹. Южную Балтику как родину варягов называет “Хронограф” С. Кубасова (1626), согласно которому “по скончании же Гостомыслов” за Рюриком “послаша в варяги в Прусскую землю...”¹². Тот же адрес дает “Повесть о происхождении славян и начале Российского государства”, созданная в середине XVII в. и отразившаяся во многих летописных сводах¹³. Ее авторы направляют новгородских послов “в Прусскую землю”, “в Прусскую и в Варяжскую землю”, “в Прусскую Варяжскую землю”¹⁴.

Именно о южнобалтийских и именно о славянских истоках руси повествуют памятники, возникшие в середине и в третьей четверти XVII в. в Малороссии. Так, Бело-Церковский универсал Богдана Хмельницкого (28 мая 1648 г.) констатирует, что руссы “из Русии, от помория Балтийскаго альбо Немецкаго...”¹⁵. Далее в нем идет речь о некоем князе, под предводительством которого древние руссы взяли Рим и 14 лет им обладали. Канцелярист войска Запорожского С.В. Величко в 1720 г. в своем “Сказании о войне козацкой з поляками” передал слова Универсала о родине руссов в несколько иной редакции: “...руссов з Ругии от помория Балтицкого албо Немецкого...” Назвал он и имя предводителя руссов – “Одонацера”¹⁶; т.е. Одоакра, в 476 г. свергнутого последнего императора Западноримской империи и в течение 13 лет владевшего Северной Италией. После четырехлетней борьбы (489–493 гг.) он был убит вождем остготов Теодорихом. Историк VI в. Иордан причисляет Одоакра к ругам-русам (“genere Rogus”¹⁷), а в позднем средневековье он герой именно западнославянских исторических сказаний, где именуется “славянским” князем, но чаще всего “русским” или “ругским” князем, герулом с острова Рюген¹⁸ (Южная Балтика), известного по источникам еще как Русия (Russia), Ругия (Rugia), Рутения (Ruthenia), Руйяна (Rojna).. Именно два первых названия зафиксированы в Универсале и в труде С.В. Величко.

Память об Одоакре, а следовательно, память о его русской, южнобалтийской родине, сохранялась не только в южнорусских землях, но и в пределах Северо-Западной Руси. Косвенным тому подтверждением является статья Новгородской первой летописи (НПЛ) под 1204 г., в которой книжник первой половины XIII в. в числе руководителей Четвертого крестового похода назвал Бонифация, маркиза Монферратского: “Маркос от Рима, в граде Бърне, идеже жил поганыи злыи Дедрик”¹⁹. О Теодорихе (Тедрике), резиденция которого находилась в Вероне, именовавшейся у германских народов Берном, в Новгороде, самим своим началом обязанным варяжской руси, помнили по прошествии более семи столетий после гибели “русского” Одоакра. Причем помнили, отмечает А.Г. Кузьмин, “как о заклятом враге Руси”²⁰. Новгородскому читателю XIII в. его имя было известно настолько, что им можно было пояснить, подмечает исследователь, такую немаловажную деталь, как географические ориентиры (Берн)²¹. Адресатами “Универсала” являлись, как сказано в его заглавии, “Малороссийской украины жителям и казакам”. С.В. Величко еще более расширяет его аудиторию: “...На всю Украину Малороссийскую, по обоих сторонах Днепра будучу, и в далнии города русские

засланный”²². Составители этого документа, поднимая массы на борьбу с польскими поработителями, обратились к давней своей истории, и это обращение, чтобы достичь поставленной цели, могло быть наполнено только понятным всем содержанием. В 1884 г. М.О. Коялович увидел в “Универсале” стремление книжников “удовлетворить потребности народа перенестись к своему родному прошедшему и воодушевиться доблестью его лучших представителей”. Наш современник Ю.Д. Акашев абсолютно прав в своем заключении, что апелляция к Одоакру вряд ли была уместной, если бы простому люду не было известно его имя “и если бы оно не было связано с историей росов”²³.

Синописис, вышедший в 1674 г. в Киеве, впервые специально заостряет внимание на языке, а следовательно, и на этносе варягов: “Понеже варяги над морем Балтийским, еже от многих нарицается Варяжское, селение своя имуще, языка славенска бяху...”²⁴. До сих пор эта тема в восточнославянских источниках не поднималась, ибо в границах бывшей Киевской Руси в них видели только славян. Нисколько не сомневался в этой истине и автор Синописиса. Ее он озвучил именно как абсолютную истину лишь потому, что в украинской литературе того времени, обращавшейся к прошлому на весьма широком круге источников, в том числе и западноевропейских, появилась разноречивая информация о варягах. Это хорошо видно на примере Густинской летописи. Ее переписчик в 1670 г. в главе “О варягах” после фразы “варязи се есть народ храбрый и славный” указывает, что “Стриковский нарицает их шведами”. После чего он сообщает, что “межи Французскою землею, и Италикою есть земля, нарицаемая Варяжская”, а “князи и люди тоя земле варягами нарекошася”. Сам же вывод по обзору мнений о варягах у него весьма категоричный: “Но мною, яко наша Русь не от сих варяг князя себе сперваго Рурика привезоша”.

В идущей следом главе “О прусех” летописец пишет, что “прусов неции варягами нарицах”, от них Русь “избраша себе первого князя Рурика”, приводит совет Гостомысла послать “в прусы ко варягом”. Здесь же он поясняет, почему шведов на Руси именовали варягами: “Их же бо оные тогда варягами нарицах. Си мы всех обще немцами нарицаем. Си есть шведов, ангелчиков, гишпанов, французов и влохов и прусов и проч.”²⁵ Это объяснение, перечеркивающее все построения норманистов, полностью перекликается со словами шведа П. Петрея, зафиксировавшего в начале XVII в. многовековую традицию приложения нашими предками термина “варяги” к большому числу представителей Западной Европы: “...русские называют варягами наро-

ды, соседние Балтийскому морю, например, шведов, финнов, ливонцев, курунов, пруссов, кашубов, поморян и вenedов”²⁶. Хотя Петрей не посчитал нужным закончить перечень народов, относимых русскими к “варягам”, но таковыми для них, наряду с германцами (шведами, ливонскими немцами), финнами, куршами (предками латышей), являлись многие западноевропейцы, в том числе славяне Южной Балтики (кашубы, поморяне, вenedы).

Автор приписки к Густинской летописи, что “Стриковский нарицает” варягов шведами, ошибался, причем ошибался самым серьезным образом. Польский историк М. Стрыйковский, труд которого “Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси” был издан на его родном языке в 1582 г. (на русский переведена в 1688 г.), ничего подобного не говорил. У него в начале разговора о варягах в качестве предположения сказано, что если москвичи, новгородцы и псковитяне называют Балтийское море, омывающее Пруссию, Швецию, Данию, Ливонию, Финляндию и часть московских земель, Варяжским морем, то “похоже... что или шведские, или датские, или прусские князья из граничащих с ними стран у них правили”²⁷. Здесь он с незначительными вариациями повторил мысль С. Герберштейна, от которой тот, высказав ее лишь как плод ложного заключения, отказался: “Впрочем, поскольку сами они (русские. – В.Ф.) называют Варяжским морем море Балтийское, а кроме него и то, которое отделяет от Швеции Пруссию, Ливонию и часть их собственных владений, то я думал было, что вследствие близости (к этому морю) князьями у них были шведы, датчане или пруссы”²⁸. И уже следующей строкой Герберштейн излагает свою знаменитую версию происхождения варягов из южнобалтийской Вагрии, что довольно близко к оригиналу передает Стрыйковский.

Традиция, видящая в варягах славянских насельников Южной Балтики, отразилась в отечественных источниках первой половины XVIII в. По свидетельству М.П. Погодина, у него на руках имелись списки описаний русских монет, поднесенных Петру I, где в пояснении к указанию западноевропейского хрониста Гельмольда (XII в.) о проживании славян в южнобалтийской Вагрии добавлено: “...меж Мекленбургской и Голштинской земли... И из выше означенной Вагрии, из Старого града князь Рюрик прибыл в Новград...”²⁹ Старый град – это Старград, в 1157 г. переименованный (скалькированный) в немецкий Ольденбург (Oldenburg) в Голштинии, в древних землях вагров, что на западном берегу Балтийского моря. И в этом случае совсем необязательно информацию о Вагрии связывать только с Гельмольдом. Своими корнями она уходит в русскую историю. Так, в древнейшем списке

“Хождения на Флорентийский собор” (вторая четверть XVI в.) уточняется, что когда митрополит Исидор и его свита плыли в мае 1438 г. из Риги в Любек морем, то “кони митрополичичи гнали берегом от Риги к Любку на Рускую землю”³⁰. Первоначальная редакция “Хождения”, по мнению Н.А. Казаковой, была написана во время путешествия русского посольства на собор (1437–1440) мирянином из окружения суздальского епископа Авраамия и позже не перерабатывалась³¹. Любек расположен на р. Траве, разделявшей в прошлом владения вагров и ободритов, и эту территорию русские в середине XV и в первой половине XVI в. именуют “Руской землей”. Иоакимовская летопись, созданная в 1740-х годах, представляет варяга Рюрика славянином, сыном средней дочери Гостомысла Умилы и правнуком Буриvoja³². Еще И.И. Срезневский заметил, что имя Гостомысл встречается у балтийских славян. Ныне А.Г. Кузьмин совершенно оправданно заостряет внимание на том факте, что “сами имена Гостомысла и Буриvoja (его отца) известны только у западных славян”³³.

Свидетельства приведенных выше памятников обычно объявляются в науке принадлежностью поздней историографической традиции, якобы легендарной по своей сути, поэтому о них весьма снисходительно отзываются в разговоре об этносе варягов. Но, рассуждая так, исследователи не видят главного: “Сказание о князьях владимирских”, “Хронограф” С. Кубасова, “Повесть о происхождении славян и начале Российского государства”, Бело-Церковский универсал, Синописис, описания монет, поднесенных Петру I, Иоакимовская летопись, несмотря на то, что часть из них действительно несет в себе легендарные мотивы, характерные вообще для памятников средневековья, являются продолжением той традиции, чьи истоки лежат в нашей древнейшей летописи – в ПВЛ.

Сама ПВЛ, хотя нигде прямо не говорит ни о родине варяжской руси, ни о ее языке, в то же время дает исчерпывающую информацию по этим вопросам. В ее недатированной части граница расселения варягов на западе локализуется довольно четко: они сидят, пояснял летописец конца X в.³⁴, по Варяжскому морю “ко востоку до предела Симова, по тому же морю седять к западу до земле Агнянски...”³⁵. “Земля Агнянска” – это не Англия, как ошибочно считают поныне, а южная часть Ютландского полуострова, на что впервые указали в XIX в. антинорманисты Н.В. Савельев-Ростиславич и И.Е. Забелин³⁶. Показательно, что один из самых авторитетных норманистов прошлого В. Томсен также задавался вопросом: “англичане или англыв в Шлезви-

ге?”³⁷. В юго-восточной части полуострова обитали до своего переселения в Британию англо-саксы (отсюда “земля Агнянска” летописи), сохранившаяся в названии нынешней провинция Angeln земли Шлезвиг-Гольштейн (ФРГ), с которыми на Балтике долго ассоциировались датчане: даже во времена английского короля Эдуарда Исповедника (1042–1066) названия “англы” и “даны” смешивались, считались чуть ли не тождественными, а мифологическими родоначальниками датчан являются Дан и Ангул³⁸. С англо-саксами на востоке соседствовали варяны”, “вары”, “ваары”, “вагры”, населявшие Вагрию. Именно они, о чем на протяжении веков неоднократно говорилось в историографии, а ныне доказано историком А.Г. Кузьминым, и были собственно варягами. Именем варягов будут затем называть на Руси всю совокупность славянских и славяноязычных народов, проживавших на южном побережье Балтики от польского Поморья до Вагрии включительно³⁹, а еще позднее – многих из западноевропейцев⁴⁰, о чем наглядно свидетельствуют приведенные выше слова Петрея.

В ПВЛ полная ясность с языком варягов. Летопись, рассказывающая об основании ими в Северо-Западной Руси городов, носящих, на чем справедливо акцентирует внимание А.Г. Кузьмин⁴¹, исключительно славянские названия – Новгород, Белоозеро, Изборск, тем самым говорит, что языком их общения был именно славянский, а не какой-то иной язык. Это же подтверждает и летописная статья под 6406 г., в которой однозначно сказано, что “словенский язык и русский одно есть...”⁴². В НПЛ младшего извода под 854 г. фраза, что “новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска”⁴³, т.е. “от рода варяжьска” происходит, как отмечает А.Н. Сахаров, “не верхушка, не дружина, а именно “людьє” – все новгородское население родственно варягам-руси⁴⁴. Слова, что “новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска”, даны новгородским летописцем, как он сам же подчеркивает, применительно к своему времени (“до днешняго дни”), что указывает на начало XII, либо на вторую четверть XIII в.⁴⁵, и здесь, конечно, нет и речи о том, что новгородцы “от рода шведского”. По мнению И.Е. Забелина и А.Г. Кузьмина, новгородцы, относя себя к потомкам варягов Рюрика, считали их славяноязычными⁴⁶. А славяноязычие варягов, понятно, указывает на славянские берега Балтийского моря. Вместе с тем давно признанный наукой факт отсутствия среди наименований русских городов IX–X вв. скандинавских названий⁴⁷ никак не позволяет видеть в варягах норманнов.

Традиция русских источников, выводящая варягов с Южной Балтики и относящая их к славянам, имеет себе параллель в виде

весьма значимых западноевропейских памятников. Первым среди них следует назвать мнение упомянутого выше посла Священной Римской империи германской нации С. Герберштейна, посетившего Россию в 1517 и 1526 гг. Этот любознательный немец, проявляя исключительный интерес к варягам, был категоричен в своем выводе, что их родиной могла быть только южнобалтийская Вагрия (по его словам, “область вандалов со знаменитым городом Вагрия”, граничившая с Любеком), заселенная славянами, которые, как он акцентирует внимание, “были могущественны, употребляли, наконец, русский язык и имели русские обычаи и религию. На основании всего этого мне представляется, что русские вызвали своих князей скорее из вагрийцев, или варягов, чем вручили власть иностранцам, разнящимся с ними верою, обычаями и языком”⁴⁸. Н.В. Савельев-Ростиславич и В.Б. Вилинбахов считают, что вывод посла отразил сохранившееся в народной памяти представление о славянском происхождении варягов⁴⁹. Действительно, Герберштейн, родившись в Крайне – славянской области Австрии – и с детства зная язык местных славян, мог узнать в России многое из того, что никогда бы не услышали в частной беседе с русскими или не прочитали бы в недошедших до нас памятниках другие западноевропейцы.

Такое предположение весьма правдоподобно, хотя Герберштейн признавал, что в России “про варягов никто не мог сообщить мне ничего определенного, помимо их имени”. Вместе с тем ему была известна “августинская” легенда, которую он охарактеризовал как “бахвальство русских”⁵⁰. Но при этом бахвальством посол назвал лишь действительно фантастическую генеалогию, выводящую трех братьев-варягов “от римлян”. А вот само указание легенды на южнобалтийское побережье как на родину варягов могло послужить для него отправной точкой в поисках, ответ на которые он нашел в Западной Европе. Герберштейн, выполняя дипломатические поручения, посетил многие европейские государства, в том числе Саксонию, Бранденбург, Мекленбург⁵¹, включавшие в себя земли полабских и балтийских славян, и где он мог познакомиться с преданиями, проливающими свет на таинственных варягов. Но всего вероятней, что информацию о варягах дипломат получил в Дании, в которой побывал буквально перед своей первой поездкой в Россию: в январе–апреле 1516 г. (в Москву он отправился несколько месяцев спустя – в декабре того же года). Проезжая по территории Дании, значительную часть своего пути Герберштейн как раз проделал по Вагрии⁵², с 1460 г. входившей в состав датского королевства. Как следует из его рассказа, он беседовал с потомками вагров, кото-

рых впоследствии сблизил с русскими, отметив общность их языка и обычаев. От них же Герберштейн, несомненно, почерпнул сведения о прошлом Вагрии, которые затем соотнес с известиями русских источников, что и позволило ему поставить знак равенства между варягами и южнобалтийскими ваграми, а не скандинавами.

На возможность получения сведений о варягах именно из Дании, точнее с той части ее территории, которую некогда занимали вагры, указывают французские источники XVII в. В 1607 г. Жак Маржерет, находившийся на русской службе в 1600–1606 гг., констатировал: “Согласно русским летописям, считается, что великие князья произошли от трех братьев, выходцев из Дании...”⁵³. О том же самом сказал в 1649 г. его соотечественник Брие Филипп⁵⁴. В этих известиях Дания, надо заметить, является лишь географическим понятием, и “выходцев из Дании”, заслонившей собою Вагрию, в Западной Европе считали только славянами. Далматский историк Мавро Орбини в 1601 г. отмечал, ссылаясь на летописи, что русские послали за князьями в Вагрию, по его словам, город и провинцию недалеко от Любека, “дабы имети какова либо правителя от онаго народа, им во всем единообразнаго”, и оттуда вышли три брата “единой породы”: Рюрик, Синява и Трувор⁵⁵. Французский историк и натуралист Клод Дюре (ум. 1611 г.), труд которого был издан в 1613 г., утверждал, что новгородцы по совету Гостомысла призвали Рюрика, Синеуса, Трувора “из Вандалии”⁵⁶, т.е. из Вагрии (германские источники именуют балтийских и полабских славян “венедями” и “вандалами”).

А. Мейерберг, глава посольства Священной Римской империи в России в 1661–1662 гг., сообщал своим читателям, что “некогда правили русскими братья Рюрик, Синеус и Трувор родом из варягов или вагров, князей славянского народа у Каттегата и Зунда”⁵⁸ (Каттегат и Зунд-Эресунн – названия проливов между Данией и Швецией). Неизвестный итальянский писатель зафиксировал в 1657 г., что на Русь “призван был Рурех, или Рутиков из вагров, который пришел в 861 г. и был избран князем новгородским”. Коснувшись темы усобиц между сыновьями Святослава Игоревича, он поясняет, что Владимир бежал “в Вагию”⁵⁹. Интересно, что ни летописи, ни Герберштейн совершенно не говорят о пребывании Владимира в Вагрии. Они лишь сообщают, что Владимир “бежал за море” (ПВЛ) или “бежал за море к варягам” (Герберштейн)⁶⁰. Труд последнего, выдержавший в XVI–XVII вв. несколько десятков изданий на латинском, итальянском, немецком и других языках⁶¹, был очень широко известен в Европе. Его

влияние ощущается в трудах иностранцев, вслед за Герберштейном писавших о России, в том числе и о родине варягов⁶². Вместе с тем они могли располагать дополнительными и весьма важными сведениями по этому вопросу, о чем свидетельствует как приведенный выше, так и следующий материал.

В 1710 г. знаменитый Г.В. Лейбниц высказал мнение относительно страны, откуда прибыли варяги. Он не сомневается, что “это Вагрия, область, в которой находится город Любек, и которая прежде вся была населена славянами, ваграми, оботритами и проч.”. Отмечая, что “Вагрия всегда была страной с обширною торговлею, даже еще до основания Любека”, ученый заключил: “Поэтому название этой страны у славян легко могло сделаться названием всего моря, и русские, не умевшие, вероятно, хорошо произнести звук *gr*, сделали из Вагрии варяг”⁶³. Лейбница к выводу о Вагрии как о родине варягов привели, как минимум, две причины. Во-первых, занятия историей герцогства Брауншвейг-Люнебургского и Ганноверского, включавшего в себя земли, на которые некогда распространялась власть сильнейшего на Южной Балтике славянского племени ободритов (бодричей)-реригов. Главным же городом ободритов был Рарог, расположенный у Висмарского залива, и который датчане именовали Рерик (Rerik)⁶⁴. Это название, которое Лейбниц увязал с именем Рюрик, и могло направить его мысль в соответствующем направлении. Во-вторых, он специально интересовался, по крайней мере с 1697 г., корнями русской правящей династии, что могло вывести его на оригинальный западноевропейский материал, например древние родословные⁶⁵.

Важно подчеркнуть, что, зная исландские саги и историю скандинавских народов, Лейбниц, как и в свое время Герберштейн, отождествил варягов не со шведами, а прежде всего со славянами. В качестве их местожительства он назвал южнобалтийское побережье. Вместе с тем он не мог не отдать дань уже набравшему тогда в Западной Европе силу норманизму: Рюрик, по его предположению, “был датского происхождения, но пришел из Вагрии или из окрестных областей”⁶⁶. В своей конкретизации этноса Рюрика Лейбниц, по-видимому, исходил из того, что Вагрию несколько раз покоряли датчане. В этом мнении его могли укрепить и названные выше авторы XVII в., выводившие Рюрика “из Дании”, что было ошибочно истолковано ученым в этническом смысле (так, кстати, понимали это “свидетельство” и маститые исследователи XIX в.⁶⁷, плодя ложные доказательства норманства варягов). Весьма многозначителен тот факт, что Вагрию Герберштейн и Лейбниц рассматривают в неразрывной

связи с Любеком. И это не только потому, что они хотели пояснить своим современникам местонахождение древней Вагрии. Ряд средневековых источников помещает Любек именно в “Руссии”. Так утверждают, например, западноевропейские документы XI и конца XIV в.⁶⁸ Как уже говорилось, то, что Любек находится в “Руской земле”, считал и русский автор “Хождения на Флорентийский собор” в 30-х годах XV столетия.

В “Зерцале историческом государей Российских”, написанном на латинском языке проживавшим с 1722 г. в России датчанином А. Селлием, Рюрик с братьями также выводится из Вагрии (“...три княжие, Рурик, Трувор и Синав все братья родные из Вагрии в Русскую вышли землю званны...”) ⁶⁹. Селлий, надо сказать, являлся сотрудником Г.З. Байера, с именем которого принято связывать само начало норманизма. Именно по совету последнего он занялся русской историей. Однако во взгляде на этнос варягов Селлий был абсолютно независим от своего наставника. Этот факт, несомненно, объясняется тем, что в своем выводе датчанин вполне мог опираться, как и когда-то Герберштейн, на предания, бытовавшие в Дании, в том числе и среди дальних потомков вагров. Тот факт, что такого рода предания долгое время звучали на Южной Балтике, зафиксировал в 1840 г. француз К. Мармье. Посетив Мекленбург, расположенный на землях славян-бодричей и граничащий на западе с Вагрией, он записал легенду, что у короля ободритов-реригов Годлава были три сына – Рюрик Миролюбивый, Сивар Победоносный и Трувор Верный, которые, отправившись на восток, освободили от тирании народ Руси и сели княжить соответственно в Новгороде, Пскове и на Белоозере. По смерти братьев Рюрик присоединил их владения к своему и стал основателем династии русских князей ⁷⁰. В науке, что важно отметить, подчеркивается независимость “мекленбургских генеалогий от генеалогии Рюриковичей на Руси” ⁷¹.

Предания, с которыми соприкоснулись в XVI–XIX вв. многие западноевропейцы, – это голоса самой истории, которые они слышали от самих южнобалтийских славян или их ближайших потомков. Совершенно справедливы слова А.Г. Кузьмина, что Герберштейн отразил “вполне еще живую традицию” ⁷². Действительно, дипломат говорит об остатках славян, “живущих кое-где на севере Германии за Эльбой”, пристально всматривается в жизнь славянского населения Вагрии, приводит чье-то мнение, “что, как полагают, Балтийское море и получило название от этой Вагрии” ⁷³. И эта живая история еще долго не пресекалась: славянский язык звучал на нижней Эльбе до начала XVIII в., а на левом берегу ее среднего течения он сохранялся до конца этого

столетия⁷⁴. Под напором ассимиляционных процессов народная память, по сравнению с языком, значительно прочнее и дольше удерживает свои позиции, поэтому она сохранила, даже в лице уже онемеченного населения Мекленбурга, важный факт из истории его славянских предков, факт, отстоящий от них ровно на целое тысячелетие. В 1876 г. И. Первольф засвидетельствовал, что у потомков люнебургских славян (нижняя Эльба), представлявших собой осколок мощнейшего ободритского союза и в начале XVIII в. перешедших на немецкий язык, сохранились многие славянские обычаи и нравы. Причем историк отметил, что даже до сих пор “они гордо называют себя “вендами” и не охотно смешиваются с окрестными “немцами”. Здесь же он пояснил, что быт люнебургских славян на рубеже XVII–XVIII вв. описывал, “исходя из уцелевших памятников их языка”⁷⁵. Южнобалтийские предания возникли не на пустом месте и отражают собою реальные события, память о которых была распространена на весьма значительной территории и не стерлась в веках. Примечательно, что они бытовали на бывших землях вагров и ободритов-реригов, тесно связанных между собой: вагры с VIII в. входили в состав племенного союза последних⁷⁶. И предание о призвании на Русь Рюрика с братьями – это отголосок их общей истории. В целом, как подытоживает А.Г. Кузьмин, на южном побережье Балтийского моря “вплоть до XVIII в. ...не сомневались в южнобалтийском происхождении варягов и рода Рюрика. При этом, однако, не было уверенности в его племенной принадлежности”⁷⁷.

Предания Южной Балтики, по сути, воспроизводят “западно-европейские генеалогические записи позднего средневековья...”⁷⁸. Еще в XVI в. в немецких источниках вновь появились мотивы славянских корней местных немецких княжеств: “ободритская” в Мекленбурге и “сербская” в Бранденбурге⁷⁹. А уже в следующем столетии немецкие историки и специалисты в области генеалогии Ф. Хемниц и Б. Латом установили, что Рюрик жил около 840 г. и был сыном ободритского князя Годлиба, убитого датчанами в 808 г.⁸⁰ В 1708 г. вышел в свет первый том знаменитых “Генеалогических таблиц” И. Хюбнера, неоднократно затем переиздаваемых. Династию русских князей он начинает с Рюрика, потомка вендо-ободритских королей, пришедшего около 840 г. с братьями Синаусом и Трувором в Северо-Западную Русь. В 1753 г. С. Бухгольц, проведя тщательную проверку имеющегося у него материала, привел генеалогию вендо-ободритских королей и князей, чьей ветвью являются сыновья Годлиба: Рюрик, Сивар и Трувор, ставшие, по словам ученого, “основателями русского дома”⁸¹. Весьма примечательно, что немцы Хюбнер и Бухгольц,

выстраивая родословную русских князей, не связывают их происхождение со Скандинавией, хотя тогдашняя Европа была в курсе ее якобы шведского начала, о чем особенно много говорили во второй половине XVII–30-х годах XVIII в. шведские историки⁸². В начале XVIII в. в Германии звучали дискуссии по поводу народности Рюрика. Так, в 1717 г. между учеными из северонемецкого г. Гюстрова Ф. Томасом и Г.Ф. Штибером вспыхнула полемика, в ходе которой Томас отверг мнение шведа П. Петрея о скандинавском происхождении Рюрика и вывел его из славянской Вагрии⁸³.

Приведенный материал со всей очевидностью показывает, что южнобалтийская теория происхождения варяжской руси опирается на древнюю традицию, которая красной нитью проходит через многие восточнославянские памятники X–XVIII вв. Она явственно звучит в эпоху Киевской Руси на страницах ПВЛ, пусть слабо, но все же прослеживается в источниках периода раздробленности Руси, что хорошо видно на примере новгородского летописания первой половины XIII в. Во время создания и существования централизованного государства южнобалтийская традиция особенно ярко отразилась в большом числе русских и украинских источников. В Западной Европе параллельно и совершенно независимо от традиции, очерченной рамками ПВЛ и Иоакимовской летописи, на протяжении многих столетий также существовала практика выводить варягов с территории Южной Балтики и относить их к славянам. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что она была зафиксирована представителями разных западноевропейских общностей, которых, конечно, никак нельзя отнести к антинорманистам и обвинить их в ложно понятом патриотизме, о чем так любят рассуждать современные скандинавоманы по отношению к своим оппонентам. Других традиций, связывающих варягов с этносами и территориями, в историографии нет. Следует добавить, что в варягах видели славян Балтийского Поморья и арабские авторы. Ад-Димашки (1256–1327), говоря о “море Варенгском” (Варяжском), поясняет, что варяги “есть непонятно говорящий народ и не понимающий ни слова, если им говорят другие... Они суть славяне славян...”⁸⁴. Ко времени ад-Димашки варяги давно сошли с исторической сцены, давно были завоеваны немцами южнобалтийские славяне, на Руси термин “варяги” давно уже стал синонимом выражениям “немцы”, “римляне”, “латины”. Поэтому слова ад-Димашки являются повтором, как это предполагал еще С.А. Гедеонов⁸⁵, очень древнего известия.

Одновременное существование двух версий южнобалтийской традиции – восточноевропейской и западноевропейской, совпадающих даже в деталях, – факт огромной важности, прямо указы-

вающий на ее историческую основу. О том же говорят и восточные писатели, а также массовый археологический (керамический, нумизматический, антропологический) и лингвистический материал, свидетельствующий в пользу самого широкого присутствия в Северо-Западной Руси выходцев с Южной Балтики⁸⁶, на фоне которого совершенно теряются так называемые “норманские древности”. Логическим продолжением южнобалтийской традиции являются труды М.В. Ломоносова. Поэтому, как верно замечает А.Г. Кузьмин, “говорить о Ломоносове как о родоначальнике антинорманизма можно лишь условно: по существу, он восстанавливал то, что ранее уже было известно, лишь заостря факты, либо обойденные, либо произвольно интерпретированные создателями норманно-германской концепции”⁸⁷.

Но если южнобалтийскую теорию никто не создавал и она самым естественным образом вытекает из предшествующей историографии, опирающейся на реальные события, то совершенно иначе обстоит дело с норманской теорией, не имеющей никаких корней и искусственно вызванной к жизни шведскими историками XVII в. Обслуживая великодержавные замыслы своего правительства, стремившегося отбросить Россию от Балтийского и северных морей и с этой целью разработавшего в 1580 г. “Великую восточную программу”⁸⁸, П. Петрей, Ю. Видекинди, О. Верелий, О. Рудбек и другие обратились к варягам, некогда господствовавшим на Балтике и основавшим на Руси династию Рюриковичей, доказывая их якобы шведское происхождение⁸⁹. К созданию норманизма также привела давно культивируемая в Швеции мысль об исключительности ее истории. Шведский историк О. Далин в 1750 г. так выражал эти представления, в полной мере характерные для его предшественников: “Мы, как шведы, должны благодарить творца за преимущество пред многими другими, которого нам не единый народ оспаривать не может”⁹⁰.

Сама политическая заданность норманизма уже сводит на нет все разговоры о скандинавской руси, которую, как вынуждены были признать под давлением фактов отечественные и зарубежные норманисты, не знает история⁹¹. Еще в XIX в. было установлено, что ее присутствие среди скандинавских народов не фиксирует ни один средневековый памятник, ее нет в скандинавском устном народном творчестве, ее нет в исландских сагах, уделявших исключительное внимание скандинавской истории. Как охарактеризовал такую ситуацию С.А. Гедеонов, “норманны народ всеизвестный на Западе”, но при этом ни до, ни после призвания варягов в западноевропейских источниках нет “и следа русского имени для мнимой шведской Руси”, и они вообще не знают швед-

ской Руси⁹². В 1934 г. прекрасный знаток скандинавских источников Е.А. Рыдзевская, кстати убежденная в норманстве варягов, исчерпывающе доказала, “что название Русь с норманнами эпохи викингов генетически не связано и что они у себя на родине так не назывались, достаточно убедительно доказывается отсутствием всяких следов этого термина, как своего, в др.-сев. сагах (где *Rusia*, как известно, наименование книжного, ученого характера) и особенно в рунических надписях”. И здесь же она справедливо заметила (было бы хорошо, если бы эти слова услышали современные норманисты): “Что у финнов шведы – *Ruotsi*, и каково происхождение этого названия – вопрос другой; др.-сев. языку и письменности Русь, во всяком случае, совершенно чужда”⁹³.

Поэтому варяжская русь никак не могла выйти из Скандинавии, выйти оттуда, где, если говорить словами сторонника норманства варягов В.В. Мавродина, “никогда не было ни племени “русь”, ни области “Русь”⁹⁴. Но, в отличие от северного побережья Балтийского моря, на его южном и восточном берегах существовало несколько Русий, зафиксированных целым рядом источников: Любек с окрестностями, остров Рюген (Русия, Ругия, Рутения, Руйяна), район устья Немана, побережье Рижского залива (устье Западной Двины), западная часть Эстонии (Роталия-Руссия)⁹⁵. Из одной или нескольких балтийских Русей в северо-западный район Восточной Европы прибыла в конце VIII – середине IX в. в ходе нескольких переселений варяжская русь, что отражено в Сказании о призвании варягов, вначале целостного памятника, при занесении в ПВЛ помещенного под 859, 862 и 882 гг. Изначальную этническую принадлежность этой руси трудно определить, но языком ее общения был славянский язык. В движение на восток лишь в конце X в., как вытекает из показаний скандинавских памятников, были втянуты норманы⁹⁶. А этот факт неопровержимо свидетельствует, что ни к истории Руси IX – середины X в., ни к варягам этого времени, ни к происхождению династии Рюриковичей они не имели никакого отношения.

¹ Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // *Slavia: Časopis pro slovanskou filologii*. Praha, 1931. Roč., seš. 3. S. 532–533.

² Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1. С. 38.

³ Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 326–362, 387; *Он же*. История России с древнейших времен до 1618 г. М., 2003. Кн. 1. С. 300; Откуда есть пошла Русская земля: Века VI–X / Сост., предисл., введ. к документ., коммент. А.Г. Кузьмина. М., 1986. Кн. 1. С. 649–650, 652; Фокин В.В. Русские летописи и варяжская легенда. Липецк, 1999. С. 15–22.

- ⁴ *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 137, 143.
- ⁵ *Фомин В.В.* Русские летописи и варяжская легенда. С. 123–124.
- ⁶ *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 162.
- ⁷ *Перевезенцев С.В.* Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв. М., 1999. С. 223; *Он же.* Тайны русской веры: От язычества к империи. М., 2001. С. 253.
- ⁸ *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь: Историческое исследование. СПб., 1876. Ч. 1. С. 138–139, 141; Замечания С. Гедеонова // *Погодин М.П.* Г. Гедеонов и его система происхождения варягов и руси. СПб., 1864. С. 52; *Дмитриева Р.П.* Указ. соч. С. 97; *Кузьмин А.Г.* “Варяги” и “Русь” на Балтийском море // *Вопросы истории (ВИ).* 1970. № 10. С. 33; *Он же.* История России с древнейших времен до 1618 г. С. 77; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. С. 477; *Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г. Кузьмин.* М., 1998. С. 215.
- ⁹ *Кузьмин А.Г.* От моря до моря // *Мир истории.* М., 2002. № 4/5. С. 34, 37, 42–43, 47.
- ¹⁰ *Кузьмин А.Г.* Об этнической природе варягов: К постановке проблемы // *ВИ.* 1974. № 11. С. 58.
- ¹¹ *Очерки истории исторической науки в СССР.* М., 1955. Т. 1. С. 89–90.
- ¹² *Попов А.Н.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 234.
- ¹³ *Гольдберг А.Л.* Легендарная Повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1982. Т. 13. С. 50–63; *Фомин В.В.* Русские летописи и варяжская легенда. С. 128–130.
- ¹⁴ Библиотека Академии наук (БАН). Отдел рукописей. 16.4.1. Л. 6 об.–; 21.6.13. Л. 4 об.; 32.3.16. Л. 96 об.; 34.2.26. Л. 15–15 об.; Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Собр. Погодина. № 1411. Л. 3; Собр. Погодина. № 1474. Л. 4 об.; Эрмитаж. собр. № 414. Л. 10; Эрмитаж. собр. № 445. Л. 4 об.; № 444. Л. 7; № 1416. Л. 80; Q.IV.78. Л. 60 об.; F.IV.888. Л. 10 об.; F.XVII.22. Л. 7 об.; Q.XVII.77. Л. 13 об.; Q.IV.148. Л. 18 об.; Российский государственный архив древних актов. Рукописный отдел библиотеки Моск. гл. арх. МИДа. Ф. 181, 1161. Л. 13.
- ¹⁵ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АЗР), 1633–1699. СПб., 1853. Т. V. С. 83.
- ¹⁶ *Величко С.В.* Летопись событий в юго-западной России в XVII в. Сказание о войне козацкой з поляками. Киев, 1848. Т. 1. С. 89; *Величка С.* Сказание о войне козацкой з поляками. Київ, 1926. С. 51; *Величко С.* Літопис. Київ, 1996. Т. 1. С. 82.
- ¹⁷ *Йордан.* О происхождении и деяниях готов. М., 1960. С. 314, примеч. 589.
- ¹⁸ *Кузьмин А.Г.* Одоакр и Теодорих // *Дорогами тысячелетий: Сборник исторических очерков и статей.* М., 1987. Кн. 1. С. 113, 128–129; *Он*

- же. “Крещение Руси”: Концепции и проблемы // “Крещение Руси” в трудах русских и советских историков / Авт. вступ. ст. А.Г. Кузьмин; Сост., авт. примеч. и указ. А.Г. Кузьмин, В.И. Вышегородцев, В.В. Фомин. М., 1988. С. 48; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. С. 546, 665, 693.
- ¹⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.; Л., 1950. С. 49, 245.
- ²⁰ Кузьмин А.Г. Об истоках древнерусского права // Советское государство и право. 1985. № 2. С. 116–118; *Он же*. Одоакр и Теодорих. С. 121; *Он же*. Падение Перуна: Становление христианства на Руси. М., 1988. С. 134; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. С. 546–550, 693.
- ²¹ Кузьмин А.Г. Одоакр и Теодорих. С. 109–110.
- ²² АЗР. Т. V. С. 78; *Величко С.В.* Летопись событий в юго-западной России в XVII в. С. 80.
- ²³ *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск, 1997. С. 128; *Акашев Ю.Д.* Историко-этнические корни русского народа. М., 2000. С. 190–191.
- ²⁴ Синописис. СПб., 1762. С. 22.
- ²⁵ БАН. Отдел рукописей. 24.4.35. Л. 15, 16; 16.12.5. Л. 26–28; Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 205. № 118. Л. 13–14 об.
- ²⁶ *Петрей П.* История о великом княжестве Московском. М., 1867. С. 90.
- ²⁷ *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. S. 113.
- ²⁸ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 60.
- ²⁹ *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 2. С. 212–213.
- ³⁰ *Казакова Н.А.* Первоначальная редакция “Хождения на Флорентийский собор” // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 65, примеч. 14; *Кузьмин А.Г.* Флорентийская уния и русская церковь // Великие духовные пастыри России. М., 1999. С. 244; *Он же*. От моря до моря. С. 46; Славяне и Русь. С. 332.
- ³¹ *Казакова Н.А.* Первоначальная редакция “Хождения на Флорентийский собор”. С. 60, 62. *Она же*. Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв.: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 20–22.
- ³² *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. М.; Л., 1692. Т. 1. С. 110.
- ³³ *Срезневский И.И.* Чтения о древних русских летописях // *Срезневский И.И.* Статьи о древних русских летописях (1853–1866). С. 76; *Кузьмин А.Г.* “Варяги” и “Русь” на Балтийском море. С. 33; Славяне и Русь. С. 216.
- ³⁴ *Кузьмин А.Г.* Русь в современной исторической науке // Тысячелетие крещения Руси: Международная церковно-историческая конференция, Киев, 21–28 июля 1986 г.: Материалы. М., 1988. С. 90; *Он же*.

- “Крещение Руси”. С. 27–28; *Он же*. Падение Перуна. С. 155; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. С. 651–652; Там же. М., 1986. Кн. 2. С. 26.
- 35 Летопись по Лаврентьевскому списку (ЛЛ). СПб., 1897. С. 3–4.
- 36 Славянский сборник Н.В. Савельева-Ростиславича. СПб., 1845. С. LX, LXXXIX, примеч. 170; *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 135–136, 142–143, 189, 193.
- 37 *Томсен В.* Начало Русского государства. М., 1891. С. 14.
- 38 *Сугорский И.Н.* В туманах седой страины: К варяжскому вопросу: Англо-русская связь в давние века. СПб., 1907. С. 29, примеч.**.
- 39 *Кузьмин А.Г.* “Варяги” и “Русь” на Балтийском море. С. 31–32, 34, 37; *Он же*. Об этнической природе варягов... С. 56–57; *Он же*. Русь в современной исторической науке. С. 90–91; *Он же*. Одоакр и Теодорих. С. 123–124; *Он же*. “Крещение Руси”. С. 27; *Он же*. Падение Перуна. С. 155–156; *Он же*. Об этнониме “варяги” // Дискуссионные проблемы отечественной истории. Арзамас, 1994. С. 7–9; *Он же*. История России с древнейших времен до 1618 г. С. 88–90; *Галкина Е.С., Кузьмин А.Г.* Росский каганат и остров русов // Славяне и Русь. С. 463–464; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. С. 696–697; Кн. 2. С. 26, 582–583; 588; Славяне и Русь. С. 287, 290, 433, 412, примеч. 38.
- 40 *Фомин В.В.* Запад и западноевропейцы в русской письменной традиции (X–XVIII в.) // Копелевские чтения, 1999: Россия и Германия: Диалог культур. Липецк, 2000. С. 85–92; *Он же*. Наименование западноевропейцев в ранних русских источниках // Вехи минувшего: Учен. зап. ист. фак. ЛГПУ. Липецк, 2000. Вып. 2. С. 214–227; *Он же*. Норманская проблема в западноевропейской историографии XVII в. // Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). М., 2002. Т. 4(152). С. 312–313.
- 41 *Кузьмин А.Г.* “Варяги” и “Русь” на Балтийском море. С. 29–31; *Он же*. Об этнической природе варягов... С. 82; *Он же*. Заметка историка об одной лингвистической монографии // Вопросы языкознания. 1980. № 4. С. 56; *Он же*. Падение Перуна. С. 156; *Он же*. История России с древнейших времен до 1618 г. С. 92; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. С. 27, 590.
- 42 Л.Л. С. 28.
- 43 НПЛ. С. 106.
- 44 *Сахаров А.Н.* Рюрик, варяги и судьбы российской государственности // Мир истории. 2002. № 4/5. С. 63.
- 45 *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. С. 110.
- 46 *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 190; *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна. С. 156; *Он же*. История России с древнейших времен до 1618 г. С. 88; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. С. 681, 550, коммент.; *Фомин В.В.* Скандинавомания или небылицы о шведской Руси // Сб. РИО. М., 2002. Т. 5(153). С. 248.
- 47 *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 62.
- 48 *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 60.

- 49 Славянский сборник Н.В. Савельева-Ростиславича. С. XXXVI; *Вилинбахов В.Б.* Об одном аспекте историографии варяжской проблемы // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Вып. VII. С. 334.
- 50 *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 60.
- 51 Там же. С. 53, примеч.⁶⁻⁶
- 52 *Adelung F. Siegmund Freiherr von Herberstein.* St. Petersburg, 1818. S. 30–32, 36; *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешестввенников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч. 1. С. 107.
- 53 *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю.А. Лимонова. Л., 1986. С. 231.
- 54 *Briet P.* Parallela geographiae veteris et novae. Parisiis, 1649. Т. 2, pt. 1. P. 229.
- 55 *Мауро Орбини.* Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского, и их цареи и владетели под многими именами, и со многими царствиями, королевствами, и провинциями. СПб., 1722. С. 81.
- 56 *Duret C.* Thrésor de l'Histoire des langues de cest Univers. Uverdon, 1619. P. 846.
- 57 *Гельмольд.* Славянская хроника. М., 1963. С. 36; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. С. 11; Кн. 2. С. 687, 595 примеч.
- 58 *Мейерберг А.* Путешествие в Московию. М., 1874. С. 105.
- 59 Бумаги Флорентийского центрального архива, касающиеся до России. М., 1871. Ч. 1. С. 327–328.
- 60 Л.Л. С. 74; *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 62.
- 61 *Adelung F.* Op. cit. S. 317–364; Библиография // *Герберштейн С.* Указ. соч. С. 389–391.
- 62 *Фомин В.В.* Норманская проблема в западноевропейской историографии XVII в. С. 314–315.
- 63 *Герье В.И.* Лейбниц и его век: Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 102; *Latvakangas A.* Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige från runinskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995. S. 195–196.
- 64 *Гельмгольд.* Указ. соч. С. 37; *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян // *Гильфердинг А.Ф.* Собр. соч. СПб., 1874. Т. 4. С. 57, 271–272; *Первольф И.* Германизация балтийских славян. СПб., 1876. С. 30, 146–147.
- 65 *Герье В.И.* Указ. соч. С. 12; *Меркулов В.* Забытая родословная Рюрика // Роман-журнал XXI век. М., 2002. № 11/12. С. 76–77.
- 66 *Герье В.И.* Указ. соч. С. 102.
- 67 *Куник А.А.* Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. СПб., 1903. Ч. 2. С. 38.
- 68 *Кузьмин А.Г.* От моря до моря. С. 44; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. С. 681.
- 69 Зерцало историческое государей Российских // Древняя Российская Вивлиофика. СПб., 1891. С. 29.

- 70 *Marmier X. Lettres sur le Nord. Paris, 1840. Т. 1. Р. 30–31.*
- 71 Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. С. 653; *Акашев Ю.Д. Указ. соч. С. 200.*
- 72 *Кузьмин А.Г. “Варяги” и “Русь” на Балтийском море. С. 38; Он же. От моря до моря. С. 34; Славяне и Русь. С. 212.*
- 73 *Герберштейн С. Указ. соч. С. 58–60.*
- 74 *Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 7, 316; Первольф И. Германизация балтийских славян. С. 18, 47; Он же. Варяги-русь и балтийские славяне // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1877. Ч. 192. С. 42; Кузьмин А.Г. “Варяги” и “Русь” на Балтийском море. С. 36.*
- 75 *Первольф И. Германизация балтийских славян. С. 18, 31, 47, 50.*
- 76 *Гильфердинг А.Ф. Указ. соч. С. 1–2, 43.*
- 77 Славяне и Русь. С. 214.
- 78 Там же. С. 216.
- 79 *Ронов В.К. Славяне к западу от Одера в немецких памятниках XIV–XV вв. // Славяне и их соседи: Этнопсихологические стереотипы: (Сб. тез.). М., 1900. С. 34.*
- 80 *Bayer G.S. De Varagis // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Petropoli, 1735. Т. IV. Р. 278–279.*
- 81 *Hübner J. Genealogische Tabellen, nebst denen darzu Gehörigen genealogischen Fragen. Leipzig, 1725. Bd. I. S. 281, Tab. 112.; Buchholtz S. Versuch in der Geschichte des Herzogthums Meklenburg. Rostock, 1753. Stammtafel II.*
- 82 *Фомин В.В. Норманизм и его истоки // Дискуссионные проблемы отечественной истории. Арзамас, 1994. С. 20–21, 26–27; Он же. Норманская проблема в западноевропейской историографии XVII в. С. 307–308, 315–316; Он же. Кто же был первым норманистом: русский летописец, немец Байер или швед Петрей? // Мир истории. М., 2002. № 4/5. С. 61–62.*
- 83 *Мыльников А.С. Славянская этническая общность в немецкой науке начала XVIII в.: Из истории славянских изучений в Мекленбурге // Славяноведение и балканистика в странах зарубежной Европы и США. М., 1989. С. 5–25; Он же. Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII в. СПб., 1996. С. 131–133.*
- 84 *Венелин Ю.И. Известия о варягах арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1871. Кн. 4. С. 10.*
- 85 *Гедеонов С.А. Указ. соч. СПб., 1876. Ч. 2. С. XXVI, примеч. 75.*
- 86 Подробнее об этом см.: *Фомин В.В. Русские летописи и варяжская легенда. С. 133–144.*
- 87 Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. С. 17.
- 88 *Шаскольский И.П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со шведским государством. М.; Л., 1964. С. 6, 24, 27–28; Кобзарева Е.И. Смута: Иностранцы интервенции и их последствия (конец XVI – первая половина XVII в.) // История внешней политики России:*

- Конец XV–XVII в.: От свержения ордынского ига до Северной войны. М., 1999. С. 195; История Швеции. М., 1974. С. 166–168.
- ⁸⁹ *Фомин В.В.* Норманизм и его истоки. С. 18–30; *Он же.* Норманская проблема в западноевропейской историографии XVII в. С. 305–324; *Он же.* Кто же был первым норманистом... С. 59–62.
- ⁹⁰ *Далин О.* История шведского государства. СПб., 1905. Ч. 2, кн. 1. С. XXXV.
- ⁹¹ *Томсен В.* Указ. соч. С. 80, 82; *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь; М., 1996. С. 284, 340; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М., 1995. С. 27, 52; *Он же.* “От тех варяг прозвася...” // Родина. 1997. № 10. С. 14; *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси, 750–1200 гг. / Под ред. Д.М. Буланина. СПб., 2000. С. 51–52; и др.
- ⁹² *Гедеонов С.А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 498, 565.
- ⁹³ *Рыдзевская Е.А.* К варяжскому вопросу: Местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. VII серия. Л., 1934. № 8. С. 628, примеч. 1.
- ⁹⁴ *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 180.
- ⁹⁵ *Кузьмин А.Г.* “Варяги” и “Русь” на Балтийском море. С. 28–55; *Он же.* Об этнической природе варягов... С. 54–83; *Он же.* Заметки историка об одной лингвистической монографии. С. 55–56, 58; *Он же.* Об истоках древнерусского права. С. 116–119; *Он же.* Русь в современной исторической науке. С. 92–94; *Он же.* Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 30, 41–45; *Он же.* “Крещение Руси”. С. 42–44; *Он же.* Падение Перуна. С. 4–5, 12, 129–138. *Он же.* Кто в Прибалтике “коренной”? М., 1993. С. 4; *Он же.* От моря до моря. С. 32–47; *Он же.* История России с древнейших времен до 1618 г. С. 93–106; *Галкина Е.С., Кузьмин А.Г.* Указ. соч. С. 456–481; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. С. 16–17, 546–552, 664–682; Кн. 2. С. 545–548; Славяне и Русь. С. 209–455.
- ⁹⁶ *Фомин В.В.* Скандинавомания или небылицы о шведской Руси. С. 238–239.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.Н. Сахаров:

– Проблема, поставленная в докладе кандидата исторических наук Вячеслава Васильевича Фомина (г. Липецк) “Источники о родине и этносе варягов” является острой уже не одно столетие. Недавно на эту тему состоялась большая конференция в Калининграде, где были представлены разные точки зрения, новые и старые материалы.

К.А. Аверьянов:

– Первое, я хотел бы уточнить, варяги и руссы – это одно и то же племя или два разных?

Второе: если Вы варягов производите из Вагрии, то руссов из какой географической территории?

Еще один вопрос: как Вы полагаете, историография различных эпох отражала какие-то политические веяния своего времени?

В.В. Фомин:

– Что касается первой части Вашего вопроса, Повесть временных лет варягов и русь называет отдельно, например в описании “Афетова колена”: варяги, шведы, норманны, готы, русь, агняне и др. Отдельно указаны варяги, отдельно – русь. В других местах ПВЛ их отождествляет. Например, в Сказании о призвании варягов, где речь идет о варяжской Руси. В прошлом ученые выделяли на берегах Балтики, как минимум, четыре Руси, отразившиеся как в западных, так и в наших источниках. Это остров Рюген (по-разному называют латинские и германские источники – Рутения, Русия), устье Немана (Неманская Чремная Русь), устье Западной Двины и Западная Эстония. Кроме того, в докладе была названа “Русская земля”, в которой находился г. Любек, на что обращает внимание историк А.Г. Кузьмин.

При этом никаких Русей северное скандинавское побережье не знает совершенно, а на Южной и Восточной Балтике – целая россыпь этих Русей.

Второе. Конечно же, всегда есть политические интересы, есть политические настроения и у тех, кто создавал источники, и у тех, кто по этим источникам работал.

В.А. Кучкин:

– Что касается происхождения Рюрика, то славяне назывались в источниках происходившими от скифов. Как с этим дело обстоит? Откуда это берется? Второе. Вы считаете, что в “Сказании о князьях владимирских” мы можем указать на более ранний источник, на послание Спиридона–Саввы. А как Вы себе представляете генеалогию русского правящего дома XVI в.? Действительно, русские государи происходят от Августа Кесаря или нет?

В.В. Фомин:

– Первый вопрос. Да, славяне – это жители Восточно-Европейской равнины, именуемой в древности Скифия, Сарматия. Как в нашей историографии это объясняется и не только применительно к славянам? Многие народы именовались именами тех народов, которые уже исчезли из истории. Как правило, это шло по географическому принципу: народ, заняв территорию, на ко-

торой когда-то проживал другой этнос, чуждый ему совершенно, очень часто прозывался его именем.

Например, Лев Диаконов называет русских “скифами”, “тавро-скифами”, “таврами” 93 раза, и собственно “славянами” – 24 раза. Но мы знаем, что в ту эпоху, в IX–X вв., существовала именно Русь, восточнославянская держава. Поэтому здесь никакой проблемы нет. Можно привести очень много примеров, когда, кого и как именовали. Еще Иордан отмечал, что народы любят перенимать названия. Тогда это была очень распространенная практика. И существовала традиция, в данном случае в Византии, в русле которой было принято именовать народы именами тех народов, которые давно исчезли с исторической сцены. Кроме географического принципа, тому способствовали еще несколько факторов.

Второе. По источникам XVI в. мы не спрашиваем, насколько можно им верить. Понимаете? Вопрос состоит в другом: зачем русские придумали эту генеалогию? Я имею в виду теорию происхождения московских князей от “Августа Кесаря”. Несомненно, это искусственная схема. Я уже говорил, что эта схема была популярна в Западной Европе. Нельзя назвать ни одного крупного правящего западноевропейского дома того времени, который бы не выводил себя от “Августа Кесаря”, поскольку во времена этого императора родился Спаситель. Август был самой популярной фигурой из всех правителей древности. Русские ничего не выдумывали, они взяли уже готовую, давно апробированную схему, поместив ее на свой материал, связанный с Южной Балтикой. И если для других народов было важно выводить родоначальников правящих династий из Рима, то наши книжники из Рима их не выводят. Они выводят своих князей из Южной Балтики. Я на это и пытался обратить внимание.

Вопрос о том, верить или не верить источникам, ставить нельзя. До нас дошел один из источников, написанный сыном Ивана Грозного, Иваном Ивановичем. Он был очень любознательным и начитанным человеком, сам создавал произведения.

В одном из таких сочинений он пишет, что ведет свой род от Рюрика, который от пруссов, от римского императора Августа Кесаря... Ну неужели из этого мифа они выводили свою родословную? Конечно нет! Политическая заданность августинской легенды была направлена на то, чтобы уравнивать Россию, которая, по сути, выходила тогда на международную арену, с другими западноевропейскими державами. Это внешняя сторона, выраженная доступными для того времени средствами. И важно в

легенде именно указание на Южную Балтику, истоки которого лежат в древней традиции Повести временных лет.

В.Я. Гросул:

– Хотелось бы услышать Ваш комментарий анналов Пруденция. Это первое.

Второй вопрос: как Вы относитесь к наследию академика Куника?

Третий вопрос: Ваша оценка раскопок Ладоги?

В.В. Фомин:

– Что касается Бертинских анналов, принадлежавших руке епископа Пруденция, это один из краеугольных камней, один из главных источников норманской теории, впервые введенный в научный оборот Байером. Сегодня, когда читаешь перевод этого документа, удивляешься, как свеоны в нем превратились в шведов. Но Тацит, говоря о свевах (шведах) и о свеонах, их разделяет. Во времена Тацита свевы жили на материке (севернее Дуная), а свеонов он указывает на Балтике. Тацит эти народы разводит, он их не сближает. Поэтому и удивляет, что современные интерпретаторы отождествляют эти народы.

Второе. К Кунику я отношусь с глубочайшим уважением. Хотя он и норманист, но это был тот человек, который знал меру. В 1862 г. он так сказал: “Я не хочу норманизировать (он даже такой глагол использует) русскую историю”. Он предупреждал норманистов: “Не ищите норманнов там, где их совершенно не было”. Куник был человеком очень осторожным, тщательно работавшим с источниками. У него есть чему поучиться. Он очень трезво все оценивал, настолько трезво оценивал нашу летопись, что в конечном итоге признал, что при помощи Повести временных лет нельзя объяснить норманскую теорию, поэтому и предложил начальную историю русского государства воссоздавать только по иностранным источникам. Лучшего подтверждения слов антинорманиста Гедеонова я не вижу. Гедеонов говорил, что наша летопись своим характером протестует против постоянного онемечивания русской истории. Куник – норманист, но с ним можно спорить. И он тот человек, который выслушивал критику. Хорошо известна его реакция, реакция Погодина на работу Гедеонова “Варяги и Русь”: сколько они сняли из своих доказательств, признав тем самым правоту своего оппонента. Поэтому с таким удовольствием читаешь их полемику на страницах “Записок Академии наук” после выхода в свет в 1862–1863 гг. “Отрывок по варяжскому вопросу” Гедеонова. Это ученые, которые пытались в ходе дискуссии прийти все-таки к истине.

И третий вопрос – в отношении Ладоги. Сами знаете, проблема интерпретации материалов, особенно в археологии, – это одна из главных проблем, в древности Ладогу как только не интерпретировали. Поэтому, честно скажу, я не очень-то уверен и в сегодняшней интерпретации. Я антинорманист, если рассуждать известными категориями, но при этом я несколько не отрицаю присутствия скандинавов в русской истории. Они были, но другой вопрос – когда они появились на Руси?

Для этого надо обратиться к исландским сагам. Саги – это тот памятник, который вобрал в себя историческую память скандинавов. И они четко говорят о том, когда скандинавы появились в русских землях. В XIX в. было обращено внимание на тот факт, что саги из русских князей никого, кроме Владимира Святославича и Ярослава Мудрого не называют. При этом они не знают ни хазар, ни половцев. Скандинавы бывали на Руси в период где-то с 980-х годов, с момента вокняжения Владимира и до смерти Ярослава Мудрого, в 1054 г. Об этом ясно говорят саги. В них не упоминаются ни Святослав, ни Игорь. Ольгу – Аллогию они упоминают, но путаются, называя ее женой Владимира, хотя она была его бабушкой.

Интерпретировать древности Ладоги как исключительно скандинавские сомнительно по факту наличия в ней одной из так называемых больших построек, которую археологи сближают со святыщами южнобалтийских славян. А это сразу же объясняет, почему в восточнославянском язычестве отсутствуют божества скандинавов, но присутствует Перун, бог варяго-русской дружины, чей культ был широко распространен среди южнобалтийских славян. Вместе с тем в Ладоге обнаружены и норманские древности. Все сказанное можно объяснить лишь тем, что южнобалтийский переселенческий поток в своем движении на Восток, а он захватил и Скандинавию, вобрал в себя и черты скандинавской культуры, что и придало ладожским материалам много оттенков (славянский, фризский, скандинавский).

В.А. Кучкин:

– Я уже не в первый раз слушаю доклады В.В. Фомина. В них интересно то, что исследователь занимается кругом источников, которые обычно остаются вне внимания древников. Если мы занимаемся VIII, XII столетиями, то мы стараемся найти аутентичный материал и на этой основе сделать какие-то выводы.

Вячеслав Васильевич предлагает нам заняться материалами второй половины XV, XVI–XVIII вв. и найти истину для древней истории.

Если говорить принципиально о такой возможности, то она исключена. По сути дела, разбираются источники, которые по-

строены на возрожденческой историографии, на историографии, которая вместо библейских авторитетов использовала античных авторов, и отсюда, с нашей точки зрения, названные отождествления в европейской историографии вообще и во второй половине XV столетия.

Я не случайно задавал вопрос относительно того, что славяне считаются скифами, а еще – сарматами. Это совершенно справедливо. Но все-таки считали, что и скифы, и сарматы – это те самые народы, которые дали начало и русскому народу, и ряду азиатских народов.

Сам докладчик приводил нам сегодня примеры того, как, например, Лейбниц считал Рюрика датчанином, другой, что это швед, третий считал, что он принадлежит к ваграм и т.д., и т.д.

Эта разноголосица характерна для определенного периода исторических поисков, наша задача заключается в том, чтобы в ней честно разобраться.

Но, притом что докладчик использовал эти источники, надо сказать и о других вещах. Если говорить объективно, складывается впечатление, что Древняя Русь, в общем, со своими соседями не очень контактирует. Она контактирует только со славянами южного побережья Балтийского моря.

Но это не так. Это не так хотя бы потому, что имеются лингвистические данные, о которых в докладе совершенно сегодня не упоминалось. Например, есть прямые заимствования из скандинавских языков. Собранный материал показывает, что в западных захоронениях в Швеции в эпитафиях упоминаются “Госпожа” и “Дева” (это названия Богородицы), тогда как в эпитафиях Восточной Швеции упоминается именно “Богоматерь”.

Это признак того, что население контактировало не с католическим, а именно с православным населением. Такие контакты несомненно были. Вопрос заключается в том, как быть с государственностью. Я считаю, что этот вопрос принципиально надо решать по-другому. Нам надо решать вопрос так: само древнерусское общество было готово к государственности? Главный вопрос заключается в этом. И нельзя сводить этот вопрос к тому, кто стал правителем – какой этнос, какие представители и т.д. В докладе это все решается несколько со старых позиций, хотя называются “варяги” как “славяне” и т.д., и т.п. Можно указать еще на целый ряд источников (например, польских), которые выводили, скажем, русских правителей из польских городов – правда, северных прибалтийских городов, но тем не менее выводили, и это, конечно, были политические цели – цели совершенно определенные, которые имело Польское государство, польские

магнаты тогда, когда приглашали на польский престол Ивана Грозного.

Тут очень многое надо еще выяснять и работать. Необходимо, конечно, очень тщательно анализировать материалы, и материалы более ранние.

Что же касается историографии, которую я бы обобщенно назвал историографией эпохи Возрождения, она, конечно, интересна, важна для понимания, например, хода исторической мысли, но просто так проецировать её на прошлое, без очень серьезных оговорок, без тщательной проверки аутентичного материала – мне кажется, что такая попытка возможна, но она должна быть очень корректной.

А.Н. Сахаров:

– Почему мы поставили этот доклад? До сих пор в этом вопросе в отечественной историографии альтернативности не было. Существовала одна точка зрения. Она была доминирующей, самодовлеющей, беспрекословной и не подлежащей никаким другим оценкам. Но науку, как известно, нельзя уложить в прокрустово ложе ни политики, ни эмоций, ни личных симпатий, ни личных амбиций. Настоящая наука – неуправляема. Если ею управляют, это не наука.

Я думаю, что такие явления, которые в последние годы появились в нашей науке, – обращение к новым точкам зрения, точнее, к старым точкам зрения на новых материалах и попытка по-новому рассмотреть эту проблему – это свидетельство дальнейшего развития российской науки, по крайней мере на данном этапе. Я не хочу вступать в полемику, скажем, со сторонниками скандинавского происхождения Рюрика. Эти труды всем известны, они, как говорится, на слуху. Наверное, есть там элементы и бесспорные и спорные. Но это другой вопрос. А то, что появляется разностороннее решение проблемы, я думаю, для науки это замечательно. Я думаю, что это связано с плеядой ученых нового поколения, которая появилась уже в 90-е годы, на рубеже XXI в., плеядой ученых, которые свободны от каких-то номенклатурных, конъюнктурных, амбициозных расчетов, свободны как ученые.

Я думаю, что в этом ряду Вячеслав Васильевич занимает свое место, свою нишу и разрабатывает ту проблематику, которую он считает возможной.

Что касается самого существа проблемы, то в его докладе вы обратили внимание на то, что там нет четких детерминант по поводу варягов, скандинавов. Его работа показывает, что сам термин эволюционирует: скажем, варяги в IX–X вв. – одна кате-

гория. Варяги XI–XII вв. – это совсем другая категория. Менялся мир, исчезали балтийские славяне, на их место вступали датчане, немцы, шведы. Они овладевали этим побережьем. Для русского книжника, летописца эта эволюция отражалась в эволюции текстов. Я думаю, что это одна из сильных сторон тех размышлений, с которыми нас познакомил докладчик. Это тоже какие-то новые поиски решения проблемы, которые сегодня мы наблюдаем в нашей историографии.

Обратите внимание, что одним из главных аргументов против отождествления варягов с южными балтами и славянами считался упрек в шовинизме, в патриотизме, в псевдопатриотизме, в национализме и т.д., и т.д.

Недавно в одной из газет освещался вопрос о дискуссии, которая шла в Калининграде, и она была оценена очень любопытно. Вышла газета под названием “Калининград – ау!”, т.е. здесь был намек на то, что кто-то пытается Калининград сделать по заданию правительства славянским, а он – “ау”! А он все-таки не славянский, а шведский и т.д. Вот вам ответ на вопрос, какое влияние эта проблема сегодня имеет на политику, а политика – на научные проблемы. Очень любопытный момент.

Я бы хотел в эту полемику включить один маленький аргумент, который я могу бросить на чашу весов со своей стороны.

Когда я познакомился с работами Вячеслава Васильевича и другими последними работами, я еще раз вернулся к летописям. И в русских летописях был потрясен одним фактом, который я не замечал раньше и не обращал на него внимания. Летописец, блестящий знаток расселения народов или этносов на территории Европы в IX–X вв., всех упомянул: и англов, и шведов, и нурманов, и немцев, и славян, и т.д. Но он не упомянул огромную территорию, располагавшуюся по руслу рек Неман, Висла, Одер – территорию южнобалтийских славян. Он не сказал ни слова об ободритах, ваграх, рюрянах, лютичах и т.д. Он не стал их перечислять – бодричи, лютичи и т.п., он назвал их “варяги”. Уберите варягов, и нет включения южнобалтийского славянства на карте Европы. Поместите варягов на эту территорию, и у вас появляется огромный ареал южнобалтийских славян.

Это может быть так, Вячеслав Васильевич?

В.В. Фомин:

– Может быть.

А.Н. Сахаров:

– И вот я с удивлением смотрел на это перечисление, на эту “таблицу Менделеева” и подумал: вот еще один, может быть, не главный аргумент в пользу того, что мы сегодня слышали.

Что касается патриотизма, то русское сердце молчит, когда мы говорим о Екатерине II, о немке на русском престоле, мы принимаем это как должное. Русское сердце молчит, когда мы говорим о Петре III, который наполовину был немцем или даже на две трети; об Александре I и о всех последующих императорах, которые практически были не славяне, а немцы, шведы, датчане и т.д. Мы к этому относимся совершенно спокойно. Мы относимся спокойно и к Юрию. Докажите, что он датчанин, мы скажем – замечательно! Докажите, что он скандинав, мы скажем – прекрасно! Это никакого значения не имеет. Но докажите! А когда доказательства нет, то научное сердце возмущается. Вот в этом проблема, а не в чем-то другом. Не в политике, не в конъюнктуре, не в расчетах и не в амбициях.

Постановка этой проблемы на ученом совете для нашего института очень полезна. Мы познакомились с новым автором, поставившим спорные вопросы. Они очень острые и находятся в сфере, я бы сказал, острейших научных интересов.

В.В. Фомин:

– Во-первых, благодарю Вас за предоставленную возможность выступить на Вашем ученом совете.

У нас с В.А. Кучкиным все же получился спор. Спасибо, Владимир Андреевич, что Вы поддерживаете своими вопросами мои исследования. Но я еще раз обращаю внимание на то, что я ставил вопрос именно о традициях, а не о том, соответствует или не соответствует действительности скандинавская версия, потому что об этом можно говорить много, оперировать очень большим количеством материала. Но я ставил не эту цель, а говорил именно о традиции. И насколько мне удалось, я провел эту традицию, начиная с Повести временных лет, которая все-таки указывает на южнобалтийское побережье как на родину варягов. И я не утверждал, что варяги – это только славяне. На Южной Балтике жило очень пестрое по своему этническому составу население, включавшее в себя славян и ассимилированные ими народы. Но, повторяю, проблема очень сложна, она имеет очень много граней. К сожалению, она отягощена еще массой стереотипов вроде того, что русские много заимствовали у шведов. Как раз наоборот. Так, в русском языке 6 германских слов, а в шведском и в других скандинавских языках 12 славянских. Это подсчитали, кстати, сами норманисты. Это первое, что я хотел сказать.

Второе. В шведском языке (это очень замечательный факт, иначе не назовешь) присутствует славянское слово “торг”. Собственное слово “fal” у них исчезло под огромнейшим влиянием

славянского мира: они взяли славянское слово, и это говорит уже о многом. Надо над этим задуматься. Норманист Сыромятников в 1912 г. пришел к выводу, что слово такого культурного значения, как “торг”, говорит только об одном: что те купцы, которые приходили к скандинавам и торговали арабским серебром, были славянами. В противном случае непонятно, почему славянское слово “торг”, кстати, как и слово “безмен”, заимствовано шведами, а не славянами у них. Такого вот рода противоречия и заставляют задумываться и ставить вопросы. К тому же на тесные связи Северо-Западной Руси указывает огромный археологический, антропологический, нумизматический и лингвистический материал. Настолько огромный, что на его фоне совершенно теряются так называемые норманские древности.

Я не отрицаю какое-то присутствие шведов в русской истории до времени Владимира Святославича. Они присутствуют. Возьмите договор Игоря с греками 944 г. Там назван один купец – “Свень”, то бишь швед. В этом договоре читается и имя “Ятвяг”, т.е. выходец из племени ятвягов, как и Свень – из шведов. Но проникновения шведов в восточнославянскую среду были настолько единичными и редкими, что их еще в середине X в. отличали по этическому принципу. Кстати, как и сейчас. В России там, где иноязычный элемент присутствует в единственном лице, его называют по тому же принципу, что и “Свень”, и “Ятвяг”, т.е. по имени народа, который он представляет.

Еще раз спасибо за то, что предоставили мне возможность выступить на этом заседании.

РУССКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ХОЖЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ*

В источниковедческом комплексе, связанном с историей средневековой Руси, важное место занимают материалы нарративных источников. Среди них особую группу составляют путевые записки русских путешественников XII–XV вв. о Византии, Палестине, Египте и других заморских землях, так называемые хождения (по-древнерусски – хожения). Большинство рассказов о хождениях, являясь важными историческими доказательствами приоритета России в ряде географических открытий, свидетельством ее давних дипломатических, торговых и культурных связей с другими странами, содержат разнообразный и богатый фактический материал, позволяющий восстановить уровень осведомленности средневековых авторов об истории, экономике, географии, быте и нравах, религии, политической и социальной ориентации разных земель и народов.

Судьба их в отечественной науке не была простой. В XIX в. они пользовались пристальным вниманием исследователей, затем были забыты, главным образом по причинам идеологическим, и, наконец, вновь получают заслуженную научную оценку.

Цель настоящего доклада – с одной стороны, реконструировать историю изучения хожений, отметить новые тенденции и направления исследований источников в работах отечественных и зарубежных специалистов, перспективы их изучения. С другой – показать научную актуальность и необходимость специального исторического изучения и переиздания источников. В задачи автора входил только анализ основных исследований и публикаций памятников, а не их оригинальных списков, подразумевающий в том числе и характеристику рукописных традиций “Хожений”, что выходит за рамки сообщения.

* Доклад на заседании ученого совета ИРИ РАН 6 февраля 2003 г.

Начало изучения хождений в отечественной историографии тесно связано с деятельностью в первой четверти XIX в. Румянцевского кружка (Н.П. Румянцев, К.Ф. Калайдович, И.И. Григорович, А.Х. Востоков, П.М. Строев, А.Ф. Малиновский и др.). Участники кружка собирали и публиковали документальные памятники, в том числе описания древних путешествий¹. Исследователи намеревались выявить максимальное количество списков каждого памятника для использования их в качестве вариантов. Разработка плана издания была поручена А.Ф. Малиновскому, а непосредственное осуществление возлагалось на П.М. Строева. А.Ф. Малиновский предложил включить в будущую публикацию 36 описаний путешествий (в процессе подготовки их число увеличилось приблизительно до 40). Каждое сочинение должно было сопровождаться комментариями, содержащими характеристику времени, целей, а также авторов описаний². К сожалению, подготовка широко задуманного издания в связи с уходом из Комиссии печатания государственных грамот и договоров П.М. Строева ограничилась лишь сбором и копированием списков памятников³.

Деятельность Румянцевского кружка дала импульс к дальнейшему изучению хождений. Н.М. Карамзин в “Истории Государства Российского”, в примечаниях использовал выписки из древнерусских путешествий⁴. В 30-е годы XIX в. П.М. Строев известил о находке хождения в Царьград Добрыни Ядрейковича, и после этого М.А. Максимович дал его разбор в “Истории древней российской словесности”⁵. И.П. Сахаров подготовил к изданию три сборника хождений: “Путешествие русских людей в чужие земли” (СПб., 1837), “Путешествие русских людей по Святой земле” (СПб., 1839), “Путешествие русских людей” (СПб., 1849). Последний сборник составил восьмую книгу знаменитого труда “Сказания русского народа”, где были собраны 15 различных хождений⁶.

К 60-м годам XIX в. было выявлено столько паломнических хождений, что потребность их научного обзора стала насущной. Одну из первых попыток в этом направлении предпринял Н.В. Докучаев, который в начале 60-х годов написал диссертационную работу, а затем напечатал в “Черниговских епархиальных известиях” в 1867–1869 гг. обзор – “Древнерусское паломничество по Святым местам Востока вообще и путешествия русских раскольников в те же места в частности”⁷. В 70-е годы появились обзоры паломнической литературы, не имеющие научного значения, обзоры архимандрита Леонида справочно-практического

характера – “Обозрение цареградских памятников и святынь XIV–XV вв. по русским паломникам” и “Иерусалим. Палестина и Афон по русским паломникам в XIV–XVI вв., сводные тексты оных, с объяснительными примечаниями, основанными на местных исследованиях”⁸.

С 80-х годов XIX в. эту работу продолжило Православное Палестинское общество, которое в 1883 г. приступило к изданию “Православного Палестинского сборника” и в последующие десятилетия развернуло работу по публикации паломнических хождений⁹. В подготовке текстов участвовали М.В. Веневитинов, Х.М. Лопарев, С.О. Долгов, С.Р. Розанов, архимандрит Леонид, В.Г. Васильевский и другие ученые. В результате их деятельности с 1883 по 1914 г. многие памятники древнерусской литературы впервые увидели свет¹⁰. Издания сопровождались вступительными статьями историко-филологического характера. В них можно найти попытки сопоставить тексты записок русских и западноевропейских путешественников, а также рассмотреть маршруты их следования на Восток. С этими же изданиями связано пробуждение внимания к метрологическим данным хождений¹¹.

Аналізу ряда памятников древнерусской литературы, в том числе двух хождений (“Хождение суздальского епископа Авраамия” и “Первое хождение священноинока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму”) было посвящено исследование 1898 г. Н.С. Тихонравова¹². Однако и оно не выходило за пределы разработки историко-религиозных проблем. Литературоведческий характер присущ исследованию П.В. Владимирова¹³ и четырехтомной работе А.Н. Пыпина¹⁴, которые были опубликованы на рубеже XIX–XX вв. К середине 20-х годов XX в. относится начало изучения хождений как жанра древнерусской литературы¹⁵.

Таким образом, в конце XIX–начале XX в. характер изучения хождений оставался таким же, как и в середине XIX в. В исследовании этих источников преобладали литературоведческое и историко-религиозное направления.

Тесно связанные с историей русской православной церкви, хождения в первой трети XX в. оказались на “периферии” отечественной науки: вихри революций, мировой и гражданской войн серьезно затруднили процесс накопления и систематизации знаний о них. Значительный крен в сторону идеологии, невнимание к духовным процессам, к роли человека в истории были характерны для многих исследований тех лет и не лучшим образом повлияли на развитие отечественной науки, в том числе медиевистики.

Новый этап изучения хождений начался в советское время, когда были изготовлены их новые публикации. В 1934 г. М.Н. Спе-

ранский завершил работу по научному изданию текстов “Хождения Стефана Новгородца” и “Сказания о святых местех, о Константинограде”. Ученый предпринял попытку на основе названных памятников восстановить текст не дошедшего до нас хождения, которое получило условное название “Описание Константинополя начала XIV в.”¹⁶ В 40–50-х годах в серии “Литературные памятники” вышли одно за другим два издания хождения Афанасия Никитина, подготовленные большим коллективом исследователей под руководством Б.Д. Грекова и В.П. Адриановой-Перетц¹⁷. Эти публикации предварялись введением и сопровождались комментариями.

В.П. Адрианова-Перетц охарактеризовала Никитина совсем иначе, чем это делали авторы, склонные видеть в нем купца-дипломата¹⁸. Она справедливо заметила, что из текста источника не видно, что торговые дела путешественника складывались удачно. Основательнее, чем ее предшественники, исследовательница подошла к анализу языковых особенностей этого хождения. В частности, ею были исследованы варваризмы – отдельные слова, фразы и целые разделы, написанные Никитиным на своеобразном тюркско-персидском жаргоне, на котором, очевидно, изъяснялись купцы, торговавшие в Передней и Средней Азии. Всего же за эти годы хождению Афанасия Никитина было посвящено около 70 работ¹⁹, но и они рассматривали прежде всего литературные и историко-географические аспекты этого памятника.

Весомый вклад в дальнейшее изучение хождений внесли статьи В.П. Адриановой-Перетц, опубликованные в т. 1 и 2 “Истории древнерусской литературы”²⁰, статья В.Д. Кузьминой «Сведения об арабах и арабской культуре в Палестине начала XII в. по “хождению” игумена Даниила»²¹ и А.И. Першиц “Этнографические сведения об арабах в русских хождениях XII–XVII вв.”, где содержатся интересные наблюдения и сведения, необходимые для реального комментария к древнерусским хождениям на Восток²². Автор последней из упомянутых статей подробно проанализировал причины хождений русских путешественников в страны Востока (игумена Даниила, инока Зосимы, гостя Василия), охарактеризовал сведения этнографического характера, которые нашли отражение в этих источниках, и цели русских путешественников, довольно подробно рассмотрел общественно-политическую обстановку в указанном регионе. На основании проведенного исследования был сделан вывод о том, что русские люди приходили на Восток не как завоеватели-крестоносцы, они не были отгорожены от местного населения стеной вражды и нена-

висти, поэтому Киевская и Московская Русь знала об арабах больше достоверного, нежели Западная Европа²³.

Ряд исследований 50–60-х годов был посвящен историко-литературному изучению хождения игумена Даниила. В.В. Данилов в статье «К характеристике “хождения” игумена Даниила» доказал, что русский паломник не был частным лицом, а являлся официальным послом великого киевского князя. На основе словарного, фольклорного и географического анализа памятника исследователь пришел к выводу об южнорусском, точнее черниговском происхождении Даниила, который до принятия монашества был вотчинником²⁴. Н.В. Водовозов рассмотрел хождение Даниила в связи с той обстановкой, которая сложилась в Палестине в результате крестового похода, организованного католическим Западом²⁵. В этой работе ученый доказывает, что Даниил был послан в Иерусалим для наблюдений за происходящими событиями и что основная идея хождения Даниила заключалась в том, чтобы показать, что восточное православие в завоеванной крестоносцами Святой земле не терпит притеснения ни со стороны “латинян”, ни со стороны “срацин”.

В 1963 г. появились еще две работы о хождении игумена Даниила: раздел в книге Б.А. Рыбакова²⁶ и статья Ю.П. Глушаковой “О путешествии игумена Даниила в Палестину”²⁷. Если вторая статья внесла новации в датировку хождения (было высказано суждение, что наиболее вероятным временем путешествия игумена Даниила следует считать 1104–1106 гг.), то наблюдения Б.А. Рыбакова представляли интерес привлечением нового материала, доказательными предположениями. Вслед за Н.М. Карамзиным, Б.А. Рыбаков признает, что после своего возвращения из Палестины игумен Даниил был назначен епископом в пограничном г. Юрьеве и что им была написана повесть о Шаруканском походе 1111 г.

Важное научное значение имели также публикации, подготовленные в 1965 г. Ю.К. Бегуновым и В.А. Кучкиным и посвященные русскому описанию Дербента 30-х годов XV в.²⁸ Так называемое “Сказание о Железных вратах” – рассказ, записанный со слов путешественника, побывавшего в 1436–1447 гг. в Дербенте и Ширване, известно сегодня благодаря публикаторской деятельности именно этих ученых. Описание, как полагают исследователи, явно заимствовано из остававшегося до 60-х годов XX в. неизвестным хождения, причем не на Ближний Восток, а на Кавказ, где не было почитаемых православными святых мест, но фиксация виденного имела место. Близость повествования “Сказания о Железных вратах” и хождения гостя Василия 1465–1466 гг. в Ма-

лую Азию, Египет и Палестину позволили предположить, что их автором мог быть один и тот же купец.

Таким образом, в 1950–1960-е годы в центре внимания ученых по-прежнему находились два памятника древнерусской литературы – хождения игумена Даниила и Афанасия Никитина, которые и на сегодняшний день являются наиболее изученными. Но наряду с продолжавшейся кропотливой текстологической работой, поиском филологами новых памятников и списков хождений в архивах и музеях, следует отметить значительный вклад в расширение направлений исследования этих источников, внесенный представителями советской исторической науки.

Реальные изменения в изучении хождений произошли во второй половине 60-х и в 70-е годы. К этому времени в мировой историографии все активнее стали заявлять о себе приверженцы “нетрадиционных” (социально-психологических) аспектов и методов изучения истории, так называемого менталитета или ментальности, тесно связанные с наиболее передовым направлением западной медиевистики – “Школой Анналов” во Франции и наиболее близкими к ней школами в других странах (французские историки Р. Бутрюш, Ж. Легофф, Ж. Дюби, немецкие историки Т. Телленбах, Р. Шпрандель и др.)²⁹. Вехия мировой историографии тех лет ориентировали исследователей разных стран на активное и систематичное изучение субъективного фактора – роль людей и их поведения в ходе истории, заметно повлияв на развитие отечественной науки: значительно расширился исследовательский диапазон, все новые информационные слои хождений оказывались в поле зрения историков.

Отечественные медиевисты накопили обильный фактический материал, позволивший на практике осуществить комплексное изучение средневековой эпохи. В частности, появились первые обобщающие исследования, посвященные общественно-политической мысли средневековой Руси. Среди них монография И.У. Будовница “Общественно-политическая мысль Древней Руси”³⁰, монография А.И. Клибанова “Реформационное движение в России в XIV–первой половине XVI в.”³¹, установившая этапы русских реформационных движений и их гуманистические идеи; труд Л.В. Черепнина “Образование русского централизованного государства XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси”³², внесший существенный вклад в изучение идеологии отдельных социальных групп господствующего класса, в том числе и русских путешественников (Стефана Новгородца, Анонима, гостя Василия, Афанасия Никитина), записки которых рассматривались автором как произведения, выражаю-

щие политическую идеологию горожан, а также работы Я.С. Лурье, Н.Н. Масленниковой, А.Л. Гольдберга и др.³³, имевшие большое значение для изучения вопроса о месте и роли средневековой Руси в общеевропейской и мировой истории.

Отечественные ученые, в том числе и на материалах хождений, занялись разработкой вопросов ментальности (среди них психологи Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, а также историки и литературоведы М.А. Барг, А.Я. Гуревич, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев и др.)³⁴. Однако указанная проблема по-прежнему остается одной из малоизученных как у нас, так и за рубежом³⁵.

Успехи в изучении путей сообщения (вопросов метрологии, транспортных средств, скорости и сроков передвижения) в указанные десятилетия были тесно связаны с исследованиями М.Н. Тихомирова³⁶. В них автор на новом научном уровне рассмотрел международные контакты Русского государства со славянскими странами, Византией и странами Западной Европы, положив начало комплексному изучению роли Руси в системе международных отношений позднего средневековья XIV–XV вв. Среди изученных проблем немалое место отведено анализу путей сообщения Русского государства и Византии, дана развернутая характеристика Днепровского пути. Волжского и Донского путей сообщения, обстоятельно рассмотрены средиземноморское, западноевропейское, восточное направления торговли, а также контакты Руси, Византии, славянских и западноевропейских стран в области культуры. М.Н. Тихомиров фактически первый обратил внимание на вопросы, смежные с проблемой путей сообщения (вопросы скорости и сроков передвижения). Анализируя в одной из своих работ хождение Игнатия Смольнянина, описавшего поездку из Руси в Константинополь митрополита Пимена, ученый составил таблицу, в которой подсчитал протяженность сухопутного и морского маршрутов путешественника³⁷. Правда, его разработки требуют уточнения, что сделано современными исследователями³⁸.

Вопросы связи русских княжеств со странами Ближнего Востока (Византией, Малой Азией, Сирией, Палестиной, Египтом) оказались в центре внимания Д.М. Данцига³⁹. Ученый сумел показать огромный интерес русских людей к странам этого региона. На основе изучения древнерусских хождений Д.М. Данциг пришел к выводу, что пребывание там паломников, непосредственное восприятие действительности, знакомство с природой и жизнью народов Востока оставили большой след в истории русской культуры и географии⁴⁰.

В 1970-е и особенно отчетливо в 80-е и 90-е годы проявился новый этап в изучении хожений, тесно связанный с возросшим интересом общества, переживавшего перестроечные процессы, к отечественной истории и культуре. Заметно активизировалось внимание к истории русской православной церкви и к хожениям не только у нас, но и за рубежом⁴¹. Возрождение интереса к этим источникам сопровождалось их новыми публикациями.

В 1980 г. вышла в свет монография Н.А. Казаковой “Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв.”, внесшая существенный вклад в изучение связей Руси со странами Западной Европы в области культуры периода образования и укрепления Русского централизованного государства⁴². На основе анализа дипломатической документации, летописей, хронографов и хожений (Неизвестного Суздальца, Авраамия Суздальского, Симеона Суздальского) исследовательница пришла к выводу, что русские политические деятели и книжники располагали значительным комплексом сведений о Западной Европе. В 1981 г. в серии “Памятники литературы Древней Руси XIV–XV вв.” было опубликовано “Хождение Стефана Новгородца” с комментариями Л.А. Дмитриева⁴³.

Свидетельством возросшего интереса к хожениям стала “Книга хожений”, подготовленная доктором филологических наук, профессором Н.И. Прокофьевым и объединившая свыше десятка сочинений о путешествиях в Царьград, Афон, на Ближний Восток, в Египет, Индию и европейские страны, ранее известных только по поздним спискам⁴⁴. К сожалению, лишь некоторые из опубликованных там памятников соответствовали требованиям современной текстологии. Научный аппарат этого исследования и, в частности, комментарии к нему также нельзя считать совершенными, но все же в плане литературоведения оно явилось важной вехой в изучении хожений.

Не меньшее значение имела публикация в 1987–1989 гг. “Словаря книжников и книжности Древней Руси”⁴⁵, куда вошли материалы о древнерусских писателях и книжниках XI–XVI вв., в том числе сведения об авторах хожений – Антонии (Добрыне Ядрейковиче), Данииле, Стефане Новгородце, госте Василии, Зосиме, Афанасии Никитине и др.

Исследование 1976 г. западногерманского ученого К.Д. Зееманна “Русская паломническая литература. Теория и история литературного жанра” носит литературоведческий характер. Вместе с тем без внимания автора не остались и историко-географические вопросы, которые были затронуты в историческом обзоре этого исследования при анализе текстов хожений

XII–XVIII вв., в частности, хождения игумена Даниила, Стефана Новгородца, инока Зосимы, первого и второго хождения священноинока Варсонофия, гостя Василия и других авторов. Безусловным достоинством работы К.Д. Зееманна явились подробная характеристика маршрутов русских путешественников в странах Востока, а также обстоятельная аргументация и уточнение авторства и датировки отдельных хождений⁴⁶.

Важным событием стало появление в начале 80-х годов труда американского ученого Дж. Маджески “Записки русских путешественников и паломников о Константинополе XIV–XV вв.”. В этой работе автор охарактеризовал паломнические хождения XIV–XV вв. на основе исследования пяти памятников древнерусской литературы. На материале хождения Игнатия Смольнянина и дьяка Зосимы, Дж. Маджеска подробно рассмотрел Донской и Днестровский пути сообщения Руси и Византии. Положительным результатом исследования хождения Игнатия Смольнянина было обстоятельное описание и уточнение пути следования русских пилигримов, включая малоизученные до сих пор сведения о районах, простиравшихся к югу от русских рубежей⁴⁷. Кроме того, Дж. Маджеска коснулся различных внутривосточных событий в Византии, получивших отражение в источнике (дворцовый переворот 1390 г., венчание Мануила II Палеолога в 1392 г.).

Комментируя эти факты, Дж. Маджеска показывает, что Игнатий Смольнянин по сравнению с другими известиями дает более достоверное их описание⁴⁸. Существенными являются результаты изучения обстановки, вызвавшей в 1389 г. поездку в Константинополь Пимена⁴⁹. Правда, Дж. Маджеска выпускает из виду подробности столкновения русского митрополита с представителями константинопольского патриарха, о котором умалчивает Игнатий, но которое засвидетельствовано актовыми материалами⁵⁰. Обратил внимание американский ученый и на ценность метрологических данных в хождениях. Но некоторые его выводы в этой области уязвимы⁵¹. Автор исходит из устарелых представлений о соотношении древнерусских мер длины, что приводит его при вычислениях к ошибочному результату. Произвольно интерпретируются в публикации и метрологические данные хождения Зосимы, что повлекло за собой ошибку в установлении пути следования русских путешественников⁵². Вторая часть книги представляет собой исследование в виде комментариев к свидетельствам хождений о более чем 40 константинопольских реликвиях. Работа Дж. Маджески, несмотря на ряд неточностей и ошибок, стала важной вехой в изучении хождений и сегодня сохраняет свое научное значение.

Среди работ зарубежных исследователей 1980-х годов, посвященных хождениям, наряду с трудами Г. Подскальского, Т.Г. Ставру и П.Р. Вейсенселя, чье внимание сконцентрировано в основном на хождениях XII–XIII вв., выделяются статьи Е. Мацукки и В. Накамуры, опубликованные на страницах журнала “Past and Present”⁵⁴. Демонстрируя устойчивый интерес зарубежных коллег (как филологов, так и историков) к этим источникам, а также к вопросу о месте Руси и отдельных русских княжеств в средневековом мире, они вносят существенный вклад в изучение активности русских в бассейне Черного моря в XIV–XV вв., а также в исследование исторических, политических и идеологических обстоятельств, на фоне которых в XIII–XIV вв. были осуществлены многочисленные путешествия в Константинополь. Этот интерес не ослабевает и сейчас, о чем свидетельствуют материалы международных конгрессов исторических и византиноведческих наук⁵⁵, новые публикации и исследования хождений⁵⁶.

В 1993 г. автором этих строк была предпринята попытка изучить и систематизировать сведения информационных слоев хождений, которые все еще оставались невостребованными в плане изучения отечественной культуры: об общественной мысли, ментальности, путях сообщения, транспортных средствах, скорости и сроках передвижения⁵⁷. А в 2000 г. издана монография, которая в методическом плане во многом продолжала эту работу⁵⁸. На основе анализа каждого из информационных слоев хождений выявляются новые информационные возможности этого вида источников, расширяются традиционные подходы к их изучению. Основную часть занимает конкретный анализ всей совокупности имеющихся сведений о путешественниках средневековья, в том числе о путях сообщения средневековой Руси с Причерноморьем и Прикаспийским районом, со странами Востока и Запада, предлагаются новые подходы к изучению особенностей мировосприятия иных вер, народов, стран; прослеживается эволюция мировосприятия христианских святых в сознании русских православных людей более чем за три столетия. Это первый опыт комплексного исследования хождений XII–XV вв., подготовленный историком.

* * *

Таким образом, наш краткий обзор показывает, что филологи и историки в изучении хождений долгое время шли рука об руку.

На начальном этапе изучения хождений в отечественной историографии еще не могла идти речь об углубленном исследовании

этих источников. Стремления ученых были направлены в основном на поиски новых памятников и списков, а также на создание общих обзоров паломнической литературы. Православное Палестинское общество и “Православные Палестинские сборники” несомненно сыграли выдающуюся роль в изучении хождений, но их значение, как правило, сводилось к текстологическим и историко-религиозным разысканиям.

В советское время традиции пошатнулись: изучение хождений стало прерогативой историков древнерусской литературы, а редкие труды профессиональных историков, посвященные этим памятникам, не меняли сложившейся системы.

Пик исследовательского интереса к ним, как в отечественной, так и в зарубежной историографии пришелся на 70–80-е и 90-е годы XX в. Хождения “обросли” солидной литературой, среди которой выделяются труды Н.И. Прокофьева, Г.М. Прохорова, К.Д. Зеемана, Дж. Мафиски.

Но наука не стоит на месте. Существующие сегодня теоретические и источниковедческие работы показывают, что к изучению хождений, которые уже давно стали библиографической редкостью, в последние годы все активнее подключаются историки. Между тем добротного переиздания текстов этих средневековых памятников, необходимость которого давно назрела, до сих пор нет. На наш взгляд, весомую пользу на этом пути принесет только возрожденный профессиональный союз историков и литераторов. Относительно иных перспектив изучения хождений, которые без сомнения являются яркой составной частью культурного наследия средневековой Руси, следует упомянуть актуальность сравнительно-исторического анализа русских и западноевропейских паломничеств (игумен Даниил-Зевульф и др.), скандинавских паломничеств по территории Руси, а также путевых записок русских купцов, дипломатов XVI–XVII вв. Ведь во всей полноте смысл русской истории приоткрывается лишь тогда, когда в исторический кругозор включается вся совокупность сохранившихся от прошлых веков памятников.

¹ См.: *Козлов В.П.* Колумбы Российских древностей. М., 1985.

² Там же. С. 117.

³ Там же. С. 118–119.

⁴ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. СПб., 1817. Т. VI. С. 344–346, примеч. 629 и след.

⁵ *Максимович М.А.* История древней российской словесности // ЖМНП. 1834. Ч. 1, отд. 2. С. 91.

⁶ *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Ценность подобных работ состояла в накоплении материалов по хождениям.

- ⁷ См.: Черниговские епархиальные известия. 1867. Прибавления. № 1, 4, 7; Черниговские епархиальные известия. 1869. Прибавления. № 13, 14, 16; *Прокофьев Н.И.* Древнерусские хождения XII–XV вв.: (Проблема жанра и стиля): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. С. 4–5.
- ⁸ См.: ЧОИДР. 1879. Кн. 1, 4.
- ⁹ Об образовании Православного Палестинского общества подробнее см.: *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907). СПб., 1907. Вып. 1. С. 121–332.
- ¹⁰ Житие и хоженье Даниила, Русские земли игумена, 1106–1108 / Под ред. М.В. Веневитинова. Ч. 1 // ППС. СПб., 1883. Вып. 3, т. 1; Житие и хоженье Даниила, Русские земли игумена, 1106–1108 / Под ред. М.А. Веневитинова. Ч. 2 // ППС. СПб., 1885. Вып. 9, т. 3; Хождение гостя Василия 1465–1466 гг. / Под ред. архим. Леонида // ППС. СПб., 1884. Вып. 6, т. 2.; Хождение Игнатия Смольянина 1389–1405 гг. / Под ред. С.В. Арсеньева // ППС. СПб., 1887. Вып. 12, т. 4; Хождение инока Зосимы 1419–1422 гг. / Под ред. Х.М. Лопарева // ППС. СПб., 1889. Вып. 24, т. 8; Хождение священноинока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму в 1465–1466 гг. / Под ред. архим. Леонида // ППС. СПб., 1884. Вып. 6, т. 2; и др.
- ¹¹ М.А. Веневитинов заинтересовался размером версты, которую использовал в путевых записках игумен Даниил. Поэтому при подготовке к публикации этого источника в 9-ом выпуске “Православного Палестинского сборника”, стремясь определить точность сообщаемых Даниилом сведений, ученый поместил приложение в виде таблицы “Пути и расстояния Даниила”. См.: Житие и хоженье Даниила... Прил. IV. Попытка сравнить величину версты XIX в. и версты Даниила показала, что точность обозначения расстояний у русского путешественника падает по мере увеличения самих расстояний. Итоги исследования М.А. Веневитинова имели важное значение, однако дальнейшего развития не получили. Продолжили изыскания в данной области отечественные и зарубежные ученые-историки Л.В. Черепнин, Е.И. Каменцева, Н.В. Устюгов, Б.А. Рыбаков, Дж. Маджеска и др. См.: *Черепнин Л.В.* Русская метрология. М., 1944; *Рыбаков Б.А.* Русские системы мер длины XI–XV вв. // СЭ. 1949. № 1. С. 69–77; *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология. М., 1975. С. 19–24; *Каменцева Е.И.* Историческая метрология. М., 1978; *Шостьин Н.А.* Очерки русской метрологии XI–XIX вв. М., 1975, 1990; *Majeska G.P.* Russian travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth centuries. Wash. (D.C.), 1984. P. 233–250.
- Работа в этом направлении не завершена: метрологические данные хожений, как, впрочем, и сама метрология, по-прежнему остаются малоизученной стороной исторического прошлого нашей Родины.
- ¹² См. *Тихонравов Н.С.* Древнерусская литература: Новый отрывок из путевых записок суздальского епископа Авраамия 1439 г. // *Тихонравов Н.С.* Соч. М., 1898. Т. 1. С. 275–281.

- ¹³ *Владимиров П.В.* Древнерусская литература киевского периода XI–XIII вв. Киев, 1900.
- ¹⁴ *Пыпин А.Н.* История русской литературы. СПб., 1902. Т. 1–3; 1903. Т. 4.
- ¹⁵ Изучение истории возникновения и развития жанра хождений не является целью настоящей статьи. Поэтому ограничимся кратким обзором историографии по указанному вопросу.

Возникновение нового направления в изучении хождений отмечено в статье Н.С. Трубецкого “Хождение за три моря Афанасия Никитина как литературный памятник”. Первоначально опубликована в журнале “Версты” (1926. № 1. С. 164–186). Переиздана в кн.: Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова, М., 1983. С. 437–461. Следующим шагом на пути изучения жанра было включение паломничеств в круг литературных явлений при подготовке к изданию 10-томной “Истории русской литературы”. См.: История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 365–374; 1945. Т. 2, ч. 1. С. 511–515; 1945. Т. 2, ч. 2. С. 420–427.

Обзор хождений позволил в обобщенной форме охарактеризовать литературные элементы произведений этого жанра. Здесь был предложен взгляд на хождения как на устойчивый очерковый жанр, в котором немаловажное значение приобретает смешение достоверного и легендарного (иногда книжного, а порой устного происхождения). Начиная с 60-х годов исследованию жанровых особенностей этих памятников уделяется все более пристальное внимание и не только в нашей стране, но и за рубежом. Большой вклад внесли работы В.В. Данилова, Н.И. Прокофьева, Д.С. Лихачева. В.М. Гуминского, А.А. Архипова, В.В. Кускова, К.Д. Зееманна – автора единственного, пожалуй, комплексного исследования, посвященного анализу истории возникновения и развития жанра хождений, их характерных особенностей, а также роли и значения этих произведений в системе литературных жанров средневековой Руси. См.: *Данилов В.В.* О жанровых особенностях древнерусских хождений // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 21–37; *Прокофьев Н.И.* “Хождения” как жанр в древнерусской литературе // Вопросы русской литературы. М., 1968. С. 3–24. (УЗ МГПИ; Т. 288); *Он же.* Русские хождения XII–XV вв. // Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970. С. 3–264. (УЗ МГПИ; Т. 363); *Он же.* Древнерусские хождения XII–XV вв.; *Лихачев Д.С.* Эпохи и стили. Л., 1973. С. 49–62; *Он же.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979; *Он же.* Исследования по древнерусской литературе / Под ред. О.В. Творогова. Л., 1986. С. 59, 63–65. 68–95; *Гуминский В.М.* Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 1–17; *Архипов А.А.* О происхождении древнерусских хождений // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979; *Кусков В.В.* Жанры и стили древнерусской литературы XI – первой половины XIII в.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980. С. 1–18; *Он же.* Характер средневекового мирозерцания и система жанров древне-

русской литературы XI – первой половины XIII в. // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология. 1981. С. 1, 3–12; Литература и культура Древней Руси: Словарь-справочник / Под ред. В.В. Кускова. М. 1994. С. 176–177; *Seemann K.D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur: Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München, 1976; *Idem.* Gattung und Naration in der alteren slavischen Literaturen: 2. Berliner Fachtagung, 1984 / Der Berliner Forschungsgruppe “altere slavische Literaturen”. Wisbaden, 1987.

Из работ 90-х годов XX в. выделим труд болгарской исследовательницы Светлы Гуровой, посвященный изучению хождений в Иерусалим, на Афон, в Рим, где подробно рассматриваются вопросы о зарождении жанра путевых заметок и его трансформации в разные эпохи. См.: *Гурова С.* Поклонничество и поклонническа литература. София, 1996. Предметом пристального внимания автора стали, в частности, болгарские паломнические описания Константина Костенечки, Арсения Солунского (XIV в.) и др.

¹⁶ *Сперанский М.Н.* Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934.

¹⁷ Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466–1472 гг. / Под ред. Б.Д. Грекова и В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1948. С. 9–50; Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466–1472 гг. 2-е изд., доп. и перераб. / Отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1958. С. 13–67.

¹⁸ *Срезневский И.И.* Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472 гг. // УЗ АН Второй отд. СПб., 1856. Т. 2, вып. 2. С. 243, 260–265; *Богданов В.В.* Путешествие Афанасия Никитина в Индию // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1944. Т. 76, вып. 6. С. 366.

¹⁹ Библиографию см. в кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина / Под ред. Я.С. Лурье, Л.С. Семенова. Л., 1986. С. 186–190.

В прошлом столетии академик И.И. Срезневский предложил датировать путешествие Афанасия Никитина 1466–1472 гг., что и укоренилось в литературе. Хронология была пересмотрена в середине 80-х годов Л.С. Семеновым, доказавшим, что гость из Твери отправился в Индию в 1468 г. и находился там с 1471 по 1474 г., а на Русь вернулся в 1475 г. См.: Там же. С. 88–107.

²⁰ *Адрианова-Перетц В.П.* Путешествия // История древнерусской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 365–374; 1945. Т. 2. С. 7–12.

²¹ *Кузьмина В.Д.* Сведения об арабах и арабской культуре в Палестине начала XII в. по “хождению” игумена Даниила // Вестник истории мировой культуры М., 1959. № 6. С. 82–87.

²² *Перишц А.И.* Этнографические сведения об арабах в русских “хождениях” XII–XVII вв. // СЭ. 1951. № 4. С. 143–148.

²³ Там же. С. 148.

²⁴ *Данилов В.В.* К характеристике “хождения” игумена Даниила // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 102–104. Эта точка зрения нашла признание в ряде работ. См.: *Водовозов Н.В.* История древнерусской литературы. М., 1958. С. 57; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 85. Новейшее издание “Житие и хождение Даниила, Руськыя Земли игумена. 1106–1108” с параллельным русским переводом и до-

- бротными комментариями (подготовка текста и перевод Т.М. Прохорова) см. в кн.: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4: XII в. С. 26–117.
- ²⁵ *Водовозов Н.В.* Хождение игумена Даниила и первый крестовый поход // Русская литература и народное творчество / Под ред. А.И. Ревякина. М., 1962. С. 16–35. (УЗ МГПИ; Т. 178).
- ²⁶ *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 115–124.
- ²⁷ *Глушакова Ю.П.* О путешествии игумена Даниила в Палестину // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. ст. к 70-летию акад. М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 79–87.
- ²⁸ См.: *Бегунов Ю.К.* Древнерусское описание Дербента и Ширвана // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 126–131; *Кучкин В.А.* “Сказание о Железных вратах” // АЕ. М., 1965. С. 274–277.
- ²⁹ *Гуревич А.Я.* Историческая наука и историческая антропология // Вопр. философии. 1988. № 1; *Он же.* Историческая антропология: Проблемы социальной и культурной истории // Вестн. АН СССР. 1989. № 7. *Он же.* О кризисе современной исторической науки // ВИ. 1991. № 2/3. С. 21–36; *Burke P.* The French historical revolution. Cambridge, 1990; *Гутнова Е.В.* Средневековье: Место в европейской цивилизации // СВ. М., 1990. Вып. 53. С. 26–42; *Бессмертный Ю.Л., Ястребицкая А.Л.* Международный коллоквиум “Школа Анналов” вчера и сегодня // Новая и новейшая история. М., 1990. С. 123–140; *Бессмертный Ю.Л.* “Анналы”: переломный этап? // Одиссей: Человек в истории. М., 1991. С. 7–25.
- ³⁰ *Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960.
- ³¹ *Клибанов А.И.* Реформационное движение в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960.
- ³² *Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства XIV–XV вв.: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 423–425.
- ³³ Подробную библиографию см. в соответствующих разделах кн.: Русская культура IX–XVIII вв. в исследованиях советских авторов, 1917–1984 гг. / Под ред. А.Н. Копылова. М., 1990.
- ³⁴ Библиографию см. в кн.: *Шкуратов В.А.* Психика. Культура. История: (Введение в теоретико-методологические основы исторической психологии). Ростов н/Д., 1990. С. 245–250; *Белявский И.Г., Шкуратов В.А.* Проблемы исторической психологии. Ростов н/Д., 1982.
- ³⁵ Подробнее см.: *Гуревич А.Я.* Новая историческая наука во Франции: Достижения и трудности // История и историки: Историографический ежегодник. М.; 1985–1991; *Пушкарев Л.Н.* Что такое менталитет? Историографические заметки // ВИ. 1995. № 3. С. 158–166; *Куприянова А.И.* Историческая антропология в России: Проблемы становления // ОИ. 1996. № 4. С. 86–99.
- ³⁶ *Тихомиров М.Н.* Пути из России в Византию // ВО. М., 1961: *Он же.* Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1966;

- Он же.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969; Древняя Москва XII–XV вв. / Сост. Л.И. Шохин; Ред. и авт. предисл. С.О. Шмидт. М., 1992.
- ³⁷ *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. М., 1947. С. 91–92; *Он же.* Средневековая Москва в XIV–XV вв. М., 1957. С. 85–86, 122–124.
- ³⁸ *Majeska G.P.* Russian travelers...
- ³⁹ *Данциг Д.М.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965; *Он же.* Ближний Восток в русской науке и литературе: (Дюоктябрьский период). М., 1973. Это исследование сопровождалось подробнейшей библиографией, что выгодно отличало его от предшествующих работ, посвященных хождениям. *Он же.* Ближний Восток. М., 1976.
- ⁴⁰ *Данциг Д.М.* Ближний Восток... С. 7–8.
- ⁴¹ В 70–80-е годы крупными исследовательскими центрами, занимавшимися изучением хождений у нас в стране, были Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, где трудился доктор филологических наук, профессор Н.И. Прокофьев; Московский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, где под руководством доктора исторических наук Е.В. Чистяковой изучались путевые записки русских путешественников об Африке (Египте, Синае), а также сектор древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) во главе с Д.С. Лихачевым и сектор по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы (ИМЛИ) им. А.М. Горького РАН, возглавляемый А.С. Деминым. См.: *Прокофьев Н.И.* Русские хождения XII–XV вв. ... С. 64–95 и др. Подробнее список научных трудов Н.И. Прокофьева см.: Проблема жанров в русской литературе // Сост. А.И. Ревякин. М., 1980. С. 6–13; *Чистякова Е.В.* Контакты России с народами трех континентов Азии, Африки, Латинской Америки до XIX в.: (К вопросу об источниках и историографии) // *Историография и источниковедение: Сб. науч. тр. УДН. М., 1981: Она же.* Контакты и связи России с народами Африки (до XIX в.): Учеб. пособие. М., 1987. С. 11–15. Подробнее о работе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) и ИМЛИ РАН см.: *Кусков В.В.* История древнерусской литературы. М., 1998. С. 86–96; *Герменевтика древнерусской литературы / ИМЛИ РАН. Общество исследователей Древней Руси. М., 1998. Сб. 9 / Отв. ред. Е.Б. Рогачевская; Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10 / Отв. ред. М.Ю. Люстров; Гуминский В.М.* Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979; *Он же.* Открытие мира или Путешествия и странники. М., 1987; *Он же.* Жанр путешествия в русской литературе и творческие искания Н.В. Гоголя: / Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. С. 3–41.

За рубежом тоже не ослабевал интерес к этой тематике. Библиографию см. в кн.: *Seemann K.D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur...; *Podskalsky G.* Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988–1237). München, 1982. S. 194–202; *Подскальски Г.* Христианство

- и богословская литература в Киевской Руси (988–1237) / Рус. пер. А.В. Назаренко. СПб., 1996. С. 523–536; *Majeska G.P.* An unknown Russian work on Constantinople // *Cyrrillomefodianum*, VIII–IX. Thessaloniki, 1984–1985. P. 111–120; *Stavrov Th.G., Weisensel P.R.* Russian travelers to the Christian East from the twelfth to the twentieth century. Columbus (Oh.), 1986.
- 42 *Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI вв. Л., 1980.
- 43 *Хождение Стефана Новгородца / Комментар. Л.А. Дмитриева // ПЛДР, XIV–XV вв. М., 1981. С. 5–25.*
- 44 *Книга хожений: Записки русских путешественников XI–XV вв. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Н.И. Прокофьева. М., 1984.*
- 45 СККДР, XI–первая половина XIV в. / Под ред. Д.С. Лихачева. Л., 1987. Вып. 1; 1988. Вып. 2: 2-я половина XIV–XVI в., ч. 1; 1989. Ч. 2.
- 46 *Seemann K.D.* Die altrussische Wallfahrtsliteratur... S. 173–198, 221–242, 246–260, 264–270.
- 47 *Majeska G.P.* Russian travelers... P. 402.
- 48 *Ibid.* P. 408–409
- 49 *Ibid.* P. 388–399.
- 50 *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 184–186.
- 51 *Вин Ю.Я.* Рец. на кн.: Маджеска Дж. Русские путешественники в Константинополь в XIV–XV вв. Вашингтон, 1984 // *ВИ.* 1987. № 9. С. 163–164.
- 52 Там же. С. 164.
- 53 *Matsuki E.* The Black Sea and Russia in the XIVth and XVth centuries // *PaP.* Tokyo, 1984. N 9. P. 55–72; *Idem.* Novgorodian travelers to the Mediterranean world // *Ibid.* 1988. N 11. P. 1–24; *Nakamura Y.* Some aspects of the Russian pilgrimage to the mediterranean Sacred places // *Ibid.* P. 25–35.
- 54 *Тихвинский С.Л.* Программа работы XVII конгресса МКИН (26 августа – 2 сентября 1990 г., Мадрид) // *ВИ.* 1990. № 1. С. 182–184; *Он же.* Советские историки в Мадриде // *Вести. АН СССР.* 1990. № 4. С. 99–104; *Majeska G.P.* Anthony of Novgorod and Constantinople, A.D. 1200 // *The XVIIth International Byzantine Congress: Abstr. of short pap.* N.Y., 1986. P. 209; *Idem.* Russo-Byzantine relations, 1240–1453: A traffic report // *XVIIIth International Congress of Byzantine Studies: Major papers.* Moscow, 1991. P. 27–51. См. также: Православный Палестинский сборник. М., 1992. Вып. 31. (94): Материалы международного научного симпозиума “Россия и Палестина: Культурно-религиозные связи и контакты в прошлом, настоящем и будущем”, Москва – Свято-Троице-Сергиева Лавра–Ленинград–Москва, 23–27 января 1990 г.
- 55 В последние годы в мировой историографии все активнее изучается история европейского паломничества в Святую землю. Наряду с паломничествами из Чехии, Польши, Венеции и других стран исследователи широко используют материалы русских хожений. См.: *Во-*

- робьев Н.Н.* Этноконфессиональная ситуация на Ближнем Востоке в XII в. по древнерусским источникам // Вестн. МГУ. Сер. 13, Востоковедение. 1993. № 4. С. 14–24; Иерусалим в русской культуре / Отв. ред. А.Л. Баталов, А.М. Лидов. М., 1994; *Маджеска Дж.* Русско-византийские отношения в 1200–1453 гг.: Паломники, купцы, дипломаты // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 4; *Корнилов С.В.* Древнерусское паломничество. Калининград, 1995; Древнерусская литература: Изображение природы и человека / Отв. ред. А.С. Демин. М., 1995; Путешествия в Святую землю: Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. / Сост. Б. Романов. М., 1995; Русские путешественники по греческому миру (XII – первая половина XIX в.) / Отв. ред. О.Р. Бородин, Д.А. Яламас. М., 1995; *Klimecka G.* Opis pielgrzymki ihumena Daniela z ziemi Ruskiej do Jerozolimy: Komunikat // Peregrinationes: Pielgrzymki w kulturze Dawnej Europy / Pod red. H. Manikowskiej i H. Zaremskiej; Inst. Historii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa, 1995. S. 110–113; *Mryk W.* Obraz podróży do Konstantynopola i Jerozolimy w relacjach pielgrzymów ruskich (XII–XV w.) // Ibid. P. 102–103; Слово паломника: Путешествие по святым местам: Иерусалим, Синай, Кипр, Афон / Сост. игумен Феоктист – настоятель Афонского подворья в Москве, настоятель Воскресенского собора в г. Тутаеве прот. Николай и диакон И. Сирота. Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь. Коломна, 1996; *Малето Е.И.* Зарубежный Восток в восприятии русских путешественников XII–XV вв. (по материалам хождений) // Россия и мир: Диалог культур / Под ред. Ю.С. Борисова. М., 1997. С. 6–21; *Она же.* Русские путешественники в странах Востока (XII–XV столетия) // История: Прил. к газ. “Первое сентября”. 1998. Декабрь, № 45. С. 8–14; *Она же.* Дихотомия “свой–чужой” в восприятии русскими средневековыми путешественниками иноземных стран: (Этноконфессиональный аспект) // Исторический вестник. М.; Воронеж, 2000. № 1(5). С. 40–52; *Она же.* Русские средневековые хождения: (Издания и публикации) // Археографический ежегодник, 1999. М., 2000. С. 255–267; *Тардже Дж.* Мир паломничества: Атлас чудес света. М., 1998. С. 4–25, 38–39; Приди и виждь: Свидетельства Бога на Земле / Сост. Н.Н. Лисовой. М., 2000: Россия в Святой Земле: Документы и материалы: В 2 т. М., 2000. Т. 1: Россия и Восток / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Н.Н. Лисовой; Под ред. С.М. Иванова, Б.Н. Мельниченко. СПб., 2000. С. 10–47.
- ⁵⁶ См.: *Малето Е.И.* Русь между Востоком и Западом: (История общественной мысли и культурных контактов XII–XV вв.): По материалам хождений: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.
- ⁵⁷ *Малето Е.И.* Хождения русских путешественников XII–XV вв. М., 2000.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ	– Вопросы истории
ВО	– Византийские очерки
МКИН	– Международный конгресс исторических наук
ПЛДР	– Памятники литературы Древней Руси
ППС	– Православный Палестинский сборник
СВ	– Средние века
СККДР	– Словарь книжников и книжности Древней Руси
СЭ	– Советская этнография
ТОДРЛ	– Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук
УДН	– Университет дружбы народов им. П. Лумумбы
УЗ АН	– Ученые записки Академии наук
УЗ МГПИ	– Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина
ЧОИДР	– Чтения в Обществе истории и древностей российских
PaP	– Past and Present

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

В.Я. Гросул:

– Нельзя ли подробнее остановиться на тех странах, через которые шли основные пути русских паломников? Вы упомянули Днепровский, Днестровский и Донской пути.

Е.И. Малето:

– В моей монографии “Хождения русских путешественников XII–XV вв.” (М.: ИРИ РАН, 2000) достаточно подробно все изложено, поэтому я только перечислю. Это и земли Великого княжества Литовского, и владения Золотой Орды, и территория Днестровско-Прутского междуречья, которая в разное время контролировалась и золотоордынцами, и молдавскими князьями, и пр. Перечень можно продолжить. Но хотелось бы подчеркнуть, что путями сообщения в эпоху средневековья мало кто занимался. А если и занимались, то лишь в контексте экономической истории. На основе хождений – путевых записок русских паломников, купцов, дипломатов – маршруты русских путешественников почти не исследовались. Впрочем, профессор Мэрилендского университета (США) Дж. Маджеска предпринял такую попытку и достаточно успешно реализовал ее в середине 80-х годов прошлого столетия. Касался этих вопросов и западногерманский ученый К.Д. Зеemann, перу которого принадлежит один из наиболее авторитетных в научных кругах трудов о жанровом своеобразии хождений “Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Theorie und Geschichte eines literarischen Genres” (München, 1976).

Это очень интересные материалы, которые свидетельствуют о широте и многообразии средневекового мира, хотя долгое время мы говорили о его замкнутости, сословной ограниченности. Средневековые русские хождения опровергают этот устоявшийся в отечественной историографии стереотип и показывают, что средневековый мир был достаточно широк и подвижен. Наши далекие соотечественники, не имея современных транспортных средств, преодолевали за короткий срок далекие расстояния. Из Киева, Новгорода Великого, Смоленска, Троице-Сергиевой Лавры и прочих центров земли русской они достигали пределов Византийской империи, посещали крупнейшие центры христианского мира того времени – Константинополь, Иерусалим, Афон, Синай. Путешественники знали, где можно остановиться (монастыри охотно предоставляли и пропитание, и ночлег); очень хорошо ориентировались в военно-политической обстановке; умело проходили сложные участки пути, договаривались с татарами, литовцами и другими народами; шли пешком, плыли на кораблях или ехали на телегах. Кто-то из них, после возвращения, мечтал стать богатым купцом, кто-то – подняться выше в церковной иерархии, но большинство путешественников, о которых я написала в своей книге и говорила в докладе, вела на Восток идея служения Отечеству, прикосновения к святыням христианского мира, приобщения к мировой культуре, идея служения своему народу.

На мой взгляд, взгляд историка, эти идеи в настоящее время приобретают и для читателей, и для исторической науки особое значение. Это родники русской культуры, которые дают возможность смелее смотреть в будущее, лучше познать себя и то, что составляет наше культурное наследие. Сегодня в мировой историографии растет интерес к русской истории. Благодаря активной деятельности американских и западноевропейских ученых, исследования которых хорошо финансируются, мировая общественность имеет возможность лучше познакомиться с ее отдельными страницами. Нарастает и поток публикаций, посвященных хождениям, в частности, в Италии, Японии, США, Германии. А мы не торопимся эти источники сделать всеобщим достоянием, переиздать. Они хорошо знакомы специалистам, о них периодически говорят, но так, чтобы это вошло в жизнь каждого школьника, стало достоянием наших учебников, вот этого нет.

Ю.А. Тихонов:

– Каким образом совершаются хождения? Сначала путешественники идут по Дону, дальше переплывают море на кораблях или идут по суше вдоль побережья?

Е.И. Малето:

– И то и другое. По-разному. Я выделяю в своей монографии сухопутные, морские и комбинированные маршруты, пути сообщения с Причерноморьем и Прикаспийским районом, пути сообщения с Западом. В основном это каботажное плавание. Хотя есть материалы болгарского происхождения, которые показывают, что и “посуху”, т.е. через западное побережье Черного моря, русские путешественники приходили в Константинополь.

В.А. Кучкин:

– Каковы хронологические рамки доклада? Вы говорите о средневековье, и в нашем представлении это ограничивается XV столетием. В. Данциг, например, в своих работах писал о хождениях XVI и XVII вв. Когда Вы говорите о задачах изучения хождений распространяется ли это на XVI–XVII вв. или ограничивается XII–XV вв.?

Е.И. Малето:

– В. Данциг в своем труде “Ближний Восток в русской науке и культуре дооктябрьского периода”, изданной в 1973 г., наряду с древнейшими материалами действительно исследовал хождения XVI и XVII столетий. Они очень интересны, но я имела в виду, конечно, XII–XV вв. (Ю.А. Тихонов: XVI–XVII вв. – тоже интересные века).

Да, интересные, но я занимаюсь средневековьем. Остальные материалы мне знакомы, но в меньшей степени, чем XII–XV вв. (Ю.А. Тихонов: А если расширить?).

Расширить в принципе можно, но вряд ли нужно, так как количество иногда бывает в ущерб качеству. Я думаю, что XVI–XVII вв. – это отдельный период, имеющий свои нюансы, и объединять все вместе не имеет смысла. Здесь нужно отдельное, и подчеркну, добротное исследование. (Ю.А. Тихонов: Зато появляется динамика, сравнение).

Сейчас в различных европейских центрах растет интерес к изучению европейского паломничества, в том числе и на временном отрезке XVI–XVII вв. в сравнительно-историческом контексте. Например, в Польской академии наук активно работают исследователи и в других центрах тоже. По периоду же XII–XV вв. трудов значительно меньше.

Ю.А. Тихонов:

– Имеется ли какая-то возможность поиска новых хождений, или уж больше ничего не найти.

Е.И. Малето:

– Все мы знаем состояние наших архивохранилищ, условия работы в них. Они отнюдь не располагают к тому, чтобы что-то

найти. Но я уверена, что материалы есть. Правда, для успешной работы и обнаружения новых источников нужно иметь исследовательское чутье, ведь многое уже опубликовано. Надо хорошо и быстро ориентироваться в материале, отличать известное от неизвестного. Впрочем, жизнь не стоит на месте и, полагаю, в наших рядах есть исследователи, которые будут заниматься этими вопросами в дальнейшем. Возможно, кого-то ждет удача и в архивах.

Ю.А. Тихонов:

– Можно ли установить адресное различие: путешественники идут в Египет, Палестину, Византию; какую-то разницу в содержании хождений по указанным странам можно выявить или же источники не дают такой возможности?

Е.И. Малето:

– Конечно, разница есть. Каждый автор индивидуален с точки зрения личного кругозора, уровня образования, каких-то психоэмоциональных качеств. В связи с тем, что в средние века соблюдались определенные каноны жанра, информации об авторах хождений в их путевых записках практически нет. Описываются природа, памятники истории и культуры, достопримечательности основных центров христианской культуры, будь то Константинополь, Иерусалим или Афон; описываются особенности жизни и быта народов: фортификационные сооружения, плотины, мельницы, караван-сарай, дороги и т.д. На сегодняшний день установлено, что эти данные заносились в хождения не на основе произвольного желания того или иного путника. Хождения были организованы русскими князьями, официальными представителями русской церкви и Русского государства и преследовали политические, политико-экономические и дипломатические цели. Авторы хождений иногда под личиной паломников, купцов скрывали свои дипломатические полномочия и т.п. Это была достаточно распространенная форма сбора информации в средние века. Поэтому в большинстве случаев хождения следует рассматривать как официальные отчеты о поездке.

В.А. Кучкин:

– То, что рассказано, это достаточно подробная и внимательная характеристика вопроса. Но я бы обратил внимание докладчика на следующее. В частности, имеется очень интересная работа В. Янина относительно состава княжеских имен, которые упоминает игумен Даниил в описании своего хождения. Затем, нельзя пройти мимо блестящих открытий, связанных с передатировкой “Хождения Афанасия Никитина”. В свое время считали, что этот

источник относится к более раннему периоду. Теперь полагают, что в 1475 г. хождение было завершено. И связано это с тем, что к тому времени, когда хождение было получено на Руси, Афанасий Никитин скончался в 1475 г. около Смоленска, а его записки были привезены Василию Мамыреву, дьяку великого князя Ивана III. В целом вполне соглашусь с докладчицей в том, что можно найти новые хождения. Из собственной практики могу сказать, что “Сказание о Железных вратах”, которое было обнаружено мной, а позднее Бегунов претендовал на приоритет в этом открытии, это сказание представляет собой отрывок из хождения, которое явно не связано с посещением святых мест. Там описывается город Дербент, его стены, расстояния между стенами и т.д., что наводит на мысль об информативности этой группы источников и говорит о том, что действительно такие вещи могут быть.

Еще о нескольких аспектах доклада. В нем не обращено внимание на изучение рукописной традиции сказаний. Сейчас выпущены описания рукописей XIV в. и есть предварительный список XV столетия. Видимо, там открыть что-то новое невозможно. Значит нужно смотреть рукописи XVI–XVII столетия, чтобы в поздних списках найти ранние произведения. Из Вашего обзора видно, что этой рукописной традицией Вы специально не занимались. А это очень важная вещь, которая может указывать, например, на места, где проходили маршруты этих хождений, или косвенно проливать свет на авторство хождений, свидетельствовать и о том, как это воспринимали читатели.

Необходимо вполне осознанно и рационально оценивать эти памятники. Конечно, хождения это памятники русской культуры, вехи. Но есть и другие памятники – летописи, например, есть “Слово о полку Игореве” и другие произведения древнерусской литературы, которые в гораздо большей степени отражают русскую культуру. Но можно согласиться с тем, что в хождениях есть такие элементы, которые в других источниках найти сложно. Попытку извлечь из хождений данные о том, как русские смотрели на другие народы – считали ли они их равноправными, неравными или наоборот, предпринял, в частности, А.И. Клибанов.

Это существенный момент. А в целом в докладе дан подробный обзор хождений и обзор получился интересным. Он простигулирует развитие дальнейшего интереса к этим источникам.

Я.Н. Шапов:

– Во-первых, сами хождения представляют собой интересный жанр, но все-таки это материал по изучению связей между Русью и теми странами, куда ходили. В этом плане можно было бы, наверное, продолжить исследования. Связи с Ближним Востоком,

прослеженные на тех источниках, которые Вы привлекли, – вот один из интересных сюжетов. Я в микрофильмах в Петербурге, а потом в рукописи на Синае обнаружил свидетельства о том, что новгородцы в конце XII в. привезли книгу “Месяцеслов”, чтобы поминать своих родственников в Синайском монастыре. Разве это не интересный сюжет? До сих пор было известно, что связи Руси с Синаем были не старше XIV в., а теперь у нас есть и свидетельства XII–XIII вв. В таком плане собирать сведения о связях с Палестиной, с Ближним Востоком, с Египтом и т.д. – это одно из интереснейших направлений. Что же касается самих хождений, то перспективным направлением является сравнительное изучение русских хождений с западноевропейскими. Так же, как из Руси ходили путешественники и паломники, так практически и из всех западноевропейских стран. Причем, как известно, эти хождения сохранились, так как организация паломничества всегда была на высоком уровне. Во Франции на южном побережье, в Марселе и в других местах были в XII в. специальные дома, куда собирались паломники. Затем они отправлялись на кораблях в Святую землю и т.д. Такие материалы есть, и они тоже любопытны.

Во-вторых, скандинавские паломничества. В последнем Ежегоднике “Древнейшие государства в Восточной Европе” опубликованы новые скандинавские хождения с переводом на русский язык. Известно, что скандинавские хождения проходили по территории Руси. Было бы интересно сравнить русские хождения соответствующим образом со скандинавскими хождениями.

И третье направление. Желательно продлить изучение на более позднее время, где были путешествия в Египет и в другие места. Вот сюжет, которым я занимался. В Палестине в Еврейском университете хранится сербская рукопись некоего Гавриила Тадича с описанием Иерусалима. Это практически путеводитель по евангельскому Иерусалиму, с рисунками и т.п. В XVIII – начале XIX в. издавали сочинения с гравированными изображениями Иерусалима. Историческая библиотека издала такой каталог. Там представлен ряд гравюр, где изображается Иерусалим. Они были распространены в России, их читали. Ознакомившись с этими материалами, я увидел связь с описанием Гавриила Тадича. Это древнерусская традиция, поэтому важно посмотреть как использовали эти хождения в более позднее время, так как мы страна, в которой письменность существовала на родном языке с очень раннего времени. В отличие от Запада, на Руси постоянно переписывали, переделывали, редактировали свои старые сочинения для того, чтобы их воспринимать в более позднее время, в XVI–XVIII вв., например.

Ю.А. Тихонов:

– Доклад интересный, очень впечатляет историографический обзор. Подчеркну, что нужно приветствовать пожелание докладчика укреплять союз историков и филологов. Союз с представителями других гуманитарных дисциплин всегда плодотворен и приводит к хорошим результатам. Но надо иметь и свою историческую нишу. Филологов, литературоведов, конечно, интересуют прежде всего связи культурные, духовные, религиозные. Но ведь хождения отражают и экономический аспект международных связей, хозяйственный, политический, т.е. то, что прежде всего волнует и интересуется историков. Поэтому мне кажется, что главное в будущем изучать хождения в плане многостороннего освещения всех международных связей: и духовных, и экономических, и политических и т.д. Нужно будет придать новое освещение известным источникам, тем более, если учитывать всю литературу и все, что нам известно о развитии международных связей с XII по XV вв. и позже. Это одна из перспектив, которую можно наметить в изучении этих источников. Хождения – это источник по истории международных связей, международных отношений, и задача состоит в раскрытии этих связей, в расширении информации об этих связях для историков. Неплохо было бы заглянуть и дальше, в XVI–XVII вв.

Е.И. Малето:

– Я благодарю всех, кто выступил, дав мне материал для размышлений своими пожеланиями, замечаниями, и хочу ответить оппонентам.

Прежде всего, что касается датировки хождения Афанасия Никитина. Она была пересмотрена Л.С. Семеновым и учтена в моей монографии.

Теперь, что касается информации, которая прозвучала от Я.Н. Шапова. Я согласна со всем, что здесь услышала. Но мне представляется спорным пожелание о возможности изучения этих материалов лично мной на более позднем отрезке времени. Мне кажется, что это должно быть отдельное исследование.

Что касается сравнительного изучения хождений русских и западноевропейских путешественников, то здесь есть над чем подумать. Еще в XIX в. ученые (Х.М. Лопарев, архимандрит Леонид, С.О. Долгов и др.), стоявшие у истоков создания Православного Палестинского общества и “Православного Палестинского сборника”, на страницах которого и были опубликованы тексты многих хождений, думали об этом. Возьмем, к примеру, публикацию М. Веневитинова хождения игумена Даниила в одном из номеров упомянутого выше сборника. Там был напечатан текст путеше-

ствия Зефульфа в Святую землю и в предисловии содержится очень много информации сравнительно-исторического характера. Исследователи давно заметили, что русские паломники, купцы, дипломаты – авторы русских хождений – в описании святых мест более подробны и детальны, чем западноевропейцы. Во многом благодаря русским описаниям того же Константинополя и Иерусалима, мы сегодня можем подробно реконструировать отдельные памятники материальной культуры (соборы, храмы и т.д.), которые позднее в ходе военных завоеваний Константинополя и Иерусалима были разрушены. В этом смысле они имеют непреходящее значение.

Вместе с тем сравнительное изучение русских и западноевропейских хождений – задача не простая. Она требует высокого профессионализма, добротной языковой подготовки, финансирования, наконец. Насколько я знаю, в европейских научных центрах осуществляются исследования подобного рода. Западных историков интересует прежде всего западноевропейское паломничество.

Что касается нашего Отечества, то российская наука, и медиэвистика в частности, переживает кризис и кадровый, и интеллектуальный. Этого тоже нельзя не учитывать. Между тем исследование такого уровня, а я имею в виду глубокое, а не поверхностное изучение памятников, так вот, если им заниматься серьезно, то для начала надо иметь хотя бы хорошее финансирование. В современных российских условиях браться за подобное дело рискованно и весьма проблематично. Если в перспективе ситуация не будет меняться к лучшему, то вряд ли кто-то сможет осуществить эти замечательные планы, потому что красивые идеи – это одно, а наличие качественно сделанного, хорошо отредактированного научного продукта – это другое.

Я хочу быть оптимистом и надеюсь, что со временем трудности будут преодолены и на нашем историческом небосклоне появятся талантливые исследователи, обладающие аналитическим умом, свободно владеющие несколькими иностранными языками, в том числе и древними, которые смогут реализовать эти светлые мечты.

Ю.А. Тихонов:

– Доклад Е.И. Малето – содержательный, в нем хорошо показаны этапы изучения данного вида источников не только в отечественной, но и в зарубежной историографии и намечены перспективы дальнейшей исследовательской работы.

РОЛЬ ВЕЛИКИХ КНЯГИНЬ В СТАНОВЛЕНИИ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА*

Тема статьи взаимосвязана с вопросом о роли русских женщин в истории. Согласно исследованиям Н.Л. Пушкаревой, “женская тема” в российской и зарубежной историографии разрабатывается уже более 200 лет и насчитывает около 1000 трудов¹. Однако вопрос об участии женщин в общественной и политической жизни княжеств Древней Руси и Московского государства остается открытым.

В зарубежной историографии утвердилось мнение, что с XIII по XVII в. русские женщины элитных слоев общества были теремными затворницами и в жизни страны участия не принимали. Данная теория изложена в трудах К. Клаус, М. Хельман, Э. Доннерт, Д. Аткинсон, Н. Кольман и др. Причина затворничества, по мнению зарубежных авторов, заключалась в желании мужчин оградить своих матерей, жен и дочерей от ордынцев. К тому же, полагали они, в это время были распространены идеи византийского аскетизма среди русской элиты, происходило укрепление великокняжеской, а потом и царской власти, усиление могущества боярской аристократии. Женщины оказывались в стороне от этих процессов, т.е. не имели возможности для самореализации. Главными источниками для подобных выводов были агиографические сочинения и “Домострой”².

Отечественные историки не разделяли эту точку зрения. Еще Н.М. Карамзин, создавая труд по истории государства Российского, обнаружил в летописях, хронографах, повестях и сказаниях много сведений о женщинах, оставивших свой след в истории страны. Историка привлекла яркая личность новгородской боярыни Марфы Борецкой, и он посвятил ей повесть. В своих записках он заметил, что должен появиться ученый, “талантливое перо которого напишет галерею портретов россиянок, знаменитых в истории или достойных сей участи”³.

* Доклад на заседании ученого совета ИРИ РАН 5 ноября 2002 г.

Другой известный историк XIX в. С.М. Соловьев в много- томной истории России сделал вывод, что “в эпоху Средневеко- вья женщины высших слоев общества принимали активное уча- стие в политической жизни княжеств и земель”⁴. Его мнение разделял Н.М. Костомаров, который полагал, что в X–XV вв. новгородские и псковские женщины обладали равными с муж- чинами правами⁵.

Писатель Д.Л. Мордовцев написал несколько книг, посвя- щенных знаменитым русским женщинам, правда, в них художест- венный вымысел преобладал над исторической правдой⁶.

Если в дореволюционной историографии все же появлялись отдельные труды, посвященные древнерусским женщинам (кня- гине Ольге, женам Ивана Грозного, быту московских цариц), то в советское время эта тема была под запретом. Только с 80-х го- дов началось исследование проблем правового положения жен- щин, грамотности, роли в семье и т.д. Они нашли отражение в ра- ботах Я.Н. Щапова, А.А. Медынцевой, Н.Л. Пушкаревой и др.⁷ Стали появляться труды, в которых воссоздавались историче- ские портреты наиболее известных женщин, правда большая их часть носит научно-популярный характер⁸. Необходимо продол- жить работу по воссозданию научно выверенных биографий из- вестных женщин прошлого и формированию базы данных о них.

В настоящем исследовании рассмотрены биографии несколь- ких женщин, внесших большой вклад в развитие самосознания русского народа и его культуру.

Одной из наиболее почитаемых современниками женщин бы- ла Мария – первая жена великого князя Владимирского Всеволо- да Юрьевича Большое Гнездо. Ее прозвали Ясыней, поскольку по происхождению она была аланкой (аланы были предками со- временных осетин). Ей, одной из немногих, на страницах Лав- рентьевской летописи посвящено настоящее похвальное слово: “Того же месяца (марта) в 2 день (1206 г.) пострижесе великая княгини Всеволожая во мнишеский чин в монастыри святыя Бо- городици, юже бе сама создала, и нарекоша ей имя Мария. Благо- верная княгини Всеволожая издетска в страсе Божье любяше правду, воздающи честь епископом и игуменом, и чернецем, и презвитером, и любяще черноризци, и подаваше требование им; бяше бо и нищолюбица, и страннолюбица, печалныя и нужныя, и болныя, тех всех утешаше, и подаваше им требование. Того же месяца в 19 день, святаго отца Фомы, патриарха Костянтина гра- да, преставися благоверная великая княгыни Всеволожая, име- нем Мария, бывши в мнишеском чину 18 дний; и положена бысть в монастыри своем, в церкви святыя Богородица, юже созда.

О сем убо добро известно апостол глаголаше: начен в вас дело благое, да свершит е. И погребоша ю с рыданием и плачем великим, ту сущю над нею князю великому и з детми своими, и епископ, и игумени, и черньци, и черници, и множество народа, и епископу Смоленскому, и игумену Михаилу Отрочьего монастыри... Си же блаженная княгыни лежа в немощи 7 лет, новый Иов явльшися верою и терпеньем”⁹.

Летописное повествование свидетельствует о том, что Мария вела благочестивый образ жизни. Страдая от тяжелой болезни, она помогала страждущим, заботилась о православной церкви, основала женский монастырь, построила в нем храм Успения Богоматери и украсила его. За свои добродетели она была любима мужем, детьми, представителями духовенства и жителями Владимира. Они с печалью проводили ее в монастырь для пострижения и горько оплакали ее скорую кончину. Для владимирцев смерть великой княгини стала всеобщим горем. Этот факт говорит о том, что в их жизни она играла важную роль и вовсе не была “теремной затворницей”.

По скудным летописным известиям можно восстановить биографию Марии. Хотя она и была дочерью одного из аланских князей, в женитьбе на ней Всеволода Юрьевича не было ничего необычного. Еще в 965 г. князь Святослав победил ясов (алан) и заставил их платить дань. С этого времени их контакты с русскими людьми стали достаточно частыми. В 1116 г. дядя Всеволода Большое Гнездо – Ярополк Владимирович – захватил три половецких города, их население взял в плен. Среди горожан были и аланы. Самую прекрасную пленницу он сделал своей женой¹⁰.

Отцом Марии мог быть киевский воевода Шварн, упомянутый в Лаврентьевской летописи под 1146 и 1151 гг. Это предположение вытекает из надписи на ее гробнице “Марфа Шварновна”. Имя Марфа она, вероятно, приняла после пострижения.

У Марии было три сестры. Старшая стала женой Андрея Боголюбского. По мнению исследователей, она была соучастницей заговора против мужа, закончившегося его гибелью. Младшая – Анна – стала женой князя Мстислава Святославича.

Свадьба Марии и Всеволода состоялась в 1170 г. Предположительно жениху и невесте было по 16 лет. Первое время молодые жили в Киеве, где правил брат Всеволода – Глеб Юрьевич. Через два года он умер и великокняжеский престол захватил Рюрик Давыдович. Всеволод с семьей, в которой уже появилось две дочери, Всеслава и Верхуслава, поселился в Переславле – вотчине их семьи.

В 1174 г. из Владимира пришла весть о гибели Андрея Боголюбского. Всеволод с братом Михаилом отправились в северо-восточную столицу, где вспыхнуло восстание. Сначала княжил старший – Михаил, а после его скорой смерти – Всеволод. Это сделало Марию хозяйкой богатого и обширного княжества.

Забота о семье отнимала у великой княгини много сил и времени. В 1187 г. ее старшая дочь Всеслава стала женой князя Ростислава Ярославича Черниговского. Через два года младшая – Верхуслава – вышла замуж за белгородского князя Романа Рюриковича. В этот же год торжественно отметили посажение на коня старшего княжича Константина, что означало вступление мальчика во взрослую жизнь.

В 1185 г. сильно обгорел главный городской храм Успения Богоматери. Великая княгиня вместе с мужем приняла активное участие в возведении нового собора. Ее заботой стало внутреннее убранство храма. Пока его стены не были расписаны, она приказала развесить вдоль них красивые ткани из шелка и золотой и серебряной парчи. В алтаре в драгоценном окладе сияла главная святыня – Владимирская икона Богоматери.

В 1193 г., пока Всеволод с семьей находился в Боголюбове, сгорел великокняжеский дворец во Владимире. Вновь Марии вместе с мужем пришлось заняться строительством. На высоком холме над Клязьмой была возведена новая княжеская резиденция, главным украшением которой стал великолепный Дмитровский собор.

Частые роды подточили здоровье Марии. Вскоре великая княгиня слегла. Не желая быть обузой для мужа, она захотела постричься, но не в какой-нибудь отдаленный монастырь, а поближе к детям и дому. В 1200 г. по ее инициативе рядом с княжеской резиденцией был основан Успенский монастырь, который в простонародье стали звать Княгинин. 15 июля этого же года в нем началось строительство собора. Образцом для него стал Дмитровский придворный храм, но без пышного и затейливого декоративного убранства. Несмотря на болезнь, великая княгиня постоянно интересовалась ходом строительства, выделяла на него много средств. Наконец, 9 сентября 1202 г. состоялось торжественное освящение собора. В Лаврентьевской летописи есть запись об этом: “Той же осенью 1202 года освящена церковь святой Богородицы Успения, южу создала любовью правоверная княгиня великая в своем монастыре”¹¹. На торжестве присутствовал сам великий князь с сыновьями – Константином, Юрием и Владимиром. Освящение совершал епископ Иоанн.

В последние годы жизни главной заботой Марии стал ее монастырь. Она посылала в него церковные книги, жертвовала

иконы, золотые и серебряные сосуды. Чувствуя близкую кончину, она решила принять постриг. В монахинях ей пришлось быть меньше трех недель. 19 марта 1206 г. она скончалась.

Троицкая летопись сравнивала великую княгиню со святой императрицей Еленой, блаженной Феодорой, святой княгиней Ольгой¹².

Там же помещено наставление Марии, которое она дала сыновьям перед пострижением. В нем она просила их сохранять друг к другу любовь, жить мирно, распри же могут погубить и их самих, и землю отцов и дедов, слушаться друг друга, старшего брата почитать за отца. Детям следовало бояться Бога, почитать весь священнический чин, кланяться даже простому черноризцу, больных – навещать, голодных – кормить и поить, нагих – одевать, старшим – оказывать честь, любить пост и молитву, друзей – привечать, не позволять сильным обижать слабых, защищать сирот и вдовиц, не увлекаться спиртными напитками и ненавидеть гордость¹³.

Строительная деятельность великой княгини стала образцом для ее сыновей. Константин, будучи ростовским князем, украсил главный городской храм Успения Богоматери росписями и дорогой утварью, отстроил дворец и обнес город высокой стеной с глубоким рвом. Во Владимире он возвел храм Архангела Михаила, при котором действовало училище с большой библиотекой.

Второй сын Юрий, получивший после женитьбы в удел Суздаль, основал в нем девичий Ризоположенский монастырь и активно занимался реставрацией древнего Рождественского собора. Святослав, княживший в Юрьеве-Польском, на фундаменте старой церкви, возведенной его дедом Юрием Долгоруким, построил великолепный Георгиевский собор, украшенный каменной резьбой наподобие Дмитровского собора во Владимире.

Те из этих построек, что сохранились до нашего времени, являются шедеврами архитектуры Владимиро-Суздальской Руси.

Особенно важной стала роль княгинь сразу после татаро-монгольского нашествия, когда многие князья погибли в неравной борьбе, а их семьи и подданные остались без защиты. Кто-то должен был утешить пребывавших в отчаянии людей и укрепить их дух. Наиболее мужественные и крепкие духом женщины взяли эту роль на себя.

Одной из них была Евфросиния Суздальская – монахиня Ризоположенского монастыря в Суздале, старшая дочь князя Михаила Всеволодовича Черниговского, прославившегося позднее мученической смертью в Орде. До пострига она носила имя Феодулия.

О жизни и деятельности Евфросинии-Феодулии известно из двух текстов ее жития, написанных в XVI в. и опубликованных Б.М. Клоссом¹⁴. Писатели XVI в. не знали дату рождения Феодулии, но отметили, что ее крестным отцом был игумен Киево-Печерского монастыря¹⁵. Это говорит о том, что она родилась в Киеве, по-видимому, в то время, когда там правил ее дед – великий князь Всеволод Святославич, т.е. на рубеже XII и XIII вв.

Авторы жития утверждали, что Феодулия получила очень хорошее образование и даже освоила “премудрость философов”. Поскольку она была не только умна, образованна, но и красива, у нее было множество женихов. Князь Михаил Всеволодович якобы выбрал сына суздальского князя Мины Ивановича из рода варяга Шимона Африкановича и, когда дочери исполнилось 15 лет, отправил ее к жениху¹⁶.

Однако такого князя в XIII в. в Суздале не было. Потомки Шимана Африкановича не носили княжеского титула и жили в Ростове. В начале XIII в. Суздаль принадлежал князю Юрию Всеволодовичу, второму сыну великого князя Всеволода Большое Гнездо. Его женой была родная тетка Феодулии, Агафья Всеволодовна (с 1211 г.). Можно предположить, что Феодулия отправилась в Суздаль в гости к тетке. В 1215 г. ее семья оказалась в тяжелом положении, поскольку Всеволод Святославич был изгнан из Киева и не мог найти дочери достойного жениха. Не могла помочь ей и Агафья, поскольку ее муж вел ожесточенную борьбу за Владимирское великое княжение со старшим братом Константином. Ее братьям, Глебу и Михаилу, пришлось обосноваться в Чернигове, где также было неспокойно.

Постриг Феодулии состоялся 25 сентября, и с этого времени она стала монахиней Евфросинией. Согласно житию, долгих девять лет привыкала юная княжна к суровой монашеской жизни. Но после этого она превратилась в мудрую наставницу для юных девушек, врачевательницу не только человеческих тел, но и душ. Авторы жития даже утверждали, что Евфросиния по уровню образованности и разуму стала для всех русских философов главным философом¹⁷.

Дарования Евфросинии оказались очень нужны многим русским людям. В 1238 г. дикие орды монголо-татарских кочевников обрушились на Владимиро-Суздальскую землю. Великий князь Юрий Всеволодович и многие его родственники погибли, в том числе и тетка монахини – Агафья Всеволодовна. Города были сожжены и разорены, среди них и Суздаль. Уцелел только Ризоположенский монастырь, который завоеватели обошли стороной. Множество запуганных и измученных людей стали прихо-

дить в монастырь, чтобы услышать от Евфросинии слова утешения и ободрения. Всем она говорила, что Бог милостив и хотя наказывает за грехи, но до конца не будет разорять своих православных чад.

Через некоторое время Евфросинии пришлось стать духовной наставницей для своего отца. Михаил Всеволодович, ставший великим князем Киевским, не захотел вступать в переговоры с ханскими послами, перебил их и бежал сначала в Венгрию, потом — в Польшу. После нескольких лет скитаний князь решил вернуться на родину. Однако без ханского ярлыка он не мог княжить даже в родовом городе Чернигове. Следовало ехать на поклон в Золотую Орду. Там ради власти и расположения хана Батыея многие князья предавали христианскую веру и поклонялись идолам.

Узнав о ждущем отца тяжелом испытании, Евфросиния написала ему письмо, в котором заклинала не губить свою бессмертную душу в угоду хану: “Хощеши цареви тленному угодити, а Христа отрещися. Смотри убо, благый отче, котораго человека волю творити хощеши, разумеи, возлюбленне благородне, понеже мертв есть царь и с мертвецы повержен. От будущего суда избавит ли тя, аще прелестем его вразумеши и сотвориши волю его? ...Ты же, благый отче, послушай мене, убогаго ти чада: постражи убо, яко добр воин Христов... Аще ли преслушаеши мене, вем бо, отче, отселе чужа есмь тебе”¹⁸.

Наставления дочери, а также собственные убеждения Михаила Всеволодовича сыграли свою роль. Он отказался кланяться изображению Чингисхана и почитать языческие божества. По приказу хана князь был убит. Его мужество и стойкость стали известны по всей Русской земле. Большую роль в этом сыграла Евфросиния, которая в проповедях рассказывала о подвиге отца и призывала не предавать веру предков и не покоряться воле захватчиков.

Существенную помощь в прославлении подвига Михаила Черниговского и его верного боярина Федора оказала Евфросинии ее младшая сестра Мария, жена погибшего ростовского князя Василька Константиновича. На средства княгини в Ростовской и Суздальской земле строили храмы в честь черниговских мучеников, а сами они стали почитаться как святые. При участии сестер было написано “Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора”, учившее русских людей не смиряться с монголо-татарским игом.

Со временем, черниговские мученики стали общерусскими святыми, мощи Михаила были перенесены в Москву и ныне находятся в Архангельском соборе в Кремле. Евфросиния также

была причислена к лику святых. По данным православного календаря, она умерла 25 сентября 1250 г. (в житии указано 27 сентября)¹⁹.

Сестра Евфросинии ростовская княгиня Мария Михайловна тоже сыграла заметную роль в истории. Д.С. Лихачев полагал, что она вместе с епископом Кириллом принимала деятельное участие в ростовском летописании и многое сделала для увековечивания памяти своего мужа Василька Константиновича и отца Михаила Всеволодовича²⁰. В древнейшей проложной редакции жития Михаила и Федора Черниговских сообщалось, что внуки Михаила, Борис и Глеб, и их мать Мария создали церковь в честь черниговских святых и повелели праздновать их память 20 сентября²¹.

В Ростовском летописце, созданном под руководством Марии Михайловны, зафиксированы многие события, связанные с ее мужем и сыновьями. Панегирики Васильку помещены под 1231 и 1237 гг. Позже летописец был использован в Лаврентьевской и Симеоновской летописях. В тексте летописца князю даны словесный портрет и характеристика его нравственных качеств. Очень подробно описана и его героическая гибель от рук жестоких кочевников²².

В летописце содержится призыв ко всем князьям следовать примеру тех воинов, которые не пошли на сговор с захватчиками: “О возлюбленнии князи рускии, не прелщайтеся пустошною и прелестною славою света сего, еже хужвши паучины есть и яко стень мимо идет; не принесосте бо на свет сей ничто же, ниже отнести можете”²³.

Д.С. Лихачев отметил, что летописец Марии Михайловны воспитывал у современников стойкость и непримиримость к врагу в тот период, когда все были полны ужаса от чужеземных захватчиков и “от страха даже хлеб не шел в рот”. Он вселял уверенность, “что не все потеряно, что внешней силе завоевателя можно противопоставить силу духа”²⁴.

Мария Михайловна прожила долгую жизнь. Родилась она приблизительно в 1212 г., в 1228 г. вышла замуж за Василька Константиновича и стала ростовской княгиней. В 1231 г. у нее родился первенец Борис, через год – Глеб. В марте 1238 г. она овдовела (Василько был ранен в битве на р. Сити и вскоре убит по приказу хана Батыея). С маленькими сыновьями на руках княгиня была вынуждена поднимать из руин свое княжество. Она собрала разбежавшихся жителей, помогла им заново отстроить жилища, восстановила былую красоту ростовских храмов. Вместе с епископом Кириллом описала мученическую смерть отца, мужа и других русских князей, погибших в Золотой Орде.

В 1271 г. Мария Михайловна умерла, и этим годом закончился Ростовский летописец. Ее сыновья пережили мать на несколько лет: Борис умер в 1277 г., Глеб – в 1278 г. Но династия ростовских князей не прекратилась. Через 100 лет ее представители стали союзниками московских князей в борьбе за свержение зотоордынского ига.

Заметный след в летописях и агиографической литературе оставила великая княгиня Евдокия Дмитриевна, жена знаменитого князя-полководца Дмитрия Донского. Источники говорят о том, что она много сделала для того, чтобы Москва стала не только политическим, но и культурным центром всей Руси. Благодаря ей лучшие традиции владими́ро-суздальского искусства были освоены на московской почве.

Евдокия родилась в семье суздальского князя Дмитрия Константиновича и княгини Анны приблизительно в 1352 г. С детских лет Евдокию окружали архитектурные шедевры Владимиро-Суздальской Руси: собор Рождества Богородицы в Суздале, княжеские постройки в Кидекше, Успенский и Дмитровский соборы во Владимире, дворцовый комплекс в Боголюбове. Москва, хотя и пыталась претендовать на роль общерусской столицы, в своем внешнем облике во многом проигрывала Владимиру.

В рассматриваемый период семья Дмитрия Константиновича была образцом для многих. Все ее члены были хорошо образованны, благочестивы, активно занимались церковным строительством. Дед Евдокии – суздальский князь Константин Васильевич – был основателем мужского Спасо-Евфимиева монастыря, дядя – Андрей Константинович основал не менее знаменитый женский Покровский монастырь. Став нижегородским князем, он построил каменный храм в честь Архангела Михаила, ставший усыпальницей для князей. Можно предположить, что московский Архангельский собор стал великокняжеской усыпальницей по аналогии с ним.

Вдова Андрея Константиновича, Василиса Ивановна, еще при жизни мужа основала в Нижнем Новгороде на берегу Волги у устья Почайлы Зачатьевский-Георгиевский женский монастырь, видимо потому, что у нее не было детей. Овдовев в 1365 г., она отпустила на волю всех холопов, раздала нищим все свои богатства, земельные владения пожертвовала храмам и монастырям и приняла постриг в Зачатьевском монастыре под именем Феодора. В монашестве она стала вести столь благочестивый образ жизни, что прославилась на всю округу: вместо одежды носила власяницу, по несколько дней ничего не ела, время проводила в молчании, занятиях рукоделием, молитвах, ночном бдении.

Узнав об ее исключительном благочестии, более 90 вдовиц и девушек боярского рода пришли в монастырь и стали черницами²⁵.

Незаурядной личностью был и отец Евдокии – Дмитрий Константинович. В 1360 г. именно ему в Орде был вручен ярлык на великое Владимирское княжение в обход и его старшего брата Андрея, и московского князя Дмитрия, и тверского и рязанского князей. Новый великий князь попытался вновь сделать общерусской столицей Владимир и даже пригласил митрополита Алексия переехать к нему. Но московские бояре не захотели терять свое высокое положение и во главе с малолетним князем Дмитрием Ивановичем двинулись к Владимиру. Дальновидный Дмитрий Константинович не стал ввязываться в кровавое междоусобие и добровольно согласился признать старшинство московского князя. Тот, в свою очередь, помог ему изгнать младшего брата Бориса из незаконно захваченного Нижегородского княжества.

По сведениям летописцев в Нижнем Новгороде XIV в. было более 30 церквей, в Москве же – не более 20. Дмитрий Константинович обнес город высокой каменной стеной, и он стал выглядеть вполне столичным городом. Для украшения главного Спасского собора из Новгорода Великого был приглашен известный византийский иконописец Феофан Грек. По инициативе нижегородского князя в 1377 г. монах Лаврентий на основе старинных летописей создал большой летописный свод, названный потом Лаврентьевской летописью. Первый московский летописный свод появился лишь в начале XV в. Все это говорит о том, что культурная жизнь в Суздальско-Нижегородском княжестве была в то время богаче, чем в Москве. Перелом наступил только на рубеже XIV–XV вв. и был связан с деятельностью Евдокии Дмитриевны.

Дружеские отношения Дмитрия Константиновича и Дмитрия Ивановича были скреплены браком последнего с Евдокией Дмитриевной. По данным летописей, это произошло “тое же зимы месяца генваря в 18 день”²⁵. До этого сообщалось о событиях 1366 г., в том числе и 7 августа. Это дает право предположить, что свадьба была не в 1366 г., а уже в 1367 г., согласно мартовскому летоисчислению.

Бракосочетание состоялось не в Москве, а в Коломне. По мнению исследователей, это произошло из-за того, что в Москве строился каменный Кремль и подходящего места для свадебного торжества не было. Однако более обоснованным кажется предположение о том, что Коломна была выбрана как нейтральное место между Нижним Новгородом и Москвой. По обычаю, часть свадебной церемонии должна была проходить в доме невесты,

если она была ровней жениху. Несомненно, Дмитрий Константинович ни в чем не уступал Дмитрию Ивановичу и даже имел более законные права на великое Владимирское княжение, поэтому во избежание конфликта между новыми родственниками и была выбрана Коломна.

Для Евдокии Дмитриевны и Дмитрия Ивановича Коломна стала любимым местом для загородных поездок. В 1379 г. в городе началось строительство величественного каменного собора в честь Успения Богоматери. Равного ему по красоте не было в самой столице. Реконструируя его облик, искусствоведы отметили, что образцом для него стал Дмитровский собор во Владимире, возведенный когда-то Всеволодом Большое Гнездо и его женой Марией Ясыней²⁷. Это дает право предположить, что главной строительницей коломенского храма была Евдокия Дмитриевна, желавшая возродить на московской почве лучшие традиции владими́ро-суздальской архитектуры.

Коломенский собор был завершен в 1382 г. и стал памятником не только семейного события, но и воинских подвигов Дмитрия Ивановича – сражения на Воже и Куликовской битвы. В 1392 г. Евдокия Дмитриевна поручила Феофану Греку расписать Успенский собор в Коломне. Его главной святыней стала Донская икона Богоматери того же мастера²⁸.

Наиболее активно строительной деятельностью и украшением храмов Евдокия Дмитриевна занялась после смерти мужа в 1389 г. Ей было всего 37 лет, и на руках были маленькие дети. Младший – Константин – родился за несколько дней до смерти Дмитрия Ивановича Донского. Княжить предстояло 17-летнему Василию, но и он нуждался в помощи и опеке матери. Самостоятельным человеком он стал считаться только после женитьбы в 1391 г. на литовской княжне Софье Витовтовне.

По завещанию Дмитрия Донского Евдокия Дмитриевна с младшими сыновьями, Иваном и Константином, получала определенную часть доходов от четырех старших сыновей и в итоге ее доля была даже больше, чем получал старший сын – великий князь Василий I Дмитриевич. Кроме того, в случае смерти одного из сыновей она имела право разделить его имущество по своему усмотрению²⁹.

Наличие значительных материальных средств позволило великой княгине стать покровительницей архитекторов и иконописцев. На конец XIV–начало XV в. приходится взлет московского искусства, происшедший при деятельном участии Евдокии Дмитриевны.

В начале 90-х годов XIV в. по ее инициативе в Кремле начали строить каменную церковь во имя Рождества Богоматери. Некоторые исследователи полагают, что Рождественский храм был возведен в память о Куликовской битве, состоявшейся 8 сентября в праздник Рождества Богоматери. В летописях по поводу завершения строительства церкви в 1393 г. сделана запись: “Того же лета княгини великая Овдотья Дмитриева постави на Москве церковь камену, зело чудну, и украси ю сосуды златыми и серебряными... и створила паче всех княгинь великих, разве точью Марья княгини Всеволода, внука Мономахова, иже в Володимире... Бе же то преже церквица мала в том месте древяна святаго Лазаря. Егда же седана бысть каменная, наречена бысть во имя святая Богородицы честнаго ея Рождества. Уставишеса таковыи праздник праздновати сентября в 8 день”³⁰.

Летописная запись говорит о том, что в строительной деятельности Евдокия Дмитриевна подражала жене Всеволода Большое Гнездо – Марии Ясыне. Хотя храм Рождества Богоматери не дошел до нас, но он во многом был похож и на Дмитровский собор, и на храм Княгинина монастыря во Владимире. Это свидетельствует о том, что на московской почве продолжались традиции великих владимирских княгинь.

По заказу Евдокии Дмитриевны Рождественская церковь в 1395 г. была расписана Феофаном Греком. В помощь ему пригласили местного иконописца Симеона Черного. Вместе с ними работали их ученики, и вскоре под покровительством великой княгини в Москве сформировалась своя школа иконописи. Ее представителями были такие мастера, как Андрей Рублев, Даниил Черный, Прохор из Городца. Они расписали кремлевские храмы: Благовещенский и Архангельский соборы, главный собор Сретенского монастыря, основанного в честь перенесения из Владимира в Москву Владимирской иконы Богоматери в 1395 г. Вероятно, именно Евдокия Дмитриевна была главным инициатором того, чтобы самая почитаемая на Руси икона оказалась в новой столице. В Степенной книге княгиня прямо названа главной советчицей Василия I по организации переноса Владимирской святыни.

Большой заботой Евдокии Дмитриевны стало увековечивание памяти мужа, первым вставшего на путь вооруженной борьбы с золотоордынскими захватчиками. По ее заказу была написана икона Архангела Михаила, ставшая украшением гробницы Дмитрия Донского. Аналогичная икона была установлена в иконостасе церкви Рождества Богоматери.

Некоторые литературоведы полагают, что по заказу великой княгини были написаны “Повесть о житии Дмитрия Донского”,

вошедшая в летописные своды, и “Задонщина” рязанца Софония. О талантливом книжнике из Рязани она могла узнать от дочери, ставшей в 1387 г. женой рязанского князя Федора Олеговича. Правда, документальных подтверждений для этих выводов нет. Однако вряд ли митрополит Киприан, несколько раз изгнанный из Москвы Дмитрием Донским, стал бы заботиться об увековечивании памяти своего гонителя.

В Степенной книге в “Сказании о блаженной великой княгине Евдокии” отмечено, что она не только построила много церквей, но и основала несколько монастырей. Одним из них был Ивановский монастырь в Переславле-Залесском. Сначала на р. Трубеж была построена церковь во имя Рождества Святителя Иоанна, потом образован вокруг нее монастырь. Второй обителью стал Вознесенский монастырь в Кремле, основанный княгиней незадолго до смерти в 1407 г. 20 мая в монастыре был заложен храм Вознесения, но завершать его пришлось уже другим великим княгиням: Софье Витовтовне и Марии Ярославне.

Деятельность Евдокии Дмитриевны по строительству и украшению церквей и монастырей оказала большое влияние на ее сыновей. Старший – Василий Дмитриевич – основал Сретенский монастырь в Москве и на свои средства вновь расписал Успенский собор во Владимире. Работу выполняли Андрей Рублев и Даниил Черный.

Юрий Дмитриевич построил в Звенигороде храм Успения Богоматери, похожий на кремлевский Рождественский собор. Для его росписи он пригласил Андрея Рублева, написавшего иконы для иконостаса. Часть их сохранилась до наших дней. Под Звенигородом по инициативе князя был основан Саввино-Сторожевский монастырь, прославившийся по всей Руси. Кроме того, он оплатил постройку Троицкого собора в Троице-Сергиевом монастыре в память о своем крещении в нем. Роспись и этого собора князь поручил Андрею Рублеву.

Таким образом, благодаря деятельности Евдокии Дмитриевны на рубеже XIV–XV вв. московское искусство достигло небывалого подъема и расцвета, используя для подражания лучшие образцы архитектуры и живописи Владимиро-Суздальской Руси. Это способствовало превращению Москвы в подлинно столичный город – центр объединения всех русских земель.

Православная церковь оценила заслуги великой княгини, в иночестве – Евфросинии. В 1547 г. она была канонизирована.

Жизнь и деятельность великой княгини Софьи Витовтовны, жены Василия I, полностью разрушают миф о затворничестве русских женщин в XV в. Она родилась в 1371 г. в семье литовско-

го князя Витовта, внука первого великого князя Литовского Гедимина, и дочери смоленского князя Святослава Ивановича. В то время браки между русскими и литовскими князьями были очень частым явлением.

В браке литовской княжны Софьи Витовтовны и великого князя Владимирского и Московского Василия I Дмитриевича тоже ничего необычного не было, хотя обстоятельства знакомства будущих супругов были довольно примечательными. К моменту их первой встречи в 1386 г. им обоим пришлось перенести немало невзгод. Отец Софьи вел ожесточенную борьбу за власть с двоюродным братом Ягайло, поэтому семья не имела постоянного пристанища. В 1381 г. все ее члены были схвачены и заточены в Кревском замке. Отец Витовта – Кестут был задушен, мать Бирута утоплена. Витовту с трудом удалось бежать и через некоторое время освободить жену и дочь. В 1383 г. с помощью немецких рыцарей он получил во владение Троцкое княжество (Жмудь). Затем вновь начался период скитаний.

Княжич Василий Дмитриевич в 1383 г. был отправлен в Золотую Орду в качестве заложника. Это было сделано по требованию хана, желавшего обезопасить себя от новых нападений Дмитрия Донского. Только в 1386 г. Василию удалось бежать из-под ханского надзора через Крым, но домой ему пришлось пробираться через Литву. В это время и состоялась его встреча с будущей невестой Софьей.

Свадьба состоялась 9 января 1391 г., когда Василий Дмитриевич уже вззошел на престол³¹. Этот брак был взаимовыгодным, поскольку к этому времени Витовт уже отстаивал свое право считаться великим князем Литовским. Правда, вскоре выяснилось, что закаленный в междоусобных боях Витовт не прочь прибрать к рукам и соседние русские земли. Первым пало Смоленское княжество, где правил шурин Витовта Юрий Святославич. Он был изгнан, а его княжество присоединено к Литве.

Для разрешения возможных порубежных конфликтов в Смоленск в 1398 г. отправилась Софья Витовтовна. Чтобы сделать отца более сговорчивым, она взяла с собой детей, бояр и боярынь. Две недели продолжалась встреча, во время которой Софья не забывала главную цель приезда – четко определить границы между владениями отца и мужа и добиться того, чтобы права митрополита Киприана на киевские и литовские земли никто не оспаривал. В итоге договорились, что граница пройдет у Можайска, Боровска, Калуги и Алексина. Киприан вновь стал общерусским митрополитом, что значительно укрепило позиции православной церкви в обоих княжествах и создало предпосылки

для будущего объединения. Щедро одаренная Софья Витовтовна вернулась домой. Она привезла много икон в золотых и серебряных окладах и христианские святыни из Константинополя³².

В 1422 г. Софья Витовтовна вновь отправляется в Смоленск с дипломатической миссией. На этот раз ей пришлось бороться за права митрополита Фотия на все русские земли и убеждать отца не ставить в Киеве своего митрополита. После этой встречи дружеские отношения Василия Дмитриевича с Витовтом уже не прерывались. Они вместе дали отпор ордынцам, грабившим русские окраины.

В 1425 г. великий князь Василий Дмитриевич умер, и Софья Витовтовна отстаивает права на престол своего 10-летнего сына Василия. По сложившейся тогда традиции править должен был старший по возрасту князь, т.е. второй сын Дмитрия Донского – Юрий Звенигородский. Великая княгиня не захотела с этим смириться и попросила отца Витовта стать опекуном малолетнего Василия. До смерти Великого князя Литовского в 1430 г. Юрий Дмитриевич не осмеливался бороться с племянником. Он был вынужден согласиться с тем, что Софья присоединила к Москве владения умершего Петра Дмитриевича, а не разделила их между другими сыновьями Дмитрия Донского, как это требовалось по закону.

После смерти отца Софье самой пришлось защищать престол сына. Она женила его на дальней родственнице – Марии Ярославне, внучке Владимира Андреевича Храброго и Елены Ольгердовны, не побоялась рассориться с сыновьями Юрия Дмитриевича Звенигородского и вступить с ними в открытую вооруженную борьбу. Правда, ее оружием были лишь дипломатический талант, умение склонять на свою сторону людей и хитрость. Не случайно в разгар противостояния ее похитил Дмитрий Шемяка и долгое время удерживал в качестве заложницы.

О бесстрашии Софьи Витовтовны и ее умении организовать людей говорит то, что, когда в 1451 г. на Москву напали ордынцы, Василий Васильевич оставил ее и митрополита Иону оборонять город. Они сумели дезинформировать врага и заставить его отступить³³.

Софья Витовтовна всегда была в гуще важнейших политических и международных дел. С ее помощью Московское княжество установило тесные контакты с Великим княжеством Литовским. Ей удалось остановить экспансию Витовта на русские земли и из противника превратить в союзника.

Благодаря поддержке матери Василий Васильевич Темный смог победить в феодальной войне с родственниками и значи-

тельно расширить свои владения. Процесс собирания земель вокруг Москвы стал более динамичным.

Деятельность другой великой княгини Софьи Палеолог в исторической литературе освещена достаточно подробно³⁴. Брак с племянницей последнего византийского императора Константина Палеолога существенно поднял престиж великого князя Московского на международной арене. Из данника Золотой Орды он превратился в одного из наиболее могущественных государей Европы. В Москву хлынули дипломаты, купцы, архитекторы, художники, ювелиры и т.д. Все это произошло при деятельном участии византийской принцессы, имевшей в европейских странах обширные родственные связи и определенный авторитет.

Софья стремилась на новой почве возродить традиции византийского двора и пышный этикет. Иван III возносится над подданными, окружает себя штатом придворных, отстраивает Кремль, возводит величественные соборы, начинает постройку великолепного дворца. Большинство этих зданий дошли до наших дней, являясь памятником не только самому государю, но и его жене Софье Палеолог.

Женитьба на Софье позволила Ивану III сделать гербом Русского государства византийский двуглавый орел, который потом стал гербом Российской империи.

Софья Фоминишна никогда не была теремной затворницей. У нее была приемная палата рядом с Грановитой. В ней она встречала гостей из Италии, представителей духовенства и знатных женщин. В ее распоряжении были собственные финансы, имущество, в том числе и собрание греческих книг, составивших потом библиотеку Ивана Грозного. Активно отстаивая интересы своего старшего сына Василия, она добилась провозглашения его наследником престола, хотя это и противоречило традициям престолонаследия. Еще при жизни Ивана III на великое княжение был венчан Дмитрий-внук.

Все это говорит о том, что великая княгиня Софья оставила очень заметный след в истории Русского государства, способствовала его выходу на европейскую международную арену, европеизации русской культуры, знакомству с последними достижениями западной архитектуры, живописи, общественной мысли и даже науки. С ее помощью существенно возрос престиж власти московского государя и всей страны. Россия вышла на новый уровень политического, общественного и культурного развития.

Примеров активного участия великих княгинь, а потом и цариц в государственных делах можно привести много. Елена Глинская, ставшая правительницей при малолетних сыновьях после

смерти Василия III, провела в 1535 г. денежную реформу, ввела в стране единую монетную систему. В этом же году по ее приказу началось строительство каменных стен и башен Китай-города. Великая княгиня вела решительную борьбу с удельно-княжеским сепаратизмом, продолжая политику централизации свекра и мужа. Только ранняя смерть княгини (современники предположили, что она была отравлена) позволила боярским временщикам захватить власть в свои руки и на несколько лет остановить поступательное развитие страны.

Не была теремной затворницей и первая жена Ивана Грозного – Анастасия Романовна. Современники отмечали, что она имела благотворное влияние на своего быстро впадавшего в ярость мужа. Она отговаривала его от безрассудных поступков, умело смиряла внезапный гнев, убеждала заботиться о благе государства и подданных. Не случайно и она стала жертвой отравителей, желавших использовать в своих интересах худшие черты характера царя Ивана Васильевича.

Активную роль в жизни государства играла Ирина Федоровна Годунова, жена царя Федора Ивановича. Для нее была построена Золотая палата, в которой она принимала гостей из-за рубежа и просителей-подданных. Она много занималась благотворительностью. Федор Иванович официально назвал ее своей наследницей.

Итак, выдвинутый западной историографией тезис о теремном затворничестве русских великих княгинь и цариц не имеет под собой исторического основания.

Наравне с мужьями русские государыни участвовали в развитии и укреплении страны, много сделали для формирования культуры и общественной мысли, для воспитания национального самосознания. Обладая обширными связями с зарубежными странами, они способствовали увеличению международных контактов, привлечению на русскую службу иностранных специалистов и знакомству русских людей с последними достижениями мировой науки и техники. Не стоит игнорировать роль великих княгинь и цариц в становлении русского централизованного государства в XIV–XVI вв. Следует продолжить научные изыскания в этом направлении.

¹ *Пушкарёва Н.Л.* Русская женщина: История и современность. М., 2002.

² Там же. С. 411, 422, 433, 440, 441.

³ *Карамзин Н.М.* Марфа посадница или покорение Новгорода. СПб., 1802.

⁴ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2, т. 3/4. С. 71.

- ⁵ *Костомаров Н.М.* Северо-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. СПб., 1863. Т. 1–2.
- ⁶ *Мордовцев Д.Л.* Русские исторические женщины: Популярныe рассказы из русской истории. СПб., 1874. Т. 1–3.
- ⁷ *Щапов Я.Н.* Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 10; *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. М., 1988; *Медынцева А.А.* Грамотность женщин на Руси XI–XIII вв., по данным эпиграфики // Слово о полку Игореве и его время. Л., 1985; и др.
- ⁸ *Васецкий Н.* Женщины российской короны. М., 1994; *Чистякова Е.В.* Алена Арзамасская-Темниковская. Саранск, 1986; *Морозова Л.Е.* Завторницы: Миф о великих княгинях. М., 2002; *Ганичева М., Кошелева В.* Самые красивые женщины России. М., 2001; и др.
- ⁹ Лаврентьевская летопись. Рязань, 2001. С. 403–404.
- ¹⁰ Там же. С. 277.
- ¹¹ Там же. С. 396.
- ¹² Троицкая летопись / Реконструкция текста М.Д. Приселкова. СПб., 2002. С. 290–291.
- ¹³ Там же. С. 289–290.
- ¹⁴ *Клосс Б.М.* Избранные труды. М., 2001. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв.
- ¹⁵ Там же. С. 380.
- ¹⁶ Там же. С. 381–382.
- ¹⁷ Там же. С. 391.
- ¹⁸ Там же. С. 396.
- ¹⁹ Там же. С. 402.
- ²⁰ *Лихачев Д.С.* Русские летописи. М.; Л., 1947. С. 282.
- ²¹ *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 51.
- ²² Лаврентьевская летопись. С. 434–437, 442–444.
- ²³ Троицкая летопись. С. 330.
- ²⁴ *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 286.
- ²⁵ Троицкая летопись. С. 414–415.
- ²⁶ *Семенкова Т.Г., Карамова О.В.* Русские царицы и царевны. М., 2001. С. 16.
- ²⁷ История русского искусства. М., 1957. Т. 1. С. 80–81.
- ²⁸ *Грабарь И.* О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 93, 104; *Антонова В.И.* О Феофане Греке в Коломне, Переславле-Залесском и Серпухове // Государственная Третьяковская галерея. Материалы и исследования. М., 1958. Т. II. С. 20–27.
- ²⁹ *Семенкова Т.Г., Карамова О.В.* Указ. соч. С. 27–28.
- ³⁰ Троицкая летопись. С. 443–444.
- ³¹ Там же. С. 436.
- ³² Там же. С. 449.
- ³³ Софийская летопись по списку И.Н. Царского // ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. Л. 257 об.
- ³⁴ *Панова Т.Д.* Русско-западные связи второй половины XV в. и Зоя Палеолог // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 361–374; *Семенкова Т.Г., Карамова О.В.* Указ. соч. С. 30–41; и др.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Н.А. Соболева:

– Женщины были разные. Евдокия Дмитриевна отличалась активностью: известно, как она провожала своего мужа Дмитрия Ивановича на бой. Но фактически какую роль играли женщины в государственных делах? Вы ставите проблему о роли женщин в становлении русской государственности в XIV–XVI вв. Меня интересует, в частности, Софья Фоминишна Палеолог, так как существуют диаметрально противоположные оценки ее деятельности: или она влияла на двор Ивана III, или, наоборот, двор Ивана III влиял на ее поведение. В книге Ю.Г. Алексеева говорится, что ни в одном источнике нет упоминаний о том, что она вела какую-то деятельность, да еще в первой половине XV в. Были связи с Миланом, с Ломбардией, они завязывались при обмене посольствами. Однако не Софья способствовала установлению этих связей. “Жалкая пенсионерка” – называл ее Алексеев. Иван III был государственным деятелем, он мыслил по-государственному. Софья была, может быть, и интриганкой при дворе, но какую роль она сыграла в становлении именно государственности? Всем, кто занимается феодализмом, эти факты известны. Нужно выявить конкретные доказательства и показать, как эта женщина влияла на становление государства.

Л.Е. Морозова:

– Я неоднократно подчеркивала в докладе, что Евдокия Дмитриевна способствовала тому, что Москва стала настоящей столицей русских земель. Она активно занималась строительством и украшением церквей, продолжая деятельность Ивана Калиты.

По поводу деятельности Софьи Палеолог существуют разные мнения. Только после того, как она появилась в Москве, были приглашены итальянские мастера и началось возведение знаменитых соборов.

Кроме того, хорошо известно из источников, что Софья Палеолог имела собственное имущество, которое хранилось в одном из подвалов. У нее была своя приемная палата (так называемая “Павалуша”), в которой она вела прием приезжавших к ней зарубежных дипломатов, принимала своих родственников. Т.е. она вела отдельную от великого князя деятельность. Она отстаивала право своего сына считаться великим князем.

История Софьи Палеолог – это огромная отдельная тема. Работа Ю.Г. Алексеева очень спорная, существует множество научных работ, в которых достаточно подробно описывается роль ве-

ликой княгини Софьи Палеолог в Русском государстве. Итальянское влияние на культуру Московского княжества – ее главная заслуга. У нее был широкий европейский кругозор, которым не обладал Иван III. Благодаря ей он расширил свои международные контакты. Великая княгиня постоянно подчеркивала, что она является византийской царевной и этим самым поднимала статус великого князя на международной арене. Ее роль в этом качестве хорошо известна.

М.Е. Бычкова:

– В XX в. людей, которые занимались тематикой, представленной в докладе, можно пересчитать на пальцах. Или факты извлекаются из работ более общего характера, или берутся из дореволюционной литературы. Но меня интересуют не вопросы, связанные с фактами, которые нам были изложены, а анализ этих фактов.

Как можно говорить о централизованном государстве в XIV в., о его становлении и образовании, когда еще в первой половине XIV в. Москва была удельным княжеством, даже не великим? Во-первых, великие княгини были владимирскими, а не московскими по своим мужьям. Во-вторых, как можно брать исходной датой XIV в.? Методически это совершенно неправильно.

Следовало бы сказать о Елене Ольгердовне, которая тоже много сделала для Москвы.

Есть разные факты, но их надо анализировать и сопоставлять, а не просто вытаскивать из источников то, что подходит под Вашу концепцию, и строить на этом свое научное исследование.

Положение осложняется тем, что сведений мало. Сложен вопрос и о родовой принадлежности княгинь. Это не русские женщины, это женщины, воспитанные не в русских традициях. Естественно, они несли в Москву традиции, к которым они привыкли на родине, адаптируясь к московским традициям.

Вам не удалось ответить на главный вопрос: собственно, кто финансировал деятельность княгинь? Было ли самостоятельным имущество Евдокии? Она действительно осталась вдовой при малолетних детях. Но было ли у великих княгинь особое имущество, или они в своем строительстве зависели от того, сколько денег выделяют их мужья. Это сложный вопрос. Через великих княгинь могла действовать церковь, чтобы развивать свое строительство. Может быть, это было проще, чем действовать через их мужей.

Княгинины монастыри? Да, это традиция. Но почему они строились? Потому что княгини часто постригались в монахини,

в кремлевских монастырях они просто кончали свою жизнь, оставшись вдовами. И строили они их для себя.

Так что тут много вопросов, на которые еще надо искать ответы, хотя фактов Вы собрали достаточное количество. Ваши выводы очень часто зависят в воздухе именно оттого, что вы не предоставляете всей суммы фактов.

Ваша трудность в том, что в последние годы жанр исторической биографии стал очень популярным. Во всех странах пишутся великолепные работы. Разработана методика, когда через биографию государственного или политического деятеля, как сквозь увеличительное стекло, просматривается и биография политической истории страны. Это очень интересные работы. Многие из них уже сейчас переведены на русский язык, и они доступны. Можно вспомнить о европейской традиции написания биографий.

Я прочитала очерк о Софье Палеолог в недавно вышедшей польской работе. Там использована европейская традиция написания биографий.

Конечно, мы должны быть благодарны этим женщинам за то, что они просвещали своих московских мужей и прививали им навыки европейской культуры. Однако нужно пользоваться современными научными методиками и не зеркально класть на них русские источники, а учитывать достижения современной науки и пытаться писать на том же уровне, как это делают в Европе.

Я надеюсь, что Вам это удастся, когда Вы издадите монографическое научное исследование.

Н.А. Соболева:

– Тем исследователям, кто занимается феодализмом, читает летописи, литературу, известно о Евдокии Дмитриевне, о Софье Палеолог, о Софье Витовтовне. Биографии интересны, но роль великих княгинь и цариц в становлении единого русского централизованного государства была незначительной, т.е. государство создавалось практически без их участия. Они были женами, строили для себя монастыри, вели дворцовые интриги и т.п.

Ю.А. Тихонов:

– Общий смысл и значение доклада состоит в том, чтобы попытаться поразмышлять: как же так, женщина в стороне от государственной жизни, и не вообще женщина, а супруга главы государства? Как мне представляется, женское затворничество характерно для молодых девушек, еще незамужних, их оберегали. Но когда речь идет о супруге великого князя и царя, то что же, ее никто не видел, кроме супруга? В чем здесь причины?

Не обедняем ли мы историю, не занимаясь этими сюжетами? Сейчас мы понимаем, что историей повседневности не занимались по-настоящему, а вращались в темах высокой политики и т.д. Наверное надо что-то менять в наших подходах.

На чем мы основываемся в определении роли женщины до XVII в., в средневековье, даже и в XVII в.? Отдельные правовые нормы указывали на ее приниженное положение. Можно вспомнить, например, о налоговой практике, когда женщина не ответственна перед казной за уплату налогов и несение повинностей.

Я вспомнил таможенные книги XVII в. Там есть записи о том, что с женщин-продавцов берется торговый налог.

В докладе наиболее ярко показаны такие женщины, как Софья Витовтовна и Елена Глинская. Обе они происходили из Великого княжества Литовского. Напрашивается вопрос: а как там обстояло дело с женами великих князей, наиболее важных магнатов, которые претендовали на княжескую власть и т.д.? Были отличия или не было отличий? Этот вопрос надо исследовать.

В XVII в. существовало обширное многоотраслевое дворцовое хозяйство. По существу, вся легкая и пищевая промышленность, выражаясь по-современному, находилась в Приказах, в мастерских, которыми непосредственно управляла царица, и там было задействовано очень много людей. Кроме того, многие Приказы возглавляли знатные люди – бояре, окольничие. Они выходили на главного управителя, на женщину. Управляющие организации назывались: “Царицына палата”, “Золотая”, “Серебряная” и т.д. Может быть, оружием женщина не занималась, а что касается питания, одежды, обслуживания, то тут без жены не обойдешься. Без жены монарха. Может быть, масштабы этого в XIV–XV вв. были скромнее, в XVI в. уже, наверное, больше, а XVII в. – уже расцвет хозяйства, без которого вообще невозможно представить экономическую жизнь страны.

Мне кажется, правильно подчеркивается значение княгини, царицы в сношениях княжеского царского дома с иерархами, особенно с высшими иерархами черного духовенства. Ведь назначение на высокую должность в монастырь или в область духовного управления зависело от князя, и, конечно, вопрос очень часто не мог решаться без влияния его супруги.

Таким образом, мы видим уже и область государственного управления, и духовного, хозяйственного. В дипломатических переговорах, в выработке какого-то внешнеполитического или внутривластного курса, конечно, супруга великого князя или царя не могла не участвовать.

Доклад, который призывает заняться наконец-то этим направлением, этой темой и перейти от постановки вопроса к настоящей исследовательской работе, звучит очень своевременно.

Л.Е. Морозова:

– Мой доклад – это постановка проблемы. Упрекать меня в том, что мной не сделаны какие-то окончательные выводы или не сделан какой-то анализ, неправомерно. Я ставила вопрос о том, что эта тема активно разрабатывается в зарубежной историографии, но в нашей исторической науке не разрабатывается и как бы стоит в стороне. Как следствие, доминируют стереотипы, выработанные зарубежными историками, которые гласят о том, что русские женщины были теремными затворницами. В начале доклада я сказала, что разрушить эти стереотипы можно путем составления биографий конкретных женщин, а не путем анализа нарративных памятников, в частности “Домостроя”, который служит главным основанием для того, чтобы сделать вывод о теремном затворничестве .

Я очень благодарна за поддержку моей темы. Я считаю, что если этой темой заняться глубоко, можно сразу обнаружить, что источников не так уж мало. У нас огромное количество летописей, и в этих летописях содержатся, хотя и разрозненные, но довольно значительные сведения о деятельности женщин. Там можно найти сведения и о строительстве, и об их поездках, например о поездках Софьи Витовтовны в Смоленск или о приеме различных дипломатов и т.д. Эти сведения нужно собирать по крупицам.

Если ученый совет решит, что тема достойна внимания, то я хотела бы заняться исследованием этой проблемы более глубоко.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ XVIII ВЕКА (ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЙНОЙ ИСТОРИИ)*

Проблема эволюции доктрины российского самодержавия и ее воздействия на сознание дворянства обеспечены обширным комплексом как опубликованных, так и архивных источников, и имеют богатейшую историографию. Вся научная литература по этой проблеме может быть разделена на несколько групп: обобщающие монографии по истории России в XVIII в.; работы, посвященные особенностям русского абсолютизма; исследования по социальной истории дворянства; и, наконец, статьи и монографии культурологического содержания. Наиболее разработанными остаются вопросы, связанные с ценностями и приоритетами государственной доктрины, с одной стороны, и с имиджем императора в сознании подданных – с другой¹. Недостаточно изучены каналы воздействия официальной доктрины на сознание представителей господствующего сословия и степень результативности функционирования государственной концепции, иначе говоря, “обратная связь”, на которую рассчитана любая идеология.

Воссоздание механизмов воспитания государственного сознания у политически активной элиты дворянства, которая и стала главным носителем имперской идеологии, особенно актуально для XVIII в., когда отношения власти и дворянства принципиально изменились. Указ 1714 г. о единонаследии, уравнивший юридический статус вотчины и поместья, и Манифест 1762 г. о вольности дворянства законодательно закрепили превращение служилого сословия в господствующий класс, владеющий землей и свободный от обязательной службы. В результате власть оказалась перед задачей – узаконить отмирание института “службы с земли” и, дав дворянству свободу от государственной повинности, сохранить его в качестве служилого сословия, т.е. главной социальной опоры абсолютизма. В XVIII в. интенсифицируется сложный механизм идеологического и социально-психологического воздействия официальной доктрины на сознание дворянина. В первой

* Доклад на заседании ученого совета ИРИ РАН 4 ноября 2003 г.**

** Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 03-01-00134а).

половине XIX в., когда активно шел процесс формирования и укрепления слоя профессиональной, преданной престолу бюрократии, проблема воспитания государственного сознания у дворянского сословия теряет свою актуальность.

Выявление в текстах сведений о взаимодействии идеологии, социальной психологии и менталитета предполагает формирование источниковой базы, адекватной поставленной исследовательской задаче. Очевидно, что нельзя дать конкретный перечень текстов, где были бы целенаправленно сформулированы основные идеи государственной доктрины и перечислены каналы ее реализации. Имперская идеология фрагментарно, в том или ином ракурсе, была запечатлена в самых разнообразных документах. Тем не менее можно выделить наиболее информативные виды исторических источников, в которых отразились приоритеты и особенности функционирования официальной доктрины, с одной стороны, и результаты ее воздействия на сознание элиты – с другой. К таким документам относятся, на мой взгляд, законодательные акты, которые издавались под названиями именных, объявленных из Сената и сенатских указов, манифестов, регламентов, учреждений, наставлений, жалованных грамот и т.д.

Законодательство является важнейшим источником по социально-экономической и политической истории, оно может расцениваться и как документ, воссоздающий содержание государственной идеологии, а также образ подданных в восприятии престола.

Российское законодательство представляется крайне сложным полифункциональным источником, имеющим неоднородную аудиторию, условно подразделяющуюся на внутреннюю, внешнюю и “идеальную”. Многочисленные указы адресовались к населению империи в целом или отдельным слоям и сословиям, в то же время внешнеполитические амбиции Петербурга были обращены к иностранным дворам и европейскому общественному мнению, влияние которого становилось в XVIII в. все более ощутимым. Наконец, правители России заботились о своей репутации не только среди отечественной и зарубежной элиты, но и в оценках последующих поколений. В этом отношении законодательство становилось главным документом, характеризующим власть в глазах потомков.

Соответственно и среди отраженных в указах идей, составляющих официальную доктрину, можно выделить декларативные или демонстративно провозглашаемые и обязательные, т.е. последовательно формулируемые и целенаправленно внедряемые

властью в сознание населения. Так, в своем “Наказе” Екатерина II обращалась не только к депутатам, но и к европейскому общественному мнению и к сословиям, направившим своих представителей в Уложенную комиссию. Соответственно и идеям этой высочайшей инструкции предназначалась различная роль. Рассуждения о “всеобщем благе” были выполнены в стиле философской риторики века Просвещения, а провозглашение самодержавия единственно возможной в России формой правления носило отнюдь не рекомендательный характер.

Основной массив исходящих от престола документов был рассчитан на непосредственную реализацию и потому включал механизмы воздействия на подданных, без лояльности которых невозможно исполнение предписаний власти. Политическая теория абсолютизма отличалась убежденностью в особой силе закона, здравого смысла и регулярного государства, призванного установить разумный миропорядок. Поток указов определялся уверенностью престола в возможности воспитать общество через слово императора, прозвучавшее в законе.

Глобальные внутренние и внешние задачи, стоящие перед Российской империей, динамичная модернизация общества, жесткие обстоятельства борьбы за пространственно-географические условия существования страны – все эти факторы политической истории “долгого русского XVIII века” поставили власть перед необходимостью формирования гибкого и действенного регулятивного механизма. Используя лишь методы принуждения и надзора, сложно было осуществлять мобилизацию человеческих ресурсов, поддерживать внутреннюю стабильность и создавать идеологическое единство расширяющего свои границы государства. Главным адресатом официальной доктрины стали не “ревизские души”, режим жесткого принуждения по отношению к которым только усиливался. Идеологическое воздействие самодержавия было направлено на сознание политической элиты, обеспечивающей функционирование всей государственной машины.

Важнейшие механизмы влияния власти на мотивационную сферу личности подданных косвенно отразились в текстах указов. Обоснование необходимости того или иного нового закона, контекст употребления имен российских монархов прошлых эпох, толкование распоряжений, содержание которых продуктивно сравнить с документами, лишь императивно диктующими высочайшую волю; лексика указов, в том числе начальные строки, используемая в подписи титулатура монарха, особенности обращения к подданным и официальные наименования высшего

сословия – обработка подобной информации позволит адекватно воспроизвести реальные каналы функционирования государственной доктрины. Иными словами, законодательный акт должен быть прочитан как сложный нарративный текст с применением специальных подходов, включающих контент-анализ, методы “интеллектуальной” и “понятийной истории”, приемы, используемые в антропологии, социальной психологии и литературоведении, особенно в отношении русского XVIII века, который может быть назван “столетием семиотики”.

Безусловно, любое время является переходным и в языке любой эпохи возникают новые понятия. Однако именно в России XVIII в. терминология и символика стали важнейшим орудием социального контроля со стороны власти и подтверждением достигаемых с помощью оружия внешнеполитических успехов. На протяжении столетия по высочайшему повелению был изменен титул монарха и название страны, варьировались официальные наименования подданных и различных сословий, этикетные формы обращения к императору и чиновникам, один за другим издавались указы о “знаковых” преобразованиях алфавита, летоисчисления, стиля одежды, планировки городов и т.д. Термин и его трактовка в XVIII в. становятся важнейшим аргументом в политическом споре, средством убеждения и осмысления действительности. Необходимость реформы Сената и учреждения Императорского Совета канцлер Н.И. Панин пытался донести до Екатерины II через рассуждения о содержании понятий “просвещенный монарх”, “самодержавие”, “самовластие”, “кроткий государь” и т.п.²

На протяжении XVIII в. тональность исходящих от престола распоряжений несколько изменяется. Петр I свои указы, в том числе “Морской устав”, сопровождал развернутыми толкованиями. Повеления Екатерины II лишены характерных для законодательства первой четверти XVIII в. объяснений. Те немногочисленные указы, которые императрица “объявляла во всенародное известие”, она приказывала прибить в публичных местах, читать в церквях, копировать и хранить во всех органах административного управления, “чтоб никто неведением не отговаривался”. Эти указы были исключительно императивны и касались “строгого наблюдения исправности платежа подушного сбора”³.

Внедряемая в сознание дворянства самодержавная доктрина становилась сложнее, выражалась с помощью более богатой лексики. Диалог с высшим сословием переносился на страницы официальной публицистики, предисловий к законодательным актам, распоряжений о наградах, личных писем Екатерины II, кни-

ги “О должностях человека и гражданина”, составленной при участии императрицы для чтения в народных училищах .

Екатерина II придавала большое внимание подготовке умов к узаконениям, причем умов дворянства и прежде всего его элиты. “Ты сам знаешь, – признавалась императрица своему статс-секретарю В.С. Попову, – с какой осмотрительностью, с какой осторожностью поступаю я в издании моих узаконений. Я разбираю обстоятельства, советуюсь, улавливаю мысли просвещенной части народа и по тому заключаю, какое действие указ мой произвести должен. И когда уже наперед я уверена в общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление и имею удовольствие то, что ты называешь слепым повиновением. И вот основание власти неограниченной”⁴. В “Наказе” Екатерина писала, что “законоположение должно применять к народному умствованию. Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непринужденно, и следуя природной нашей склонности”⁵.

Таким образом, при исследовании механизмов реализации самодержавной доктрины на основе лексического анализа текстов законодательных актов следует провести комплексное сопоставление полученных сведений с материалами источников другой видовой принадлежности. Каналы воздействия власти на сознание дворянства могут быть рассмотрены, условно говоря, на трех уровнях: имперском, сословном и личностном. При работе с текстами документов следует проанализировать следующие термины:

- *император, империя, государь, монарх, самодержец, Отечество* и т.п., т.е. понятия, определяющие самоидентификацию власти и репрезентацию образа монарха в официальных источниках;

- *дворянство, благородное сословие, народ, общество, гражданин, служба Отечеству, служба императору, ревностная служба, чин* и т.п., т.е. понятия, выражающие представления власти об иерархии общества и месте дворянства в этой социальной пирамиде;

- *холоп, раб, верноподданный, сын Отечества* и т.п., терминология, определяющая взаимоотношения личности дворянина и власти.

Особая роль самодержавного государства в российской истории повлияла на содержание ведущей компоненты общественно-го сознания. Репрезентация верховного правителя и его официальная титулатура в XVIII в. являются одним из важнейших каналов воздействия власти на сознание подданных.

22 октября 1721 г. в связи с празднованием победы над Шведской короной российскому монарху был преподнесен титул импе-

ратора и наименования “Отец Отечества и Великий”⁶. Петр I был провозглашен императором светской инвеститурой, без таинства венчания на царство и миропомазания⁷. Новая титулатура не усилила сакрализацию его образа. В абсолютистской России суверен был уже не однажды назван “министром Всевышнего”⁸ и без дополнительных званий являлся самодержавным правителем. Монарх отныне именовался императором не для поднятия авторитета престола и не для концентрации вокруг него всей державной мощи. Новый титул должен был “обслуживать” прежде всего возросшие внешнеполитические амбиции России, которые необходимо было обосновать не только оружием, но и идеологией.

20 октября 1721 г., когда Александр Меншиков подал Петру I послание, в котором Сенат просил разрешения поднести монарху “по примеру других” “титло” Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого⁹, Петр потребовал к себе некоторых сенаторов, Феофана Прокоповича и Федора Яновского и во время аудиенции поначалу отказывался удовлетворить просьбу и “многими явленными резонами от того уклоняться изволил”¹⁰. Петра смущало понижение статуса его царственных предков и расшатывание авторитета их титула, освященного наследием православной Византии¹⁴. Вероятно, могло сыграть свою роль и “лицедейство” русских монархов – их публичные отказы от вожделенной власти и милостивое снисхождение или возвращение на трон под аккомпанемент народной мольбы. Не исключено также, что “помазанник Божий” любое “титло” считал недостаточным для своей возвеличенной персоны. Все сомнения Петра были связаны с целесообразностью изменения официального титула венценосной особы в плоскости отношений “монарх–верноподданные”.

После Полтавской победы Петру и его сподвижникам стало ясно, что страна имеет теперь все основания войти в европейский мир могущественной державой, и логично, что имя этой державы будет Российская империя. Титул императора уравнивал статус российского монарха и высшего “потентата” Европы, императора Священной Римской империи. Петербург несколько десятилетий добивался признания за страной статуса империи. Европейским дворам были отправлены “объявительные грамоты”, извещавшие о победе в Северной войне и поднесении царю нового титула, дипломатам при российском престоле следовало получить распоряжение от своих монархов именовать Петра императором, в Петербурге не принимались послы с нотами и грамотами, в которых официальное обращение к русскому самодержцу содержало старый формуляр¹².

Для народа же монарх был, “есть и пребудет” “державнейшим самодержцем” и “государем всемилостивейшим”, что отразилось, в частности, в официально определенных для подданных этикетных обращениях к верховному правителю. Через три недели после празднования Ништадтского мира был обнародован формуляр императорских титулов. В “грамотах в иностранные государства” и в “грамотах внутрь государства” монарх теперь именовался “Петр Первый, Император и Самодержец Всероссийский”. Причем дипломатические документы открывались полной титулатурой, распоряжения же, касающиеся внутренних проблем, ограничивались кратким титулом. В посланиях подданных императору формуляр требовал иного обращения: “Всепресветлейший, Державнейший, Император и Самодержец Всероссийский, Петр Великий, Отец Отечества, Государь Всемилоостивейший”. После изложения обстоятельств дела в челобитных и отписках собственно перед прошением следовало писать: “Всемилоостивейший Государь, прошу Вашего Императорского Величества”. Заканчивалась же бумага на высочайшее имя словами “Вашего Императорского Величества нижайший раб имярек”¹³.

Основа данного формуляра была установлена в 1702 г. указом “о форме прошений, подаваемых на высочайшее имя”, в котором запрещалось писать в челобитных “Его Царского Именования Титл” “по прежнему обыкновению”¹⁴. Традиционное для конца XVII в. обращение к “великому государю царю” заменялось на “Державнейший Царь, Государь Милостивейший”. В 1721 г. эта фраза была усложнена этикетными формулировками, связанными с изменением титула монарха и его новыми наименованиями – “Петр Великий, Отец Отечества”. Не изменилась в связи с провозглашением монарха императором и законодательно введенная в 1702 г. единая для всех подданных подпись в посланиях царю “Вашего Величества нижайший раб”.

Заданные формуляры, неукоснительно воспроизводимые ежедневно по всей стране, от дипломатических представительств до храма, вобрали в себя все статусы российского монарха: для Европы он стал императором, для собственного государства он оставался “самодержцем всероссийским”, для народа – “государем всемилостивейшим”. На протяжении XVIII в. монарх, официально именуемый “Его (Ваше) Императорское Величество”, в повседневной речи подданных очень часто будет называться государем, Российская империя – Россией¹⁵, если речь будет идти о стране, и Отечеством, если за эту страну нужно проливать кровь. В конце XVIII в. представители круга имеющих право на личные послания Екатерине II будут значительно чаще обращаться к

“всемиловейшей” или “великой” “государыне”, чем к “Вашему Императорскому Величеству”, употребляя титул “императрица” в частных письмах на французском языке, где о монархине говорится в третьем лице¹⁶.

В 1767 г. императрица отклонит преподносимые ей титулы: “Екатерина Великая, Премудрая, Мать Отечества”, рассудив, что власть “державнейшей самодержицы” не нуждается в терминологическом усилении, а позиции российской императрицы в Европе разумнее укрепить репутацией венценосной законодательницы.

В текстах присяг, указах о награждениях, в Жалованной грамоте дворянству и т.д. долг “ревностного служения” императрице неразрывно связывался с образом “Всемиловейшей Государыни, Самодержицы Всероссийской”. Под воздействием официальной доктрины в сознании дворянина понятия государь–государство–отечество сливались в единый символ. Служение Отечеству принимает вид культа царственной особы, государственный интерес – это интерес и личные притязания императора, закон – его воля, дворяне – слуги, частная и семейная жизнь правителя вырастает в факт политической важности, его симпатии определяют состав политически господствующей элиты. Мотивационная сфера подданного была подчинена этой ценности. Она была основой патриотического чувства дворянства и воплощалась в формуле “служба государю и Отечеству”.

Сословное самосознание дворянина растворялось в государственном, что стимулировалось властью через официальные наименования высшего сословия и систему социального престижа.

Понятие “дворянин” в русском языке происходило от слова “двор” и первоначально означало приближенного великого князя. Дворянство возникло как сословие, обязанное нести государственную службу, которая вознаграждалась земельным владением. Л.В. Милов указывает, что процесс воссоздания единого русского государства в XIV–XVI вв. стимулировался задачами политического характера. Общество оставалось внутренне непрочным. Выход был найден в развитии условной формы феодального землевладения, которая ставила каждого помещика в прямую зависимость от государя. С середины XVI в. “и обладание вотчиной стало для каждого феодала обусловлено службой царю”¹⁷.

На протяжении XVIII в. происходила ликвидация сословно-чиновных групп в составе светских землевладельцев. При Екатерине II утвердился термин “дворянство” для обозначения всего господствующего класса. С 1754 г. высшее сословие стали офи-

циально именовать “благородным”, что указывало на дарованное государем привилегированное положение¹⁸.

Пожалованный вместе со свободой от государственной службы и монопольным правом владения землей и крепостными крестьянами титул “благородный” встречается в исходящих от верховной власти документах. Так, Манифест о вольности дворянства от 18 февраля 1762 г. провозглашал: “{...} благородные мысли вкоренили в сердцах всех истинных России патриотов, безпредельную Нам ревность и любовь, великое усердие и отменную к службе Нашей ревность, а потому не находим Мы той необходимости в принуждении к службе, какая до сего времени потребна была”¹⁹. “Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства” 1785 г. содержала пояснение “что есть благородное дворянское достоинство” – “дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем приобрели потомству своему нарицание благородное”²⁰. В высочайших наставлениях “О должностях человека и гражданина” были сформулированы преимущества людей “благородного состояния”: “...им принадлежат высокие места в гражданском правлении и в войске; они суть ближайшие к особе Монарха, следовательно преимущественно ему ведомы, им употребляемы и действуют пред его очами”²⁴.

Обязанностью дворянина продолжало оставаться ревностное исполнение служебных обязанностей, а “почет” и “честь” верноподданному гарантировала высочайшая власть.

Начиная с Табели о рангах 1722 г. идет формирование системы социального престижа, центральным символом которой становится дарованный государством чин. Бюрократический статус, потеснив родовое достоинство, превращается в определяющий критерий оценки дворянина в обществе. Подтверждающая привилегии господствующего сословия “Жалованная грамота дворянству” 1785 г. была дарована, когда служба из повинности превратилась в средство самореализации представителя “благородного” сословия.

Зафиксированное в официальных документах отождествление понятий “благородство” и “честь, почесть, почет”, попытка слить термины “благородный” и “дворянин” в одно устойчивое сочетание и наполнить его верноподданническим смыслом, усиленным чувством сословного гонора, происходило не без влияния западноевропейской традиции. Однако сложившаяся в ином обществе лингвистическая норма принципиально видоизменялась, высвечивая специфику российских реалий. Возникающий

понятный зазор чувствовали и современники. Признавалось, что в России, как и в Европе, имеется “благородное дворянство”, однако главная доблесть отечественного высшего сословия состояла в служении монарху: “В российском слове дворянина ясно представляется, кажется, чиновник, приверженный ко двору и особе государя. Все дворянство представляется некоторым образом последованием государя, который видел в нем готовые орудия правления, по встречающимся надобностям в войне и мире”²².

В XVIII в. в Западной Европе стремление заявить о превосходстве “благородного состояния” было связано с усилением буржуазии, которая оспаривала приоритетные позиции дворянской аристократии. Внесословное индивидуализированное содержание понятия “честь” выкристаллизовывалось в городской недворянской среде, соединялось с набором “буржуазных добродетелей” (bürgerliche Tugenden): “почтенностью, степенностью, благопристойностью”, и вдохновлялось рационализмом Просвещения²³.

В России второй половины XVIII в. не было социальной силы, способной потеснить единственное привилегированное сословие и противопоставить высочайше пожалованному званию “благородного” собственное понимание общественного престижа. Не случайно положение всех групп на иерархической лестнице официально определялось как “состояние” и лишь принадлежность к высшему сословию именовалась “дворянским достоинством”. Представители буржуазии с завистливым почтением воспринимали дворянский гонор, стремились проникнуть в состав класса феодалов и усвоить “благородный” образ жизни. Для власти “народом” были дворяне. Однако элитарность господствующего сословия определялась службой монарху, которая считалась главной привилегией дворянина.

В Западной Европе сильнее была сословная корпоративность дворянства и прочнее внутренняя устойчивость сеньории²⁴. В России же так и не прижилось правило майората и порой у одной деревни могло быть несколько собственников. В самодержавном государстве не только права мелкопоместного хозяина были очень зыбкими, но и крупный латифундист не чувствовал себя полновластным владельцем своих имений. Таким образом, крайняя слабость конкурентов в социальной структуре общества и отсутствие слоя земельной наследственной знати, мощные владения которой определялись бы неделимостью вотчин, тормозили развитие сословного самосознания российского дворянства. В России несложная система вассально-сеньориальных связей гарантировала единство господствующего сословия, а милость дво-

ра и дарованный императорской властью чин объединяли прямых подданных монарха.

В Западной Европе, например в Пруссии, определение “благородный” по отношению к дворянству имело длительную традицию. К рассматриваемому периоду в немецком, английском и французском языках термины “благородный” и “дворянин” стали практически омонимами (ср. “Adel”, “edel”, “nobility”, “noble”, “noblement”, “noble”, “nobiliaire”, “de la noblesse”). В России же эпитет “благородное” так и не закрепился за “дворянством”.

Идея верноподданнической обязанности затмевала сословные цели дворянства, растворяла их в государственном интересе и препятствовала формированию политической культуры господствующего класса. Отсутствие сложной иерархической структуры привело к возникновению у дворянина чувства личного служения императору. Вертикально направленный механизм психологической сплоченности высшего класса, ориентированный на сакрализованный авторитет монарха, и слабое развитие сословного самосознания предопределили отход от престола оппозиционно настроенной образованной элиты.

Процесс формирования государственного сознания дворянина, получивший мощный импульс во время петровского царствования, завершится в годы правления Екатерины II и будет иметь непредсказуемые для власти последствия.

Изменяется и отношение власти к личности подданного, что было зафиксировано в новом формуляре прошений на высочайшее имя. Терминологию посланий государю и само наименование петиций правительство использовало как один из каналов воздействия на сознание индивида.

Если в конце XVII в. податное население в прошениях царю подписывалось “сирота твой”, духовенство – “богомolec твой”, служилые люди – “холоп твой”²⁵, а с марта 1702 г. вводилась унифицированная подпись – “Вашего Величества нижайший раб”²⁶, то в 1786 г. словесная форма выражения зависимости автора послания от престола принципиально изменялась. В указе Екатерины II “Об отмене употребления слов и речений в прошениях на Высочайшее имя и в Присутственные места подаваемых челобитен” трансформировалось как название петиции, так и официально задаваемая подпись автора: “⟨...⟩ отныне впредь, вместо подаваемых до сего на имя Ее Величества челобитен ⟨...⟩ писать жалобницы или прошения, в коих после титула Ее Величества бьет челом, ставить: приносит жалобу, или просит имярек. ⟨...⟩ в присылаемых же к Ее Величеству письмах и реляциях или донесени-

ях, по окончании оных, вместо всеподданнейшего раба, подписывать: всеподданнейший, или верный подданный”²⁷.

Смысловым центром указа являлся запрет на использование во всех официальных бумагах понятия “раб” в качестве наименования, характеризующего отношения личности и престола. До 1786 г. термин “раб” был общеупотребительной подписью в посланиях, от писем отцу²⁸ до представляемых Екатерине II планов и проектов крупных сановников. Шаблонная формула “всеподданнейший раб” стояла в конце даже таких серьезных политических документов, как “Генеральный план воспитательного дома” И.И. Бецкого или “Доклад о государственном правлении” Н.И. Панина²⁹.

Единый для всех формуляр “Вашего Императорского Величества нижайший раб” и отражал, и стимулировал дальнейшую сакрализацию личности монарха в русском общественном сознании, что, кстати, подтверждает и смысловое наполнение некоторых русских пословиц: “раб Божий всякий человек”, “пред Богом все рабы”. В данном контексте понятие “раб” было лишено уничижительного значения³⁰. В России XVIII в., где служба монарху возводилась в ранг важнейшей ценности, роль “слуги царя” столь же возвышала подданного, как смирение “раба Божьего” украшало праведника. Кроме того, в стереотипной фразе “Вашего Императорского Величества нижайший раб” понятие “раб” имело метафорический смысл, далекий от содержания слова “невольник”, и приближалось к этикетной подписи “покорнейший слуга”. В посланиях на высочайшее имя, лишенных строгого формуляра, приближенные императрицы использовали эти формулы как тождественные и взаимозаменяемые³¹.

Между тем императрица все же идет на запрет условного трафарета. Логично было бы предположить, что в данном случае ученица Вольтера следовала риторике Просвещения, отдавая должное гуманистическому учению не только в письмах философам, но и в указе, подлежащем исполнению. Стремлением к просветительской стилистике можно объяснить и искоренение архаичных уничижительных формул “челобитная”, “бить челом”³² и замене их на производные от “просить”, “жаловаться”, “принести жалобу” и т.п.

Законодательно санкционированная замена термина “раб” на термин “подданный” являлась как показателем трансформации отношений власти и населения, так и импульсом для развития института подданства в российском обществе. Термин “подданный”, согласно указу 1786 г., в качестве подписи становится обязательным лишь для посланий на имя императрицы: реляций,

донесений, писем, присяжных листов и патентов. Формуляр жалобниц или прошений был ограничен нейтральной концовкой “приносит жалобу” или “просит имярек”. А если учесть происходящее на протяжении XVIII в. сужение привилегированного слоя, представители которого имели право адресовать свои послания императрице, то станет очевидно, что собственно подданными власть признавала очень избранную группу людей. В 1765 г. был опубликован указ, запрещающий подавать прошения лично императрице, минуя соответственные присутственные места. Наказания варьировались в зависимости от статуса “предерзких” челобитчиков: имеющие чин платили одну треть годового оклада, а крестьяне отправлялись в пожизненную ссылку в Нерчинск²³. Следовательно, на “беспосредственное”, как говорили в XVIII в., обращение к императрице могло рассчитывать лишь ближайшее окружение, направляющее Екатерине не челобитные, а письма. Исключение из стандартной подписи прошений какой-либо формы выражения взаимоотношений автора и монарха, с одной стороны, и официально заданная концовка “верный подданный” в личных и деловых посланиях, направляемых к престолу, – с другой, свидетельствовали о стремлении императрицы к иному уровню контактов со своим ближайшим окружением, в котором она хотела видеть партнеров, а не челобитчиков.

Абсолютистское государство было зажато между стремлением иметь преданную престолу политическую верхушку и потребностью в деятельной личности, равной по масштабу веку европейского Просвещения. Власть освободила дворянина от обязательной государственной повинности и гарантировала ему доступ к знанию и изысканному образу жизни. Образованная знать оказалась наиболее восприимчивой к гуманитарным ценностям. Сановник последней трети XVIII в. ориентировался на эталон обаятельной, смело мыслящей императрицы, состоящей в переписке с самыми авторитетными умами своего времени. Екатерина II сама нередко демонстрировала уважение к личности своих ближайших подданных и даже поощряла “ограниченное”, “дозволенное фрондерство”³⁴.

В XVIII в. государственная концепция обогащается новыми смыслами и расширяет каналы своей реализации. Постепенно содержание главного идеологического символа сближается с понятиями “государственная польза” и “государственный интерес”. Вместе с усложнением терминологии исходящих от престола бумаг происходит усложнение объекта патриотических чувств подданных. Так, если в начале XVIII в. “государственный интерес”

означал наполненную и защищенную от хищений казну, то к концу столетия смысл этого понятия часто расширялся до “благополучия и прибытка всей обширной Российской Империи”. Настойчиво поддерживая непререкаемый культ “самодержавного монарха”, государство недооценивало глубины влияния иных идей и последствий изменения своего собственного имиджа. Легко оперируя такими понятиями, как “общественная польза”, “естественное право”, “свобода”, “собственность”, “подверженность всех граждан фундаментальным законам”, но не предполагая внедрения этих категорий в сознание современников, власть невольно задавала особую атмосферу в обществе.

Престол рассчитывал на возникновение культуры, сосредоточенной вокруг образа монарха, превращенной в вид государственной службы и призванной прославлять успехи империи. Однако со временем круг придворных политиков, поэтов и ученых разросся до целого слоя образованного дворянства, которое претендовало на идейное лидерство в обществе и выстраивало свои собственные отношения с западным миром. Российское дворянство второй половины XVIII в. было не чуждо умеренной оппозиционности во взглядах и оценках. Едкие пересмешиники первых столичных салонов; способные на независимые государственные решения крупные полководцы и дипломаты; критически настроенные вельможи в отставке; розенкрейцеры с их “странными мудрованиями”³⁵; интеллектуалы, способные “истину царям с улыбкой говорить”³⁶ стали персонажами драмы, о которой писал Белинский: “Ее царствование — это драма, драма многосложная и запутанная по завязке, живая и быстрая по ходу действия, пестрая и яркая по разнообразию характеров, греческая трагедия по царственному величию и испанской силе героев”³⁷.

Эпистолярное наследие столь ярких и самобытных фигур дворянской аристократии³⁸ свидетельствует, что все они легко мирились с трафаретной подписью “раб” и оставили без внимания терминологические нововведения императрицы. Законодательно измененная концовка посланий на высочайшее имя игнорировалась, и даже дипломатические реляции и политические проекты поступали к престолу за подписью “нижайший верно-подданнейший раб”. Единственной реакцией на новый формуляр прошений, которая целенаправленно была доведена до сведения императрицы, стала ода В.В. Капниста “На истребление в России звания раба Екатериною Второю в 15 день февраля 1786 года”.

Красуйся, счастлива Россия!
Восторгом радостным пылай;
Встречая времена златые,
Главу цветами увенчай!

.....
Да глас твой в песнях возгремит,
Исполнит радостью вселенну:
Тебе свободу драгоценну
Екатерина днесь дарит.

Поэт воспевал запрещение использовать слово “раб” в официальных бумагах как реальное освобождение россиян. Народ могучей, расширяющей свои границы империи одерживал блистательные победы в подневольном положении:

Среди такого блеска славы,
Побед, которым нет числа,
Во узах собственной державы
Россия рабства дни влекла,
Когда чужую цепь терзала,
Сама в веригах унывала
И не рвала своих оков (...)»³⁹

Такое отождествление изменения канцелярских штампов и неосуществленных социальных реформ разоблачало крепостническую монархию. Екатерина была разгневана стихами Капниста. И действительно, в письме Г.Р. Державину поэт признавался в чувствах, далеких от верноподданнического рвения: “(...) душевно отстал я от всяких великосветских замыслов. Съискиваю свое истинное счастье в уединении, (...) в воспитании детей, в созерцании прекраснейшей девственной природы, лелеющей обитель мою, в погружении себя иногда в недро души моей и в воспарении оттуда иногда к источнику ее и всей твари. (...) Руками упражняюсь (...) в украшении сада моего, какого прекраснее и редкие цари имеют”⁴⁰.

Ослабление духовного союза образованного дворянина и государства проявилось на уровне поведенческих моделей и оценочных реакций. Эволюция сознания фрондирующей элиты пошла по линии разрушения неоспоримой ценности успешной служебной карьеры и имела при этом не только критическую направленность. Преодоление всепроникающей государственности выразилось в поиске иных сфер реализации личности, независимых от имперского аппарата, престола, светской массы. Наиболее думающая и остро чувствующая часть интеллектуальной элиты отшатнулась от верховной власти и попыталась осуществить себя на социальной периферии, в сфере, удаленной от эпи-

центра действия официальных ценностей. Такой сферой стали дружеские связи, замкнутый мир дворянской усадьбы, масонское братство, писательский труд, независимое книгоиздательство, благотворительность, духовные искания и т.п.

В посланиях на высочайшее имя интеллектуальная элита упорно продолжала подписываться “нижайший раб”, но в личной переписке и философских трактатах вырабатывалось отличное от официозного понимание некоторых устоявшихся, близких к стереотипу социальных терминов.

Так, понятие “благородный” в текстах образованной знати приобретает этический смысл, незамутненный сословным гоном главных слуг монарха. В источниках личного происхождения практически не зафиксировано употребление понятия “благородное дворянство”, исполненное признания высоких нравственных качеств его представителей. Иногда этот термин упоминается даже с оттенком иронии. “Желание отличий, уважения, блестящих выгод роскоши, производят беспрестанное соперничество между людьми благородного состояния, (...) они находят себя бедными посреди величайших богатств, потому что прихоти и своенравия превосходят сокровища Креза”⁴¹. В то же время начинает переосмысливаться и понятие “подлый”. «В низком состоянии можно иметь благороднейшую душу, – писал Д.И. Фонвизин в “Опыте российского словника”, – равно как и весьма большой барин может быть весьма подлый человек»⁴². Нравственный смысл, обнаруженный в социальных терминах, заставлял усомниться в незыблемой иерархии общества и даже порождал удивительные “семиотические” решения, подобные отказу небогатого чиновника, розенкрейцера С.И. Гамалеи от 300 душ крепостных на том основании, что со своей собственной нелегко справиться.

Если для власти существовала единая и неделимая формула ревностной преданности государю, то дворянин второй половины XVIII в. начинал различать придворную службу, службу императору и службу Отечеству. Так, 20-летний С.Р. Воронцов, будущий полномочный посол России в Великобритании, а в 1764 г. поручик гвардии Преображенского полка, писал отцу: “(...) все-нижайше прошу, милостивый государь батюшка, сделать мне ту милость, чтоб постараться о выпуске моем в полевые полки. Я безмерное имел всегда желание служить моему Отечеству, и оно желание всегда еще умножается; но придворной жизни я снести не могу”⁴³. В переписке политической элиты можно уловить усложнение представлений о смысле государственной службы. Крупный сановник екатерининского царствования вырабатывал независимые от высочайшей оценки критерии результа-

тов своей деятельности, “за долг себе поставляя не оставить в молчании собственные мнения”⁴⁴.

Трактовка понятия “сын Отечества” в среде дворянской элиты тоже отражала усложнение патриотического чувства ее представителей, которое не исчерпывалось только преданной службой императору. В 1789 г. в журнале “Беседующий гражданин” анонимно⁴⁵ была опубликована статья с характерным названием “Беседа о том, что есть сын Отечества”, автор которой вкладывал исключительно нравственный смысл в это “величественное наименование”. “Человек, человек потребен для ношения имени сына Отечества! — сказано в “Беседе”, человек, чуждый зависти, гордости, любострастия, не предающийся лени и пьянству, и обладающий такими добродетелями, как честолюбие, благонравие и благородство⁴⁶. Стремление дворянина второй половины XVIII в. к духовному совершенствованию в дальнейшем повлияет на осознание возможности служить Отечеству лишь сохранением высокой нравственности. В 1826 г., за несколько месяцев до смерти, Н.М. Карамзин напишет: “Любезное Отечество ни в чем не может меня упрекнуть. Я всегда был готов служить ему, не унижая своей личности, за которую я в ответе перед той же Россией”⁴⁷.

Воспроизведенный в исследованиях феномен западноевропейской индивидуальности, ориентированной на интересы конкретной социальной группы, уважающей закон и строящей свои отношения с государством на основе взаимных прав и обязанностей, затмил явление русского оппозиционно настроенного интеллектуала. Правовая индифферентность дворянской фронды XVIII в.⁴⁸, культивирующей независимость духовной жизни, станет отличительной чертой сознания русской интеллигенции в XIX в.

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали Боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать (...)

.....
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...⁴⁹

А.С. Пушкин. Из Пиндемонти

Сила и опасность этой фронды заключалась не в наступлении на политические прерогативы монархии, а в непонятной для европейской правовой культуры способности жить помимо государства. Самодержавие в России было ограничено не законом, а личностью, и не в области политики, а в сфере внутреннего мира фрондирующего дворянина. Этот уникальный для европейской истории процесс, в силу неоднозначности проявлений приобретший в литературе целый репертуар наименований, – возникновение общественного мнения, самоопределение интеллектуальной аристократии, эмансипация культуры, формирование интеллигенции – начнется в царствование Елизаветы и завершится в первой половине XIX в. Суть его будет парадоксально сформулирована Ломоносовым и спустя несколько десятилетий воспроизведена Пушкиным. В 1761 г. ученый заявил блистательному вельможе И.И. Шувалову: “Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком быть не хочу; но ниже у самого господа Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет”. В дневнике 1833–1835 гг. поэт запишет: Я могу быть подданным, даже рабом, – но холопом и шутком не буду и у Царя Небесного”⁵⁰.

- ¹ Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987; Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994; Madariaga I. Politics and culture in eighteenth-century Russia: Collected Essays. L.; N.Y., 1998; Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999; Hartley J.M. A social history of the Russian Empire, 1650–1825. L.; N.Y., 1999; Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в.: Опыт целостного анализа. М., 2001; и др.
- ² Панин Н.И. Проект о реформе Сената и создании Императорского Совета при монархе // Сборник РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 202–209; Отдел рукописей РГБ. Ф. 16. Картон 16^a.
- ³ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Собрание 1-е. (Далее: ПСЗ). СПб., 1830. Т. XVI. С. 22, 75–76.
- ⁴ Цит. по: Шильдер Н.К. Император Александр Первый. СПб., 1904. Т. 1. С. 279–280.
- ⁵ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 12.
- ⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.; 1963. Кн. 9; Wittram R. Peter I, Czar und Keizer. Göttingen, 1964; Павленко Н.И. Петр Первый. М., 1975; Семенова Л.Н. Очерки истории и быта культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982; Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. М.; 1984; Raizanovskii N.V. The image of Peter the

- Great in Russian history and thought. N.Y., 1985; *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989; *Wortman R.S.* Ceremony and empire in the evolution of Russian monarchy // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997; *Агеева О.Г.* Имперский статус России: К истории политического менталитета русского общества начала XVIII в. // Мировосприятие и самосознание русского общества: Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. Вып. 2; *Она же.* “Величайший и славнейший более всех градов в свете...” – град святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII в. СПб., 1999.
- ⁷ Акт поднесения Государю царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества // ПСЗ. Т. VI. № 3840. С. 444–448.
- ⁶ См., например: *Феофан Прокопович.* Слово о состоявшемся между Империею Российской и Короною Шведскою мире // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 115, 124.
- ⁹ ПСЗ. Т. VI. № 3840. С. 445.
- ¹⁰ *Агеева О.Г.* Имперский статус России... С. 122–123, 135–136.
- ¹¹ *Панченко А.М., Успенский Б.А.* Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха // ТОДР. Л., 1983. Т. XXXVII. С. 54–78.
- ¹² *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен., М., 1963. Кн. IX. С. 322; *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом, 1709–1711. М., 1889. С. 155; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800) . М., 1902. Ч. 4. С. 44, 93, 210; *Агеева О.Г.* Имперский статус России... С. 140.
- ¹³ ПСЗ. Т. VI. № 3850. С. 453–454.
- ¹⁴ С середины 80-х годов XVII в. и до указа Петра 1702 г. начальные элементы обращения к царю в челобитных звучали как “великому государю царю”, далее следовали имя и отчество царя и его сокращенный (для внутривластного употребления) титул. См.: *Волков С.С.* Лексика русских челобитных XVII в.: формуляр, традиционные этикетные и стилиевые средства. Л., 1974. С. 32–34 .
- ¹⁵ Лишь со времен наполеоновских войн изредка в частной переписке, ведущейся, как правило, на французском языке, будет встречаться термин “империя” по отношению к России в контекстах, непосредственно связанных с внешнеполитическими проблемами. См.: Письма А.И. Вяземского А.Р. Воронцову // Архив князя Воронцова. М., 1879. Кн. 14. С. 379–380, 414, 424–425 и след.
- ¹⁶ Прощение В.С. Голицына Екатерине II // Отдел рукописей РГБ. Вяземы. К. 94. Ед. хр. 17. Л. 5–6; Письмо Е.Р. Дашковой Екатерине II // Чтение ОИДР. 1867. Кн. 1: Январь–март, отд. V. С. 32; Письмо А.П. Мельгунова Екатерине II // Русский архив. 1865. № 1/12. С. 944; Письмо И.И. Бецкого Екатерине II // Русская старина. 1896. Т. 88., № 11. С. 388; и т.д.
- ¹⁷ *Милов Л.В.* Если серьезно говорить о частной собственности на землю... Россия: климат, земельные отношения и национальный характер // Свободная мысль. 1993. № 2. С. 81–83.

- ¹⁸ Не случайно для определения статуса фамилий с древней родословной, восходящей порой к Рюриковичам и Гедиминовичам, недостаточно было эпитета “благородный”. Представители знатных семей, часто оттираемые от престола “новой аристократией”, именовались “родовыми, столбовыми, коренными” дворянами.
- ¹⁹ Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. М., 1987. Т. 5. С. 19.
- ²⁰ О дворянстве. СПб., 1808. С. 1.
- ²¹ О должностях человека и гражданина: Книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи. 2-е изд. СПб., 1783. С. 349.
- ²² *Муравьев М.Н.* Понятие благородства // Сочинения Муравьева. СПб., 1847. Т. II. С. 293–294.
- ²³ *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland.* Stuttgart, 1975. Bd. II. S. 23–28, 39.
- ²⁴ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 560.
- ²⁶ *Волков С.С.* Лексика русских челобитных XVII в. С. 48–49.
- ²⁷ ПСЗ. Т. IV. № 1899.
- ²⁷ Там же. Т. XXII. № 16329.
- ²⁸ Письма С.Р. Воронцова и А.Р. Воронцова отцу // Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. 5; М., 1880. Кн. 16.
- ²⁹ ПСЗ. Т. XVIII. № 12957; Т. XIX. № 13909; Отдел рукописей РГБ. Ф. 16. Картон 16^а.
- ³⁰ Не случайно в немецко-русском словаре XVII в. понятие “раб слову Божию” переводится как Diener des Wortes Gottes (буквально – служитель Божьего слова), а собственно слово “раб” передается терминами – Knecht, Lackey (буквально – слуга, лакей). См.: Teutscher, und Reussischer, Dictionarium. Das Wiener deutsch-russische Wörterbuch. В., 1984. S. 127, 302, 314.
- ³¹ ПСЗ. Т. XVIII. № 12957.
- ³² *Poe M.T.* “A people born to slavery”: Russia in early modern european Ethnography, 1476–1748. Ithaca; L., 2000. P. 208–209.
- ³³ ПСЗ. Т. XVII. № 12316.
- ³⁴ Не случайно Екатерина в 1764 г. выражала свое недовольство генерал-прокурору А.А. Вяземскому по поводу слишком жестких распоряжений военной коллегии, которые запугивают губернаторов: “(…) трусость от шефов Коллегии приводит их к упусканию должности, к ущербу моего политического и гражданского интереса”(РГАДА. Ф. 10. Д. 464. Л. 54–54^а).
- ³⁵ См. указ Екатерины II графу Я.А. Брюсу от 27 марта 1786 г. по делу Н.И. Новикова: *Новиков Н.И.* Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 58.
- ³⁶ *Державин Г.Р.* Сочинения. М., 1985. С. 175.
- ³⁷ *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу. М., 1988. С. 53.
- ³⁸ *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в.: (По материалам переписки). М., 1999.
- ³⁹ *Капнист В.В.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 101–103, 714.

- ⁴⁰ Там же. Т. 2. С. 286–288, 294, 572–574.
- ⁴¹ См.: *Муравьев М.Н.* Забавы воображения // Сочинения Муравьева. СПб., 1847. Т. II. С. 228–229. В повседневности закрепилось лишь обращение “ваше благородие”, лишенное, однако, всякого актуального высокого смысла и проговариваемое автоматически.
- ⁴² *Фонвизин Д.И.* Драматургия, поэзия, проза. М., 1989. С. 200.
- ⁴³ Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 16. С. 71.
- ⁴⁴ Письмо Н.И. Панина П.А. Румянцеву // Русский архив. 1878. Кн. III, № 9/12. С. 439.
- ⁴⁵ Большинство литературоведов придерживаются мнения, что статья принадлежит перу А.Н. Радищева. Однако высказываются и точки зрения, что автором статьи был современник писателя, близкий к масонским кругам. См.: *Западов В.А.* Был ли Радищев автором “Беседы о том, что есть сын Отечества”? // XVIII в.: Сб. ст. СПб., 1993. С. 131–155.
- ⁴⁶ *Радищев А.Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 215–223.
- ⁴⁷ Цит. по: *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 16.
- ⁴⁸ См. об этом: *Raeff M.* On the heterogeneity of the eighteenth century in Russia // *Russian and the world of the eighteenth century.* Ohio, 1986. P. 670.
- ⁴⁹ *Пушкин А.С.* Золотой том: Собр. соч. М., 1993. С. 467.
- ⁵⁰ *Пушкин А.С.* Дневники, записки. СПб., 1995. С. 40, 238.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.Н. Сахаров:

– Вы хорошо изложили схему социопсихологического воздействия власти на сознание личности. Но историка всегда интересует вопрос, как эта схема действовала в маленьких поместьях, как она разворачивалась в жизни. Это первый вопрос.

Второй вопрос. Неужели в связи с этим не имеет места огромное воздействие на продвижение самодержавной схемы такое явление, как пугачевское восстание, которое спланивало, заставляло менять природные склонности русского дворянства и служить не за Отечество и императрицу, не по указам, а из-за чувства страха за жизнь, за собственность, за семью. Пугачев воспитал в русском дворянстве преданность самодержавной власти, сильной руке, не говоря уже о таком явлении, как Французская революция. Сопоставляете ли Вы явления такого порядка в своих работах или учитываете только законодательную основу?

Е.Н. Марасинова:

– Схема социопсихологического влияния власти на сознание дворянина или, иначе говоря, механизмы “приохочивания” выс-

шего сословия к государственной службе оказывали воздействие на всю мотивационную сферу личности. Условно они могут быть рассмотрены на трех уровнях: стимуляция верноподданнических чувств, повышение социального престижа службы и, наконец, привлекательность материального вознаграждения. В “Жалованной грамоте дворянству”, текстах присяг, указах о награждениях и т.д. долг “ревностного служения” наделялся мировоззренческим смыслом и неразрывно связывался с образом “Самодержца Всероссийского”.

В Петровском законодательстве и прежде всего в Табели о рангах был провозглашен принцип выслуги, главным символом которого стал дарованный государством чин. Идея верноподданнической обязанности затмевала собой собственно сословные цели дворянства и растворяла их в государственном интересе.

Наконец, внутренняя зависимость господствующего сословия от официальной идеологии стимулировалась реальными материальными благами. Однако ценность наград измерялась не столько их номинальной стоимостью, сколько степенью престижности, поэтому своеручно врученная табакерка с портретом императрицы могла для сановника значить больше, чем пожалованные деревни.

Власть умело сочетала все перечисленные рычаги стимуляции верноподданнических чувств – за “ревностным исполнением долга” следовало повышение в чине, ранг подкреплялся щедрым пожалованием, а высочайшее расположение материализовалось в деревнях, должностях и лентах. Механизм подобной социальной регуляции действовал безотказно, он обеспечивал обладание престижной мерой богатства и порождал у дворянина, в том числе и у владельца небогатого поместья, горделивое чувство причастности к власти, господствующему классу, сильному государству.

Переходя к ответу на Ваш второй вопрос, замечу, что события Пугачевского бунта оказали сильнейшее влияние на сознание дворянства. Крестьянская война сравнивалась современниками с чуть было не затянувшейся “петлей на шее всего российского дворянства”, которого “погублено руками своих же подданных больше числом, нежели пало их в обе последние войны”. Однако представители высшего сословия отождествляли восстание с “государственным воровством, изменой и ополчением против войск Ее Императорского Величества”. В силу этих стереотипов офицеры расценивали свое участие в подавлении крестьянской войны как императорскую службу и борьбу с государственным разбоем, и уже во вторую очередь как защиту привилегированного

положения дворянства. В распоряжениях и донесениях периода Пугачевского бунта звучат те же самые общепринятые клише, призывающие “служить к пользе Отечества и доказательству ревности к службе Ее Величества”. С позиции современников одинаково бесстрашно должны были исполнять свой долг и дворяне, и солдаты, в прошлом помещичьи крестьяне. В частной корреспонденции картины народного бунта нередко сопоставлялись с аналогичными для восприятия высшего сословия событиями во Франции. Так, Н.Н. Бантыш-Каменский писал о положении короля в революционном Париже: “Национальная конвенция Франции осудила Людовика на смерть. Тут закричали pardon! и королю объявили, что великодушная нация при всем том его прощает. Итак, Людовик XVI прощен от Пугачевых!”

В.А. Кучкин:

– У меня несколько вопросов. Когда Вы говорите про дворянство, то различаете ли Вы титулованную и нетитулованную знать? Как она относилась к идее государственной службы?

Поясните, когда вышел закон о майорате: старший сын являлся наследником отца, а младшие должны были служить в военной части, потом – в гражданской. В каком отношении к самодержавию находился старший сын?

Вы разбирали государственную доктрину российского самодержавия. Но были периоды, когда верховники руководили страной. А какая там была официальная доктрина, кому надо было служить в этой ситуации? Выдвигало ли дворянство из своей среды каких-нибудь публицистов, которые обсуждали вопросы, поставленные правителями? У Вас получается так, что только от императора исходили все указания и идеологические позиции. А само дворянство выдвигало своих идеологов? Какие публицистические памятники Вы исследовали, для того чтобы понять позицию дворян?

Е.Н. Марасинова:

– Титулованное дворянство в XVIII в. свой престижный статус получило не благодаря родовитому происхождению, а в результате выслуги на основе системы, введенной Табелью о рангах. С правления Петра дети самых громких фамилий должны были подниматься по иерархической лестнице с нижних ступеней, “ибо кроме сего пути никто в вышний градус и до министерского чина произведен быть не может”. Первый российский император, сам служащий капитаном бомбардирской роты, провозгласил принцип: “Знатное дворянство по годности считать”. В реальности же карьера представителей высшего сословия стала

определяться в конечном счете способностями, образованием, силой патронажных связей, при этом не всегда родственных, и знаменитым “случаем” женских правлений XVIII в. Таким образом и титулованное, и нетитулованное дворянство стремилось к успешной карьере на поприще государственной службы, из тяжелой повинности превратившейся в привилегию и право высшего сословия.

Здесь логично было бы перейти к ответу на Ваш вопрос об Указе 1714 г. “О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах”, более известном как “Указ о единонаследии”. Действительно, этим постановлением Петр стремился прекратить стихию измельчания поместий и ввести правило передачи поместья только одному из сыновей (а если в семье лишь одна дочь, то ей), с тем, чтобы остальные шли на гражданскую или военную службу. Однако такого явления, как особый психологический склад “старшего сына”, в России не возникло. С одной стороны, Петровские нововведения повсеместно игнорировались, поскольку казна не могла обеспечить дворян, лишенных наследства и посвятивших себя целиком службе. Уже в 1739 г. Указ был отменен. С другой стороны, как уже отмечалось, престиж чина был в обществе несоизмеримо выше престижа землевладельца, обустроивающего свое хозяйство. Успешная служебная карьера приносила и материальные выгоды, и сословные привилегии, включая приобретение дворянского статуса, и, наконец, защищала от социального унижения.

Несколько соображений по поводу дворянской публицистики и ее соотношения с официальной идеологией. В докладе я намеренно останавливаюсь именно на содержании доктрины, исходящей от престола, которая, разумеется, не была единственной политической концепцией в России XVIII столетия. Существующие в обществе теории взаимоотношений самодержавия и высшего сословия условно можно разделить на три группы: во-первых, идеология власти, персонифицированной в личности монарха, которая отождествлялась с политикой, осуществляемой от лица государства и именем верховного правителя. Наиболее видным идеологом самодержавия XVIII в. был, безусловно, автор “Правды воли монаршей” Феофан Прокопович. На протяжении XVIII в. происходит явное сужение аудитории, к которой была обращена официальная доктрина и на чью ответную реакцию рассчитывало государство. Екатерина II явно не нуждалась в проповеднике, подобном Прокоповичу, вещавшем с амвона об огромном значении деятельности императрицы. К концу столетия власть целенаправленно выстраивает отношения лишь с полити-

ческой элитой, зато функционирование механизма воздействия на сознание верхушки господствующего сословия принципиально усложняется. Основные положения самодержавной доктрины воспроизводились в самых разнообразных, исходящих от правительства текстах, начиная от “Наказа” Уложенной Комиссии и “Книги «О должностях человека и гражданина», определенной к чтению в народных училищах” до нескончаемого потока указов, распоряжений, высочайших посланий, реляций и т.п. Объективные обстоятельства социального развития России и вставшие перед страной геополитические проблемы неизбежно корректировали официальную доктрину, изначально направленную на воспитание идеологически зависимого населения. В XVIII в. государственная концепция обогащается новыми смыслами и расширяет каналы своей реализации. Постепенно содержание главного идеологического символа, “ревностной преданности Его Императорскому Величеству”, сближается с понятиями “государственная польза” и “государственный интерес”. Вместе с усложнением терминологии исходящих от престола бумаг происходит усложнение объекта патриотических чувств подданных, которое будет иметь неожиданные для власти последствия, но это уже другая проблема.

Ко второй группе публицистических источников относятся произведения дворянских идеологов (например, проекты Верховников, трактат “О повреждении нравов в России” М.М. Щербатова, проект учреждения Императорского совета Н.И. Панина и др.), авторы которых защищали право на привилегированное положение высшего сословия, особые prerogatives олигархии и нравственное превосходство лучших представителей дворянства. Особую группу источников составляют публицистические и художественные тексты, отличающиеся не столько верноподданническим или узкосословным характером, сколько общечеловеческим подходом к проблеме взаимоотношений личности и власти. Это и произведения Радищева, и статьи в сатирических журналах Новикова, и записки о воспитании Дашковой, и пьесы Фонвизина и т.д.

Следуя за Вашими вопросами, более подробно остановлюсь на взглядах Верховников, сформулированных в “Кондициях, ограничивающих власть монарха в пользу Тайного Верховного совета”, а также на страницах “Проекта ограничения власти монарха представительными учреждениями сословного характера” и в законодательстве начала 1730 г. Идеология этого кратковременного и скоропалительного, олигархического выступления сводилась к традиционным политическим ценностям – “целость и

благополучие государства”, “служба и заслуги к Отечеству”, “польза общества”, “греческая вера”. В данном наборе устоявшихся официальных символов отсутствовал лишь образ самодержавного монарха, власть которого стремились ограничить члены Тайного совета. Верховники не создали собственной развернутой доктрины и весьма невнятно сформулировали механизм контроля за полномочиями императора, не зафиксировав принципиальной разницы между законом и волей феодальной аристократии. Они безо всяких оснований изъяли из государственной доктрины Российской империи упоминания об императоре, чем обрекли себя на поражение.

Более политически зрелыми выглядят рассуждения Никиты Панина, Петра Панина и Дениса Фонвизина о “фундаментальных государственных законах” и необходимости создания Императорского совета при монархе. Эти идеологи дворянской олигархии как главный аргумент использовали образ идеального самодержца, не зависящего от “угодливых и коварных фаворитов”, а опирающегося на законы, “непреложные правила”, и всецело доверяющего лучшим представителям высшего сословия.

А.И. Аксенов:

– Каким было влияние Манифеста о вольности дворянства, последовал ли тотальный уход дворян от службы? Еще один вопрос, связанный с употреблением определенных формул в обращении. Вы исследовали только обращения к царю: “раб нижайший” и т.д. Но дворяне в обращении друг к другу подписывались довольно сходно. Независимо от того, в каком положении соотносились друг к другу адресаты, их подпись была однообразной: “Ваш покорный слуга”. Было ли это отражением того процесса, о котором Вы говорили, или это имело сугубо идиоматическое значение?

Е.Н. Марасинова:

– Многие исследователи XVIII столетия единодушно признают Манифест о вольности дворянства важнейшим событием в социальной истории высшего сословия. Однако этот тезис нуждается в уточнении как с точки зрения реализации данного законодательного акта, так и в плане отношения представителей господствующего класса к долгожданной свободе от обременительной повинности. В течение краткого царствования Петра III Манифест не вступил в действие, оставаясь лишь декларацией особого расположения престола к высшему сословию. При этом высочайший указ, отменивший обязательный характер службы в канцелярии и армии, не освобождал от верноподданнического

долга. Взойдя на престол через несколько месяцев после провозглашения вольности высшего сословия, Екатерина издала Указ о “Приведении содержания Манифеста в лучшее совершенство”. Императрица очень невнятно подтвердила факт освобождения дворян и распорядилась проработать статьи, “наивышше поощряющие их честолюбие к пользе и службе Нашей и Нашего любезного Отечества”. Представленный императрице в 1763 г. законопроект “О праве дворянском” так и остался проектом. Сдержанное отношение власти к свободе высшего сословия проявилось в ограничении отставок для не имеющих обер-офицерского чина и бедных помещиков, которые не насчитывали в своей собственности даже 20 душ крестьян, а также для всех дворян, состоящих на военной службе, во время весьма частых военных кампаний и за три месяца до их начала.

Кроме того, отношения политической элиты с императрицей также в исключительных случаях регулировались Манифестом о вольности. Государственные деятели, полководцы и дипломаты екатерининского царствования воспринимали службу не только как источник щедрых пожалований, но и как реальное подтверждение близости к власти и главную сферу самореализации личности. Многие сановники приветствовали издание Манифеста, некоторые предлагали даже установить в знак благодарности золотую статую императора, не намереваясь оставлять службу и терять приобретенные привилегии. Контент-анализ более 3 тыс. писем дворянской элиты свидетельствует, что одобрительные отзывы 1762 г. сменились почти полным забвением права на свободу от обязательной службы в корреспонденции второй половины XVIII в. Показательно, что среди приближенных императрицы желание получить отставку или отпуск крайне редко аргументировалось юридически закрепленными правами, а объяснялось состоянием здоровья или полным расстройством хозяйственных дел.

В свободе от обязательной службы большую заинтересованность проявляли военные, не имеющие перспектив подняться в высшие эшелоны власти, а также помещики средней руки, чьи имения позволяли содержать их семьи без дополнительного жалования. Однако все представители господствующего сословия не были свободны от давления социального престижа, главным показателем которого оставался чин. Основная масса дворянства до 1762 г. тяготилась 25-летним сроком обязательной службы, но никак не привилегированным положением сословия, являющегося главной опорой самодержавной власти. С другой стороны, политическая элита была более обеспокоена сохране-

нием телесных наказаний и возможностью конфискации имений, чем почетным правом занимать высшие позиции в армии и аппарате управления.

Второй вопрос – о сопоставлении комплиментарной подписи в посланиях на высочайшее имя и в частной переписке. Разумеется, любое устоявшееся клише может расцениваться как идиоматическая конструкция. Проблема заключается не в дословном содержании той или иной условной формулировки, а в отношении к ней современников и, что особенно важно, в факте сознательного изменения или нарушения установленной традиции. В связи с этим особый интерес представляет высочайшее распоряжение, запрещающее подписываться “рабом” в посланиях императрице или, с другой стороны, определяемая рангом адресата жестко установленная форма обращений в письмах. Так, например, к персонам, пожалованным княжеским и графским титулами, с начала XVIII в. следовало обращаться “Ваше сиятельство” или “Ваша светлость”. Власть строго регламентировала, а современники следили за точным соблюдением комплиментарных форм обращения, которые напрямую зависели от чина и еще более повышали его престиж в обществе.

Н.А. Соболева:

– Вы используете только вербальную символику для показа процесса утверждения самодержавия, складывания императорских символов при Петре, но Вы абсолютно не используете изобразительную символику, а ведь именно в XVIII в. создаются, например, системы гербов. Это было правительственное начинание, активно поддержанное прежде всего высшим сословием, дворянством. Известно, что Екатерина задумала ввести личные гербы, и дворяне поддержали это начинание. Императрица проводила политику создания подобных эмблемников, которую продолжил Павел. При нем был издан Гербовник дворянских родов Российской империи. Этот ракурс почти никто из исследователей не рассматривает, а он очень показателен для развития идеологических постулатов, которые формируются в XVIII в.

Е.Н. Марасинова:

– Действительно, официальная и собственно дворянская символика императорского периода недостаточно изучена. К истории гербов знатных фамилий высшего сословия обращался А.В. Романович-Славатинский, стилистику помпезной репрезентации самодержавной власти исследовал американский ученый Р. Уортман. Интереснейший материал собран и проанализирован в Ваших работах, привлечение его в качестве источниковой базы

весьма продуктивно для моего исследования. Однако основным его объектом выбраны законодательство и личная переписка. Обращаясь же к истории дворянских гербов, замечу, что заимствованная символика приобретала в новом культурном контексте иной смысл, не столько воспроизводя западноевропейскую традицию, сколько высвечивая российскую специфику. Гербы были узаконены Табелью о рангах, и, начиная с 20-х годов XVIII в., возведение в дворянское достоинство сопровождалось выдачей диплома и составлением фамильного герба. Власть препятствовала своевольному изобретению родовой символики и незаконному присвоению геральдики коронованных правителей и знатных аристократических семей. В Жалованной грамоте указывалось, что “действительное дворянство не иные суть роды, как те, кои от Нас самих и других коронованных глав в дворянское достоинство дипломом, гербом и печатью пожалованы”. При Павле в 1798 г. был обнародован Манифест об утверждении первой части дворянского гербовника, где провозглашалось высочайшее решение “издать собрание гербов в знак заслуг российского дворянства перед Отечеством” и повелевалось “без разрешения государя ничто из гербов не исключать и вновь в оные не прибавлять”. Таким образом, знаки фамильной гордости европейского рыцарства в России XVIII в. трансформировались в один из каналов воздействия власти на сознание дворянина, чья родовая честь также ставилась в зависимость от милости престола.

Ю.А. Тихонов:

– Помогла ли Вам монография И.В. Фаизовой о Манифесте 1762 г. и о его практической реализации в выработке Ваших воззрений?

Е.Н. Марасинова:

– В ответе на вопрос профессора А.И. Аксенова о влиянии Манифеста 1762 г. на отношение дворянства к службе я уже упоминала о противоречивых последствиях этого документа, еще недостаточно исследованных в современной историографии. С данной точки зрения монография И.В. Фаизовой, посвященная анализу сведений об отставках и возврате на службу в первые годы после публикации Манифеста, представляет большой интерес. Выводы работы основаны на материалах послужных списков, рапортах об уходе со службы, нормах получения отпусков и т.п. Однако сосредоточенность на делопроизводственной документации не позволила автору всесторонне оценить социально-психологические мотивы внутренней зависимости дворянина от успешной служебной карьеры. Кроме того, подход к законода-

тельным источникам как к комплексу документов, регулирующих повседневную практику службы, обедняет представление о механизмах воздействия власти на сознание господствующего сословия и реальных каналах стимуляции выполнения “верноподданнического долга” его представителями. Наконец, следует различать довольно ограниченное влияние Манифеста, так и не приведшего к массовым отставкам в среде высшего сословия, на организацию государственной службы и подспудно зреющей глубинной трансформации мироощущения личности, получившей право выбора.

Н.А. Соболева:

– Неужели и Радищев подписывался “раб Божий”? Я никогда этому не поверю.

Е.Н. Марасинова:

– Опыт анализа сохранившихся в архивах и отделах рукописей посланий на высочайшее имя свидетельствует, что все авторы строго соблюдали установленную Петром и не отмененную вплоть до 1786 г. форму комплиментарной подписи “нижайший раб”.

В.Я. Гросул:

– Мои наблюдения во многом сходятся с наблюдениями докладчика, прежде всего начиная с источниковой основы. Без изучения законодательной базы разработать такую проблему невозможно. Поэтому главнейший источник – это Полное собрание российских законов: указы, законы, манифесты, особенно манифесты при восшествии на престол, где выдвигалась идеологическая установка. Я согласен с тем, что надо изучать личную переписку, которая иногда очень серьезно корректирует то, что есть в официальных материалах и в реальной политике.

Я.Н. Шапов:

– В очень интересном докладе я хочу поддержать одну идею, связанную с тем, что преподнесение Петру I титула императора с точки зрения международного правосознания не изменило характер монархической власти в России. На семинарах “От Рима к Третьему Риму” в Москве были поставлены вопросы, которыми мы в советской науке не занимались, – международное монархическое правосознание и право. Существуют определенные нормы, связанные с обрядностью, с участием церкви в преподнесении монарху титула “император”, “царь”. Мы рассматривали Россию – царство, начиная от Ивана Грозного, и Россию – империю, с последних годов правления Петра, как две разные стадии. С международной правовой точки зрения здесь нет грани. Настоящее

венчание было при Иване Грозном, когда великий князь Московский стал царем. Митрополит Московский венчал Ивана из великих князей в цари по образцам византийских императоров, и он занял соответствующее место, которое не признавали западные империи. Этого признания нужно было добиваться, как и титула “император” при Петре I. При Иване Грозном были совершены определенные обряды, миропомазание, а Петру это звание было преподнесено Сенатом и Синодом, которые не имели соответствующих прав.

Для XVIII в. титул царя был архаикой. Цари были главами империй в античное время, в древневосточных монархиях. Титул царя московского, с точки зрения западных публицистов, не в юридическом, а в идеологическом плане играл другую роль.

Ю.А. Тихонов:

– Доклад очень интересный, содержательный, впечатляет глубокими выводами, соображениями. Для того, чтобы осветить такие сюжеты, как власть и индивидуальность, Вам нужна была и частная переписка. Вы о ней сказали. Обязательно всплывают такие комплексы источников, как многочисленные проекты XVIII в. Они отражают реальное мнение отдельных слоев – дворянства и других сословий. Мне импонирует Ваша точка зрения, что главное для дворянства XVIII в. – это карьера. Не число деревень и крепостных крестьян, хотя и это было важным, а карьера. Значение карьеры непосредственно выводит нас на Манифест 1762 г. Реакция на него была сложной. Екатерина II хотела отменить этот Манифест, а сановники, ее непосредственное окружение, высшая бюрократия, – не позволили, убедив ее, что этого не надо делать.

Еще раз хочу поблагодарить автора за очень интересный научный доклад и пожелать расширения этой темы с учетом тех пожеланий, которые были высказаны при обсуждении.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В РОССИИ XVIII–XIX ВЕКОВ*

В теории общественное мнение противостоит или, во всяком случае, не является адекватным общественным настроениям, а также молве или слухам¹. Общественное мнение предполагает более устойчивые, долговременные взгляды на те или иные животрепещущие вопросы общественного характера. На практике не так просто отделить мнение от настроения, точно так же, как не достаточно четко различаются мнение общественное и мнение народное, находящие соответствующие толкования в литературе. Мнение светского общества и мнение безграмотных народных низов это не одно и то же, и конкретное изучение их показывает, с одной стороны, некоторое совпадение тематики слухов, с другой – их чрезвычайное отличие. То, что будоражило общество, нередко не было даже известно в народных глубинах.

Общественное мнение – это прежде всего мнение общества, зарождение которого мы вслед за Н.В. Гоголем, И.С. Аксаковым и рядом других русских мыслителей связываем с эпохой Петра I, с его преобразованиями. Именно с тех пор мы можем говорить о светском обществе как особом социальном организме, особой прослойке между властью и народом. Однако не все, что не власть и народ, есть общество. Общество предполагает также и общественную деятельность в различных формах. Нередко в литературе ставят знак равенства между понятиями “общество” и “общественность”, но и здесь нет полного слияния, поскольку общественной деятельностью могут заниматься и представители власти, и представители народа. Со времен Павла I за связь с обществом, по существу, отвечали императрицы, но нет никаких оснований относить их к представителям общества.

В своем развитии русское общество за два столетия проделало заметную эволюцию, изменившись и в социальном плане, и в плане идейном. Изначально основой общества было неслужилое дворянство, а в канун XX в. его составила уже довольно многочисленная интеллигенция. Если в 1700 г. известно 23 тыс. сель-

* Доклад на заседании ученого совета ИРИ РАН 2 октября 2003 г.

ских дворянских усадеб, то в 1895 г. их было 61 тыс. и спад их числа отмечен только после 1905 г.² По данным всероссийской переписи населения 1897 г., одних только частных преподавателей было 68,2 тыс. человек, а лиц интеллигентных профессий, состоявших на службе у частных лиц, насчитывалось более чем в 3 раза больше владельцев сельских дворянских усадеб – около 205 тыс. человек³.

Одна из первых отечественных исследовательниц общественного мнения М.К. Цебрикова около 100 лет тому назад, отмечая наличие общественного и народного мнения, писала, что единого общественного мнения нет в России и вообще нигде, кроме как у стран первобытных и замкнутых для цивилизации. В странах более развитых, по ее же словам, нет и не может быть единодушия и рядом существует несколько мнений, причем каждое из них называет себя общественным мнением⁴.

Русское общественное мнение возникает с зарождения общества как такового, т.е. с XVIII в., и оно в своем комплексе еще не изучено и может стать темой специальной монографии. Пока никто так много не писал об общественном мнении этого столетия, как П.Н. Милюков. Мнение это он понимает расширительно, видит его и до эпохи Петра I, но время Екатерины II в его развитии было, по мнению Милюкова, особенно значимым. Не случайно один из разделов его “Очерков по истории русской культуры” носит название “Первые расхождения общественно-го мнения с властью”, а другой – “Общественное мнение становится независимым”⁵. Оба эти раздела касаются годов правления Екатерины II.

Народная молва и мнение общества нередко совпадали. Одним из таких общих мнений служили слухи о царских особах XVIII в. Мнения были разные, порой противоречивые, но достаточно широко распространенные. Историк Е. Анисимов приводит весьма многочисленный и колоритный материал. По его наблюдениям, постоянную пищу народной молве давали легенды о “подменности” Петра I, о волшебном “спасении” юного Петра II, о трагической истории Петра III, свергнутого собственной женой⁶.

По данным политического сыска в XVIII в. не было ни одного русского монарха, о котором бы не ходили негативные слухи. Шел процесс разрушения сакральности русских императоров, процесс, характерный для всех европейских стран заката феодализма. В народном сознании, практически, не существовало ни одного порядочного и доброго монарха. В сознании народа монархия Романовых за 300 лет своего правления так и не сумела утвердиться как легитимная и авторитетная власть⁷. В XVIII в. более

70 лет престол занимали женщины и этот женский уклон встречал в общественном мнении, как правило, негативную оценку. Объяснялось это и положением женщины в то время, и проблематичностью законности их власти. Подвергалась сомнению власть каждой из императриц – от Екатерины I до Екатерины II, включая и Анну Иоанновну, и Елизавету Петровну. Екатерину I называли безродной иностранкой, Анну Иоанновну прозвали немкой, Елизавету Петровну обвиняли в свержении законного царя Ивана Антоновича, Екатерину II – в свержении мужа – законного императора Петра III, и недопущении к престолу более законных претендентов – сына Павла и Ивана Антоновича.

Симпатию вызывали императоры-страдальцы – тот же Иван Антонович, проведенный многие годы в тюрьме, безвинно пострадавший ребенок, убитый при трагических обстоятельствах; затем убитый, как говорили в народе, женой-злодейкой Петр III с его склонностью ко всему прусскому и чрезвычайно неустойчивой нервной системой, характерной для Голштинской династии, при жизни имевший прозвище черта и шпиона.

Многочисленные слухи, ходившие по стране, вызывали повышенное внимание к ним со стороны самих царствующих особ. Особенно в этом отношении характерны действия Екатерины II, обращавшей пристальное внимание на общественное мнение и разговоры в народе. Тайная экспедиция при ней занимает в общей системе власти прочные позиции, а ее руководитель С.И. Шешковский ведал этим снискавшим себе мрачную известность учреждением 32 года. Тайная экспедиция повседневно следила за настроениями в обществе и народе и постоянно докладывала о них Екатерине II. Уже вскоре после того как Екатерина II получила престол, 4 июня 1763 г. издается Указ, известный как “Манифест о молчании” или “Указ о неболтании лишнего”, направленный на борьбу с разного рода слухами. Указ неоднократно предавался огласке, и его нарушители подвергались преследованию полицией и Тайной экспедицией⁸.

Екатерина II, пожалуй, первая императрица, придававшая работе с общественным мнением особое значение. По ее заданию Шешковский вел специальные беседы с дамами высшего света и предостерегал их от разного рода пересудов⁹. Очень тщательно собиралась информация во время восстания под руководством Е.И. Пугачева, когда страна наполнилась слухами о счастливом возвращении Петра III, который якобы прибыл для наказания своей супруги-изменницы.

Эти слухи не только широко распространялись простым народом, а проникали и в высшее общество, где далеко не всегда

знали истинное положение вещей и, вольно или невольно, становились распространителями слухов. Нет никакого сомнения в желании Екатерины II найти полное взаимопонимание с обществом, более того, ее действия в первое время после получения престола направлены на укрепление общества как такового, на развитие общественных начал в России. Комиссия для выработки нового Уложения 1767 г. должна была отразить настроения во многих сословиях России.

Изучение материалов Комиссии представляет широкие возможности для уяснения тогдашних общественных настроений и определения наиболее ярких представителей тех или иных общественных групп. В рамках работы Комиссии проявил себя как последовательный защитник интересов консервативных кругов русского общества М.М. Щербатов. Екатерина II – инициатор создания Комиссии (хотя вопрос о выработке нового Уложения неоднократно ставился и раньше) – встретила с иными настроениями общества еще на подходе к ее образованию. Собственно уже тогда проявилось ее противоречие с обществом. Дебаты в самой Комиссии не были ей по душе, и, пользуясь началом новой русско-турецкой войны, на которую ушла часть избранных депутатов, она фактически прекратила деятельность Комиссии. Впоследствии Екатерина пойдет по пути прямых репрессий против представителей общества – Н. Новикова, А. Радищева и др. Как писал В.Н. Бочкарев, “расправляясь так сурово с малейшим проявлением независимого общественного мнения, Екатерина уничтожила ту небольшую группу русской интеллигенции, которая, вполне сознательно относясь к французским событиям, могла в той или иной степени выразить свое сочувствие революционному перевороту”¹⁰.

Екатерина II, как никто другой из русских правителей XVIII в., работала с общественным мнением, но не были чужды этому делу и другие императоры. Петр I, обнаруживший “полное пренебрежение к общественному мнению”, в отличие от фаворита Софьи В.В. Голицына¹¹, боявшегося его, все же не был индифферентен к разного рода слухам. Не случайно в 1715 г. он издает специальный указ о “Трех пунктах”, в соответствии с установками которого всячески поощрялось доноительство. Более того, в 1722 г. Синод публикует свой указ, в соответствии с которым священник мог нарушить тайну исповеди, если в ней будет замечен состав преступления¹².

При Петре I заметно расширились связи с зарубежными странами, прежде всего с западными. Русское общество становится более открытым, но это не означало исчезновения разного рода

запретов. Преследовались противники петровских преобразований и, конечно, не было изгнано из правовых документов положение об измене Отечеству, наоборот, служение ему возводилось в разряд первейших добродетелей. Внимание к общественным настроениям не было чуждо и Петру I, было оно характерным и для последующих царствований. Специальный указ о наблюдении за общественными настроениями был подписан регентом Бироном в 1740 г. По приказу Бирона на улицы Петербурга засылались агенты с целью подслушивать толки народа, прежде всего политического свойства. В октябре 1740 г. Бирон предписывал С.А. Салтыкову секретным образом наводить сведения, “что в Москве между народом и прочими людьми о таком нынешнем определении говорят и не приходят ли иногда от кого о том непристойные рассуждения и толкования”¹³.

Уже после начала Французской революции, наставник будущего царя Александра I, священник Самборский, писал графу Н.И. Салтыкову: “Вольноглаголение о власти самодержавной почти всеобщее и чувство, устремляющееся к необузданной вольности, воспламенившееся примером Франции, предвещает нашему любезнейшему Отечеству преужаснейшее кровопролитие”¹⁴.

Активную борьбу с крамолой, в том числе и с разными слухами, поведет и Павел I¹⁵. Общественное мнение по отношению к нему тоже не было неизменным. Когда он был наследником и его характер еще не претерпел заметных изменений к ухудшению, отношение к нему народа и общества было достаточно благоприятным. Известно всеобщее сочувствие к нему москвичей, когда он приехал в первопрестольную вместе со своей первой супругой. После 30 лет он превращается в задумчивого, угрюмого, желчно настроенного человека. Он стал подвержен гневным вспышкам, слухи о которых поползли по Петербургу, а затем и по всей России. Эти слухи “вредили общему мнению о великом князе”¹⁶. Это общее мнение распространялось в обществе, приближенном ко двору, затем доходило и до простого народа.

Как свидетельствовали очевидцы, в момент кончины Екатерины Петербург, после Парижа и Лондона, “был самою оживленною, самою изящною европейской столицей”. Это было мнение иностранцев, отмечавших и внешний блеск, роскошь и хороший вкус петербургского высшего общества¹⁷. С воцарением Павла произошло внезапное изменение облика российской столицы. Последовали многочисленные запреты, которые касались и моды, и даже словоупотребления. По указу 1797 г. одни слова предписывалось не употреблять, другие заменять. Слово “врач”

заменялось словом “лекарь” – замена странная и никакого отношения к политике не имевшая. Слово “пособие” заменялось словом “помощь”, а слово “граждане” заменялось словом “обыватели”. Последняя замена, во всяком случае, понятна. Не нужно было молодому императору граждан. Но не нужно было ему и общество, в этом одна из наиболее четких линий новой языковой реформы. Павел запретил слово “общество” и ничем его не заменял¹⁸. Как отмечает один из наиболее информированных его биографов Е.С. Шумигорский: “Павел был убежден в безличии русского народа и в необходимости для него немецкой указки, поддерживаемой строго и мелочно дисциплинированной военной силой”¹⁹.

Различного рода слухи, устойчивые мнения о власти предрежащих и об императорской фамилии составляли значительную часть общественных настроений, входивших в формировавшееся общественное мнение. Оно также складывалось и по отношению к основным событиям тогдашней России, сменявшимся одно за другим и нередко получавшим неоднозначную трактовку в том же самом обществе. Одним из крупнейших событий XVIII в. были петровские преобразования, отношение к которым проходит через все это столетие и дебаты по которым не прекращаются и по сей день. Реформирование нередко проводилось насильственно и, как пишут некоторые исследователи, “приняло характер террора”²⁰. Многие испуганно наблюдали за каскадом преобразований и усматривали в них только издержки, которых, действительно, было немало. Как пишет А.А. Кизеветтер: «...многие русские люди, оторопев от этого вихря непривычных впечатлений, начали уже серьезно подумывать: “да подлинно ли это настоящий царь сидит у них на престоле, не подменили ли его немцы, когда он ездил в свое заграничное путешествие”. Другие, более решительные люди прямо высказывали мысль, что вместо него на Русь приехал под его именем сам антихрист!»²¹.

Трудно даже сказать, как распределялось тогда общественное мнение и сколько было за Петра, а сколько против. Недовольных было очень много и, говоря о раздвоении общественного мнения, можно допустить, что при жизни Петра его больше осуждали, чем поддерживали. С.М. Степняк-Кравчинский, известный революционер-народник, подавая в своей книге Петра как великого реформатора и поддерживая его преобразования, записал следующее: “Царь, применивший к церкви насиле, царь, окруженный еретиками, одетый в немецкое платье, который мало того, что сам остриг бороду, но и заставил так поступить своих придворных, – такой царь не мог, конечно, вну-

шить своим подданным того восхищения, какое они с готовностью выражали его предшественникам. Петра даже объявили антихристом”²².

Кизеветтер подчеркивает, что железная диктатура Петра не благоприятствовала взаимным трениям образовавшихся в стране внутренних партий, однако эти “партии” хорошо прослеживаются и, более того, наметились еще до Петра, примерно с середины XVIII в. Противники петровских преобразований получили возможность опереться на недовольство русского дворянства принудительной службой и на его стремление к превращению в привилегированный общественный класс²³.

Говоря о борьбе в обществе по отношению к петровским реформам, мы не можем не отметить столкновение мнений и интересов по отношению к каждой из конкретных петровских реформ. Например, заметный раскол произошел в обществе и народе по отношению к новой столице России, построенной где-то на отшибе, хотя и вблизи от моря. В народе и в высших кругах общества вырабатывалось свое, неофициальное отношение к новой столице. И.Г. Фоккеродт, член прусского посольства, посетивший Петербург, обратил внимание на то, что публично те, с кем ему приходилось встречаться, расточали похвалы в адрес преобразований Петра I, но, лишь сблизившись с этими же самыми людьми, можно услышать из их уст совсем другую песню. Прежние восхваления сменяются ненавистью русских к Петербургу²⁴, и можно услышать от них и о ненависти, в свою очередь, Петра к Москве, которую он чуть ли не готов сравнить с землей.

Борьба вокруг оценки реформ Петра I не завершилась с уходом императора из жизни. Она охватывает все царствования XVIII в. и следующее столетие. Тенденция, однако, была такова, что культ Петра I сложился после его смерти. Критика “повреждения нравов”, которую мы находим у М.М. Щербатова, не может рассматриваться как полное неприятие Петра и его реформ. Щербатов прямо писал: “Не неприятель был Петр Великий честному обществу; но хотел чтобы оно безубыточно каждому было”²⁴. В других своих трактатах Щербатов несколько не противник Петра, более того, он пишет трактат в защиту Петра, против нападков на его память со стороны обер-прокурора Сената Неклюдова, а также и другой, не столь апологетический, но где пороки и самовластие Петра, его личные недостатки объясняются и даже извиняются уровнем нравственного развития тогдашнего общества.

Нельзя рассматривать как антипетровские и сатирические журналы Н.И. Новикова и известные записки И.Н. Болтина.

Эти публицисты и историки антизападного направления высоко оценивают деятельность Петра I, хотя и подвергают критике его отдельные мероприятия, отмечая некоторые ошибки и просчеты. Они проложили путь сочинениям, способствовавшим аналитическому подходу к деятельности первого российского императора. В начале XIX в., как отмечается в литературе, в отражении эпохи Петра, точнее его самого, начинает господствовать восторженный панегирик²⁶.

Отношение к петровским преобразованиям пронизывает общественное мнение всего XVIII в. Таких проблем, волновавших общество столь продолжительное время, было не очень много. Как правило, общественное мнение возникало по поводу текущих проблем, решение которых способствовало его переключению на другие проблемы.

Глобальная проблема XVIII в., пришедшая из прошлого столетия и перекинувшаяся в следующий век, – это вопрос о крепостном праве. В рассматриваемый период шел процесс его укрепления, и общество, общество преимущественно дворянское, не могло не выразить к нему своего отношения. Говорить о расколе общества по поводу крепостного права в XVIII в. еще не приходится²⁶. Подавляющее большинство высшего общества было его сторонником и никаких послаблений в этом отношении не делало. Дворянство в своей массе хотело его укрепления, а Комиссия для разработки Уложения отразила намерения иметь своих крепостных и в среде купцов, мещан, казаков и даже церкви. Многие известные просветители, ревнители литературы, искусства, науки были убежденными крепостниками и иначе себя не мыслили.

Призывы к ограничению, а тем более к отмене крепостного права в среде авторов XVIII в. были единичными. В.О. Ключевский смог найти тому лишь некоторые примеры в литературе или служебной практике того времени. Он подчеркивает стремление И.Т. Посошкова к законодательной нормировке отношений крестьян и их владельцев, хотя против крепостного права как такового Посошков не выступал. Обратил внимание Ключевский на деятельность Анисима Маслова, обер-прокурора Сената, неоднократно заявлявшего о бедственном положении крестьян и выступавшего за ограничение помещичьего произвола²⁸. В защиту крепостных крестьян подает свой голос и известный сатирик А.Д. Кантемир, особенно в своей V сатире, но это еще не выступления против крепостного права. Даже С.Е. Десницкий, который в своих трудах осуждал крепостничество, и, например, в предисловии к переводу книги Т. Боудена “Наставник земледельческий”, вышедшей в 1780 г., писал о том, что крепостническая

система, отсутствие покровительства крестьян со стороны государства служат основными препятствиями к развитию сельского хозяйства в России, в своей записке для Уложенной комиссии не был до конца последовательным²⁸.

Среди деятелей российского общества XVIII в. число категорических противников крепостного права было крайне ограниченным. К ним относятся чиновник Г. Попов³⁰, А.Н. Радищев, хотя и он своих крепостных не отпускал. Можно сказать, что в тогдашнем обществе господствовали крепостнические настроения. Это общество все-таки было в подавляющем своем большинстве обществом крепостников, точно так же как многие просвещенные умы Древней Греции относились к категории рабовладельцев.

Кстати, между самими дворянами заметны значительные отличия. По данным ревизий, в 20-х годах XVIII в. помещики, владевшие менее 20 душами мужского пола, составляли 59,5% всех душевладельцев. Через 50 лет процент таких помещиков составил 59%, т.е. процент мелких помещиков на протяжении всего столетия практически оставался неизменным, тогда как процент среднепоместных и крупнопоместных за этот период возрастает с 8,7 до 16% всех помещиков³¹. Мелкие помещики, как известно, особенно цеплялись за свои права и категорически выступали за сохранение крепостного права. Они составляли подавляющее большинство провинциального общества. Но и крупные помещики не спешили избавляться от своих крепостных. Н.М. Карамзин владел тысячью крепостных, но считал это малым и писал о своем бедственном положении и необходимости получать оклад за государственную службу в качестве историографа.

Даже А.Я. Поленов, подавший в 1766 г. свою записку на запрос “Вольного экономического общества” и оказавшийся в числе пяти удостоенных награды (из 160 сочинений), при всех резких нападках на крепостное право и описании бедственного состояния крестьян, все-таки ограничивается упорядочением отношений крестьян и помещиков и отмену крепостного права не предлагает³². Поэт и драматург В.В. Капнист, который, по словам его дочери, “был любим всеми и по справедливости назывался всегда душою общества³³, в 1783 г. пишет “Оду на рабство”, где выступает против закрепощения вольных украинских крестьян, а в 1786 г. – “Оду на истребление звания раба”. Последняя была реакцией на указ Екатерины II от 15 февраля 1786 г., запрещавший в прошениях именоваться “рабом”, а вместо того использовать слова “верноподданный” или “всеподданнейший”. За это Капнист получил от Екатерины табакерку со своим именем, осыпан-

ную бриллиантами, но душевладельцем Капнист оставался по-прежнему. Лишь С.И. Гамалея, близкий к Новикову, отказался принять за службу 300 душ крестьян, за что получил в литературе прозвище масона-антикрепостника³⁴.

На протяжении XVIII в. общественное мнение можно проследить и по ряду других важнейших событий того времени. Одним из них была Великая французская революция, которая не могла не породить реакцию и в далекой России. Известно, что падение Бастилии вызвало в столице России взрыв общественного энтузиазма³⁵. Весть об этом событии быстро распространилась по Петербургу. Свое одобрение выражали купцы, мелкие торговцы и, как пишет французский посол в России Сегюр, буржуазия и часть образованного общества. По его словам, люди разных наций – французы, русские, датчане, немцы, англичане, голландцы – на улицах поздравляли друг друга, обнимались, словно их самих избавили от тяжелой цепи, висевшей на них.

Исследователи отмечали проникновение с 80-х годов в Россию радикальных течений французской общественной мысли до такой степени, что властителями дум молодого поколения становились Руссо, Мабли, Реналь. Более того, некоторые русские молодые люди приняли непосредственное участие в событиях Французской революции. Два князя Голицына с оружием в руках участвовали в штурме Бастилии. Граф А.А. Строганов, впоследствии один из ближайших друзей Александра I, вместе со своим воспитателем французом Ж. Роммом чуть ли не ежедневно ходил в Версаль на заседания Национального собрания. Строганов вступил в число членов двух радикальных клубов – Якобинского и “Друзей закона”. Имеются свидетельства французского посланника в России Жене, что некоторые русские плакали от радости, узнав о принятии Людовиком XVI конституции 1791 г. С.Н. Глинка, еще будучи кадетом, переводит на русский язык “Марсельезу”. В.П. Кочубей, по его собственным признаниям, в начале революции был ее ревностным сторонником³⁶.

Отношение к Французской революции было лишь одним из эпизодов, вокруг которых складывалось общественное мнение международного плана. Известно отношение общества к многочисленным войнам XVIII в., например к русско-турецким войнам. Но все-таки внутренние проблемы будоражили общество в большей степени, и в XIX в. оно вышло, имея несколько крупных проблем, влиявших на общественное мнение. Это отношение к царствующей фамилии, которое неизбежно выводило на вопрос государственного устройства, крестьянский и дворянский вопросы. Внимание к общественному мнению как таковому, осознание его

роли в жизни общества и государства уже постепенно обозначается, но оно особенно проявляется в самом начале XIX в., сразу после вступления на престол Александра I, во многом как реакция на павловское правление.

В начале XIX в. по России ходили и анонимные записки. В одной из них, составленной на французском языке, под названием “Проект обращения к императору”, отмечалось “беспримерное в России отчуждение общественного мнения от мнения правительственного” и, при всем одобрении первых лет правления императора, высказывались надежды на преобразования³⁷. Автора другой анонимной записки, направленной непосредственно императору, удалось выявить. Им оказался В.Н. Каразин, излагавший целую программу действий и ратовавший за доверие к общественному мнению, т.е. к обществу³⁸. Известно, как взволновало это письмо самого императора, приблизившего к себе его автора. Настроения Александра I той поры, т.е. начала его правления, были хорошо известны, и это повлияло на создание видными сановниками ряда проектов, где значительное внимание уделялось учету или укреплению роли общественного мнения. В 1802 г. М.М. Сперанский составил свою записку “О силе общего мнения”, в которой писал, что общее мнение, или “дух народный”, представляет собой внутреннее убеждение большей части людей. И далее Сперанский отмечал, что: “Нужно изъяснить пользу общего мнения и необходимость управлять им”³⁹. О необходимости общего мнения Сперанский рассуждает и в записке 1803 г.

М.М. Сперанский в то время был представителем власти. Его антипод Н.М. Карамзин больше представлял общество, чем власть. В своем журнале “Вестник Европы”, начавшем выходить с 1802 г., он, однако, также ратовал за необходимость общественного мнения и, более того, писал о том, что все правительства убедились в важности общественного мнения, чувствуют нужду в любви народной и необходимость истребить злоупотребления⁴⁰.

Поэт П. Вяземский, планируя после 1812 г. издание своего журнала, предполагал при его помощи “действовать на общее мнение”. О необходимости быть “вожатым мнения общественно-го” он пишет и в одной из статей начала 20-х годов⁴¹. Когда начали распространяться неблагожелательные слухи о генерале М.С. Воронцове, командовавшем русским корпусом, стоявшим во Франции в 1815–1816 гг., то он с болью записал следующие слова: “...на что мне чин, коли с оным было бы стыдно показаться сослуживцам моим? Вне службы все чины равны”⁴².

В послепавловский период осознание роли общественного мнения характерно и для самого общества, и для ряда представи-

телей власти. Во всяком случае, сам Александр I в первые годы правления этому не препятствовал.

Однако общественное мнение не было неизменным и по отношению к новому императору. Его оценки менялись в зависимости от успехов и неудач русского оружия, внешней и внутренней политики. Часть помещичьего дворянства стала выражать недовольство уже после подписания указа о вольных хлебопашцах 1803 г., усмотрев в нем ограничение поместной системы и линию на создание экономического конкурента в лице свободного крестьянина. Еще более значительный ропот, порой прорывавшийся открыто, вызывали неудачи в первых непосредственных столкновениях с Наполеоном. Петербургское общество, в первые годы правления Александра весьма расположенное к веселой и открытой жизни, постепенно меняет к нему свое отношение. Общественное недовольство обнаруживается при оценках действий главнокомандующего Беннигсена и затем затрагивает самого Александра. Известно письмо Марии Федоровны от 18 апреля 1806 г., направленное Александру, где она, учитывая складывавшиеся общественные настроения, указывает на недостатки его правления и прежде всего – на неудачную внешнюю политику⁴³.

Об отчаянии русских патриотов по поводу неудачного для России Тильзитского мира писалось неоднократно. Описывались и неблагоприятные общие условия (тогда Россия вела несколько войн – с Турцией, Персией и кавказскими горцами), но сам факт поражения больно ранил самолюбие русского человека. Привыкшие к победам русского оружия, не только члены общества, но и верхи не скрывали своего неудовольствия. Ф. Булгарин в связи с этим писал: “Но главное в том, что наше народное самолюбие было тронуту и что война с Англией не могла побудить энтузиазма, не представляя никаких польз и видов и, лишая нас выгод торговли. Вот, что породило общий ропот”⁴⁴.

Слухи, распространяемые “здешними французами”, Александр I называет нелепыми разглашениями и своевольствами, пишет о презрении к министерству и неуважении законов, которые, по словам Ростопчина, “погашают преданность и любовь ко мне народов”⁴⁵.

Александр I явно встревожен, его волнует “погашение преданности и любви”, волнует его и распространение слухов о вольных крепостных, которые передал ему тот же Ростопчин, более того сообщивший об ожидании Бонапарта, который эту вольность им даст. После Тильзита эти слухи многократно усиливаются. Представитель Франции в России Савари даже пишет о крайней непочтительности отзывов русской молодежи о своем

императоре и возможности нового дворцового переворота, который эта молодежь имела намерение совершить. Причем о возможности заговора против Александра I Савари писал неоднократно. О недовольстве русских поражениями писал и шведский посол в Петербурге граф Стединг, особенно акцентировавший внимание на резком падении авторитета императора. Он при этом добавлял, что о перемене царствования говорят не только в частных, но и в публичных собраниях и военные настроены не лучше, чем остальные подданные императора. Он же передавал слухи о желании отстранить от власти мужскую линию царствующего дома и возвести на престол Екатерину Павловну⁴⁶. Но поражения в битвах, и особенно Тильзит, действительно способствовали таким зигзагам общественного мнения, которые отражали уже недовольство самим императором. Недовольство либеральным курсом императора первых лет его царствования нередко направлялось на главного реформатора – Сперанского. Его отставкой Александр I хотел разрядить настроения консервативных кругов общества, и, несомненно, это ему удалось. Любопытно, что во время аудиенции у царя К. Нессельроде, имевшего хорошие отношения со Сперанским и в день опалы известного реформатора выразившего по этому поводу глубокое сожаление, поскольку император лишил себя преданного, верного и ревностного слуги, Александр I ответил ему следующими словами: “Ты прав, но именно теперешние обстоятельства и могли вынудить у меня эту жертву общественному мнению”⁴⁷.

Сперанский был брошен на растерзание дворянскому общественному мнению, и эту меру в консервативных кругах встретили с восторгом: она заметно подняла авторитет императора в их среде. Недовольных этой мерой было немного, хотя в их числе были М.Б. Барклай-де-Толли, А.И. Михайловский-Данилевский, будущий герой Бородино – генерал А.В. Воейков и др. Если в данном случае Александр I пошел навстречу общественному мнению в деле ссылки одного из самых светлых умов страны, человека ревностно трудившегося над ее преобразованием, то несколькими месяцами позднее он пошел навстречу тому же общественному мнению и назначил главнокомандующим действующей против Наполеона армии М.И. Кутузова. Негативное отношение императора к старому полководцу было хорошо известно, но его одолевали с разных сторон. 6 августа 1812 г. Ростопчин писал Александру I: “Москва желает, чтобы командовал Кутузов и двинул Ваши войска... Я в отчаянии, что должен послать Вам это донесение, но его требует от меня моя честь и присяга”⁴⁸. Такие же настроения господствовали и в Петербурге. Об этом писал сам

Александр Екатерине Павловне 12 сентября: “В Петербурге я нашел умы всех за назначение старого Кутузова в главнокомандующие. То было общее требование. Зная этого человека, я сначала не желал этого, но когда письмом от 5 августа Ростопчин засвидетельствовал мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал, так как Барклай и Багратион к этому не способны. Я не мог поступить иначе, как выбрать из трех генералов, одинаково малоспособных быть главнокомандующими, того, на которого указывал общий голос”⁴⁹. На роль общественного мнения в назначении Кутузова Александр I указывал и в беседе со своим генерал-адъютантом Е.Ф. Комаровским. В ней прямо были сказаны следующие слова: “Публика желала его назначения, я его назначил. Что же касается меня, то я умываю руки”⁵⁰.

Итак, император вынужден был уступить “общему желанию”. Значит, оно было очень сильно, и не учитывать его не мог даже самодержец. Общее желание или общественное мнение сыграли, таким образом, в том тревожном 1812 году как минимум дважды решающую роль в принятии решений кардинального свойства. Как известно, в 1812 г. не только Ростопчин был за назначение Кутузова, к этой мысли склонялся и поддержал ее А. Аракчеев⁵¹. Решительно повлияв на усиление роли общественного мнения, Александр I был вынужден учитывать его в своей политике нередко против своей воли. Похоже, что после Тильзита Александр стал побаиваться его и в этом одна из причин укрепления позиций Аракчеева, который все более и более противопоставлялся обществу и выполнял своеобразную роль громоотвода. Александр старался отвести от себя негодование или даже ропот общества и перевести его на своего самого главного фаворита.

Кизеветтер, отмечая очередное возвышение Аракчеева в 1808–1809 гг., решающим моментом в этом видит “страх Александра перед опасностью общественного брожения”. Только Аракчеев сможет сдвинуть своей железной рукой порывы общественного недовольства: “Вот к чему сводится вера Александра в Аракчеева и вот почему эта вера вспыхивала с особенной силой каждый раз, когда Александру начинало чудиться общественное возмущение”⁵².

1812 год передает различные оттенки общественных настроений в разных кругах общества и народа. Чрезвычайное напряжение сил, состояние общественной активности, когда решалась судьба страны, дают самые тонкие нюансы проявления общественных чувств. Н.А. Троицкий писал, что на деле дворянство и сам царь боялись и тормозили народную войну, “высказав больше испуга, чем героизма”⁵³.

Бояться было чего, поскольку в вооруженном народе они видели антипомещичью силу, способную пойти затем против самих душевладельцев. Ф. Ростопчин прямо говорил: “Мы еще не знаем, как повернется русский народ”⁵⁴. Вместе с тем, хотя число крестьянских возмущений против помещиков было заметно больше, чем в предшествующие несколько лет, антинаполеоновская борьба крестьян была искренней и самоотверженной. В целом и мнение народа, и мнение общества практически совпадали, но палитра действий была очень разноцветной. Не случайно будущий декабрист С.Г. Волконский, бывший в 1812 г. флигель-адъютантом, говорил царю о мужественном поведении крестьян и малодушии не проявившего себя на деле дворянства⁵⁵. Много нареканий было и в адрес духовенства, часть которого пошла по пути сотрудничества с Наполеоном⁵⁶.

Конечно, можно привести примеры антипатриотизма, малодушия, а то и прямого предательства, но общий порыв народа и общества дать достойный отпор нашествию не подлежит сомнению. Общественное мнение было в пользу сопротивления и победы. На протяжении всего XIX в. трудно найти такой пример национального единения, как 1812 год⁵⁷.

Победа в трудной войне 1812 г., а затем в сложных заграничных походах способствовала новому резкому возрастанию авторитета Александра I. При некоторых минутах смятения он показал себя твердым и последовательным политиком, а к концу сражений с Наполеоном и неплохим полководцем. Как писал С.М. Соловьев, “великое решение царя и народа достигло своей цели: к концу 1812 года ни одного вооруженного врага не оставалось на Русской земле”⁵⁸. Роль общественных настроений в этой победе была весьма значительной, и все их нюансы еще следует основательно изучить в специальном исследовании.

Вскоре после окончания антинаполеоновских войн последовал императорский документ от 1 января 1816 г., который носит название “Манифест высокомонаршей признательности народу за оказанные в продолжении войны подвиги”. Народ здесь понимается расширительно, и признательность ему императора была несомненной и, можно сказать, искренней. Но этот акт был уже отражением политики, направленной на будущее, политики укрепления самодержавия⁵⁹. Ситуация складывалась отнюдь не в пользу императора, еще недавно купавшегося в лучах славы. В современной литературе не без основания отмечается “разлад Александра с общественным мнением и особенно с армией после окончания военных действий, вызванных нежеланием правительства проводить либеральные реформы”⁶⁰.

О состоянии общественного мнения свидетельствуют планы декабристов. Известный свод А.Д. Боровкова, составленный по повелению самого Николая I на основании показаний декабристов уже после восстания, дает представление о намерениях не только членов тайных обществ, но и более широких кругов. Свод Боровкова выражал общественное недовольство глубоким расстройством всех сторон правительственной системы. Главный вывод о деятельности центрального аппарата – это торжество произвола буквально во всех отношениях. Декабристы обратили внимание и на положение крестьян, и на состояние государственного хозяйства, и на ряд других сторон жизни русского общества того времени, где они усматривали серьезные злоупотребления⁶¹.

Свод А.Д. Боровкова конечно неполный, но и то, что в него было включено, свидетельствовало об отражении декабристами общенациональных задач. Не случайно, в случае победы они планировали включение в состав своего правительства М. Сперанского, П. Киселева, Н. Мордвинова, А. Ермолова, тех представителей правительственного лагеря, которые лучше других ощущали “дух времени” и необходимость известных перемен⁶².

Декабристы повлияли на деятельность и некоторых легальных обществ тогдашней России. Не без их воздействия устав литературного объединения “Арзамас” выдвигал главной целью пользу Отечества, состоящую в образовании общего мнения⁶³.

В 20-х годах внимание всего общества привлекли крупные международные события. Прежде всего это была греческая революция, а также ряд революционных событий в других регионах Европы, к которым относились и революции на Пиренейском и Апеннинском полуостровах. Н.И. Греч по этому поводу писал: “Революция греческая, а потом испанская и итальянская, встречали в России, как и везде, ревностных друзей и поборников”⁶⁴.

События Восточного кризиса 20-х годов, прежде всего греческая революция, а также ситуация в Дунайских княжествах взбудоражили общественное мнение больше других международных дел. Об этом свидетельствует и русская публицистика этого времени. Эти события отражались и в “Сыне Отечества”, и в “Отечественных записках”, и в “Вестнике Европы”, и в других периодических изданиях России⁶⁵. Особое внимание балканским событиям уделяли “Сын Отечества”, основанный Н.И. Гречем и придерживавшийся в то время либерального направления, и “Вестник Европы”, руководимый М.Т. Каченовским и отличавшийся крепостническими взглядами.

“Сын Отечества” подробно информировал и о движении греков, и о восстании валахов под предводительством Тудора Влади-

миреску, и о ситуации в Болгарии и на Балканском полуострове. Заслуживает большого внимания “Обозрение 1821 г.”, опубликованное этим журналом⁶⁶. Русская журналистика передавала настроения общества, занимавшего прогрессивные позиции, точнее даже позиции в пользу балканских народов, и требовавшего вмешательства России для оказания им помощи. Эти настроения были характерны как для России, так и для стран зарубежной Европы, но там они были не столь повсеместны⁶⁷. Некоторое затухание этих общественных настроений заметно с 1822 г.⁶⁸, но и после этого русское общественное мнение нельзя характеризовать как антигреческое. Не нужно забывать, что взрыв общественных чувств в 1821 г. произошел в период резкого уклона вправо правительственного курса и в определенной степени может рассматриваться как антиправительственный. Из-за отношения к событиям на Балканах в конечном итоге произошло столкновение общественной и правительственной линий. Общественное мнение оказалось не в пользу царя.

Собственно, жалобы на жесткий и несоответствующий настроениям общества курс были заметны и раньше. В 1820 г. даже А.И. Михайловский-Данилевский, довольно близкий к Александру I, вынужден был написать: “Мы, бедные русские литераторы, находимся в самом жалком положении, ибо не имеем право печатать то, что желаем, не смеем умствовать о политических предметах... Мы должны или безусловно хвалить; или молчать. Как часто бывает мне досадно, читая в иностранных книгах упреки, делаемые нам насчет бедности нашей словесности, но пусть снимут узду, нас удерживающую, и мы... станем скоро наряду с европейскими писателями”⁶⁹. О том, чтобы “сняли узду” мечтали не одни представители будущего декабризма. Притом что узда после 1820 г. еще более стянулась, т.к. Александр I внимательно относился к позиции общества. В том же году, узнав о деятельности Союза благоденствия, Александр I отнесся к нему весьма настороженно: “Ты ничего не понимаешь, – говорил он одному из своих придворных, – эти люди могут кого хотят возвысить и уронить в общем мнении”⁷⁰.

Противостояние между общественным мнением и императором, как правило, в скрытых формах в 20-е годы заметно усиливается. Общество явно не принимало аракчеевщину, и, как писал историк А.А. Корнилов, “между государем и мыслящим обществом вырывается настоящая пропасть, – исчезает последняя надежда в обществе добиться мирным путем ослабления гнета и правительственного произвола”⁷¹.

Правление Николая I было, собственно, продолжением политики его брата образца начала 20-х годов. В целом обстановка

николаевского царствования не была благоприятной ни для развития общества, ни для усиления общественного мнения. Ни то, ни другое, однако, задавить не удалось. Это было результатом объективного развития страны. Как писал С.М. Соловьев, даже генералы боятся общественного мнения⁷².

С самого начала царствования Николая I правительство внимательно следило за общественным мнением и старалось им руководить, направлять в нужное русло. Яркий пример тому – стремление руководства страны создать в народе и в обществе негативный образ декабриста и представить события 14 декабря 1825 г. как выступление врагов народа, только и мечтавших о захвате власти. Благодаря различным манипуляциям, через прессу, через искусственно раздуваемые слухи, через своих агентов царские власти довольно широко распространили в народе мысль о том, что декабристы – это помещики, которые выступили против желания нового царя предоставить крестьянам волю и возжелали истребить всю царскую семью⁷³. Тем не менее, крестьянское движение продолжало возрастать. Если за первые 25 лет, с 1801 по 1825 г., было 190 выступлений, потребовавших 25 вводов команд, то за вторые 25 лет, т.е. с 1826 по 1850 г., было отмечено 463 выступления с 74 вводами. А только за 10 лет с 1851 по 1860 г. было 472 выступления, потребовавших 66 вводов⁷⁴.

Это вынудило власти принять соответствующие меры. В Манифесте от 12 мая 1826 г., который рассматривается в литературе как первое обращение императора к народу, имелось требование под угрозой жестоких наказаний немедленно прекратить всякие толки о свободе⁷⁵. Наблюдение за общественным мнением (*l'opinion publique*) было поручено III отделению, и в первых же его отчетах на французском языке имелся раздел о его состоянии. Эти отчеты датируются 1827–1830 гг.⁷⁶ В следующем за ними отчете имелся раздел “Обозрение происшествий и общественного мнения в 1831 г.”, но далее это название раздела решили несколько изменить, и он стал называться “Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления в 1832 г.”⁷⁷. С таким названием раздела и с подразделом “О расположении умов” царю представлялись отчеты III отделения с 1832 по 1837 г. Затем название раздела вновь меняется и формулируется “Обозрение духа народного и разных частей государственного управления в 1838 г.” с подразделом под названием “О духе народном”⁷⁸. В следующем году название вновь меняется и императору представляется “Нравственно-политический отчет за 1839 г.”,

с подразделом “Извлечение из общего мнения и слухи, доносящиеся в публике”⁷⁸.

Такие нравственно-политические отчеты, как составная часть общих отчетов III отделения, составлялись с 1839 по 1850 г. С 1851 г. такой раздел уже отсутствует. Казалось, что в нем нет необходимости, хотя наблюдения за состоянием общественного мнения производились и, например, в отчете за 1855 г. было написано: “Наблюдение за общим духом народным, во время настоящего тяжкого испытания (Крымской войны. – *В.Г.*), приводит к самому утешительному заключению...”⁸⁰ Эти “утешительные заключения”, по-видимому, были причиной тому, что специальные разделы об общественном мнении, а затем и нравственно-политические отчеты посчитали излишними. Лишь с 1859 г. вводится специальная рубрика под названием “Нравственно-политическое обозрение”, которое и призвано было давать информацию о состоянии общественного мнения. Произойдет это уже при другом императоре – Александре II, когда общественное мнение, действительно, значительно оживилось. В 1860 г. эта рубрика уже называется “По наблюдению за нравственным состоянием жителей”⁸¹, а в 1861 г. – “Нравственно-политическое обозрение за 1861 год”⁸², т.е. вернулись к нравственно-политическим отчетам 1830–1850 гг.

И изучение отчетов III отделения, и ряд других материалов, отражающих общественное мнение той поры, свидетельствуют о том, что и в годы николаевского царствования крестьянский вопрос оставался важнейшим вопросом страны. Он был многоаспектным и касался не только ликвидации крепостного права⁸³, а имел прямой выход и на другие категории крестьянства, например государственных крестьян, крестьян удельных, колонистов и т.д. О стремлении крестьян к обретению свободы отчеты III отделения говорят неоднократно вплоть до известного вывода о крепостном состоянии как пороховом погребе под государством. В отчете за 1840 г. писалось: “Мысль крестьян о свободе год от году угрожает опасностью будущие времена России”⁸⁹. В 1842 г. III отделение вновь пишет о том, что уничтожение крепостного состояния в России составляет постоянный предмет толков и опасений помещиков⁸⁵. В отчете за 1847 г. подчеркивалось: “В течение прошедшего года главным предметом рассуждений во всех обществах была непонятная уверенность, что Вашему величеству (т.е. Николаю I. – *В.Г.*) непременно угодно дать полную свободу крепостным людям”⁸⁶.

В отличие от XVIII в. в это время уже было немало противников крепостного права в среде самого дворянского общества.

Решительными противниками крепостного права были западники и славянофилы. В 1839 г., когда еще славянофильство находилось в стадии формирования, А.С. Хомяков в узком кругу своих единомышленников характеризовал крепостное право как наглое нарушение всех законов, как мерзость рабства. Близки к такому же восприятию крепостного права И.С. и К.С. Аксаковы и другие славянофилы⁸⁷. Более того, один из славянофилов – В.А. Черкасский – в своих имениях проводит работу по ликвидации личной зависимости своих крестьян и только за 10 лет, с 1847 по 1857 г., у него выкупилось более половины крестьян, получив личную свободу и соответствующие участки земли⁸⁸.

Достаточно хорошо известно отношение к крепостному праву и виднейших представителей западничества: Т. Грановского, И.С. Тургенева и др., сближавшее их в этом вопросе со славянофилами. Еще более радикально была настроена та часть западников, которые получили в литературе название революционеров-демократов. Н.П. Огарев освободил часть своих крестьян с землей⁸⁹. Последовательными противниками крепостного права были А.И. Герцен⁹⁰, М.А. Бакунин, В.А. Энгельсон⁹¹.

Тем не менее, они не составляли в николаевское время большинство общества, не они были главными источниками формирования общественного мнения. Это мнение было в основном консервативным, а консерваторы стремились сохранить существовавшее положение без каких-либо существенных изменений. Помещики-экономисты обосновывают свои взгляды теоретически, выступая в печати или в рамках тех или иных общественных мероприятий. Так, помещик Дурасов 28 ноября 1842 г. зачитал свой доклад в Вольном экономическом обществе на тему “Взгляд на положение крестьян в России и сравнение их с классом рабочего народа в иностранных государствах”, где доказывал, что “прославленная вольность” на Западе отнюдь не служит к экономическому благополучию крестьянства⁹². Еще до этого, в 1835 г., чиновник Министерства внутренних дел Пассен подает записку, в которой заявляет, что большинство дворян против отмены крепостного права, поскольку не может свыкнуться с мыслью о возможности эффективно владеть землей и иметь хорошую прислугу при отсутствии крепостного права⁹³. В начале 50-х годов ряд органов русской прессы начал буквально воспевать крепостное право и вообще благоденствие России под скипетром православного царя⁹⁴.

В правительственных сферах в 30–40-е годы лишь отдельные сановники высказывались за реформы, большинство иерархов русской православной церкви и в конце 50-х годов принадлежало

к числу несочувствующих реформе⁹⁵, большинство же общества было в то время консервативно, и нет оснований относить его к радетелям за крестьянскую реформу. А.А. Кизеветтер, который специально изучал роль русского общества в реформе 1861 г., обращаясь к времени царствования Николая I, привел обширную цитату из Г. Успенского, суть которой заключалась в том, что “надо постоянно бояться – это корень жизненной правды”⁹⁶.

Аграрно-крестьянский вопрос обсуждался в разных слоях общества, и это обсуждение было хорошо известно в правительственных кругах, которые особенно ему не препятствовали. Уже сточение происходит только после 1848 г. Иное дело – изменение политического устройства страны, конституция, представительные учреждения, политическая свобода. Само общество больше желало политической свободы, нежели отмены крепостного права. Тем не менее, говорить об этом было сложнее, чем о крестьянском вопросе, русский конституционализм за 30 лет правления Николая I прослеживается слабее, чем в предшествующее царствование.

То, что К. Аксаков записал в своей записке Александру II: “сила власти – царю, сила мнения – народу”, славянофилами вынашивалось и много раньше. Не случайно, в литературе это называется известной славянофильской политической формулой⁹⁷.

В целом в высших кругах заметен уход в себя, и эти настроения отразил отчет III отделения за 1843 г. В нем отмечено, что высшее общество, позволявшее себе в прежние времена рассуждать о действиях правительства, гласно хваля или порицая принимаемые им меры, стало уклоняться от подобных суждений и хранит ко всему какое-то равнодушие. Далее написано, что то же самое заметно и в других слоях общества, до такой степени будто все поражены какой-то апатией⁹⁸. В 1847 г. уже в другом отчете посчитали нужным записать: “Вообще, в прошедшем году, нежели когда-нибудь, общественное мнение порицало меры правительства: в особенности роптали при слухе об уничтожении чинов и несколько вооружились против воспитания, которое дается юношеству в учебных заведениях Министерства просвещения”⁹⁹. Конечно, трудно сказать, сколь широко эти частные вопросы затронули общество, но важна констатация наличия общественно-го мнения и его некоторого оживления.

Вообще, если Александр I считал нужным опираться на общественность, во всяком случае в начале своего царствования, то для Николая I характерна иная линия поведения. Новый общественный подъем, начавшийся в середине 50-х годов, во многом походил на начало XIX в., но был более результативным в прове-

дении соответствующих реформ. Еще в ноябре 1855 г. по случаю 50-летия сценической деятельности М.С. Щепкина – гордости русского театра – в Москве состоялся банкет, собравший до 300 человек, прежде всего представителей московской интеллигенции. И вот на этом банкете, состоявшемся еще до завершения Крымской войны и заключения мирного договора, К.С. Аксаков встал и произнес тост “в честь общественного мнения”. Как писал своему сыну И.С. Аксакову присутствовавший на банкете С.Т. Аксаков: “Две секунды продолжалось молчание и разразилось криком и громом рукоплесканий. Все встали со своих мест, чокались, обнимались, незнакомые знакомились с Константином... Ни музыкой, ни тостом в честь искусства и театра не могли унять хлопанья и крика”¹⁰⁰.

Тост К.С. Аксакова принял характер откровенной демонстрации московского общества. Он получил широкий резонанс и по-разному воспринимался в самом обществе и в правительственных верхах. Генерал-губернатор Москвы А.А. Закревский, отличавшийся известными консервативными взглядами, выразил свое неудовольствие и не позволил сообщить об этом событии в московской печати. Не встретило оно поддержки и в высших сферах Петербурга. Любопытно, что и западники поначалу с настороженностью отнеслись к инициативе Аксакова и, вообще, к этому щепкинскому торжеству. К.Д. Кавелин в связи с этим писал М.П. Погодину: “Щепкинский обед тоже тревожит здесь всех и служит предметом сильных разговоров. Если все так было, как рассказывают, то нельзя не пожалеть, что Аксаков поторопился тостом”¹⁰¹. Речь шла, таким образом, не о принципиальной несогласии с аксаковским тостом, а только о его своевременности. Кавелин явно преувеличивал, когда писал, что тревога охватила всех. Все-таки на обеде присутствовало 300 человек и их поддержка или, во всяком случае, поддержка большинства, значила многое.

Западники были не меньшими, чем славянофилы, сторонниками общественного мнения и, как тогда уже говорили, гласности. Весьма показательна “Записка о письменной литературе” того же К.Д. Кавелина, опубликованная в одном из герценовских изданий в 1856 г. Среди прочего Кавелин там писал: “Станем ли мы прислушиваться к общественному мнению, мы услышим одно: требование гласности; станем ли мы читать более или менее детальные статьи рукописной литературы, мы увидим одно: требование гласности. Теперь же самые факты указывают на нее, как на единственное средство против явного зла”¹⁰².

Еще до этой работы Кавелина в полный голос заговорил его адресат М.П. Погодин, ранее известный как видный деятель

“официальной народности”, но заметно полевевший уже во время Крымской войны. Едва взошел на престол новый император Александр II, как Погодин направил ему свою записку под названием “Царское время”, где среди прочего писал: “Определить, в какой степени может быть допущена гласность, в видах предохранения правительственных и прочих решений от произвольности и учреждения над ними новой необходимой инстанции – бдительного общего мнения, без которого само правительство остается часто во тьме”¹⁰³.

О необходимости формирования общественного мнения пишет в далеком Лондоне и А.И. Герцен. В “Колоколе” за 1 августа 1857 г. он, уже почувствовав определенные изменения в верхах, выражался весьма определенно: “Мы не только накануне переворота, но мы вошли в него. Необходимость и общественное мнение увлекли правительство в новую фазу развития, перемен, прогресса”¹⁰⁴. По Герцену, не только осознанная верхами необходимость, но и общественное мнение вынудили правительство обратиться к реформам. Общество пришло в движение, и сила его мнения была уже довольно ощутимой. Это, действительно, признавалось большинством, но были отдельные голоса предостережения и скептицизма.

Один из оставшихся в живых декабристов, человек умудренный жизненным опытом и суровыми испытаниями, так и не пожелавший вернуться из далекой Сибири, – И.И. Горбачевский – позволил себе иметь другое мнение. В своих воспоминаниях он проводил следующую идею: “Я не верю никакой гласности в печати, не верю успеху ни в чем, не верю обещанной свободе”¹⁰⁵. Горбачевский хорошо знал административные порядки и непрекращающийся произвол властей, но его скептицизм в ту пору был редчайшим исключением. Большинство деятелей общества выражали надежды и среди прочего видели общественное мнение и желали его расширения. Явные сдвиги влево можно проследить и в материалах, исходивших из кругов, не отличавшихся заметным либерализмом. А.В. Никитенко в своем дневнике оставил следующую запись: “Я полагаю необходимыми для России всякие улучшения, считая главными началами в них: гласность, законность и развитие способов народного воспитания и образования...”¹⁰⁶

Требование гласности овладело довольно широкими кругами общества. В “Голосах из России” Герцена оно выходит на первое место. В “Письме к издателю” К. Кавелин и Б. Чичерин рассматривали гласность как чуть ли не единственное средство против явного зла¹⁰⁷. Там же Н.А. Мельгунов проводит мысль о том, что

одна гласность способна оградить от беззаконий правосудия, избавить от лести, лжи и лицемерия, поднять и облагородить людей¹⁰⁸. Борьба общества за гласность, за общественное мнение очень хорошо осознавалась властями. Их положение было двойственным. С одной стороны, бюрократия прекрасно понимала, что гласность явно была направлена против нее самой, против злоупотреблений чиновничества, с другой – она лучше других знала о той поддержке, которую ей оказывали на самом верху, пытаясь добиться проведения самой главной реформы того времени – крестьянской.

В отчете III отделения за 1858 г. прямо говорилось: “Таким образом, в минувшем году два главных предмета вводили в соблазн и в проступки, хотя и не собственно политические, но требовавшие наблюдения постоянного, именно преобразование быта крестьян и общественное мнение”¹⁰⁹. Никогда прежде, при всем внимании к общественному мнению, III отделение не ставило его на такую высоту.

Не только для предреформенного, но и для пореформенного времени роль общественного мнения была несомненной, о чем довольно часто высказывались публично. Одни авторы, такие, как П. Щербальский, Б. Чичерин или И. Аксаков¹¹⁰, придавали ему большое значение, а такие – как Р. Фадеев – отмечали “отсутствие сложившихся мнений и общественных органов, способных установить взгляды большинства и выражать их с достаточным весом”¹¹¹.

Что же касается основных проблем, будораживших это общественное мнение, то накануне реформы, да и после нее, ни одна из них не была по своей значимости сравнима с крестьянским вопросом. Она приобрела общенациональное значение, обсуждалась в различных социальных кругах. Но в общественном мнении не было единства по этому важнейшему вопросу в России. Различия между общественно-политическими направлениями – консервативным, либеральным и радикальным, особенно революционно-демократическим, были отнюдь не в деталях, а по существу. Но объективно с народными пожеланиями все больше сближались программы участников левого направления, и с каждым десятилетием это становилось все более заметным.

Вторым важнейшим вопросом, как отмечалось в упоминавшемся отчете III отделения за 1858 г., было общественное мнение. Фактически, это было не мнение как таковое, а усиливавшееся стремление широких кругов общества к свободе слова и печати не ради самих по себе, а с целью ограничить произвол администрации. Это противодействие бюрократии сближало все

три главных общественно-политических направления страны намного больше, нежели крестьянский вопрос. Все они, действительно, ратовали за свободу самовыражения, но ставили при этом разные цели. Антибюрократический налет хорошо заметен по материалам, которые публиковались в герценовских “Голосах из России”. К. Кавелин и Б. Чичерин в “Письме к издателю” прямо писали об алчной, развратной и невежественной бюрократии, видя в ней прямого врага России и называя ее тиранией нового рода¹¹². Там же Н. Мельгунов выступает против чиновничества и ратует за ограничение произвела бюрократии¹¹³. Это ограничение он усматривает в расширении гласности. Интересно, что в публикациях того времени бюрократия противопоставляется императору. Во многом это было так, поскольку в предреформенное время царь был настроен на реформирование страны, с чем были согласны далеко не все представители не только верхних, но и средних слоев бюрократии. Вообще, бюрократию отделяли и от народа, и от общества, и от самодержавия. Причем ее резко бичевали не только в публицистике, но и в художественной литературе, и в различных общественных местах¹¹⁴.

Буквально все беды страны видели в бюрократии славянофилы и едко бичевали ее. А.И. Кошелев посвящает борьбе против бюрократии специальную главу в своей брошюре “Какой исход для России из нынешнего ее положения?”. В ней бюрократия, назначенная, по словам автора, самим царем, предстает как нечто совершенно “самостоятельное, столько же вредное для государства, сколько гибельное и ненавистное для России и даже для того сословия, из которого она исходит”. Главное для бюрократа – это статус-кво, увековечение своих выгод. “Пресечь бюрократию постепенно нельзя, надобно пресечь корень зла, а это можно совершить только через кровавые революции или посредством благовременного искреннего и полного единения царя с народом”¹¹⁵.

Настроения против бюрократии сливались и с недовольством деятельностью силовых структур государства, являвшихся составной частью бюрократии. Особенное недовольство вызывала деятельность полиции. Собственно, и раньше полицией, и московской, и петербургской, были крайне недовольны. Даже в отчете III отделения за 1832 г. об этом писалось прямо и недвусмысленно – о нескончаемых жалобах на полицию Петербурга, причем, как там отмечалось, жалобах правильных¹¹⁶. С тех пор ничего не изменилось, и генерал Д. Никифоров, уже описывая московскую полицию пореформенной поры, подчеркивал, что эта “полиция в большинстве случаев состояла из служебных от-

бросов, которые не только тайно, но даже явно брали взятки, не стесняясь ни общественным мнением, ни тысячьоу глаз, смотрящих на это беззаконие”¹¹³. По мнению П.А. Зайончковского, наиболее широко процветало в середине XIX в. взяточничество и воровство среди губернской администрации. Хотя, как отмечает исследователь, “всеобщее мздоимство” и “лихоимство” почти не находят своего отражения в официальных документах¹¹⁸.

Исследования последнего времени подтвердили широчайшее распространение в России коррупции, существование целой системы взяток, принявших организованные формы¹¹⁹. В связи с этим, общественное мнение второй половины XIX в. было реакцией на чиновничий произвол, и результатом такого массового настроения было усиление стремления к правовому, гражданскому обществу. В эту эпоху все большей популярностью пользуются конституционные идеи, значительную роль в популяризации которых сыграла либеральная журналистика и профессура.

В записке министра народного просвещения А.В. Головнина, поданной царю в 1862 г., отражаются различные мнения в обществе по поводу государственного устройства.

Министр писал: “Вообще все приверженцы всех вышеуказанных учений прежде всего требуют полной свободы слова для изложения своих мнений и к достижению этого направлены все их усилия”¹²⁰.

При всех отличиях, замеченных Головниным в обществе, он четко выделяет то общее, что их всех объединяло. Это требование свободы слова. Но были и другие, общие для большинства представителей общества, точки зрения. Они касались, как уже отмечалось, отношения к бюрократии. Отношения негативного, и это недовольство административными структурами охватило не только левых и либералов, но и консервативные слои общества. Последние в предреформенное время и несколько позднее активно критиковали деятельность правительства и шли с ним на прямой конфликт. Антибюрократические тенденции хорошо просматриваются в брошюре В.П. Орлова-Давыдова, требовавшего сохранить за дворянством все привилегии и именно ему желавшего поручить разрешение крестьянского вопроса¹²¹.

III отделение обратило внимание на повышенно критический подход тогдашней печати к деятельности администрации как в центре, так и на местах. В отчете за 1861 г. оно писало: “Утвердившаяся в наших периодических изданиях гласность и общественные мнения касаются наиболее мелких злоупотреблений и чиновников; но иногда осуждению подвергаются начальники губерний и другие значительные лица”¹²². Там же писалось о кри-

тическом отношении к некоторым историческим лицам, например к Петру I, о нерасположенности писателей к аристократии, чинам и внешним отличиям и о том, что они ратуют за уравнение прав и сближение всех сословий, но одновременно проявляют живейшую заботливость о простолюдинах.

Литература и периодическая печать стали проявлять большое внимание к естественным наукам, а также к политической экономии и вообще экономике, прививая вкус к этим вопросам своим читателям. С.Н. Южаков, несомненно один из крупнейших социологов страны, впоследствии вспоминал: “Экономические вопросы тогда заслонили собою все остальные; политическая экономия стала оракулом общественного мнения”¹²³. Этот интерес к науке отметило и III отделение, обратившее внимание на развитие политической экономии и философии. Составители соответствующего отчета не преминули отметить, что “в этом, заслуживающем уважения стремлении также скрывается своего рода зло. В журналах наших появились статьи, проникнутые духом социализма и материализма”¹²⁴.

Многие органы прессы устанавливают своего рода диктат. Если А.В. Никитенко в своем дневнике писал о духе нетерпимости и страсти к умственному и нравственному деспотизму так называемого передового общества, то нечто подобное утверждает и М. Гершензон в самом начале XX в. Он подчеркивал: “Нигде в мире общественное мнение не властвует так деспотически, как у нас, а наше общественное мнение уже две трети века неподвижно зиждется на признании этого верховного принципа: думать о своей личности – эгоизм, непристойность; настоящий человек лишь тот, кто думает об общественном, интересуется вопросами общности, работает на пользу общую”¹²⁵.

В эту эпоху общественное мнение в стране заявило о себе как никогда прежде. Будировалось множество проблем, но после 1861 г., все-таки на первое место в обществе вышла проблема государственного устройства, политических свобод, построения правового, гражданского общества¹²⁵. Проблема конституции будировалась в разных слоях общества, во всех трех главных общественно-политических направлениях. Когда вышли прокламации под названием “Великорусс”, в трех номерах в июне, сентябре, октябре 1861 г., то III отделение, естественно, не могло не обратить на них внимание. Характеризуя последний номер, III отделение писало: “В 3-м № говорилось исключительно о средствах ввести у нас конституционное правление. Хотя мысли о последнем распространены у нас в довольно сильной степени между дворянством, учеными и в молодом образованном поколении, но упомя-

нутые воззвания особенного впечатления и беспорядков не произвели нигде”¹²⁷.

Общественное мнение формировалось и по ряду внешнеполитических проблем. Здесь не всегда взгляды общества совпадали с реальной политикой правительства России. Так, различные подходы выявились по итальянскому вопросу. Правительство и новый министр иностранных дел А.М. Горчаков не поддержали поначалу итальянское национально-освободительное движение, тогда как значительные слои русского общества оказали ему свое сочувствие¹²⁸, а некоторые русские молодые люди вступили в отряды Д. Гарибальди или оказывали ему другие формы поддержки. Русское общество активно откликнулось на события в Юго-Восточной Европе в начале 60-х годов. Не осталось оно равнодушным и по отношению к войне Севера и Юга в США, но по этому вопросу между обществом и правительством не было серьезных разногласий. И те, и другие поддерживали северян¹²⁹. Особое внимание русского общества вызвали события на Балканах во время Восточного кризиса 70-х годов, в период самостоятельной поддержки движения балканских народов, и во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда общество и правительство действовали воедино. После войны и Берлинского мирного договора 1878 г. между частью общества и верхами вновь возникают проблемы¹³⁰.

В отчете III отделения за 1863 г. отмечалось следующее: “Общественное мнение, до сих пор не существовавшее в России, успело в последние годы образоваться, окрепнуть и теперь сознает свое значение”¹³¹. Составители этого раздела, однако, забыли об отчетах конца 20-х годов, где общественному мнению придавалось особое значение, но они отражают переход от времени Николая I к эпохе Александра II, когда общественное мнение, действительно, никто уже не мог отрицать и власти приходилось с ним считаться.

Эпоха после 1 марта 1881 г. с четким поворотом правительственного курса вправо не могла не сказаться на состоянии общественного мнения и на отношении к нему правительственных верхов. Еще совсем недавно, в конце 70-х годов, и даже в 1880 г. ситуация была совсем иной. В.П. Мещерский передавал содержание своего разговора с М.Т. Лорис-Меликовым, состоявшегося в 1880 г., и в нем, среди прочего, этот человек, получивший огромную власть, говорил: “Теперь время такое, – продолжал Лорис, – что нельзя не прислушиваться к общественному мнению: нельзя допускать крамолы, но надо избегать проявления деспотизма”¹³². Но уже летом 1881 г. стали распространяться слухи о том, “что

правительство желает восстановить времена царствования императора Николая I” и в официальных материалах писалось о “все еще тревожном настроении общества”¹³³.

Нельзя сказать, чтобы сразу после убийства Александра II или после Манифеста 29 апреля самодержавие объявило войну обществу и общественному мнению. Процесс шел постепенно, но настоятельно, и атмосфера сгущалась как бы продвижением мелких тучек, которые все больше и больше заслоняли и раньше не очень-то летнее солнце. Чем дальше, тем больше появляются свидетельства, похожие на те, что можно было встретить в описаниях конца николаевского царствования. Когда-то И.С. Аксаков направил потрясающее по силе письмо из Бендер 23 ноября 1855 г., письмо, привлекшее внимание многих исследователей и свидетельствующее о чрезвычайно тягостном впечатлении, которое произвело на молодого славянофила знакомство с тогдашней российской действительностью. Проходит более 30 лет, и за день до своей кончины уже ветеран славянофильства чуть ли не дословно передает свои настроения давнему знакомому, деятелю полтавского земства Г.П. Галагану. 26 января 1886 г. И.С. Аксаков писал: “Как трудно живется на Руси!.. Есть какой-то нравственный гнет, какое-то чувство нравственного измора, которое мешает жить, которое не дает установиться гармонии духа и тела, внутреннего и внешнего существования. Фальшь и пошлость нашей общественной атмосферы и чувство безнадежности, беспроглядности давит нас”¹³⁴.

А. Корнилов писал, что еще с 1866 г. настроение общества было чрезвычайно угнетенным, но после прихода в правительство Д. Толстого он уже пишет о “новом дворянском реакционном направлении”, которое стало проводить правительство во внутренних делах¹³⁵. А. Кизеветтер, передавая тогдашние настроения мыслящей интеллигенции Москвы, пишет о настроениях тяжелой подавленности, какой-то никчемности существования, суженности жизненного горизонта. Что касается правящей бюрократии, то, по Кизеветтеру, “она привыкла пренебрегать этим элементом государственной жизни и ставить ни во что роль общественного мнения”¹³⁶.

Действительно, буквально за несколько лет происходят разительные изменения в курсе правительства. Еще недавно Лорис-Меликов считал невозможным не прислушиваться к общественному мнению, а новое руководство страны, вспомнив николаевские времена, решило его ни во что не ставить. Однако действительная картина в этой области была более сложной. Усиление позиций консервативного дворянства, прежде всего земле-

владельческого, усиливало и роль требований этой прослойки общества. Именно к нему повернулись правительственные верхи, когда обратились к “обществу” за содействием в борьбе с “крамолой”.

Активность консервативного дворянства еще более усилилась, когда оно убедилось в настроениях нового царя. Александр III и в своей речи во время коронации в мае 1883 г., и в рескрипте от 21 апреля 1885 г. стремился поддержать дворянское сословие как первенствующее среди других. Он высоко оценивает его заслуги и обещает ему помощь в сохранении его привилегий. Он заверяет в своей поддержке дворянство и в экономической сфере, и в армии, и в местном управлении, и в суде, вообще подчеркивая его первенствующее место. И как ответная реакция, как результат внимания монарха к дворянству следуют многочисленные адреса дворянских собраний по случаю опубликования этого рескрипта, давно оцененного как сигнал к общему наступлению дворянской реакции¹³⁷.

Дворянский реванш набирал силу, и сотрудничество дворянства и правительства все более усиливалось. Д. Толстой в беседе с императором Александром III прямо заявил, что реформы прошлого царствования были ошибкой и поэтому задача министра внутренних дел заключается в парализации сил, оппозиционных правительству¹³⁸. Само назначение Толстого было с негодованием встречено как либералами, так и демократами, и с большим воодушевлением в консервативных кругах, где оно приветствовалось и Катковым, и Мещерским¹³⁹. Общественное мнение после назначения Толстого раскололось, но консерваторы ликовали. Таким образом, произошло слияние консервативного общества и правительства.

Формируя общественное мнение, консервативные идеологи вели активную борьбу не только против радикального лагеря, но и против либералов, в которых они видели порой даже большее зло. Они резко нападали на основы буржуазной демократии, бичуя конституционализм, парламентаризм, гражданские свободы. Однако сломить либералов не удалось даже в трудные для них 80-е годы. Несмотря на ухудшавшуюся ситуацию, либеральные издания продолжали поддерживать своих сторонников, по-своему формировать общественное мнение. Речь идет о “Русских ведомостях”, “Русском курьере”, “Московском телеграфе”, “Стране”, “Порядке”, “Вестнике Европы” и других либеральных газетах и журналах. П.А. Зайончковский даже писал, что в то время “единственным выразителем общественного мнения, рупором политической мысли являлась периодическая печать: газеты и

толстые журналы”¹⁴⁰. Единственными они, конечно, не были, существовали и другие источники формирования общественного мнения. Это и художественная литература, и распространение слухов, и театр, и церковь, и другие общественные места. Но роль периодической печати, действительно, была особой. Несмотря на цензурное засилие, печати удавалось поднимать вопросы, волновавшие русское общество.

Либералы продолжали формировать общественное мнение по ряду злободневных вопросов русской жизни. Из них первейшее место занимал крестьянский вопрос. Примечательно, что и в 1882 г. один из публицистов “Вестника Европы” положительно оценивал известные “Письма из деревни” А.Н. Энгельгардта, где автор ратовал за уничтожение помещичьего хозяйства. Сам автор – Арсеньев – выступал за содействие переходу земель в руки крестьян, а также за поднятие умственного уровня народа путем общения его с интеллигенцией. Практически все либералы признавали крестьянское малоземелье, но по-разному видели средства его ликвидации¹⁴¹.

Если на рубеже 1870–1880-х гг. либералы пытались говорить с властью от имени общества¹⁴², то затем они как бы уходят внутрь себя. Редко кто из них позволял себе открыто выступать против правившего режима, но молчание отнюдь не было согласием. Известный монархист С.С. Ольденбург на этот счет оставил следующее свидетельство: “Но произошли ли за царствование императора Александра III действительные перемены в настроениях образованных классов? Интеллигенция притихла, смолкла, враждебность исчезла с поверхности, но, тем не менее, она осталась. Все меры царствования встречали глухую, по внешности сдержанную, но непримиримую критику. Болезнь оказалась только загнанной вглубь”¹⁴³.

Несмотря на явную реакцию начала 80-х и последующих годов, продолжали по-своему воздействовать на общественное мнение и представители радикального крыла русского общества. Их возможности были намного слабее, чем у консервативных кругов и даже, чем у либералов. К демократическим органам печати относились “Отечественные записки”, редактировавшиеся М.Е. Салтыковым-Щедриным. На страницах этого журнала выступали также Н.К. Михайловский, с которым он начал сотрудничать еще с декабря 1869 г., Г.З. Елисеев, С.Н. Кривенко, С.Н. Южаков, А.Э. Эртель, М.К. Цебрикова, А.Н. Энгельгардт и другие публицисты и писатели левого направления. Вплоть до закрытия журнала в 1884 г. он пользовался значительным авторитетом среди своих сторонников и вызывал неприязнь, особенно

среди консерваторов и реакционеров. В сентябре 1881 г. Б. Маркович писал М. Каткову, что журнал “прямо, не стесняясь ни сколько, подбивает своих читателей на смуту, признает героями Желябовых и К°. Целые книжки журналов подбираются статья к статье в этом смысле”¹⁴⁴.

После 1 марта и “Отечественные записки” должны были учитывать новый дух времени. К числу изданий, куда прорывались журналисты демократического направления, относилось и “Русское богатство”. Этому журналу повезло. Начав выходить в 1876 г., он продолжал издаваться до 1918 г.

Едва Александр III вззошел на престол, как “Русское богатство” откликнулось специальной рецензией на первое русское издание книги Ф. Гольцендорфа “Роль общественного мнения в государственной жизни”. Это был своеобразный повод выступить от имени общества и, отталкиваясь от сочинения известного немецкого криминалиста, высказать свое мнение о роли общественного мнения. Автор рецензии В.О. Португалов, некогда активный член Харьковско-Киевского тайного общества, отметил подверженность общественного мнения чрезмерной произвольности. В этом он видел и его неоспоримое могущество, и его печальную слабость. По его мнению, ни всеобщее избирательное право (суффраж универсель), ни даже печать не могут служить безусловно верным выражением общественного мнения. “Совершенно наоборот, – пишет Португалов, – весьма и весьма нередко все эти органы могут выражать мнения, идущие вразрез и с общественными интересами, и с общественным мнением”¹⁴⁵. Далее Португалов продолжает: “... это потому, что общественное мнение заслоняется другими факторами, несравненно более могущественными по своим материальным средствам”. Представляя книжку Гольцендорфа, Португалов позволил себе не согласиться только с одним ее выводом, а именно с утверждением его о том, что пресса в большинстве случаев создает общественное мнение. По Португалову, пресса лишь высказывает выработанное или сложившееся в обществе мнение, мнение уже готовое, и прессе редко удастся переделать или переиначить его. Будущее, по Португалову, вполне принадлежит общественному мнению, “которое для полноты своего идеального развития и совершенства, нуждается несомненно в прогрессивном развитии самого общества”¹⁴⁶.

Демократической направленностью отличались и журналы “Дело”, “Московский телеграф”, “Русский курьер”¹⁴⁷. Русские левые, в отличие от консерваторов и от либералов, выступали также на страницах бесцензурной печати, нередко выходившей за

границей. “Общее дело” издавалось все 80-е годы. “Народная воля”, печатавшаяся в Петербурге и Москве, выходила до 1885 г. Известны и другие издания бесцензурного характера: “Знамя”, “Зерно”, «Листок “Народной воли”», “Черный передел” и др. В специальной записке Департамента полиции от 24 августа 1883 г. отмечались характерные особенности периодической печати в целом, с ее тенденцией к республике, коммунизму и атеизму и, как там писалось, “называя свои издания органами общественного мнения, они путем такого обмана стараются возбудить к себе доверие публики для проповеди ложных теорий и средств борьбы с правительством”¹⁴⁸.

Одним из инструментов воздействия на общественное мнение, которым традиционно пользовались радикальные слои общества, были различного рода листовки. В 1881 г. было выпущено 77 таких листовок, в 1885 – 5, а в 1890 – 32. Достигнув своего апогея в 1881 г., листовочная кампания затем постепенно спадает и, дойдя до своего минимума в 1885 г., далее то возрастает, то падает¹⁴⁹. Интересно, что в 80-е годы заметно увеличивается количество листовок, прямо направленных к обществу. Их стало заметно больше по сравнению с 60-ми и 70-ми годами.

Как и раньше, общественное мнение формировалось не только вокруг внутривнутриполитических и вообще внутренних дел страны, но определялось и проблемами внешней политики и международных отношений. Довольно активно высказывались мнения в печати и в повседневной жизни о последствиях русско-турецкой войны 1877–1878 гг., о событиях на Балканах середины 80-х годов, в частности о сербско-болгарской войне, об обострении отношений России с Болгарией и последующем прерывании между ними дипломатических отношений. Внимание печати постоянно привлекают отношения между Россией и Германией, между Россией и Францией и т.д. В начале 80-х годов народовольческая печать неоднократно писала о возможности нападения Германии на Россию¹⁵⁰. Много внимания уделялось англо-российским противоречиям, в частности в Средней Азии, и в целом политике России в Средней Азии. Постоянно обращалась русская печать к ситуации в Австро-Венгрии и взаимоотношениям с ней России. В современной литературе отмечены внешнеполитические концепции российского консерватизма, идеи в области внешней политики российского либерализма и либерального народничества, а также позиции по этим вопросам революционной демократии¹⁵¹. В этой литературе подчеркивается, что вторая половина XIX в. характеризуется резким усилением внимания общественности к вопросам внешней политики и международных отношений¹⁵².

Новый этап усиления роли общественного мнения и общества как такового относится к началу 90-х годов. Одним из событий, оказавшим большое воздействие на общественный подъем того времени, стал голод 1891 г. и продолжение его в следующем 1892 г. Он сразу нашел отражение в печати и породил полемику даже по такому, казалось бы, ясному вопросу, оказывать ли голодающим губерниям помощь или нет. Однако консервативная пресса здесь, особенно поначалу, заняла свою особую позицию. Флагман консервативной журналистики открыто выступил против движения помощи голодающим. Речь идет о “Московских ведомостях”, где вышел ряд материалов, видевших в этом движении политическую подоплеку. Но после того, как правительство признало необходимость такого движения и сам наследник престола возглавил Комитет по оказанию помощи голодающим, тон консервативной прессы заметно изменился. Общественное мнение еще больше укрепилось в необходимости развертывания именно общественной самодеятельности, и говоря словами М. Цебриковой, общественное мнение¹⁵³ было в подавляющем большинстве в пользу тех подвижников из общества, которые вели трудную повседневную борьбу с голодом.

Но политическая подоплека, скорее всего даже политическая составляющая в общественном движении по борьбе с голодом, конечно, имела, и она хорошо прослеживается при изучении содержания листовок той поры. Из восьми известных листовок 1891 г. – четыре, т.е. половина, были посвящены голоду и могут рассматриваться то ли как политические намеки, то ли как памфлеты. В одной из таких листовок дается откровенная критика правительственной политики и даже содержится призыв к созыву земского собора в целях предотвращения революционного взрыва. В другой вскрываются причины голода 1891 г. и имеется призыв к изменению государственного строя¹⁵⁴.

Из 18 известных листовок 1892 г. семь были посвящены вопросам голода, а две тяжелому положению рабочих. Эти листовки исходили из левых кругов общества. Автор одной из листовок Н.К. Михайловский, описывая тяжелое положение миллионов голодающих, выступил с призывом к созыву выборного народного представительства, в котором видел единственный выход из катастрофического положения страны. Авторы другой подобной прокламации прямо писали, что “причина голода, от которого умирают крестьяне, не столько неурожай, сколько безбожный грабеж дворян, купцов и чиновников”. В листовке, подписанной “мужицкие доброты” и автором которой был, по-видимому, Н.М. Астырев, после изложения причин обнищания крестьянст-

ва и голода 1891 г. содержался призыв к народу надеяться не на царя, а на свои собственные силы. Эта листовка была отпечатана в типографии Группы народолюбцев. В этой же типографии была набрана и листовка с призывом сбора пожертвований для оказания помощи голодающим. Таким образом, радикальные слои общества не только использовали события того времени для критики правительственной политики и самодержавного устройства, но и принимали непосредственное участие в оказании помощи голодающим.

Движение по борьбе с голодом породило весьма редкое явление – формирование общего общественного мнения, когда, практически, все слои общества, и левые, и либеральный центр, и консерваторы, а также и власть, считали необходимым сконцентрировать максимальные усилия по оказанию помощи голодающим. Но это движение вновь вывело на тот же крестьянский вопрос, который не ушел из повестки дня и постоянно привлекал внимание общества. В связи с этим, нельзя согласиться с воспоминаниями А.А. Кизеветтера, писавшего, что в области крестьянского вопроса в то время господствовал штиль. Но и здесь Кизеветтер несколько себе противоречит, поскольку пишет об образовании при Министерстве внутренних дел, которое тогда возглавлял Дурново, специальной комиссии для пересмотра законов о крестьянах. Комиссия эта была создана в 1893 г., но при Горемыкине прекратила свою работу¹⁵⁵.

В формировании общественного мнения по крестьянскому вопросу участвовало не только общество как таковое. Здесь можно усмотреть и влияние на него правительственной политики и настроений самого крестьянства, высказывавшегося на сельских и волостных сходах. Отголоски этих высказываний порой проявлялись и на страницах печати, и даже в художественной литературе – в сочинениях Л. Толстого, Г. Успенского, В. Короленко и других писателей, достаточно хорошо знавших жизнь деревни. Не остались бесследными в среде крестьянства и попытки сближения с ним деятелей “хождения в народ”. Л. Дейч поначалу считал свою работу в народе безрезультатной, но затем, через много лет, узнал о том, что как раз наоборот – эту его работу среди крестьян хорошо запомнили¹⁵⁶. Имеется и ряд других свидетельств о небезрезультатном “хождении в народ” в середине 70-х годов. М. Попов также вспоминал: “Ведь было констатировано в 1902–1903 гг. работающими в деревнях Саратовской губернии, что пропаганда 70-х годов оставила следы в деревнях и облегчила их последующую деятельность”¹⁵⁷.

В 90-е годы внимание общества привлёк и дворянский вопрос, к которому были равнодушны низы, но который, кроме общества, также затронул и правительственные верхи. Разразилась довольно острая полемика в печати, и дискуссия затронула почти все дворянское общество.

Эта полемика в печати, отражавшая состояние общественного мнения по дворянскому вопросу, показала всю его запутанность и неразрешимость. Крупное землевладельческое дворянство противопоставлялось среднему и мелкому, столичное петербургское – провинциальному, бюрократия, где было немало выходцев из дворян и далеко не всегда антидворянская, – провинциальным ее слоям. Вопрос запутывался и, несмотря на его многократное рассмотрение в верхах, по существу оказался неразрешенным. Как пишет Ю.Б. Соловьев, “широкая дворянская реконкиста была очевидной химерой”¹⁵⁸.

Левые круги общества мало интересовались полемикой либералов и консерваторов¹⁵⁹. Их больше интересовал другой вопрос, зарождавшийся на их глазах, а именно – рабочий вопрос. У левых не было значительных возможностей для его отражения в прессе легальной. Более свободно он освещался в различных эмигрантских изданиях, прежде всего социал-демократической ориентации, а в самой России он больше трактовался в нелегальных листовках, число которых в 1899 г. достигло почти 700, причем большинство из них было направлено непосредственно к самим рабочим.

Сам рост рабочего движения, все большее обращение к ним левых кругов общества не могли не повлиять и на другие круги общества, обращавшего внимание на возрастание рабочего вопроса в стране. Не случайно М. Ковалевский посвящает рабочему вопросу в России одну из глав своей известной книги об экономическом строе России. Все это повлекло за собой и обращение к этому вопросу правительственных структур. Как известно, до 1897 г. рабочий день в России не ограничивался никакими законами и только усиление рабочего движения и сформировавшееся по рабочему вопросу общественное мнение, что обычно как-то не учитывается при характеристике борьбы за сокращение рабочего дня, привели к принятию известного закона 1897 г. о запрете на рабочий день свыше 11,5 часов¹⁶⁰. Тем не менее, с острейшим рабочим вопросом страна вошла и в XX в.

Еще одним вопросом, будоражившим общество, был студенческий вопрос. Он также был многоаспектным, да к тому же не новым, восходя еще к середине XIX в. Активность студентов с десятилетиями не ослабевала, хотя были и подъемы, и спады сту-

денческого движения, но в целом оно было величиной постоянной. Вообще причины студенческого движения, его ход и результаты давно изучены в отечественной литературе. Показаны тяжелые материальные условия большинства студентов, изменение социального состава студенчества. В частности, в начале XX в. в Московском университете малообеспеченные студенты составляли 54,3% от всего студенчества этого вуза. Достаточно досконально изучены различные студенческие стачки, в том числе и второй половины 90-х годов, когда число их заметно увеличивается. Памятными остались демонстрации и стачки по поводу смерти курсистки М.Ф. Ветровой и др.¹⁶¹ Различного рода бунты прокатились даже по духовным учебным заведениям – духовным семинариям и духовным академиям, что вызвало тревогу у духовных властей и правительства¹⁶². Результатом всего этого стал поток различного рода нелегальных листовок, посвященных студенческим делам.

Настроения студенчества в 90-е годы явно левели. Это был вынужден признать и К.П. Победоносцев в беседе с А.А. Киреевым в сентябре 1900 г., говоривший: “Вообще, все молодое поколение, все мыслящее становится враждебным правительству. Число его сторонников уменьшается”¹⁶³.

Авторитет самодержавия, несомненно, падал, и это хорошо прослеживается в те же 90-е годы, находя отражение в общественном мнении. Негативные высказывания в адрес царя и императорского семейства прослеживаются давно и хорошо видны еще в XVIII в. Впоследствии в этом отношении заметны спады и подъемы недовольства. Так, в отчете III отделения за 1867 г. отмечено возбуждение 256 дел против особы императора, что было на 113 больше, чем в 1866 г.¹⁶⁴ Александр III не был популярен в обществе, за исключением консервативных кругов. Еще меньше было расположено общественное мнение в пользу Николая II. Противные ему настроения общества начали нарастать буквально с первых месяцев его правления. Одна из первых листовок, направленных против Николая II, так и называлась “Новый царь”, и в ней, отпечатанной в Лондоне от имени Союза русских социалистов-революционеров, содержался прямой призыв к борьбе с самодержавием. Эта листовка была оттиском из журнала “Русский рабочий” и распространялась еще до нашумевшей речи царя от 17 января 1895 г. перед депутатами от дворянских обществ, земств, городов и казачьих войск, где он зачитал текст, написанный Победоносцевым, произнеся слова о бессмысленных мечтаниях по поводу конституции, заявив также, что он будет охранять начало самодержавия твердо и неуклонно, как охранял его Александр III.

Эта речь получила в стране сильнейший резонанс и, как писал А. Кизеветтер, “вызвала в широких общественных кругах чрезвычайное раздражение”¹⁶⁵. Одна из первых листовок по этому поводу, озаглавленная “Группа социалистов-революционеров русскому обществу”, начиналась словами “Свершилось! Правительство бросило России почти беспримерный по наглости вызов” и в этой листовке, отпечатанной в далеком Екатеринбурге, содержался призыв к революционной борьбе против самодержавия за социализм¹⁶⁶.

На эту речь общество откликнулось множеством листовок и прокламаций, авторами которых были не только деятели революционного движения, но и представители либеральных кругов общества. П.Б. Струве принадлежит прокламация “Открытое письмо Николаю II”, неоднократно перепечатававшаяся. Она начиналась следующими словами: “Вы сказали свое слово, и оно разнесется теперь по всей России”, и далее говорилось, что император бросил вызов русскому обществу и теперь очередь за обществом, оно даст ему свой ответ. Монархист С.С. Ольденбург пишет примерно так же: “Русское образованное общество, в своем большинстве приняло эту речь, как вызов себе”¹⁶⁷.

Антицарские настроения нашли отражение в различного рода высказываниях против царя и его фамилии. По данным министра юстиции, только в 1897 г. из 1167 произведенных политических дознаний по этой категории было зафиксировано 878 дел¹⁶⁸.

В 1895 г., еще до речи царя, вышел ряд листовок, носивших и антицарский характер, и, вместе с тем, направленных к обществу. Одна из них под названием “Письмо к обществу”, подписанная словом “Интеллигент”, содержала оценку студенческих волнений в Московском университете в декабре 1894 – январе 1895 г. как следствия самодержавного строя и заканчивалась призывом к объединению интеллигенции¹⁶⁹. Еще больший резонанс вызвали апрельские события в Ярославле, где вооруженной силой – десятью ротами Фанагорийского полка – была подавлена забастовка на мануфактуре А.А. и М.С. Карзинкиных, в результате чего были человеческие жертвы. Современные исследователи отмечают по этому поводу: «Известие о выступлении на мануфактуре Карзинкиных стало достоянием широких кругов обществу как в России, так и за рубежом. Активно обсуждалось поведение “хозяина земли Русской” Николая II, который телеграфировал командиру Фанагорийского полка: “Спасибо молодцам-фанагорийцам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков. Николай”»¹⁷⁰.

Эта история тоже приобрела общероссийское звучание и способствовала дальнейшему падению престижа императора. Через год, 18 мая 1896 г., произошла катастрофа на Ходынском поле в Москве в дни коронации Николая II, вызвавшая повсеместное возмущение деятельностью царских властей и ставшая очередным ударом по авторитету императора. Таким образом, авторитет царя в широких кругах общества был подорван уже в середине 90-х годов. Не случайно В.О. Ключевский отрицательно отнесся к речи Николая II от 17 января и в доверительной беседе произнес следующие пророческие слова: «Попомните мои слова: Николаем II закончится романовская династия: если у него родится сын, то он уже не будет царствовать»¹⁷¹.

Стойкое негативное отношение в обществе к императору все более выливалось в антисамодержавные чувства и стимулировало борьбу за политические свободы. Попытки властей прибегнуть к методам 1881 г. не давали позитивного результата, тем более, что правительство явно недоучитывало изменившееся настроение общества. Усиление репрессий еще более ожесточало общество до такой степени, что возобновление в самом начале XX в. террористических методов вызывало одобрение даже среди определенных кругов либералов¹⁷². В 90-е годы заметно возрастают различные национальные движения. Если прежде правительству по преимуществу приходилось иметь дело с польским национально-освободительным движением, то в это время к нему присоединяются и ряд других национальных движений: армянское, литовское, еврейское, татарское, украинское, финское и т.д.¹⁷³. Эти движения¹⁷⁴, в свою очередь, влияли на формирование общественного мнения, в том числе и в русских общественных кругах, все более осознававших накал усиливавшегося противостояния общественных сил и самодержавия. Не случайно несколько позднее, в 1902 г., в программном документе «От русских конституционалистов» подчеркивалось: «Все общество требует от власти в один голос – серьезной политической реформы, и «Освобождение» рассматривает себя как орган этого единогогласного настойчивого общественного мнения»¹⁷⁵.

Либералы хотели рассматривать себя как носителей общественного мнения, хотя еще в феврале 1890 г. В.И. Засулич в «Социал-демократе» с заметным элементом критики в их адрес писала: «Ведь ваши конституционалисты обречены рассчитывать единственно на «силу общественного мнения». А дело известное, что на всех и каждого всего сильнее действует мнение ближайшего наиболее симпатичного ему общественного круга»¹⁷⁶.

Конечно, воздействие круга было весьма значительным, но на общественное мнение влияла, прежде всего, объективная обстановка в стране; и она способствовала возникновению ряда других более или менее важных вопросов, вокруг которых складывалось общественное мнение или в целом всего общества, что в конце XIX в. было редким исключением, или каких-то его составляющих. Если, например, взять вопросы внешней политики, то в 90-е годы, как и в 80-е, да и раньше, весьма актуален был вопрос “поиска союзников”. Он был весьма острым и для российской дипломатии и вообще политики правительства, но он находил и довольно основательное отражение в печати и будоражил различные слои общества. В частности, особенно активно дебатировался тогда вопрос, кому отдать предпочтение – Германии или Франции?¹⁷⁷

В числе важных внешнеполитических вопросов, получивших резонанс в обществе, была политика России в Средней Азии, на Балканах, на Дальнем Востоке. Долговременному обсуждению подвергался и сам принцип, характер международных отношений. Б.Н. Чичерин, например, выдвинул идею нравственной внешней политики, которая должна основываться как на свободе одного человека, так и отдельных народов. Для славянофилов нравственным было то, что совершалось в интересах своего народа. М.М. Ковалевский напрямую связывал демократическую форму правления с внешней политикой, утверждая, что демократия в большей степени является гарантией мира, чем аристократия или цезаризм¹⁷⁸. Вместе с тем, когда царское правительство 12(24) августа 1898 г. выступило с предложением собраться на конференцию для обсуждения вопроса о предотвращении войны и гонки вооружений и такая конференция, действительно, собралась в Гааге с мая по июль 1899 г., чем весьма гордилось правительство, общество эти меры встретило весьма прохладно. И не потому, что общество было “болотом”, как говорил о нем А.П. Чехов, а из-за нежелания видеть у самодержавия что-либо позитивное. С.С. Ольденбург в связи с этим писал: “Русское общественное мнение в течение всего периода от ноты 12 августа до окончания Гаагской конференции проявляло довольно слабый интерес к этому вопросу”¹⁷⁹.

Острейшей критике подвергали внешнюю политику представители левых кругов общества, особенно представители революционного движения. В начале 80–90-х годов они неоднократно трактовали русско-болгарские отношения, подавая их как образец коренных пороков внешней политики самодержавия. Резкой критике они подвергали среднеазиатскую политику, да и вообще

нередко подавали политику правительства как агрессивную¹⁸⁰. В свою очередь, многие идеологи консерватизма поощряли активное проникновение России в Среднюю Азию и на Дальний Восток и ратовали за восстановление былого внешнеполитического могущества России. Консервативный лагерь и в 90-е годы поддерживал внешнюю политику правительства, но позволял его критику “справа”. Среди правых было также больше сторонников прогерманского курса, т.е. противников конфронтации с Германией¹⁸¹. В целом, и по внешней политике были весьма серьезные разногласия между тремя основными общественно-политическими течениями, при всем том, что каждое из них не только по своему понимало потребности дальнейшего развития страны, но и желало представить себя в качестве подлинного радетеля за ее интересы.

Усиление общества как такового, его нараставшее противостояние власти, его обращение к народу не могли не повлечь за собой и попытку осмысления такого феномена, как общественное мнение. Это хорошо сознавали многие деятели общества: историк В.О. Ключевский, юрист Б.Н. Чичерин, писатель Л.Н. Толстой¹⁸². Подобный интерес замечен по различным материалам 90-х годов, и, как нередко бывало в российской повседневной практике, он нашел отражение и в возросшей популярности иностранной литературы, потребовавшей организации ряда переводных изданий. В 1895 г. в Петербурге вторым, более расширенным изданием выходит книга Гольцендорфа “Общественное мнение”¹⁸³, а в 1902 г. книга Г. Тарда “Общественное мнение и толпа”. Выходит и ряд других работ, переводных или отечественных, среди которых уже упомянутая статья М.К. Цебриковой, явно свидетельствовавших о самой проблеме общественного мнения и отражавшей новый этап развития российского общества.

В XX столетие Россия вышла со все более оживлявшимся общественным мнением, подогревавшимся, с одной стороны, как бы вечными вопросами и, с другой стороны, новыми вопросами, рожденными сравнительно недавно. К “вечным” относились крестьянский, дворянский, а также вопрос о государственном устройстве и политических свободах. К ним добавились рабочий, студенческий и национальный. Как отмечал в 1914 г. В.И. Ленин, “нерешенными остаются вопросы, решенные 200 и 100 лет тому назад Европой”¹⁸⁴. Заслугой российского общественного мнения было их дебатирование и это вело к конфликту между обществом и властью. Нерешение “вечных”, а также и новых вопросов

эволюционным или реформистским путем подводило к решению их путем революционным, что и привело к трем русским революциям начала XX в.

- 1 Гольцендорф Ф. Общественное мнение. СПб., 1895; Грушин Б.А. Мнение о мире и мир мнений. М., 1967; Ерунов Б.А. Сила общественного мнения. Л., 1964; Игитханян М.Х. Сила общественного мнения. М., 1962; Парыгин Б.Д. Общественное настроение. М., 1966; Стефанов Н.Н. Общественного настроение: Същности и формиране. С., 1975; Тард Г. Общественное мнение и толпа. СПб., 1902; Тоценко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М., 1996; Bîrlădeanu V. Opinia publică își spune cuvîntul. Buc., 1965; Bogardus E. The making of public opinion. N.Y., 1951; Sauvi A. L'opinion publique. P., 1956; Stoetzel J., Girard A. Les sondages c' opinion publique. P., 1973; Zallez J.K. The nature and origins of mass opinion; 1992.
- 2 Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки. М., 2001. С. 49.
- 3 См.: Ерман Л.К. Состав интеллигенции в России в конце XIX и начале XX в. // История СССР. 1963. № 1.
- 4 Цебрикова М. Общественное мнение // На славном посту (1860–1900). СПб., 1906. С. 342–545.
- 5 Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1995. Т. 3: Национализм и европеизм. С. 282, 337.
- 6 Анисимов Е. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999. С. 43–44.
- 7 Там же. С. 66.
- 8 Там же. С. 89.
- 9 Осмнадцатый век: Исторический сборник. М., 1869. Т. 1. С. 107.
- 10 Бочкарев В.Н. Русское общество Екатерининской эпохи и Французская революция // Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 1. С. 62.
- 11 Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 141.
- 12 Анисимов Е. Дыба и кнут... С. 154, 180.
- 13 Там же. С. 251.
- 14 Бочкарев В.Н. Указ. соч. С. 57.
- 15 Клочков М.В. Павел и Франция // Отечественная война и русское общество. Т. 1. С. 66.
- 16 Шумигорский Е.С. Императрица Мария Федоровна (1759–1828): Ее биография. СПб., 1892. Т. 1. С. 270, 397.
- 17 Шильдер Н.К. Император Павел Первый: Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 466.
- 18 См.: Русская старина. 1871. № 2; Клочков М.В. Указ. соч. С. 66.
- 19 Шумигорский Е.С. Указ. соч. С. 106.
- 20 Кизеветтер А.А. Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов н/Д, 1904. С. 8–9.
- 21 Там же.
- 22 Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М., 1965. С. 67.

- 23 *Кизеветтер А.А.* Реформа Петра Великого в сознании русского общества // Русское богатство. СПб., 1896. № 10. С. 22.
- 24 Русский быт в воспоминаниях современников: XVIII век. М., 1914. Ч. 1. С. 171–173.
- 25 О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева: Факсимильное издание. М., 1985. С. 21.
- 26 *Кизеветтер А.А.* Реформа Петра Великого... С. 32–37.
- 27 См.: *Болебрух А.Г.* Крестьянский вопрос в передовой общественной мысли России (конец XVIII–первая половина XIX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988.
- 28 *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 288–289.
- 29 *Десницкий С.Е.* Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской Империи // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М., 1952. Т. 1. С. 320–322, 672.
- 30 *Голикова Н.Б.* Органы политического сыска и их развитие в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 269.
- 31 Цит. по: *Фаизова И.В.* “Манифест о вольности” и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 48–49.
- 32 *Поленов А.Я.* О крепостном состоянии крестьян в России // Избранные произведения... М., 1953. Т. 2. С. 7–29, 549–550.
- 33 *Капнист-Скалон С.В.* Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII–первой половины XIX в. М., 1990. С. 286.
- 34 *Соколовская Т.* Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., 1915. С. 36; *Лонгинов М.Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867.
- 35 *Семенова А.В.* Великая Французская революция и Россия (конец XVIII–первая четверть XIX в.). М., 1991. С. 12.
- 36 *Бочкарев В.Н.* Указ. соч. С. 56–59.
- 37 *Дружинин Н.М.* Социально-политические взгляды П.Д. Киселева // Вопросы истории. 1946. № 2/3. С. 36; *Акульшин П.В., Вяземский П.А.* Власть и общество в дореформенной России. М., 2001. С. 30.
- 38 *Шильдер Н.К.* Император Александр I: Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 2. С. 324–330.
- 39 *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 80.
- 40 Цит. по: *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX в. М., 1912. Ч. 1. С. 120.
- 41 *Акульшин П.В., Вяземский П.А.* Указ. соч. С. 38, 83.
- 42 Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1890. Т. 73. С. 802.
- 43 ГАРФ. Ф. 663. Оп. 1. Д. 123. Л. 5 об.–6.
- 44 Воспоминания Фаддея Булгарина. СПб., 1847. Ч. 3. С. 333.
- 45 Цит. по: *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX в. Л., 1957. С. 218.
- 46 Там же. С. 219–220.

- ⁴⁷ *Семевский В.И.* Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 2. С. 241.
- ⁴⁸ Цит. по: *Кизеветтер А.А.* Ф.В. Ростопчин // Кизеветтер А.А. Исторические отклики. М., 1915. С. 129.
- ⁴⁹ Там же. С. 129–130; Переписка императора Александра I с сестрой Великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 87.
- ⁵⁰ *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. СПб., 1905. Т. 3. С. 98.
- ⁵¹ *Томсинов В.А.* Временщик (А.А. Аракчеев). М., 1996. С. 167, 172.
- ⁵² *Кизеветтер А.А.* Император Александр I и Аракчеев // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912. С. 387.
- ⁵³ *Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. М., 1988. С. 210.
- ⁵⁴ *Глинка С.Н.* Записки. СПб., 1895. С. 255.
- ⁵⁵ *Волконский С.Г.* Записки. СПб., 1901. С. 193.
- ⁵⁶ *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 215–216.
- ⁵⁷ *Жаринов Д.А.* Первые впечатления войны: Манифесты // Отечественная война и русское общество. М., 1913. Т. 3. С. 170–180; *Сивков К.В.* Война и цензура // Там же. М., 1915. Т. 5. С. 121–129; Война и русская журналистика // Там же. С. 130–193; *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов: Мифы и факты. М., 2002. С. 160.
- ⁵⁸ *Соловьев С.М.* Император Александр I: Политика. Дипломатия // Соловьев С.М. Сочинения. М., 1996. Кн. 17: Работы разных лет. С. 411.
- ⁵⁹ Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С. 318–319.
- ⁶⁰ *Ячменских К.М.* Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 40.
- ⁶¹ *Кизеветтер А.А.* Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. С. 423–425; Декабристы: Отрывки из источников / Сост. Ю.Г. Оксман. М.: Л., 1926. С. 1–9.
- ⁶² *Семенова А.В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 176.
- ⁶³ Цит. по: *Дружинин Н.М.* Декабрист Никита Муравьев // Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 77.
- ⁶⁴ *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. СПб., 1886. С. 446.
- ⁶⁵ *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 160; См. также: *Арш Г.Л.* Этеристское движение в России. М., 1970.
- ⁶⁶ Сын Отечества. 1822. Ч. 76. № 12. С. 193–213; № 13. С. 241–249; № 16. С. 49–65.
- ⁶⁷ См.: *Prousis Th.* Russian society and the Greek revolution. De Kalb: Northern Illinois Univ. Press, 1994.
- ⁶⁸ *Достян И.С.* Указ. соч. С. 176.
- ⁶⁹ 1812 год. Военные дневники. СПб., 1816. С. 303.
- ⁷⁰ Цит. по: *Нечкина М.В.* Декабристы. М., 1975. С. 39.
- ⁷¹ *Корнилов А.А.* Указ. соч. С. 266.
- ⁷² *Соловьев С.М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 313.

- ⁷³ Кудряшов К.В. Народная молва о декабрьских событиях 1825 г. // Бунт декабристов. Л., 1926. С. 316–317.
- ⁷⁴ Литвак Б.Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. М., 1989. С. 116–117.
- ⁷⁵ Рахматуллин М.А. Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826–1857 гг. М., 1990. С. 168.
- ⁷⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 1. Л. 3, 23, 64, 98; Пер. на рус. яз. см.: Граф А.Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг.: (Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов) // Красный архив. М.; Л., 1929. Т. 36(37). С. 138–174; 1930. Т. 1(38). С. 109–147.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 1. Л. 159.
- ⁷⁸ Там же. Д. 3. Л. 151.
- ⁷⁹ Там же. Д. 4. Л. 80.
- ⁸⁰ Там же. Д. 20. Л. 1 об.
- ⁸¹ Там же. Д. 25. Л. 161.
- ⁸² Там же. Д. 26. Л. 167.
- ⁸³ См.: Болебрух А.Г. Указ. соч.
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 5. Л. 137 об.
- ⁸⁵ Там же. Д. 7. Л. 172–172 об.
- ⁸⁶ Там же. Д. 12. Л. 144–147 об.
- ⁸⁷ Уланов В.Я. Славянофилы // Великая реформа. М., 1911. Т. 3. С. 179–180.
- ⁸⁸ Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. С. 75–76; Гросул В.Я. Владимир Александрович Черкасский // Российские либералы. М., 2001. С. 164.
- ⁸⁹ Батурицкий В.П. Западники 40-х годов // Великая реформа. Т. 3. С. 202.
- ⁹⁰ См.: Смирнова З.В. Социальная философия А.И. Герцена. М., 1973.
- ⁹¹ См.: Энгельсон В.А. Статьи. Прокламации. Письма. М., 1934.
- ⁹² Мельгунов С.П. Эпоха “официальной народности” и крепостное право // Великая реформа. Т. 3. С. 8.
- ⁹³ Бочкарев В.Н. Дворянские проекты по крестьянскому вопросу при Николае I // Великая реформа. Т. 3. С. 157.
- ⁹⁴ Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 14–15.
- ⁹⁵ Мельгунов С.П. Митрополит Филарет – деятель крестьянской реформы // Великая реформа. М., 1911. Т. 5. С. 158.
- ⁹⁶ Кизеветтер А.А. Русское общество и реформа 1861 г. // Великая реформа. М., 1911. Т. 4. С. 110.
- ⁹⁷ Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М., 1912. Ч. 2. С. 93.
- ⁹⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 8. Л. 214–214 об.
- ⁹⁹ ГАРФ. Ф. 223. Д. 12. Л. 149 об.
- ¹⁰⁰ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1900. Кн. 14. С. 444–445.
- ¹⁰¹ Там же. С. 444.
- ¹⁰² Голоса из России. Лондон, 1856. Вып. 1, ч 1. С. 60.
- ¹⁰³ Барсуков Н.П. Указ. соч. С. 28.
- ¹⁰⁴ Герцен А.И. Революция в России // Колокол. 1857. 1 авг., № 2. С. 11.

- 105 *Горбачевский И.И.* Записки, письма. М., 1963. С. 201.
- 106 *Никитенко А.В.* Дневник. М., 1955. Т. 2. С. 64.
- 107 Голоса из России. С. 60.
- 108 Там же. С. 145.
- 109 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 23. Л. 118 об.
- 110 *Эймонтова Р.Г.* Идеи просвещения в обновляющейся России (50–60-е годы XIX в.). М., 1998. С. 260; *Чичерин Б.Н.* Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма: Антология. М., 1997. С. 38.
- 111 *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 224–225.
- 112 Голоса из России... С. 13–17.
- 113 Там же. С. 89.
- 114 *Христофоров И.А.* Аристократическая оппозиция Великим реформам: Конец 1850–середина 1870-х годов. М., 2002. С. 176.
- 115 Цит. по: *Дудзинская Е.А.* Славянофилы... С. 225.
- 116 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 1. Л. 171 об.
- 117 *Никифоров Д.* Москва в царствование императора Александра II. М., 1904. С. 24.
- 118 *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 143.
- 119 *Писарькова Л.Ф.* К истории взяток в России (по материалам “секретной канцелярии” кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33–49.
- 120 *Эймонтова Р.Г.* Идеи просвещения... Приложения. С. 397.
- 121 *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984. С. 184.
- 122 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Д. 63 об.
- 123 *Южаков С.Н.* Социологические этюды. СПб., 1896. Т. 2. С. 13.
- 124 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 63 об.
- 125 *Гершензон М.* Исторические записки (о русском обществе). М., 1910. С. 154.
- 126 *Алафаев А.А.* Русский либерализм и самодержавие. М., 2000. С. 131–158.
- 127 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 26. Л. 47 об.
- 128 См.: Объединение Италии в оценке русских современников: К 100-летию объединения Италии. М., 1961; *Берти Д.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959.
- 129 См.: *Иванов Р.Ф.* Гражданская война в США (1861–1865). М., 1960.
- 130 См.: *Гросул В.Я.* Революционная Россия и Балканы (1874–1883). М., 1980; *Хевролина В.М.* Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях: Конец 60-х–начало 80-х годов XIX в. М., 1986.
- 131 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 28. Л. 399 об.
- 132 *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч. 2. С. 453.
- 133 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 249. Д. 1 (1881 г.). Л. 68–68 об.
- 134 *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 176.

- 135 *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX в. М., 1914. Ч. 3. С. 140, 297.
- 136 *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. М., 1997. С. 33, 38, 44, 116, 144, 153.
- 137 *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России, 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 55.
- 138 *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 64–65.
- 139 *Степанов В.Л.* Дмитрий Андреевич Толстой // Российские консерваторы. М., 1997. С. 261–262; *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. Ч. 3. С. 291.
- 140 *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие... С. 273.
- 141 *Алафаев А.А.* Русский либерализм и самодержавие... С. 36–37.
- 142 *Секиринский С.С.* Русский либерализм от 40-х к 80-м годам XIX в.: (Идеи, люди, среда): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. С. 32.
- 143 *Ольденбург С.С.* Царствование Николая II. М., 1992. С. 32.
- 144 *Теплинский М.Ф.* “Отечественные записки” (1868–1884). Южно-Сахалинск, 1966. С. 329.
- 145 Русское богатство. 1881. № 6. С. 94.
- 146 Там же. С. 96.
- 147 См.: *Есин Б.И.* Демократический журнал “Дело”. М., 1959; *Алексеев В.А.* История русской журналистики (1860–1880 гг.). Л., 1963; *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие... С. 283.
- 148 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 249. Д. 3 (1883 г.). Л. 300–300 об.
- 149 См.: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в.: Листовки. М., 1977. Ч. 3. С. 60–113.
- 150 *Хевролина В.М.* Указ. соч. С. 211.
- 151 История внешней политики России: Вторая половина XIX в. М., 1997. С. 302–343.
- 152 Там же. С. 342.
- 153 *Цебрикова М.* Общественное мнение... С. 341.
- 154 Сводный каталог... Листовки. Ч. 1. С. 113–114.
- 155 *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий... С. 152, 232.
- 156 *Дейч Л.Г.* За полвека. М., 1922. Т. 1, ч. 2. С. 120.
- 157 *Попов М.* Из моего прошлого // Минувшие годы. СПб., 1908. № 2. С. 185.
- 158 *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 195.
- 159 Подробнее о дворянском вопросе см.: Там же. С. 252–274, 377.
- 160 Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 316–317.
- 161 *Ушаков А.В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России, 1895–1904. М., 1976. С. 118–141.
- 162 ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 511. Л. 7 об.–8, 13, 15–16.
- 163 *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство... С. 147.
- 164 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 32. Л. 17 об.
- 165 *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий... С. 144.

- 166 Сводный каталог... Листовки. Ч. 1. С. 132.
- 167 *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 46.
- 168 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 30. Л. 3.
- 169 Там же. С. 134.
- 170 Рабочее движение в России... Вып. 1. С. 35.
- 171 *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. С. 145.
- 172 *Боханов А.Н.* Великий князь Сергей Александрович // Российские консерваторы. М., 1997. С. 325.
- 173 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 11, ч. 1, 2, 3, 5; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 12.
- 174 См.: *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX–начала XX в.: (К постановке проблемы) // Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина?: Сб. ст. СПб., 2002. С. 53–94.
- 175 Российские либералы: Кадеты и октябристы: (Документы, воспоминания, публицистика). М., 1996. С. 26.
- 176 *Засулич В.И.* Революционеры из буржуазной среды // Засулич В.И. Избр. произведения. М., 1983. С. 150.
- 177 *Хевролина В.М.* Власть и общество. 1878–1894 гг.: Борьба в России по вопросам внешней политики. М., 1999. С. 106–120.
- 178 Там же. С. 203–205.
- 179 *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 101.
- 180 История внешней политики России: Вторая половина XIX в. С. 339–341.
- 181 Там же. С. 319; История внешней политики России: Конец XIX–начало XX в. М., 1997. С. 400.
- 182 *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 471–472; *Чичерин Б.* Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма: Антология. М., 1997. С. 75.
- 183 В.О. Португалов еще в 1881 г. обратил внимание на ее первое русское издание, поместив рецензию в “Русском богатстве” (1881. № 6. С. 93–96).
- 184 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 15.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

И.А. Дьяконова:

– Ваш доклад исключительно интересен, он носит новаторский характер. В какой степени зарубежное общественное мнение воздействовало на российское и что в России преобладало в смысле воздействия на представителей власти? С чем больше считались?

В.Я. Гросул:

– На русское общество прежде всего действовали сами события, которые происходили за рубежом. Часто власть и общество

относились к этим событиям по-разному, и можно привести множество очень колоритных примеров на этот счет. Они разошлись по отношению к внешнему фактору во время Восточного кризиса 20-х годов (помните, восстание греков и все прочее?): общество – “за”, а власть вынуждена была быть против. Причины известны. Это не только Священный союз, там было все сложнее. После Крымской войны, события в Италии, общество все “за”, оно поддерживает Гарибальди, а власть, прежде всего сам Горчаков, пока против.

События в Америке. Это очень интересный момент. Чичерин был наркомом иностранных дел, он изучал историю Америки, в частности события, которые происходили во время войны Севера и Юга. Он не успел опубликовать свою работу. Эту работу обнаружил ленинградский историк К.Б. Виноградов и опубликовал ее в журнале “Новая и новейшая история” в 1973 г. Речь шла о том, как интересно отражались в России события, происходившие в Америке. Наполеон III пригласил русского посла к себе и сказал: “Америка становится слишком сильной. Надо принимать меры. Она скоро будет угрожать Европе (1862 год!). Я предлагаю русскому царю вместе с нами и с англичанами послать несколько эскадр и встать между Севером и Югом...” Да, Россия послала две эскадры, но в поддержку Севера. Почему? Потому что русское общественное мнение было на стороне Севера: речь шла об освобождении негров, рабов. Были, впрочем, и другие причины – прежде всего память о Крымской войне.

Таких примеров, когда разошлось общественное мнение с мнением правительства, много. Вот сведения о начале 70-х годов: общественность вся “за” – едут добровольцы в Герцеговину и Боснию, Сербо-турецкая война и т.д. Правительство “против” или молчит. Лишь через несколько лет правительство переходит на сторону общественного мнения.

Н.В. Синицына:

– Я не поняла, что представляет собой “общественное мнение”. Кто был его носителем? Мы привыкли определять, чьи интересы отражены в общественном мнении. Это мыслящие одиночки, или они отражали чьи-то интересы?

В связи с этим правильно ли я Вас поняла, что Вы отождествляете общественное мнение с оппозицией?

В.Я. Гросул:

– Я с этого и начинал. Общественное мнение подразумевает в трех планах: как мнение общества, как мнение народа и как мнение населения в целом. Я прежде всего останавливаюсь на

мнении общества. Общество далеко не всегда отражало мнение простого человека.

Н.В. Сеницына:

– А что это такое?

В.Я. Гросул:

– Я понимаю под обществом особый социальный организм, который располагается между властью и народом.

Н.В. Сеницына:

– Но это все-таки дворянство?

В.Я. Гросул:

– Поначалу это не служилое дворянство, это основа, к которой примыкает и часть купечества, часть духовенства, часть мещанства и т.д. А к концу XIX в. в основе общества – интеллигенция.

Н.В. Сеницына:

– Общество – это интеллигенция?

В.Я. Гросул:

– Да. В основе общественности, общества в конце XIX в. была интеллигенция. Это моя концепция.

А.И. Аксенов:

– Какой понятийной константой вы оперируете?

В.Я. Гросул:

– Понятийная константа – это прежде всего расположение социального организма. К концу XIX в. общество является буржуазным. И, конечно, процент купечества был довольно большим. Возьмите купеческое собрание. К концу XIX в. между купеческим собранием и дворянским собранием по культуре отличия почти уже нет. Купцы занимаются тем же, что и дворяне. В XVIII в. ситуация была другая и Россия была совсем другой.

Ю.А. Тихонов:

– А неслужилые дворяне – это кто?

В.Я. Гросул:

– Неслужилые дворяне – это не только те, кто не служит. Это женщины, дети, инвалиды, люди, которые получили спецразрешение. При Анне Иоанновне их число стало больше, увеличилось оно и при Екатерине II. После 1862 г. наблюдается существенная эволюция: количество усадеб на 1800 г. – 20 тыс., а к концу XIX в. количество усадеб – 61 тыс.

А если взять интеллигенцию конца XIX в., то только на службе у частных лиц – 68 тыс. интеллигентов учителей, а всего –

205 тыс.! 200 с лишним тысяч – это интеллигенция на службе у частных лиц – у помещиков, у предпринимателей и т.д. Какая была огромная масса и как изменилось общее количество деятелей этого общества.

В.М. Хевролина:

– Мне бы хотелось, чтобы автор подчеркнул такую известную вещь, что и общество, и общественное мнение никогда не были едиными. В нем были разные тенденции, разные настроения, различное отношение к различным событиям. В одно и то же время, даже судя по приведенным примерам, часть общества не поддерживала либеральные начинания Александра I, а другая часть того же общества, наоборот, была настроена антикрепостнически. Поэтому рассматривать общество как единый организм следует с большой оговоркой. Оно все время перетекало, дополнялось, расслаивалось, объединялось и т.д., и это надо учитывать.

В докладе дается обобщающая, очень масштабная картина двух веков. Тут нет возможности очень подробно исследовать отношение к различным вопросам. Это обобщение, и его можно развивать дальше, и уже на более конкретных примерах, более конкретных вопросах исследовать. Так что здесь, мне кажется, автор выступает первопроходцем, а остальные историки могут уже использовать его наработки, исследовать дальше.

Говоря об источниках, автор не упомянул прессу. Упоминалась эпистолярная, мемуарная литература и т.д., но пресса – это важнейший выразитель и общественных настроений, и главное – составляющая, которая их формировала. Общественное мнение выражалось в прессе, публицистике, а не только в салонах, в каких-то разговорах и т.д.

К трем главным вопросам (крестьянский вопрос, дворянский вопрос, политическое устройство) я бы добавила внешнюю политику, потому что не только общество ею очень живо интересовалось, но и в какой-то степени правительство использовало этот интерес. Возьмем, например, такой известный факт, что широкое общественное движение сочувствия славянской борьбе использовалось российским правительством в своих целях, в том числе оказало громадное влияние на решение правительства начать русско-турецкую войну. Два года правительство сопротивлялось, но все-таки, под давлением общества эту войну пришлось начать.

Здесь был задан вопрос о влиянии, которое имело общественное мнение на Западе на развитие общественного мнения в России. Русское общество очень внимательно читало европей-

скую прессу. В России долгое время, до конца XIX в., в русских газетах печатались иностранные вести, взятые из европейской прессы, потому что Министерство иностранных дел не имело в первое время своего центра, прессы. Влияние западных событий на общественное мнение выражалось именно в том, что у нас использовалась иностранная пресса и отношение к событиям на Западе черпалось из иностранной прессы, а она не всегда эти события отражала объективно.

И еще один фактор. Иностранная пресса, особенно английская, австрийская, всегда была враждебной к России и к русской внешней политике. И вот реакция на эту враждебность, на шовинизм, который пропагандировался в отношении России, это тоже была составляющая вопроса, который очень занимал русское общественное мнение.

И последний вопрос, который я просто хочу обозначить: правительство очень часто манипулировало общественным мнением. И на примере Министерства иностранных дел это можно хорошо проследить. Шла работа с корреспондентами. Были агенты в обществе, с которыми велась работа, и они проводили нужные правительству идеи.

Доклад мне кажется очень интересным, и я думаю, что это только начало и что над этой большой темой нужно работать и дальше.

А.И. Аксенов:

– В докладе поставлена тема очень ново и животрепещуще.

Коренной вопрос – это отношение к крепостничеству в XVIII в. и позднее.

В XVIII в. Радищев и Екатерина – те, кто выступил против крепостничества. Но если внимательно посмотреть мемуарную литературу, эпистолярии, то довольно часто встречается другое бытовавшее тогда мнение: что крепостничество само по себе зло, только отпускать крестьян рано. И не потому, что их жалко. Если говорить о том, что общественное настроение было против, то это значит говорит только о половине проблемы, не затронув другой ее части.

Второй вопрос – Анисимов и представление народа о легитимности Романовых: Екатерина I безродна, Анна – немка, Петр – псих и т.д. Это бытовые, народные характеристики, и они отнюдь не дают оснований судить о том, признает ли народ легитимность или, напротив, он этим самым их и легитимизирует. Смотрите: Пугачев берет себе имя Петра III – законного монарха! А можно ли в таком случае говорить о легитимности или о нелегитимности? Есть материи настолько тонкие и не всегда яс-

ные, что надо быть осторожным в оценках. Одно дело – публицистический заряд в устном выступлении, но в письменных текстах было бы полезно давать объемные характеристики.

Спасибо.

Ю.А. Тихонов:

– Доклад имеет особую ценность, потому что он призывает к размышлению.

У меня первое пожелание: заняться материальными предпосылками общественного мнения, т.е. посчитать наличие газет, журналов; их количество, тираж; кто их читает, в какой степени, кто их заказывает. Интересно и то, когда появляются профессиональные журналисты. Наконец, пути сообщения, точнее, информационные пути. Насколько информация о событиях внутренних и внешних доходит до отдаленных областей и т.д. Конечно, для Москвы, Петербурга – это можно сделать, а для окраин России в XVIII в., безусловно, выполнить трудно.

По поводу дворянства. Дворянство в целом, Вы считаете, что это – общество. У меня впечатление, что столичное дворянство, столичная бюрократия – вот это общество. Что же касается дворянства в целом, тут возникают большие вопросы. (Н.В. Синицына: “А столичное духовенство – это не общество?”). Духовенство тоже большой вопрос. Вот пример. Вы говорите об антикрепостниках, в том числе Екатерине. Но одно дело – они против крепостного права, другое – вопрос при обсуждении в Вольном экономическом обществе: может ли крестьянин иметь свою собственность? Это был вопрос, который взрывает всю систему крепостного права, если с этим согласиться. Многие выступили в защиту: крестьянин может иметь личную собственность. Тут недолго перейти и к тому, что он и землю может иметь в собственности. Все это довольно сложные проблемы.

Кто заставил Екатерину II смягчить наказ до неузнаваемости? Высшая бюрократия. Не дворянство, а ее советники, сановники, приближенные добились успеха.

Так что бюрократию мы все-таки недооцениваем. Они управляли, они были у власти. Тот же Панин, по-моему, выступил: “Нужно тайно известить дворян, помещиков, чтобы они придерживались определенных повинностей с крестьян”. Это тоже подрыв крепостного права, только более завуалированный, но, может быть, даже более страшный.

Вы начинаете с Петра, с XVIII в. XVII в. у Вас за бортом. А к нему можно присоединить Ваши рассуждения о легитимности Романовых. Романовы избраны на земском соборе. Затем следует полоса земских соборов, от них проявляется обществен-

ное мнение. Или Петр, он легитимен или нет? Проблема легитимности здесь очень уместна, если рассматривать то, как Петр захватил власть. И совещания чинов проводятся в течение XVII в. Подается коллективное челобитье дворян, торговых людей. Это тоже высказывание общественного мнения, причем реальное, письменное изложение требований сословий. И, наконец, раскол. Поэтому, мне кажется, что с первого Романова и нужно начинать.

В.Я. Гросул:

– Я хочу выразить признательность уважаемым коллегам за внимание, за вопросы и за выступления.

Вполне согласен, что общество не было единым. Нашу концепцию о трех основных направлениях в обществе я не отрицаю. Вы помните, что в конце 80–начале 90-х годов ее хотели отбросить. Ее взял под защиту И.Д. Ковальченко, с которым я полностью согласен. Это четко прослеживается на источниковом материале, и это очень хорошо осознавало и III отделение. В отчете 1863 г., где дается характеристика русской журналистики, выделено три направления.

Одно – это охранительное землевладельческое. Другое – конституционно-либеральное. И третье – революционно-демократическое. Так написано в отчете III отделения. Они видели революционных демократов в России, которых сегодня хотели бы упразднить. Было три четких направления. Были и другие течения, но менее значительные.

Одним из важнейших источников была пресса: газеты, журналы. Я сказал о тех источниках, которым я лично отдавал предпочтение. Я занимался немного и газетами, больше – журналами. Конечно, это важный источник, формировавший общественное мнение. П.А. Зайончковский считал, что пресса – важнейший источник формирования общественного мнения, но с ним полемизирует Португалов, который, еще до появления на свет Петра Андреевича, писал, что надо смотреть, а кто же стоит за этой прессой, кто ее направляет и кому она служит.

Что касается общества, то само общество тоже было диктаторским. Есть очень интересные свидетельства. Вот свидетельство мемуариста, известного писателя-публициста Никитенко, который в своем дневнике писал о “духе нетерпимости и страсти к умственному и нравственному деспотизму так называемого передового общества”. Там была своя внутренняя диктатура. Дальше, уже Гершензон в самом начале XX в. подчеркивал: “Нигде в мире общественное мнение не властвует так деспотически, как у нас, а наше общественное мнение уже две трети века неподвижно зиждется на признании этого верховного принципа”. В обще-

стве был свой диктат, которому надо было во многом подчиняться.

Общество объединяло самые разные направления – левые, правые, центр – это антибюрократический настрой. Даже правые, и те были против бюрократии. Более того, в пореформенное время, да и раньше правые выступали против бюрократии намного более резко, чем центр, а порой даже и левые. И правым это было позволительно. Катков, например, имел возможность критиковать министров. Мещерский – то же самое. Крайне правые чаще критиковали власть, поскольку имели на то дозволение. Но всех объединял не антицарский, а именно антибюрократический настрой. Против царя попробуй выступи в легальной печати, хотя иногда были и на этот счет намеки.

Массовый источник, о котором идет речь, очень значительный, его обработать чрезвычайно сложно, в нем много противоречий самого различного свойства. Было известно, что крепостное право – это плохо. Екатерина II запретила использовать слово “раб”. Капнист пишет оду в ее честь – и получает хорошую награду за то, что поддержал императрицу. Н.М. Карамзин пишет Записку о древней и новой России. Это 1811 г., эпоха либерализма Александра I. Он в принципе против крепостного права, но... мы его отменим потом. Сейчас не время... Но, когда “время”, рассчитать, конечно, не так легко. Однако эмигрантский историк С.Г. Пушкирев считает, что можно было упразднить крепостное право в 1762 г. Не могу с ним согласиться – не созрела почва! Он считает, что можно было ввести парламент и конституцию уже где-то в 1810 г. Это, может быть, ближе, но возможны споры.

В целом общество XVIII в. было прокрепостническим. Под “обществом” я имею в виду неслужилое дворянство и помещиков в усадьбах. Действительно, столичное общество – это центр, основа. Но основная масса – это же не гоголевские помещики (я их, кстати, к “обществу” не причисляю), а помещики, которые занимались общественной деятельностью, какие-то книжки читали.

Однако основная масса была не в Петербурге, не в Москве даже, а относилась к провинциальному дворянству. Они во многом определяли настроение страны. Во многом! Не надо думать, что они подчинялись этой бюрократии. Они ее крыли последними словами. И на этот счет тоже есть очень хорошие источники. Глеб Успенский пишет, что эпоха Николая I – сплошная боязнь, эпоха боязни, эпоха трусости. И, тем не менее, бюрократию ругали.

Ю.А. Тихонов:

– Спасибо за очень интересный доклад.

АНТРОПОМЕТРИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XVIII–XX ВЕКОВ: ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА, ИСТОЧНИКИ, ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ*

При изучении благосостояния населения России XVIII–XX вв. состояние источников далеко не всегда позволяет оперировать такими традиционными показателями благосостояния, как национальный доход на душу населения, личные доходы, уровень неравенства, реальная заработная плата. Что же касается XVIII–первой половины XIX в., даже если бы мы и располагали такими показателями, они были бы явно недостаточными, чтобы охарактеризовать материальное положение народа. Крестьянство, составлявшее более 80% населения, было мало связано с рынком товаров и труда. Значительная часть немногочисленного городского населения по своему образу жизни мало отличалась от крестьян и также занималась земледелием. В силу этого, для решения задачи о динамике благосостояния населения воспользуемся данными об изменении роста, или длины тела, мужского населения, призываемого в армию. Колебания среднего роста служат хорошим индикатором изменений в биологическом статусе населения, или биологическом уровне жизни¹. Ввиду новизны постановки подобного вопроса в отечественной историографии кратко остановимся на исходных теоретических предпосылках, лежащих в основе антропометрического подхода к социально-экономической истории.

Как установлено современной биологией человека, средний рост людей до момента достижения полной физической зрелости (20–25 лет) зависит от качества их жизни в годы, предшествующие измерению, или от *биологического статуса*, т.е. от питания, перенесенных болезней, интенсивности и условий работы, медицинского обслуживания, жилищных условий, климата, воды, воздуха и других факторов среды. Генетический фактор имеет большое значение для роста отдельного человека, но генетические

* Доклад на заседании ученого совета ИРИ РАН 12 ноября 2002 г.

различия теряют свое значение, когда измеряются массы людей и сравниваются средние величины роста, а не его индивидуальные значения. То же и на уровне целых народов – различия в росте определяются не их этнической или расовой принадлежностью, а условиями существования. Таким образом, в современной науке принято считать, что данные о росте универсальны для всех людей, всех исторических периодов и для всех стран; расовые и этнические признаки не имеют серьезного влияния, если вообще его имеют².

С биологической точки зрения, человек до достижения полной физической зрелости превращает потребленные продукты в энергию, которая затем расходуется на различные нужды – на поддержание жизнедеятельности организма, работу, учебу, сексуальные отношения, спорт, борьбу с инфекциями, болезнями и т.п., а *чистый остаток* энергии от питания преобразуется в рост и при избытке питания – в вес. После достижения полной физической зрелости рост уже не изменяется, при понижении биологического статуса происходит снижение веса, а при повышении – увеличение веса. Потенции для роста, заложенные в генах человека, полностью реализуются лишь при благоприятных условиях среды, и, наоборот, при продолжительном голодании происходит задержка роста, которая может, по крайней мере частично, компенсироваться быстрым увеличением роста в другие, благоприятные периоды – что называется компенсаторным ростом. Наверстывание может быть полным, если голодание было умеренным, и неполным, если было суровым и продолжительным и приходилось на ранние годы жизни. Ученые установили, что для роста человека особенно важны 1-й, 6–8-й, 13–15-й годы жизни, называемые критическими, или чувствительными, возрастами, когда длина тела особенно восприимчива к действиям угнетающих и благоприятствующих росту факторов³.

Как показали исследования, возраст наступления физической зрелости со временем изменяется. В конце XIX в. увеличение роста у мужчин продолжалось до 25–26 лет. С середины XX в. и вплоть до настоящего времени в большинстве европейских стран стабилизация роста наступает раньше – в возрасте 18–20 лет, у женщин – в 16–17 лет, вследствие того, что половое созревание происходит быстрее и наступает раньше, чем в XIX в. После достижения полной физической зрелости и до 50 лет рост остается постоянным, а потом начинает немного уменьшаться.

Таким образом, рост 25-летнего мужчины зависит от биологических условий существования в течение 25 лет и определяется *чистой* разницей между потребленной энергией от питания и

израсходованной энергией на абсолютно все потребности в течение всей предшествующей жизни, другими словами, рост отражает *историю чистого потребления*. Из этой парадигмы следует, что высокие люди, взрослые и дети, *в массе* своей лучше питались, имели лучший уход, меньше болели и т.д., т.е. *в массе* обладали более высоким биологическим статусом, чем люди с низким ростом. Например, в XVIII–XIX вв. по среднему росту представители отдельных сословий ранжировались так: дворяне, купечество, белое духовенство, мещане, крестьяне. Это говорит о том, что дворяне *в массе* жили в наиболее благоприятных с точки зрения питания, жилища, воздуха и т.п. условиях сравнительно с представителями других сословий, а крестьяне – в наименее благоприятных. Эти чрезвычайно важные выводы мы делаем без прямых данных о доходах и жизненных условиях разных сословий, а основываясь лишь на данных о росте.

Данные о росте отражают также и *динамику* биологического статуса населения, если мы располагаем большими сериями данных, благодаря чему историк имеет возможность следить за *изменениями роста и условий жизни во времени*, а при наличии большого количества данных – даже за ежегодными изменениями⁴.

Биологический статус не является синонимом благосостояния и уровня жизни, соответственно низкий рост не говорит прямо о жизненном уровне. Но данные о росте позволяют заглянуть в желудок человека. Если бы богатые люди тратили свой большой доход на дворцы, одежду, драгоценности и т.п., но плохо питались и не заботились о своем здоровье, а люди со средним достатком хорошо питались и заботились о здоровье, тогда бы богатые были ниже ростом, чем представители среднего класса. Но биологический статус в существенной степени определяется уровнем жизни или доходом, что позволяет делать выводы о динамике благосостояния народа и национальном доходе страны по изменению среднего роста ее граждан. Расчеты показывают, что средний рост взрослого населения в данной стране примерно на 70% определяется национальным доходом на душу населения. Кроме того, для слабо- или среднеразвитых стран поддержание биологического статуса поглощает большую часть доходов населения, что еще больше увеличивает связь между благосостоянием и биологическим статусом. Согласно самым ранним и надежным бюджетным российским обследованиям 1870-х годов, крестьяне, занятые земледелием, расходовали на поддержание биологического статуса около 54% своих доходов, а занятые кустарными промыслами – 78%. В 1984 г. только на питание, глав-

ную составляющую биологического статуса, в СССР тратилось 37% общих расходов на личное потребление, в то время как в США – 13%⁵.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДИКА ИХ ОБРАБОТКИ

Важнейшим источником в антропометрической истории являются массовые измерения роста мужчин во время медицинского осмотра, имеющего целью определить их пригодность для воинской службы и соответствие тем требованиям, которые предъявлялись к росту и здоровью. В России рекрутская повинность на некоторые категории населения была введена в 1699 г., на все податное население была распространена в 1705 г. Однако измерения роста начались после введения ростового ценза в ноябре 1730 г. За 1730–1872 гг. было проведено 92 рекрутских набора. На каждого рекрута заводился формулярный список, в который заносились данные о возрасте, росте, месте рождения, социальном и семейном положении, здоровье и грамотности. Рекрутские формулярные списки сохранились не по всем наборам. Но, благодаря тому, что в армию брали лиц в возрасте от 16 до 35 лет, а иногда и старше, имеющиеся сведения позволяют получить представление об изменении роста за каждый год. Число принятых на службу колебалось от 14 тыс. в 1730 г. до 439 тыс. в 1912 г. До 1917 г. сведения собирались рекрутскими присутствиями и предоставлялись в Военную и Адмиралтейскую коллегии, с 1803 г. – в Военное и Морское министерства, с 1874 г. – также и в Министерство внутренних дел. После 1917 г. сведения о росте новобранцев собирались военкоматами и предоставлялись в Военный и Морской наркомат, с 1946 г. – в Министерство обороны. В дореволюционное время были опубликованы обобщенные данные о результатах призыва за 1874–1912 гг., в советское время – только за 1927 г.

Для оценки изменений в биологическом уровне жизни я обработал **индивидуальные** формулярные списки 100 тыс. новобранцев, родившихся в 1700–1856 гг. и призванных на службу в течение 1730–1874 гг., **индивидуальные** формулярные списки 65 тыс. новобранцев, родившихся в 1939–1980 гг. и призванных на службу в 1959–1999 гг., а также **обобщенные** данные о росте всех лиц, призванных в армию в 1874–1912, 1927 гг., т.е. родившихся в 1854–1892 и 1907 гг.⁶ И до и после введения всеобщей воинской повинности состав новобранцев был однородным – они состояли преимущественно из крестьян и мещан, что важно, так как существовали различия в росте по сословиям. Сведения о росте ново-

бранцев дополнены данными о росте московских рабочих за 1821–1955 гг., сельского населения за 1821–1910 гг. и городского населения за 1921–1961 гг.⁷.

Требования к росту и возрасту в течение 1730–1913 гг. изменялись, и это представляет некоторые трудности для сравнения данных за разные годы. С 1730 до 1845 г. ростовой ценз был равен 160 см. Между 1845 и 1854 гг. он упал до 155,6 см. В 1874 г. был установлен новый ростовой ценз, равный 153,4 см, который не изменялся до 1915 г. В 1917 г. ростовой ценз был отменен. Понижение ростового ценза приводило к небольшому понижению среднего роста новобранцев. С 1730 и до 1873 г. в армию принимались мужчины преимущественно в возрасте от 18 до 35 лет, с 1874 и до 1912 г. – в возрасте 20 лет, с 1913 г. – в возрасте 19 лет. Средний возраст рекрутов до 1873 г. составлял округленно 23 года, в 1874–1912 гг. – 20 лет, в 1913–1915 гг. – 19 лет. В 1925–1935 гг. возрастной ценз равнялся 21 году к 1 января года призыва, с 1936 г. – 19 лет, с 1967 г. – 18 лет ко дню призыва. Снижение среднего возраста приводило к незначительному уменьшению роста призывников, так как мужчины в то время росли до 26 лет.

Рост рекрутов зависел также и от того, в какой род войск они назначались служить. Самые высокие рекруты направлялись в гвардию, ростом ниже – в гренадеры и т.д.

Существенным вопросом является точность оценки роста и возраста новобранцев. Инструмент для измерения (ростомер) и процедура измерения были примерно такими же, как сейчас. Только на шкале были нанесены деления, равные аршинам, вершкам и восьмым долям вершка. Точность измерения в XVIII в. чаще всего ограничивалась 1/4 вершка (1,111 см). При поступлении к месту службы рекрутов повторно измеряли и намеренное искажение роста обнаруживалось. Если рост оказывался ниже положенной нормы, рекрута могли отправить назад за счет приемщиков. Ради перестраховки приемщики имели тенденцию слегка занижать фактический рост, так как в течение дня рост человека изменяется от 5 до 20 мм. Как показало вторичное измерение рекрутов, занижение находилось именно в этих пределах.

Инструкции требовали проверки возраста по ревизским сказкам и метрическим книгам, но это была обременительная процедура. Поэтому в XVIII в., как правило, ограничивались вопросом, причем, спрашивался не год рождения, а возраст. В результате, как это обычно бывает при проведении переписей малограмотного населения, новобранцы предпочитали возраст, оканчивавшийся на 0 или 5, и свой возраст несколько преувели-

чивали. Зная об этой особенности, чиновники из приемной комиссии, по-видимому, возраст рекрутов скорее преуменьшали. Искажения возраста требуют особой осторожности при оперировании годовыми данными о росте и заставляют предпочитать средние 5-летние и 10-летние данные, в которых проблема искажения возраста снимается. В начале XIX в. качество измерения при приеме на службу существенно улучшилось – точность при измерении повысилась до 1/8 вершка (0,556 см) и возраст обязательно проверялся по документам. С 1874 г. данные о росте и возрасте стали вполне надежными. Соответственно и точность данных повысилась.

В антропометрической истории, как правило, используются выборочные данные. У меня размеры выборки по отдельным пятилетиям колеблются от 222 до 11 тыс., соответственно и точность выборочной средней роста изменялась. Отметим, что во всех опубликованных на Западе работах по антропометрической истории XVIII–XIX вв. исследователи опирались на выборки меньшего объема. Исключением является база данных для Австро-Венгерской империи XVIII–первой половины XIX в., включающая 150 тыс. рекрутов. Я посчитал величину возможных ошибок выборочных средних для высокого уровня вероятности – 95%. Оказалось, что ошибка выборочной средней всего в двух пятилетиях превышала 2 мм. Но даже при максимально возможной ошибке выборочных средних (она равна 6 мм) картина динамики роста рекрутов не изменяется. Таким образом, точность данных о росте и возрасте рекрутов за 1700–1873 гг. не была идеальной. Но она находилась на таком уровне, который позволяет использовать ростовые сведения в научном анализе и получать на их основе объективную картину динамики роста мужского населения.

Прежде чем обратиться к анализу данных о росте, необходимо сделать одно важное для понимания дальнейших рассуждений пояснение. *Данные о росте привязываются к году рождения*, а не к году измерения, во-первых, потому что в противном случае их трудно анализировать, так как возраст измерения роста для людей одного года рождения часто бывает различным; во-вторых, при последовательном, год за годом или пятилетие за пятилетием, сравнении ростовых данных решающим для роста оказывается первый год жизни, т.е. год рождения. Поэтому когда мы, например, говорим, что рекруты в 1700–1704 гг. были на 37 мм выше, чем рекруты в 1795–1799 гг., это означает, что рекруты 1700–1704 гг. рождения были на 37 мм выше рекрутов 1795–1799 гг. рождения. Или если мы говорим, что в 1700–1724 гг. средний рост рекрутов систематически снижался,

это означает, что рост рекрутов, рожденных в 1705–1709 гг., был ниже роста тех, кто родился в 1700–1704 гг., а рост у рожденных в 1720–1724 гг., был ниже роста родившихся в 1715–1719 гг.

После этих замечаний обратимся к анализу данных о росте, представленных на графике, где они, как принято в антропометрии, привязаны к году рождения, а не к году измерения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Сразу оговоримся, что полученные статистические результаты и соответственно сделанные на их основе выводы носят предварительный характер, так как работа по созданию базы данных продолжается. Расширение базы антропометрических данных в будущем позволит уточнить как периодизацию, так и саму величину роста населения.

В средних пятилетних ростовых данных за 1700–1980 гг. ориентировочно выделяются девять периодов в изменении роста и соответственно биологического статуса и, вероятно, благосостояния населения: 1) в первом периоде, 1700–1724 гг., охватывавшем примерно 25 лет, рост, статус и благосостояние понижались; 2) во втором, 1725–1744 гг., продолжительностью 20 лет, – повышались; 3) в третьем, 1745–1794 гг., продолжительностью 50 лет, – понижались; 4) в четвертом, 1795–1820 гг., продолжительностью 25 лет, – повышались; 5) в пятом, 1821–1850 гг., продолжительностью 30 лет, – были, по-видимому, стабильными; 6) в шестом, 1851–1865 гг., охватывавшем 15 лет, – понижались; 7) в седьмом, 1866–1910 гг., охватывавшем 45 лет, – увеличивались; 8) в восьмом, 1911–1920 гг., охватывавшем 10 лет, – уменьшались; 9) в девятом периоде, 1921–1980 гг., охватывавшем 60 лет, – увеличивались. Общая протяженность четырех периодов повышения биологического уровня жизни составила 150 лет, а четырех периодов его понижения – 100 лет. Из-за недостатка данных пока принимаем, что биологический статус населения в 1820–1850 гг. не изменился. За 280 лет мужчины стали выше примерно на 10–11 см. Вероятно, настолько же увеличился и рост женщин, которые в последние полтора столетия в России стабильно ниже мужчин на 12 см (значит, сегодня женщины имеют примерно такой же рост, как мужчины 250 лет назад). Однако весь прирост практически приходился на последнее столетие, 1866–1980 гг., а в XVIII–первой половине XIX в. наблюдались циклические колебания роста: существенное снижение роста при Петре I было в значительной мере преодолено при Анне Иоанновне; последующее сильное снижение роста в елизаветинское и

екатерининское царствования было преодолено при Павле I и Александре I. В результате к середине XIX в. рост населения, вероятно, лишь на 10–15 мм превзошел исходный рубеж конца XVII–начала XVIII в.

Дадим краткий исторический комментарий динамики роста за 280 лет.

XVIII ВЕК

Восемнадцатое столетие отмечено понижением биологического уровня жизни у преобладающего большинства населения России. Ухудшение биологического статуса происходило при Петре I, в 1700–1724 гг., когда рост рекрутов понизился на 23 мм, и при Елизавете и Екатерине II, в 1745–1794 гг., когда он уменьшился на 47 мм. Между царствованием Петра и Елизаветы находилось 20 лет, 1725–1744 гг., относительного благополучия, когда биологический уровень жизни почти вернулся к начальному уровню 1700–1704 гг. Закончился XVIII в. значительным увеличением роста рекрутов в царствование Павла I – на 17 мм. В целом, с 1700–1704 гг. по 1795–1799 гг. средний рост новобранцев понизился с 1654 до 1617 мм, или на 37 мм. Как это ни парадоксально, понижение биологического статуса происходило на фоне значительного экономического прогресса и было обусловлено не экономическим кризисом, а повышением налогов и повинностей и падением урожайности, что ухудшило материальное положение трудящихся и привело к увеличению продолжительности и интенсивности труда. Рост платежей в пользу государства был связан с войнами, которые вела Россия за выход к Балтийскому и Черному морям, за статус великой державы, и с реформами, которые проводила верховная власть ради преодоления отставания от западноевропейских стран. Рост повинностей в пользу помещиков определялся их стремлением иметь средства для комфортабельной и расточительной жизни. Прибавочная стоимость, создаваемая помещичьими крестьянами, а это 57% всего населения страны, в первой четверти XVIII в. разделялась между государством и помещиками примерно поровну. Но постепенно она стала почти монопольным достоянием помещиков, которые в конце XVIII в. узурпировали 88% ее величины. Можно сказать, что после смерти Петра I дворяне, а точнее 70 тыс. помещиков, приватизировали 57% населения страны.

При Петре I тяготы войны и модернизации были более или менее равномерно распределены между всеми социальными классами, национальный доход обслуживал потребности всего

общества, благодаря чему снижение благосостояния было минимизировано. При Елизавете и, в особенности, при Екатерине II, все издержки были переложены на плечи народа, его интересы были принесены в жертву дворянской элите, которая присвоила результаты экономического роста и модернизации. Поэтому и благосостоянию большинства населения был нанесен большой ущерб – биологический уровень жизни широких народных масс за 50 лет правления двух императриц понизился в 1,8 раза сильнее, чем при Петре I.

Антропометрические данные позволяют по-новому посмотреть на некоторые спорные вопросы экономической и социальной истории России XVIII в.

1. Они подтверждают вывод тех исследователей, которые полагают, что петровская модернизация сопровождалась понижением благосостояния населения.

2. Податная реформа 1724 г., вопреки широко распространенному в литературе мнению, привела к уменьшению общего налогового бремени, если иметь в виду денежные и натуральные повинности в совокупности. Только этим можно объяснить факт, что рост мужчин, рожденных после налоговой реформы, стал увеличиваться.

3. В течение 20 лет, в 1725–1744 гг., биологический статус податного населения улучшался. Это говорит о том, что в годы правления ближайших преемников Петра I – Екатерины I, Петра II и особенно Анны Иоанновны, а также в первые годы правления Елизаветы Петровны произошло ослабление налогового гнета. Это произошло главным образом благодаря естественному приросту, так как между 1-й и 2-й ревизиями, за 1719–1744 гг., численность податного населения выросла почти на 1,5 млн душ, в то время как налог собирался по числу душ, установленных по первой ревизии. Мы можем предположить, что широко бытующее в литературе мнение о продолжающемся разорении населения при ближайших преемниках Петра нуждается в корректировке.

4. Антропометрические данные подтверждают обусловленность Пугачевского восстания ухудшением материального положения крестьян и посадских, которое произошло вследствие усиления финансового нажима на них со стороны помещиков и государства.

5. После подавления восстания реальная тяжесть ренты, прямых и косвенных государственных налогов, уплачиваемых в денежной форме, для всех категорий крестьян уменьшалась, а для мещан оставалась неизменной вплоть до конца XVIII в. Несмотря на это, биологический статус податного населения продолжал

снижаться. Одна из важных причин этого заключалась в увеличении натуральных повинностей, прежде всего рекрутской. Вторая существенная причина понижения благосостояния состояла в снижении урожайности в последние 30 лет XVIII в. в основных земледельческих районах примерно на 25%, вследствие прежде всего похолодания и ухудшения климата и отчасти падения плодородия пашни. Наконец, существенный рост запашки, вызванный падением урожайности и требовавший от земледельцев увеличения энергетических затрат, по всей видимости, не сопровождался соответствующим улучшением питания. Для мещанства дополнительным фактором ухудшения их положения являлся быстрый рост цен на продовольствие, обгонявший рост цен на ремесленные и промышленные товары.

ХІХ – НАЧАЛО ХХ ВЕКА

С павловского царствования началось повышение биологического уровня жизни, продолжавшееся примерно 25 лет, с перерывом на время Отечественной войны 1812 г. и изживания ее последствий. Имеющиеся в моем распоряжении данные за вторую четверть XIX в. позволяют предположить, что в николаевское царствование не было четкой тенденции, а происходили не очень существенные колебания в изменении биологического уровня жизни. Возможно, одним из факторов, который обусловил стабильно повышающуюся тенденцию в изменении биологического статуса первой половины XIX в., была социальная политика самодержавия, направленная на ограничение прав помещиков в эксплуатации крепостных, которая была инициирована Павлом I и продолжена Александром I и Николаем I. Во всяком случае, наступление помещиков и государства на крестьянство было приостановлено. Антропометрические данные, при всей их ориентировочности, позволяют думать, что во времена крепостного права не происходило систематического и линейного снижения благосостояния населения и, возможно, это являлось важным фактором длительного существования крепостничества.

В исторической литературе высказаны разные точки зрения о характере экономического развития России и динамике благосостояния населения в пореформенное время. Если кратко резюмировать существующие взгляды, то обнаруживаются три точки зрения. Одни полагают, что вследствие тяжелых условий отмены крепостного права российская деревня, а вместе с ней и все общество сразу после освобождения вступили в затяжной социально-экономический кризис, продолжавшийся до Октябрьской рево-

люции 1917 г. и породивший ее. Другие высказывают мнение, что реформа сразу привела к улучшению жизни крестьянства. Третьи считают, что кризис, вызванный структурными реформами общества и экономики, существовал, но в 1880-е или 1890-е годы он закончился, после чего Россия вступила в период быстрого экономического роста.

Антропометрические данные позволяют выдвинуть альтернативную точку зрения. Из них следует, что благосостояние трудящихся стало понижаться в 1850-е годы (возможно, немного раньше) и этот процесс продолжался примерно 15 лет, из которых 10 приходилось на дореформенное время и 5 – на пореформенное. Если бы улучшение в положении крестьянства началось сразу после эмансипации, то мы должны были бы наблюдать немедленное после освобождения увеличение длины тела. Отсюда следует, что начало падения благосостояния населения, в первую очередь крестьянства, связано было, скорее всего, с Крымской войной 1853–1855 гг., породившей острый финансовый и экономический кризис и принесшей большие человеческие жертвы. Однако кризис был непродолжительным и несущественным, поскольку рост рекрутов понизился всего на 2–3 мм.

Кризис, вызванный Крымской войной, плавно перешел в социально-экономическую перестройку российского общества, особенно интенсивно проходившую во время Великих реформ 1860–1870-х годов. Основываясь на антропометрических данных, можно заключить, что перестройка завершилась в основных чертах в 1860-е годы, и уже в 1870-е годы население превзошло биологический статус дореформенного времени и в дальнейшем его повышало – высшая точка была достигнута поколением 1906–1910 гг. рождения. К этому времени новобранцы были примерно на 35 мм выше, чем в 1861–1865 гг. Темп увеличения роста в пореформенное время был более быстрым, чем до Великих реформ, следовательно, и биологический уровень жизни в пореформенное время повысился в большей степени, чем в дореформенное. В пользу предлагаемой интерпретации полученных результатов говорят прямые данные о питании, смертности и здоровье населения в пореформенное время. Перерасчет национального дохода России за 1885–1913 гг., произведенный американским экономистом Полом Грегори, показывает значительное повышение расходов на личное потребление, начиная со второй половины 1880-х годов.

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Что касается советского периода, то теперь мало осталось историков, которые бы полностью доверяли официальной статистике того времени, говорившей о непрерывно и быстро растущем благосостоянии народа.

Нефальсифицированные антропометрические данные по городскому населению показывают, что с окончанием Гражданской войны в 1920 г. и вплоть до перестройки 1985–1991 гг. рост у городского мужского населения повышался даже у тех, кто родился во времена индустриализации и массовой коллективизации. А начиная с поколения 1936–1940 гг. рождения, увеличение роста происходило необычайно быстро, причем на этот раз подъем охватил не только столичное, но все городское население. Отсюда следует, что в годы советской власти биологический статус основной массы городского, и, возможно, сельского населения (поскольку городское население состояло в значительной мере из сельских мигрантов) в целом повышался. Как это можно объяснить?

Вопрос чрезвычайно сложный. Я позволю себе предложить следующее предварительное объяснение. В 1920–1950-е годы произошло увеличение если не общего, то по крайней мере душевого дохода семьи, главным образом **за счет внутренних резервов семьи**, а также и за счет внешних источников четырьмя способами. Во-первых, за счет сокращения расходов, связанных с рождением и воспитанием детей, благодаря уменьшению рождаемости. Во-вторых, за счет уменьшения затрат, связанных с заболеваемостью, общей и детской смертностью, вследствие резкого сокращения той, другой и третьей – здесь государство предприняло большие усилия и взяло инициативу на себя, но затраты легли, конечно, на плечи трудящихся. В-третьих, за счет того, что значительное число ранее не работавших или не в полную меру работавших женщин пошли работать за зарплату или жалованье, поскольку спрос на рынке труда был огромный, а уменьшение числа детей и возможности отдать их в ясли, детские сады и в школы резко возросли. Наконец, за счет более равномерного распределения материальных благ как между разными стратами общества, так и внутри страт.

Перечисленные возможности открылись во многом благодаря переходу от традиционного к современному типу воспроизводства населения, произошедшему в СССР в основных чертах в 1920–1961 гг. с большим отставанием от западноевропейских стран, где он в начале XX в. уже завершился. В ходе этого пере-

хода резко сократилась рождаемость, главным образом, за счет внутрисемейного регулирования, существенно уменьшилась смертность за счет коренного изменения в причинах смерти и, в конечном итоге, установился современный, т.е. более рациональный и экономичный тип воспроизводства населения. Благодаря падению рождаемости, несмотря даже на существенное снижение детской смертности, число детей за 1890–1960 гг. в городских семьях уменьшилось в 2,29 раза, в сельских семьях – в 2,05 раза.

Резкое снижение общей смертности привело к увеличению средней продолжительности жизни и соответственно к увеличению числа лиц пожилого нетрудоспособного возраста. Но благодаря уменьшению количества детей в семье, общее число нетрудоспособных членов в семье сократилось. Кроме того, большинство людей нетрудоспособного возраста при советской власти стало получать пенсию, что освободило или, по крайней мере, уменьшило бремя их содержания для детей. Наконец, общество и отдельные семьи выиграли за счет снижения заболеваемости и увеличения времени, прожитого каждым человеком в здравии и труде.

Современный тип воспроизводства рационализировал весь жизненный цикл семьи и человека, в особенности женщины. Преимущественно прокреативные функции женщины, прежде поглощавшие огромные силы, сократились и сконцентрировались на определенном моменте жизненного цикла, высвободив время, силы, энергию, которыми она воспользовалась в значительной мере для работы ради улучшения семейного бюджета. Процент женщин среди рабочих и служащих (без колхозов) за 1922–1960 гг. увеличился почти в два раза, с 25 до 47, а в колхозах они всегда работали наравне с мужчинами. Процент женщин в общей численности специалистов с высшим и средним специальным образованием в 1940 г. составил 36, в 1960 г. – 59. Подобной женской трудовой и культурной активности не знала ни одна страна мира.

Чтобы женщины могли развить столь интенсивную трудовую активность, должны были существовать важные предпосылки: юридические права, рабочие места, густая сеть дошкольных и школьных учреждений, медицинское обслуживание, гарантированная пенсия, пособия многодетным семьям, одиноким и кормящим матерям, по беременности и др. Следует признать, что государство, оказывавшее огромный нажим на жизненный уровень населения, вместе с тем создало такую систему социального обеспечения и гарантий, которая, хотя и не была адекватна по-

требностям, но до конца советского периода существовала и со своими функциями более или менее справлялась.

Таким образом, общий выигрыш от изменения характера воспроизводства населения оказался настолько большим, что позволил улучшить биологический статус населения, несмотря на громадные размеры государственной эксплуатации, правда, ценой большого напряжения со стороны мужчин и, в особенности, женщин. Перестав быть родильными машинами, они отчасти превратились в машины по производству товаров, услуг и домашней работы, которая по-прежнему оставалась в их исключительной компетенции.

Советское общество мобилизовало и такой важный внутренний резерв для улучшения биологического статуса, как выравнивание доходов огромной массы населения на некотором среднем для всех прожиточном минимуме. В антропометрической истории установлено, что неравенство в распределении доходов между различными группами населения в обществе является вторым по значимости фактором для среднего роста населения после среднего дохода на душу населения. Уменьшение неравенства в доходах на 10% приводит к увеличению роста взрослых на 14 мм при той же величине дохода на душу населения. Притом, чем беднее общество, тем чувствительнее биологический статус его населения к степени неравенства в распределении доходов. Суть зависимости между средним ростом людей и уровнем неравенства заключается в том, что при уменьшении неравенства в доходах увеличивается как доля средних слоев, так и доля населения, имеющего прожиточный минимум. Низшая страта расходует дополнительный доход, в первую очередь, на поддержание биологического статуса, что ведет к увеличению роста детей из бедных семей, очень чутких к улучшению питания. За счет этого, а также благодаря увеличению доли средних слоев, имеющих более высокий рост, чем представители низшей социально-экономической страты, происходит увеличение среднего роста жителей страны, даже если рост детей из высшей и средней страт остается неизменным.

Статистические данные о нивелировании доходов свидетельствуют, что уровень неравенства в доходах при советской власти (при всех колебаниях в отдельные годы и периоды) имел тенденцию снижаться. Все авторы единодушны во мнении, что неравенство в распределении доходов в СССР было меньшим сравнительно с западными странами.

Сделанные наблюдения по советскому периоду являются предварительными по нескольким причинам: 1) имеющиеся дан-

ные относятся только к горожанам, а среди них – только к промышленным рабочим; и те и другие с точки зрения материального благосостояния имели преимущества перед сельским населением; 2) до 1960 г. в городах проживало менее половины населения СССР, в силу этого результаты об изменении длины тела горожан не могут быть распространены на всю страну; 3) данные являются выборочными и величину выборок нельзя пока признать вполне достаточной, учитывая обширность территории, большую численность населения и сильную географическую изменчивость роста. Отсюда следует, что дальнейшие исследования должны увеличить базу данных о росте до возможности получения региональных показателей и ввести в научный оборот данные о длине тела сельских жителей. В более детальном изучении нуждаются и источники улучшения биологического статуса городского населения, которыми, в частности, могли служить недопотребление сельского населения и экстремальная эксплуатация труда заключенных.

Представляет большой интерес сравнение роста в разных странах. В 1740-х годах российские рекруты были выше французских, имели примерно такой же рост, как и британские (164,7 см), но были ниже американских (173 см), немецких (172 см), австро-венгерских (171,4 см), шведских (168,5 см). Во второй половине XVIII в. повсюду в Европе рост рекрутов понижался, но в разной степени: в Австро-Венгрии – на 4,3 см, в Британии – на 2,5 см, в Швеции – на 2 см; только американские солдаты сохранили свой прежний высокий рост. Поскольку в большинстве европейских стран XVIII в. при наборе солдат действовали ростовой и возрастной цензы, примерно аналогичные с российскими, данные о росте рекрутов достаточно сопоставимы. В конце XIX в. русские с точки зрения роста находились посередине среди различных народов мира, а среди европейских народов были на несколько миллиметров выше поляков, итальянцев, испанцев, португальцев, венгров и французов, всем же остальным европейцам и народам других развитых стран, за исключением японцев, русские (так же как белорусы и украинцы) уступали. Наиболее высоким ростом отличались представители северо-европейских народов, а также канадцы и американцы, которые были выше русских на 6–7 см. В XX в. во всех странах Европы и Северной Америки, как и в России, проходила акселерация, однако она мало изменила соотношения роста между русскими и другими народами. Русские остались выше тех, кого они обгоняли в XIX в., и ниже тех, кому они уступали. В 1990-е годы самыми высокими были голландцы – 185 см, затем шведы – 184 см, немцы – 183 см,

им немного уступали американцы (178 см), долгое время бывшие лидерами в отношении роста. Рост 20-летних петербуржцев, родившихся в 1970–1980 гг. равнялась 178 см, т.е., как и 100 лет назад, русские уступали самым высоким народам мира на 6–7 см. Если биологический статус повышается, как настаивают антропометристы, пропорционально изменению роста, то проведенное сравнение показывает, что Россия с точки зрения всего того, что за этим статусом скрывается, развивалась, по крайней мере в пореформенное и советское время, примерно такими же темпами, как и большинство развитых стран. Конечно, биологический статус – это не синоним жизненного уровня, благополучия и дохода, но он имеет исключительно большое значение для человека. В улучшении биологического статуса, возможно, и лежит главная причина длительного существования советского строя, бесчеловечного в одном и гуманного в другом, и тех ностальгических чувств, которые к нему до сих пор испытывают многие российские граждане, биологический статус которых после распада СССР в 1991 г. ухудшился.

Антропометрические данные позволяют предположить, что в эпохи радикальных реформ и интенсивного расширения территории происходило снижение биологического статуса и, скорее всего, общего благосостояния населения. В последние 300 лет преобразования и победы при Петре I и Екатерине II особенно дорого стоили российскому народу, так как они сопровождались наибольшим понижением благосостояния широких масс населения, о чем можно судить по уменьшению роста на 5,4 см за XVIII в. Структурные изменения в обществе и экономике, вызванные Великими реформами 1860-х годов, также сопровождались понижением благосостояния населения, но оно было кратковременным и несущественным. Возможно, что и Столыпинская реформа вызвала некоторое понижение биологического уровня жизни. Начало советской эпохи с характерными для нее радикальными реформами тоже отмечено снижением биологического статуса населения.

Наблюдаемое с середины 1980-х годов снижение биологического статуса, о масштабах которого мы можем пока догадываться, а измерить сможем через 20 лет – после 2005 г., также вызвано реформами, преобразующими прямо или косвенно все сферы общественной жизни. Это говорит о том, к сожалению для живущих в эпоху перемен, что реформы без снижения жизненного уровня невозможны, по крайней мере в России. Но, с другой стороны, дает надежду на то, что эпоха перемен, начавшаяся в середине 1980-х годов, должна примерно к

2005 г. завершиться – поскольку фаза интенсивного снижения биологического уровня жизни обычно продолжается около 20 лет – и мы вступим в фазу подъема нашего благосостояния.

- ¹ *Комлос Дж.* Биологический уровень жизни и современный тип экономического роста // *Экономическая история: Ежегодник.* М., 2002. С. 428.
- ² *Eveleth P.B., Tanner G.M.* Worldwide variation in human growth. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1976. P. 1–15, 222–240.
- ³ *Грим Г.* Основы конституционной биологии и антропометрии. М., 1967. С. 71–93.
- ⁴ См. краткий, но содержательный обзор состояния антропометрической истории: *Komlos J.* Nutrition and economic developmen in eighteenth-century Habsburg Monarchy. Берлин, 2001. P. 23–54; *Steckel R.H.* Stature and the standard of living. Wash., 1991. P. 1903–1940; *Nicholas St.* Anthropometric history and economic history // *The biological standard of living on three continents / Ed. J. Komlos.* P. 191–202. Более полное представление можно получить из: *Tanner J.M.* History of the study of human growth. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1981. Библиографию см. в книге: *The biological standard...* P. 203–220. Об антропометрических исследованиях в России см.: *Башикиров П.Н.* Учение о физическом развитии человека. М., 1962. С. 48–113; *Ивановский А.А.* Об антропологическом составе населения России. М., 1904. С. 211–287.
- ⁵ *Statistical abstract of the United States, 1988.* Wash. (D.C.): U.S. Dep. of Commerce and Bureau of the Census, 1988. P. 807.
- ⁶ Источники см.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1292 (Управление по делам о воинской повинности Министерства внутренних дел); Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной); Ф. 1291 (Земский отдел Министерства внутренних дел); Ф. 1298 (Управление главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел); Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 395 (Инспекторский департамент: рекрутские наборы); Областные архивы, фонды воинских присутствий; Центральный государственный архив Военно-морского флота. Ф. 173 (Дела адмирала Мордвинова); Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия); Ф. 283 (Инспекторский департамент); Архив Военно-исторического музея артиллерии и войск связи. Ф. 2 (Канцелярия главной артиллерии и фортификации); Ф. 3 (Артиллерийский департамент Военного министерства). Частично данные о наборах за 1874–1912 гг. опубликованы: Столетие Военного министерства, 1802–1902. СПб., 1907. Т. 4, ч. 2, кн. 1, отд. 2: Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Николая I. С. 178–210; СПб., 1914. Т. 4, ч. 3, кн. 1, отд. 2: Комплектование войск с 1855 по 1902 год. С. 136–175, 300.

⁷ Песков В.И. К вопросу о влиянии фабричного труда на здоровье рабочих // Труды VI съезда земских врачей Московской губернии. М., 1882. С. 198–213; Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 910–911; *Зенкевич П.И., Алмазова Н.Я.* Изменение размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет // Куршакова Ю.С. и др. Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. С. 71–99; *Дунаевская Т.Н.* Об изменении размеров и формы тела у детей Центрального района РСФСР с 1957 по 1975 г. // Там же. С. 71–100; *Зенкевич П.И.* и др. Изменение процентного распределения типовых фигур во взрослом населении Москвы с 1967 по 1975 г. // Там же. С. 57–59; *Куршакова Ю.С.* Возрастные различия размеров тела у взрослых мужчин // Там же. С. 155–224.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.Н. Сахаров:

– Приглашение в наш институт доктора исторических наук Бориса Николаевича Миронова из Санкт-Петербурга по теме “Антропометрическая история России XVIII–XX вв.: Теория, источники, методика, первые результаты” было вызвано тем, что за последние годы его работы, новаторские работы, стали широко известны в нашей стране и за рубежом. Его двухтомная “Социальная история России XVIII–XX веков” всем хорошо известна. Мы с большим интересом познакомились с его статьей “Питание, здоровье и рост населения в России XVIII–XX вв.”. Прочитав эту статью, я с удивлением узнал, что в общем народ жил не так плохо, как нам казалось, а питался, как доказывает наш гость, по калориям даже лучше, чем мы питаемся сегодня.

В 60-е годы была опубликована статья П.Г. Рындзюнского. Она называлась “Умирало ли русское крестьянство при крепостном праве?”. Это была полемика с историками И.Д. Ковальченко и Л.С. Миловом, которые доказывали, что русское крестьянство при крепостном праве вымирало, однако население увеличивалось, Россия росла, демографические показатели повышались.

Эта линия объективного, спокойного, правдивого, социального, антропологического подхода к российской истории продолжала существовать, и докладчик является лидером в этой области оценок российской истории. Нам было интересно прослушать доклад, потому что в нем выражены все те основные концептуальные вопросы, которые содержатся в монографии и в серии статей, которые вызывают интерес и в России, и за рубежом.

А.Н. Медушевский:

– Я очень ценю исследование докладчика, позитивно оцениваю направление в целом, считаю его очень важным. Но именно поэтому мой вопрос будет несколько скептическим. Доклад, на мой взгляд, получился слишком “американский” – и в хорошем, и в плохом смысле слова. Он очень логичный, четкий, но в нем сделана попытка вывести важные социологические выводы из одного совершенно конкретного наблюдения.

В логике существует такое понятие, как “бритва Атакама”. Оно означает, что дополнительные аргументы не нужны, если приведен главный аргумент. Доклад начинался с такого аргумента, причем он был сформулирован в виде некоей констатации – что биологический рост зависит от потребления. Ссылка была на научную литературу.

Я позволю себе усомниться в этом основополагающем тезисе – может ли рост человека зависеть только от потребления калорий? Рост человека зависит от многих факторов. Еще Чижевский говорил о том, что даже социальные потрясения могут зависеть от солнечной активности, от каких-то других факторов, например от климата. Я допускаю, что потребление играет существенную роль в росте человека. Но может ли развитие человека зависеть только от потребления? Я в этом не уверен. Существуют разные типы цивилизации, различные культурные факторы. Это влияет и на рост. Поэтому такой вывод докладчика мне кажется чрезвычайно прямолинейным. Вы получили очень ценные данные об изменении роста человека, но, может быть, здесь действует совокупность биологических и социальных факторов?

Это первое сомнение и первый вопрос.

Второе сомнение и второй вопрос касаются хронологических рамок. Вы делаете принципиальный вывод на основании изучения процессов за 280 лет. Мне кажется, что этот период недостаточен. Нужно было бы для такого вывода как минимум 5–10 тыс. лет, потому что речь идет фактически об изменении генотипа.

Третий вопрос касается методики. Сама постановка проблемы и Ваш интерес к этим данным определяют известную претенциозность в хорошем смысле подхода к материалу. Вы исходите из того, что материалы рекрутских наборов могут быть объективным источником. Но это спорно, потому что в рекруты отдавали только самых высоких людей, и тот факт, что величина рекрутов меняется со временем, может зависеть отчасти от демократизации армии, оттого, что брали уже всех, а не только самых высоких. Кроме того, даже если принять Ваш тезис о том, что ре-

крутские и прочие данные отражают рост населения, то почему Вы думаете, что здесь действуют какие-то субъективные факторы. Например, более высокие люди стремятся вступить в брак с более высокими партнерами, и у них рождаются более высокие дети. Как это отражается на статистике?

В значительной степени американские данные, о которых Вы сказали, базируются на евгенике. Не получается ли здесь известное перенесение этих методов из Европы в Америку и из Америки в Европу. Не вернемся ли мы снова к Ламброзио, который это доказывал, приводя картинки в своем альбоме? И не приведет ли это к некоторому априорному перенесению биологических факторов на социологические?

А.К. Соколов:

– Кардинальный вопрос для данного доклада – это зависимость роста от материального благосостояния. Это действительно подтверждается статистическими наблюдениями. Но эта зависимость многофакторная: несколько причин могут повлиять на рост человека. Особенно это касается советского времени.

Подтверждается ли экспериментально такая четкая, прямая зависимость?

В.А. Кучкин:

– Вопрос касается приемов исследования. В Африке пигмеи – нация низкорослая, а сенегальцы – один из самых высоких народов Африки. Как здесь дело обстоит с ростом? Это интересно, потому что очень контрастно.

И один конкретный вопрос. Новобранцы 1941–1980 гг. Это данные только по новобранцам из города или вообще по всем?

Б.Н. Миронов:

– Это данные только за советское время и только по городам.

Г.А. Куманев:

– Какое влияние оказывали войны на рост людей? Как известно, всемирная история, история нашего Отечества до предела заполнены войнами и иной раз войн было больше в течение столетия, чем мирных лет. Известно, что в войнах гибли наиболее здоровые кадры мужского населения. Возьмем хотя бы две последние мировые войны. Какое-то влияние они оказывали или нет? В этих войнах погибал не только лучший генофонд, но и наиболее здоровая часть населения.

Б.Н. Миронов:

– Я не знаю, радоваться мне или нет, что мой доклад похож на американский. Мне пришлось поневоле говорить кратко и не вдаваться в подробности. Может быть, поэтому А.Н. Медушев-

скому показалось, что я утверждаю, что рост зависит только от потребления. Но я так не говорил. Я говорил, что рост – это результат взаимодействия того, что человек потребляет и расходует. На входе это только питание, другого источника энергии нет. Но на выходе это и спорт, и любовь, и борьба, и поддержание температуры тела. То есть на выходе-то и действуют социальные факторы. Например, сколько человек работает – семь часов или больше, почему русский крестьянин зимой много спал, на печке лежал? Для того чтобы затормозить биологические процессы, чтобы энергии расходовалось меньше, потому что у спящего человека идет меньше калорий на поддержание температуры тела. Поэтому ни я, и никто – ни американский, ни французский, ни российский антропометрист – не утверждают, что все зависит от потребления, что все дело сводится к питанию. Питание – это только источник энергии, а как она расходуется – здесь действует масса других факторов. Например, огромного количества энергии требуют болезни. Женщины знают – если ребенок болеет, то у него тормозится рост, даже если его прекрасно кормят. Я говорил, что заболеваемость уменьшалась, смертность понижалась. Это же социальный фактор! Нужно было создать медицину, создать детские учреждения и т.д. Это все социальные факторы. Во всем, что я говорил, биологии очень мало. Да, мы воспринимаем человеческий организм как биологический организм, но он перерабатывает энергию, пищу, которую потребляет, и сублимирует ее в искусство, в науку и т.д. Чижевский говорил о влиянии солнечной активности. Но ни Чижевский, никто другой не доказал, что есть прямая связь между ростом и солнечной активностью. То есть, если есть солнце, радиация, то человек растет. А мало солнца, мало света – рост уменьшается. Здесь связь опосредованная. Если тепло, температура высокая, солнце хорошо светит, теплый климат, значит, нужно меньше энергии, меньше калорий, меньше средств тратить на одежду, на питание, на жилище. В России нужно строить очень толстые стены для того, чтобы защититься от холода.

Посмотрите, в Италии, даже в Британии, в Германии, в любой западноевропейской стране, люди выигрывают на одежде, потому что им нужно меньше одевать, они выигрывают на строительных материалах, потому что им надо меньше строить.

В каком смысле влияет солнечная активность? Уменьшилось количество тепла, поступающего на землю. Это сказалось на урожайности, на сборе хлеба, а затем на потреблении и через потребление – на росте. Вот такая опосредованная зависимость.

А.Н. Сахаров:

– Но Вы о потреблении водки ничего не сказали.

Б.Н. Миронов:

– О потреблении водки. Современники говорили, что волжские грузчики могли рояль нести на спине, погрузить его на корабль. Что они ели? Они ели водку с хлебом. Почему? Потому что водка дает очень много калорий и быстро усваивается. Они выпивают поллитра водки с хлебом, спят час, полтора, два, встают как новенькие и могут тяжести таскать. Почему? Потому что водка дает 19 калорий на грамм, в то время как сахар, углеводы, белки дают всего 4. Кстати, и Энгельгардт прекрасно о крестьянском питании говорил, что крестьянин не променяет водку на мясо. Хотя он был химик и в калории не вдавался, но жизнь была такова, что крестьянин брюхом чувствовал, что водка во время тяжелой работы дает много калорий. Это было то, что ему нужно.

Второе. Хронологический период. Конечно, 10 тыс. лет хорошо, а еще лучше взять 100 тыс. лет. Но первые измерения роста рекрутов, измерения роста в современном смысле появились в конце XVII–XVIII в. Раньше рост нигде не измерялся.

Сейчас есть антропометристы, производящие раскопки кладбищ. Они используют археологические данные в своих исследованиях. Поэтому решается и такая задача – вычислить, измерить динамику роста за 200 тыс. лет. Российские археологи имели большие материалы, но они никогда с этой целью не использовались, хотя из них можно извлечь очень много ценных данных. Но и 280 лет не так мало. Поэтому вывод, который относится к этим годам, достаточен.

Теперь третье Ваше сомнение. Вы говорите, что в моем докладе есть некоторая тенденциозность в том смысле, что у меня оптимистический склад и я склонен оптимистически трактовать данные.

Дело в том, что, очень внимательно и всесторонне анализируя данные рекрутских наборов, я считал, что важны две принципиальные вещи: насколько точно измеряли возраст и рост. Этому у меня посвящен специальный раздел. Я говорил, что рекрутов измеряли дважды: на приемном пункте, в своем селе или уезде, и когда его привозили на место в армию. Этот вопрос контролировался, что же касается возраста, то сложностей было больше, особенно в XVIII в. Иногда 20–30-летние рекруты хотели приписать себе возраст, чтобы не попасть в армию. Уклонисты были всегда, но врачей очень трудно обмануть. Существует ряд экспертиз, например по зубам, по некоторым другим параметрам,

которые позволяют уточнить возраст. В XVIII в. заставляли доставать документы – метрические книги, исповедные ведомости и т.д., где это выяснялось. Такие спорные случаи известны.

Я не могу сказать, что привел идеальные антропометрические данные. Их просто нет. Но антропометрические данные обладают тем преимуществом, что намеренно их нельзя фальсифицировать.

Вы говорите, что в рекруты в армию шли самые высокие. Это не совсем так. Конечно, был ценз, но были и желающие. Так как существовал ценз, то была возрастная категория людей, которая избегала службы в армии только потому, что они были низкого роста. На рынке крепостных людей, который существовал в XVIII–первой половине XIX в., цена человека зависела от роста, и это все понимали. И поэтому помещик всегда предпочитал отдать человека низкого роста, а не высокого. Здесь шла борьба интересов. Армия требовала одного – хотела высоких здоровых рекрутов, а сдатчики хотели сдать не слишком добротный “товар” по росту и по возрасту. Этому вопросу следует уделять внимание. Я много этим занимался и вижу здесь еще одну положительную вещь – что качество этих данных со временем повышалось от XVIII к первой половине XIX в., от первой половины XIX ко второй половине XIX и к XX в. А в советское время вообще не было ценза. Ростовый ценз был отменен, поэтому брали в армию (у меня есть данные по 70–80-м годам) людей ростом 1 м 47 см, 1 м 46 см, если они здоровы. Здесь никаких ограничений не было, поэтому не было обмана.

Совершенно справедливо, что рост и вся эта модель носят многофакторный характер.

Я обратил бы ваше внимание на улучшение или ухудшение биологического статуса, биологического уровня жизни. Я говорил, что есть высокая связь, высокая корреляция между общим уровнем жизни, между благосостоянием и биологическим статусом. Но это не функциональная связь и не связано на 100%.

Вот, например, такой факт. В Соединенных Штатах Америки и в западноевропейских странах во второй четверти XIX в. снижение роста у новобранцев происходило притом, что национальный доход на душу населения везде рос. Это было связано с тем, что доходы увеличились, но люди стали их тратить не на улучшение питания, а на другие вещи. Это, во-первых. Во-вторых, принципиально важно, какова структура питания, каков его состав. Если там мало белков животного происхождения, если там мало витаминов, нет микроэлементов, рост не будет достаточным, т.е. все генетические возможности человека не будут использованы.

Полноценное питание – это не только калории, это еще и состав пищи. И это очень существенно.

У нас в России, поскольку в XVIII–XIX вв. еще индустриального общества не было и уровень потребностей был ниже, связь между общим уровнем благосостояния и биологическим статусом намного теснее, чем в западноевропейских странах, поскольку у них уровень потребностей был совсем другой.

Зависел ли рост только от питания? Нет, конечно. Питание – это бензин, который нужен. А его можно было израсходовать совершенно по-разному. И от того, как расходуется этот “бензин”, в конечном итоге зависит рост.

О пигмеях и сенегальцах. Это вопрос интересный. Теперь выясняется, что в конечном итоге их рост зависит от питания. Питания и того, как энергия получалась и как она расходовалась.

Вот японцы, казалось бы, всегда были низкие. Но в последние послевоенные годы они выросли на 12–15 см, они почти приближаются сейчас к русским. Таким образом, все изменения роста в большей степени обусловлены факторами среды.

В.А. Кучкин:

– Мой вопрос несколько иной: зафиксировано ли, например, у пигмеев в связи с улучшением питания движение в росте, или, скажем, какие-то группы сенегальцев недоедают.

Б.Н. Миронов:

– Вот, что зафиксировано бесспорно. Если черных любого роста привозят в Америку, они там начинают жить так, что рост у них выравнивается с ростом белых людей. Когда их набирали в рабство, это было замечено. Рабов очень прилично кормили, и когда отменили рабство в Соединенных Штатах, то у них рост уменьшился, потому что, когда они стали свободными, они хуже стали питаться. Рабовладелец очень заботился о том, чтобы раб хорошо работал, а голодный человек хорошо работать не может, поэтому раб всегда получал мясо. Даже в то время, когда в Америке во второй четверти XIX в. рост белых людей снижался, рост рабов не уменьшился, потому что рабовладельцы, плантаторы их хорошо кормили.

Теперь вопрос о влиянии войн. Конечно, влияние войн огромно и снижение роста при Петре и при Екатерине, в первую очередь, связано было с тяжелейшими войнами, которые вела Россия. Здесь, с одной стороны, огромные рекрутские наборы, которые истощали рабочую силу, а с другой – это огромные средства, потому что война стоит больших денег. Поэтому первый займ Россия сделала в 1769 г., когда началась русско-турец-

кая война. Войны влияли и на благосостояние, и на питание, и на рост.

Второе. Действительно во время войны погибает цвет общества. С одной стороны, в армии, если действует ростовой ценз, должны быть люди выше среднего роста, а во-вторых, они должны быть выше среднего уровня по здоровью, потому что нездоровых в армию не брали. У меня были измерения среднего роста москвичей до войны и после войны – людей одного и того же года рождения. Рост уменьшился на 5 миллиметров! Я подумал, что неправильно посчитал. В армию во время войны взяли москвичей, и, конечно, более здоровые и более высокие погибли. Поэтому рост людей того же года рождения, которые пережили войну, был немного ниже и зависел от того, насколько тяжелой была война.

Ю.А. Поляков:

– Мы прослушали сообщение об изменении роста призывников за XVIII–XX вв. Доклад очень интересен и содержит много выводов и наблюдений. Он очень хорошо показал, как много можно выжать из такой, казалось бы, очень узкой темы, сделал ряд интересных выводов, наблюдений, и это полезно и важно для изучения нашей истории в целом. Но некоторые выводы слишком прямолинейны и, может быть, неточны.

Нужно учитывать весь комплекс обстоятельств, факторов, которые влияют на человека, а не строить все только на антропометрических данных, иначе мы можем прийти к односторонности и еще хуже – к антропометрическому фетишизму.

Трудно согласиться с Вашим утверждением о том, что этническая сторона не влияет на рост человека. Здесь уже приводились примеры. Но оспаривать то положение, что люди, живущие на севере Европы обладают более высоким ростом, чем, скажем, вьетнамцы, трудно. Это постоянный фактор, и сколько ни корми вьетнамца, он не дорастет до 1,9 м. Здесь и потребности другие.

По моим сведениям, в авиационной академии, где учились люди из других государств, легко было определить данные, сколько представители разных национальностей тратят на питание: больше всех съедали немцы – на 2 руб. 80 коп. Меньшую сумму тратили вьетнамцы – 36 коп. У них были деньги, они могли тратить больше, но у них не было потребности.

Прямо связывать изменение роста с питанием, мне кажется, не всегда возможно. Известно, что американцы питаются, как правило, хорошо, следят за своим здоровьем, но не растут! У них питание идет не впрок. Главная беда для американцев – ожире-

ние. Кроме того, они раздаются вширь. Меня удивили данные, что за столетие у мужчин таз стал шире на 6 см.

Поэтому этнические особенности есть. Это первое. А второе – связывать напрямую рост с питанием нужно очень осторожно. Известно, что у разных народов различен биологический цикл созревания. У многих народов мальчик в десять лет накидывает лассо на оленя, а русские дети, например, этого не могут, в отличие, скажем, от эвенков или ненцев. Биологические циклы у разных этносов различаются. Это, по-моему, доказанный факт.

Наконец, я хочу продолжить мысль о том, что много факторов влияет на рост человека, на рост призывников в том числе. Например, академик Спиринов выступил с рядом материалов, основанных на многолетних наблюдениях (это достаточно репрезентативные материалы), о том, что электрический свет, распространение электрического света в городах и деревнях оказало огромное влияние на организм молодых людей, в частности на рост. Он объяснял массовое распространение акселератов именно тем, что они значительно большую часть времени, чем раньше, проводят при свете. Это очень интересно и очень важно.

Думаю, что некоторые прямые Ваши выводы, например о Крымской войне, которая не затронула глубинку России, но сразу же повлияла на рост призывников, – такие выводы мне представляются прямолинейными. Но в общем, повторяю, это интересно, это важно, это показывает, как много можно выяснить при внимательном и глубоком изучении из разнообразных источников и материалов.

Ю.А. Тихонов:

За вторую половину прошлого века историки достигли замечательных успехов в изучении аграрного строя и крестьянства, но и поныне относительно уровня жизни крепостного крестьянства, скажем, XVIII столетия, многие вопросы остаются без ответа.

Поэтому выдвинутое докладчиком новое исследовательское направление заслуживает положительной оценки. Оно расширяет информативное поле историка, так как корпус известных источников не содержит прямых сведений по проблемам бюджета крестьянской, посадской или дворянской семьи. К примеру, мы не можем представить себе, отличалось ли благосостояние барщинного крестьянина от оброчного, какое было соотношение доходов и расходов в помещичьей семье и т.д.

Насколько испытывали люди возрастающий гнет государственных налогов, можно себе представить. Но эти данные очень неполны. В докладе сказано, что подушная подать при Петре вы-

звала уменьшение налогового бремени. Имеются в виду, прежде всего, денежные платежи. А если прибавить к этому многочисленные трудовые повинности, когда крестьян и посадских посылали на строительство в Петербург, в Таганрог, на каналы и т.д.?

Кто субсидировал отправку людей или перевозку военного имущества на многие сотни верст? Та же крестьянская община. Она оплачивала и продовольствие, и фураж лошадей. И если оставались в деревне женщины и дети крестьянина, то община их содержала. Вычислить денежные расходы на эти трудовые повинности по источникам невозможно. Может быть, увеличение возрастных показателей при преемниках Петра I и связано с резким уменьшением трудовых повинностей для крестьян и посадских. Надо это продумать.

Затем недостаточно учитываются на протяжении всего XVIII в. рекрутские повинности. Представление такое, что государство забирает новобранцев и оно же несет расходы в этом. Да ничего подобного! Та же крестьянская и посадская община оплачивала приобретение обуви, одежды, вплоть до галстука. И было нормой, что все чины и чиновники, и канцеляристы приемных комиссий получали обязательные подношения от обществ.

Поэтому в целом размер денежных платежей с душ мужского пола в XVIII в. установить невозможно. Но безошибочно можно считать, что опасность снизить этот размер историку не грозит. Можно только говорить, что мы что-то не учитываем.

Докладчик для определения биологического статуса рекрутов решил обратиться к показателям их роста за 1731–1799 гг. и пришел к исключительно важным положениям: в целом за XVIII в. произошло снижение роста на 12 мм. И главное – все это связано, за исключением кратковременных периодов повышения и снижения роста, с социальными процессами российского бытия. Среди них: безусловный рост налогов, многочисленные войны, реформаторская деятельность. Все оплачивалось крестьянами и посадскими.

И, наконец, перераспределение прибавочной стоимости между государством и помещиками – это очень важный факт. Если при Петре – пополам, то к концу века почти все забирают землевладельцы и чиновники.

Докладчик установил по своим данным, что самый низкий биологический статус оказался у помещичьих крестьян, и это объяснимо. Рост помещичьих поборов был обусловлен европеизацией дворянского быта и образа жизни. Достаточно вспомнить Останкино, Кусково, Архангельское. Общее понимание мы име-

ем, но это не дает представления о том, насколько снижался жизненный уровень податного населения, прежде всего помещичьих крестьян. И не случайно абсолютная монархия пошла на постепенное, а затем и окончательное освобождение дворян от обязательной пожизненной службы – потому, что они должны были обеспечивать покорность своих крестьян, а без этого рассыпалось бы и государство.

В докладе убедительно показано, что в основе выводов автора лежат факторы социального порядка, и если бы удалось привлечь демографические данные о помещичьих крестьянах, это подтвердило бы сделанные наблюдения. Что показывают расчеты? Мы считаем, что в помещичьей деревне детей было очень мало. На самом деле, дети до 14 лет, т.е. до взрослого работоспособного состояния, составляли почти половину населения помещичьей деревни. Другими словами, высокая рождаемость покрывала высочайшую смертность. Смертность была необыкновенно высока: детей примерно до 14 лет было в помещичьей деревне столько же, сколько с 15 до 65 лет. Или такой факт. Большинство дворов помещичьей деревни – это малая семья, т.е. один или два взрослых работника. Они составляли примерно 87 дворов на каждые 100, а двор, где только два работника, а то и один, одна или две лошади, это уже дохлая хозяйственная единица. Он не может обработать ни свой надел, ни помещичий.

Еще один фактор, который бы я подчеркнул. XVIII век – это становление и распространение барщинной системы хозяйства. Это настолько обрекало крестьян на крайне низкий уровень благосостояния, что трудно даже себе представить. Может быть (я выскажу крамольную мысль), не в целом крепостное право тормозило развитие и т.д., а барщинная система с крепостным правом. Барщина – вот что ставило развитие хозяйства в тупик! Исходя из этого, снижение роста рекрутов в течение всего XVIII в. не представляется сейчас случайным, и заслуга докладчика в том, что он убедительно обосновал это явление.

А.К. Соколов:

– Я хотел бы обратить внимание на одну особенность доклада, его экспериментальный характер. Он отличается необычайной новизной и необычным углом зрения. Но, для чистоты эксперимента и тех положений, которые в нем присутствуют, я бы хотел высказать одно пожелание.

Дело в том, что антропометрические измерения, которые осуществлялись относительно редко, со временем становятся все более и более объемными. Наряду с ростом измеряются и вес, и медицинские данные. Чтобы выводы были более основательны-

ми, то надо попытаться привлечь и другие данные о рекрутах, которые присутствуют в источниках.

П.Н. Зырянов:

– Мы заслушали очень интересный и яркий доклад на очень трудную тему. Доклад позволяет более зримо понять, когда людям жилось лучше, когда – хуже. И это докладчику в отношении XVIII–XIX вв. удалось. Не столь убедительно показан XX в. XX век докладе кажется очень сглаженным, но если подумать, этот век насыщен войнами не меньше, чем предыдущие века. Эти войны как небо и земля отличаются от предыдущих войн. Первая мировая война, гражданская война, Великая Отечественная война – это были катастрофические явления.

Во-вторых, автор в отношении XX в. берет только городское население. Но у нас в стране городское население сравнялось с сельским лишь в 60-х годах. Значит, данные за предыдущий период касаются меньшинства населения и только в последние годы они касаются большинства. Это обстоятельство нужно иметь в виду. Поэтому в отношении XX в. еще предстоит большая работа.

А.Н. Сахаров:

– Все выступавшие отметили очень большое значение доклада, его новаторский характер, новые подходы. Эта линия, которую сегодня и у нас в стране, и в мировом сообществе ученых возглавляет и осуществляет Борис Николаевич Миронов, является одной из самых перспективных, любопытных и интересных, является одним из новаторских направлений современной историографии. Доклад практически посвящен нетрадиционной истории – той нетрадиционной истории, о которой мы некоторое время тому назад еще не подозревали, к которой боялись прикоснуться, которая сегодня дает свои первые результаты и, естественно, будит ряд новых вопросов. Скажем, проблема физического роста людей. Встал вопрос, почему такие небольшие колебания. XVIII век: сплошные войны, идут рекрутские наборы, происходят катастрофы, а в целом, несмотря на колебания, изменения очень минимальны по сравнению, скажем, с прежними периодами. Во-вторых, на протяжении 280 лет неуклонно, несмотря ни на что – ни на Петра, ни на Гражданскую войну, ни на репрессии, показатель роста все-таки увеличился. Факт, который невозможно отрицать. А это значит, что человеческая цивилизация, в том числе и Россия, прогрессирует. А что такое “прогресс”? Прогресс – это прогресс личности, нормальная жизнь человека. Человек борется за жизнь всеми возможными способами. И проблема,

по-видимому, заключается еще в том, что кроме проблем, которые мы подняли, существует масса других потаенных источников, рассказывающих о существовании человека, когда люди в экстремальных условиях включают рычаги своей самозащиты. Рычаги включает семья, община, государство, страна – и, в конце концов, человечество. Включаются рычаги самозащиты, о которых мы порой даже не подозреваем, что и дает минимальные колебания, и по мере развития цивилизации, с ее технологически, культурными и прочими достижениями, приводят они к этому прогрессу, т.е. к такому состоянию, когда человеку становится жить лучше, легче, комфортнее. Дома растут, одежда улучшается и т.д. В связи с этим удивляет изобретательность человека, особенно русского человека и, может быть, десятикратно советского человека, который включает рычаги самозащиты, самообеспечения, о которых мы только догадываемся, в рамках которых мы существуем, жили, живем и будем жить. Об этом историкам тоже надо думать.

Применительно к прежним временам мы говорили о недоимках. Каждое царствование в XVIII в. начиналось с того, что государь – Екатерина I, Петр II – объявлял Манифест о ликвидации или уменьшении недоимок. Новое царствование – опять ликвидация недоимок. Следующее царствование – опять недоимки. Что такое недоимки? Это элементарный уход от налогов. И в тех районах, где были массовые недоимки по многим владениям, шла массовая аренда крестьянами помещичьих, монастырских и патриарших земель. Что это значит? От налогов ушли, деньги забрали и арендуют земли в своих интересах.

Надо вспомнить и такие вещи. В период Брежнева вся страна существовала на основе чейнджа. Чейндж – это услуга за услугу. Если ты мясник – отлично. Если ты продаешь билеты в Большой театр – великолепно. Мясо за билеты. Обмен идет по всем линиям. (Голос с места: “Ты – мне, я – тебе”.) Это и есть чейндж. Этим охвачена была вся страна.

Вот ответ на вопрос, почему при коллективизации, при репрессиях, ГУЛАГах и прочем идет рост населения и мы становимся выше, шире и т.д. Потому что кроме социальной политики, о чем говорил докладчик, включается еще и самосохранение человека, семьи, нации, государства и т.д. Причем заслуга государства заключается в том, что при всех ГУЛАГах оно дает возможность для этой самозащиты. Это факт, который тоже невозможно опустить. Или существовавшая в период Горбачева система бартера, которой тоже была охвачена вся страна – все республики, города и семьи и т.д.

Вот почему уровень жизни при всех катастрофах не так резко падает.

И сегодня или в 90-е годы нет ни одной организации, ни одного предпринимателя, которые не уходят от налоговой системы и покупают машины, квартиры и т.д. Конечно, часть людей, пенсионеры и прочие, не обладающие этими возможностями, испытывают трудности. Но в основном по всей стране люди ищут эти рычаги, как искали в XVII в., как искали в советское время, и сегодня ищут, и значит, будут расти “вширь” и в “высоту”. В этом нет никакого сомнения, потому что общий уровень комфортности, общий уровень цивилизации развивается, создает возможности для этого, полулегального, полукриминального бизнеса.

Это тот фактор, те потаенные пружины, о которых необходимо говорить.

Два небольших замечания касаются роста рекрутов. Вы ничего не сказали о некоторых реальных вещах. И раньше откупались от армии зажиточные люди, беднота шла в армию. И сегодня беднота в армию идет, а зажиточные откупаются. Что значит “зжиточные”? Это семьи, где люди питаются лучше, где люди выше ростом. Они обеспеченнее, живут комфортнее. Это общая система. Средние слои и выше – своих детей, по существу, выводят из армейской структуры. Так сейчас, так было и прежде, при советской власти: дети чиновников, дети высокопоставленных начальников – они все откупались. Конечно, тут корреляция совершенно необходима.

И замечание насчет бурлаков. В молодости я занимался бурлаками, у меня есть статья “Бурлаки на Волге”. Они питались не только водкой и хлебом. Первым в рационе у бурлаков было сало. (Из зала: “И рыба”.) Рыба, совершенно верно: вобла, уха. Пшеничная каша, ячменная каша с салом, и эта калорийная пища была основной, а водка – в качестве дополнения. Поэтому калории они получали не за счет водки, а за счет сильного калорийного питания. Предприниматели – владельцы мукомольных заводов-баржей – обеспечивали бурлакам такие возможности.

А что касается Вашего очень интересного тезиса насчет того, что рабов кормили хорошо, – это правильно, потому что, если раба не кормить, он работать не будет. Крепостных крестьян тоже кормили, поддерживали в известной степени. Если они горели, им помогали строиться, давали ссуды, лошадей. Это общая система, и за последнее время эта линия понимания взаимодействия помещичьего и крестьянского хозяйства на протяжении XVIII–XIX вв. тоже имеет право на жизнь.

Я хочу выразить благодарность Борису Николаевичу Мионову за доклад. Думаю, что это пробудит мысли разного рода – и творческие, и горестные. Предоставляю Вам слово для заключения.

Б.Н. Мионов:

– Я понял, что Вы поддерживаете это направление, сочувственно относитесь к исследованиям, которые в этом ключе сделаны.

Несколько слов в ответ на замечания.

Академик Ю.А. Поляков повторил вопросы и замечания, которые были сделаны до него.

Когда говорят об антропометрической истории, то главный источник – это именно рекрутские данные о русских новобранцах. В антропометрической истории рост и вес используются как главные показатели. И есть коэффициент, который связывает то и другое. Но вес стали учитывать очень поздно, в России – только в середине XIX в. для моряков. Я все это учитываю.

Поэтому, когда говорят об антропометрической истории, то главным образом имеется в виду динамика конечного роста человека, т.е. то, что дает нам рекрутский набор. Здесь нет никакой подмены. Антропометрическая история – это рост новобранцев. Измеряли еще преступников до того, как появилась фотография, для того, чтобы зафиксировать характерные данные человека, рост, цвет глаз и т.д. Других источников тут, к сожалению, нет.

Теперь об этнической стороне. Народы Юго-Восточной Азии низкого роста, потому что у них диета очень скромная, однообразная и маленькая. Они ели, по крайней мере до XX в., очень мало, когда же они стали есть нормально, как японцы, то у них рост стал быстро увеличиваться, они приближаются к европейцам.

Американцы едят много, но они не всегда были самыми высокими людьми. Сейчас у них средний рост стал меньше. Главным образом, влияет огромная миграция. Латиноамериканцев приезжает очень много, они имеют рост ниже. Поэтому средний рост американцев систематически уменьшается. Американцы свидетельствуют о том, что зависимость между ростом, весом и питанием есть.

Вся теоретическая часть проблемы разработана биологами человека, это большая наука, которая основана на точных данных, поэтому теоретические основы здесь непоколебимы. Другое дело – как мы это используем, как интерпретируем, как понимаем. Здесь приводили предположение, что освещение влияет на рост. Есть такое понятие, как ложная корреляция. Например, если посчитать корреляцию между выплавкой чугуна и ростом деревьев, можно вывести зависимость: деревья растут и выплавка чугуна все время увеличивается. Но это не значит, что выплавка чугуна влия-

ла на рост деревьев, или что рост деревьев влияет на выплавку чугуна. Существовали какие-то общие факторы. Для деревьев это были одни, которые способствовали росту деревьев, у чугуна это были другие. Точно так же и здесь. Освещение не само по себе влияет, оно связано с техническим прогрессом, технологическими изменениями для того, чтобы мы могли пользоваться электрическим освещением. Это пример ложной корреляции.

Я благодарю Ю.А. Тихонова за поддержку. Мне очень понравилось, что он увидел: антропометрические данные подтверждают его наблюдения и вообще наблюдения социально-экономических историков. В своем докладе я не опирался только на антропометристов. Моя интерпретация основана и на других данных: и на урожайности, и на войнах, и на налогах, и платежах, и финансах. То есть это комплексный подход. Результат мы видим, с одной стороны, через рост, а с другой – необходимо любые данные всегда проверять (скажем, рост, какие-то экономические данные) на всех возможных источниках, и тогда только мы можем получить объективные данные. У антропометристов междисциплинарный подход, и они стараются учесть все возможные подходы.

Поскольку я делал доклад на материалах за 300 лет, то мне нужно было взять такой показатель, который являлся показателем для всего этого периода, это очень важно. Но самое ценное – использование коэффициента, который устанавливает связь между ростом и весом. Это наилучший показатель для биологического статуса. Я считаю, что XX в. сейчас наименее разработан и по сложности, и по обилию источников, и по проработке. Это только подход к изучению процессов XX в.

Совершенно прав А.Н. Сахаров, определяющий эту проблему как нетрадиционную историю. Я считаю, что и в дальнейшем историческая наука будет развиваться таким образом, что будут находиться новые источники, новые необычные ракурсы, новые подходы, которые откроют нечто новое и существенное.

Ваше замечание о том, что богатые люди откупались от армии, правильное, и это должно было влиять.

Что касается бурлаков, то я не хотел сказать, что они только водку пили. Они ели очень много сала и хлеба. Но тогда, когда им нужно было в короткий момент подготовиться к работе (я об этом читал в мемуарах), срочно, сейчас, через минуту, вот тогда они водку употребляли. Конечно, одной водкой обойтись было нельзя.

Итак, большое спасибо за вопросы, замечания, за комментарии, для меня в высшей степени полезные. В моей будущей работе по этой теме все они будут учтены.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И ЭТНИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В XVIII–XX ВЕКАХ*

В XVIII–XX вв. на землях, включенных в XX в. в состав Чечено-Ингушетии, в численности, составе и размещении населения произошли большие изменения.

Этот регион на Северном Кавказе до середины XIX в. характеризовался общим невысоким уровнем воспроизводства населения и большим притоком мигрантов, преимущественно русских, из многих областей РФ. Лишь после окончательного включения этой территории в состав России в конце 60-х годов XIX в. здесь постепенно повышаются показатели естественного прироста. Приток новоселов остается очень высоким.

С XX в. Чечено-Ингушетия характеризуется уже высоким уровнем воспроизводства у чеченцев и ингушей и начавшимся оттоком отсюда русских и украинцев. В 70–80-е годы исход их отсюда постепенно приобретает массовый характер. Чеченцы и ингуши начинают интенсивно заселять не только равнинные районы Чечено-Ингушетии, но и смежные земли Северного Кавказа.

В 90-е годы у русских и украинцев в Чечено-Ингушетии смертность начала существенно превышать рождаемость. А массовый вынужденный их исход отсюда приводит фактически к исчезновению здесь сколько-нибудь значительного числа русских, украинцев и других нетитульных этносов.

Даже в 90-е годы у чеченцев и ингушей отмечается высокий естественный прирост. В 1989–1999 гг. численность чеченцев в России увеличилась с 899,0 до 1085,0 тыс. человек (за счет воспроизводства на 175,4 тыс.), а ингушей – с 205,1 до 261,8 тыс. человек (за счет воспроизводства на 44,1 тыс.). И все же постоянное население региона начало постепенно сокращаться (1989 г. – 1270,4 тыс., 1996 г. – 1168,4 тыс., 1999 г. – 1082,8 тыс. человек) за счет сильнейшего оттока жителей в другие регионы России и в соседнюю Грузию (см. табл. 3–4). В мирной Ингушетии населе-

* Доклад на заседании ученого совета ИРИ РАН 7 мая 2002 г.

ние продолжает увеличиваться и в последние годы (1996 г. – 299,7 тыс., 1999 г. – 314,9 тыс. человек). В Чечне же число постоянных жителей заметно сокращается (1996 г. – 865,1 тыс., 1999 г. – 767,9 тыс. человек). Наличное же население здесь уменьшилось очень заметно (в первую очередь за счет оттока чеченцев, в основном в Ингушетию, и массового исхода русских).

В XX в. отмечается заметный рост чеченской и ингушской этнической территории за счет усыхающей русской. До этого последняя здесь быстро расширялась благодаря казацкой и крестьянской колонизации. Уже к середине XVIII в. она достигла р. Терек. Между Терекком и его притоком – Сунжей – также, но уже совместно с чеченцами и ингушами, поселяется много русских и украинцев. И такое состояние сохраняется до 60-х годов XX в., когда основная часть бывших казацких земель вошла в состав Чечено-Ингушетии. И началось быстрое заселение их чеченцами и ингушами и отток отсюда русских и украинцев. В 70–80-е годы значительное русское население сохраняется лишь в Гудермесском, Наурском, Сунженском и Шелковском районах. Абсолютное же большинство русские удерживают только в г. Грозном. И хотя такая же тенденция четко прослеживается и во всех других субъектах РФ на Северном Кавказе, тут она проявилась наиболее отчетливо. А в 90-е годы русское население в Чечне почти исчезает.

* * *

Целью нашей работы является установление численности, национального состава и ареалов расселения жителей Чечено-Ингушетии с XVIII в. до наших дней. Историография проблемы обширна. Однако в большинстве исследований не уделяется достаточного внимания демографической проблематике. И уже совсем мало места отводится процессу формирования и динамике этнических границ и процессу национального размежевания. Во второй половине XIX в. о численности и расселении жителей Чечни писал А.П. Берже¹. О заселении казаками притеречных районов региона в XVIII–первой трети XIX в. говорил П.Г. Бутков, а о создании на Северном Кавказе Терской области и расселении здесь Терского казачьего войска в 60-е годы XIX в. – Н. Воронов². Отдельные аспекты этнической статистики региона в XVIII–XIX вв. освещены в трудах Н.П. Гриценко³, а также в очерках по истории Чечено-Ингушетии и в обзорной работе о народах Кавказа⁴. Заметное место этнодемографическим вопросам на Северном Кавказе уделено также в работе В.М. Кабузана⁵. Здесь определяется этнический состав жителей всего северного Кавказа с рубе-

жа XIX в. по 1989 г. Однако в исследовании не анализируется достаточно подробно, как изменялись этнический состав и этнические границы Чечено-Ингушетии, не рассматривается, насколько оказались правомочны созданные здесь политические границы с момента возникновения этого образования в 20-е годы XX в. и позже, в результате изменения его границ во второй половине 50-х годов XX в.

Кроме того, в работе не представлен особенно ценный период 90-х годов XX в. Именно это и определило необходимость продолжения начатого ранее исследования.

Для освещения темы сохранились архивные источники. Это, во-первых, результаты ревизского учета за 1762 г. (III ревизия) и за 1858 г. (X ревизия). Во-вторых, это данные текущего полицейского учета XIX–начала XX в. В-третьих, это материалы научно-организованных переписей жителей 1897–1989 гг. И, наконец, в-четвертых, это данные церковного учета о воспроизводстве населения страны до 20-х годов XX в. и текущего учета за более позднее время. Кроме того, для XVIII–XIX вв. немалый интерес представляют результаты ведомственного учета казаков Северного Кавказа⁶.

Нельзя также не остановиться на характеристике данных о населении Северного Кавказа в 90-е годы XX в. после проведения в стране последней переписи 1989 г.

Текущий учет населения России Госкомстатом РФ содержит данные о жителях региона на 1.I 1996 и 1.I 1999г.⁷, а также сведения об этническом составе населения всей России на начало 1999 г. В последнем случае была предпринята попытка определить хотя бы примерно численность и этнический состав жителей России и установить роль факторов воспроизводства и механического движения в этом процессе с 1989 по начало 1999 г. Кроме того, нельзя не отметить специального подсчета населения Чечни на середину 2000 г.⁸

* * *

В начале XVIII в. в горных районах нынешней Чечни и Ингушетии проживало сравнительно немногочисленное чеченское и ингушское население, а на равнине, в притеречных землях, весьма еще малочисленное – русское. Русские казаки появились на Тереке еще в XVI в. В начале XVIII в. их станицы находились уже на правом берегу Терека. В 1712 г. они были переведены на левый его берег, где и возникло пять станиц. В начале 20-х годов XVIII в. здесь проживали Терское и Гребенское казачьи войска, состоящие в ведении Военной коллегии. Официально поселения

на этой территории были “утверждены” как особые казачьи станции в середине 30-х годов XVIII в. (Каргалинская – в 1735 г., Курдюковская – в 1735 г., Старогладковская – в 1735 г., Дубовская – в 1736 г., Бороздинская – в 1736 г.). Абсолютная численность русского казачьего населения в начале XVIII в. на землях будущей Чечено-Ингушетии достигала 2,3 тыс. человек, состоящих на службе, или около 5 тыс. человек обоого пола⁹.

Количество чеченцев в начале XVIII в. достигало примерно 60,0 тыс. человек, а ингушей – 6,0 тыс. человек, если исходить из того, что общий прирост жителей у них в XVIII в. был таким, как у всего населения Российской империи между I и X ревизиями (с 1719 по 1858 г.)¹⁰. А на рубеже XIX в. на всем Северном Кавказе проживало 1262,2 тыс. человек, среди которых оказалось 118 тыс. чеченцев и 11,1 тыс. ингушей¹¹. Русское же казачье население составило на землях Чечено-Ингушетии в 20-е годы XVIII в. примерно 5 тыс., в 80-е годы – 5,1 тыс., в начале XIX в. – 16,6 тыс. человек (см. табл. 1). Таким образом, в начале XVIII в. чеченцы достигали 84,5% (60 тыс. человек), ингуши – 8,5 (6,0 тыс.), а русские – 7,0% (5,0 тыс. человек) всего населения региона. На рубеже XIX в. (см. табл. 2) доля чеченцев понизилась до 81,0% (118 тыс. человек), ингушей – до 7,6 (11,1 тыс.), а русских – повысилась до 11,4% (16,6 тыс. человек)¹². Удельный вес русских рос в основном благодаря усилившемуся притоку на Терек русских казаков. В 1770 г. был учрежден Моздокский полк из 517 семей волжских казаков, которые расселились по Тереку выше впадения в него р. Сунжи на протяжении 70 верст¹³. В 1788 г. в Моздокский полк было перечислено 200 семей донских казаков. Табл. 2 показывает, что в 60-е годы XIX в. переселенцы, основавшие Моздокский полк, размещались уже в Моздокском и отделившемся от него Гребенском полках¹⁴.

Из табл. 2 видно, что в течение первой половины XIX в. (между 1795 и 1858 гг.) население Чечено-Ингушетии увеличилось на 72,8% (со 145,7 до 260,4 тыс. человек). Численность чеченцев (с учетом проживающих в отошедшем к Дагестану Хасав-Юртовском округе) увеличилась со 118 до 190 тыс. человек, хотя их удельный вес и понизился с 81 до 73%. Зато одновременно растет численность и доля ингушей (с 11,1 до 28 тыс. человек, или с 6,7 до 10,8%) и русских (с 16,6 до 42,4 тыс. человек, или с 11,4 до 16,2%).

Русское казачье население в основном увеличилось за счет переселений. Именно в эти годы возникают Первый Сунженский полк, Второй Сунженский полк и ряд станций Гребенского полка. В 1816 г. пограничная с Чечней и Ингушетией военная линия пе-

реносится с Терека на Сунжу (были построены укрепления Преградный Стан и Назрань). Тогда же была заложена крепость Грозная, преобразованная в 1839 г. в станицу Грозненскую. С 1845 г. начинается заселение казаками Сунженской линии и возникают станицы: Слепцовская (1845), Троицкая (1846), Михайловская (1847), Ассиновская (1847), Магомет-Юртовская (1847), Карабулакская (1859) и Нестеровская (1861). В 1851 г. здесь проживало уже 9,8 тыс. казаков.

Во втором Сунженском полку в 50-е годы появляются семь новых станиц: Алхан-Юртовская (1851), Закань-Юртовская (1853), Самашкинская (1851), Петропавловская (1857), Горячеводская (1857), Джалкинская (1860) и Умахан-Юртовская (1860).

К 1866 г. на равнинной части нынешней Чечено-Ингушетии проживала уже почти 61 тыс. человек казаков с семьями. К 1865 г. численность (до 143,6 тыс. человек) и доля (62,8%) чеченцев в регионе заметно понизилась, что было обусловлено исходом части их из России в Турцию и усилившейся русской колонизацией. Понижается и удельный вес (с 10,8 до 10,7, или с 28 до 24,4 тыс. человек). А русское (с примесью украинского) население достигает к 1866 г. 26,5% (60,6 тыс. человек).

Осваивая междуречье Терека и Сунжи, русские вошли в непосредственное соприкосновение с чеченцами и ингушами. Об этом свидетельствует и название большинства новых казачьих станиц, возникших с 40-х годов XIX в. Население здесь было уже смешанным, хотя чеченцы, ингуши и русские проживали рядом в своих селениях. Из табл. 2 видно, что к концу XIX в. в Чечено-Ингушетии (с чеченской частью Хасав-Юртовского округа) чеченцы достигали 57,6% всего населения (223,3 тыс. человек), ингуши – 11,9 (46,2 тыс.), а русские с украинцами – 30,5% (118,4 тыс. человек). Все эти этносы размещались в пределах своих этнических территорий: русские – на равнине до р. Терек с переходом на его правую сторону; ингуши – в Назрановском и Сунженском округах, а чеченцы – в Грозненском (кроме Грозного, где доминировали русские), Веденском и чеченской части Хасав-Юртовского округов.

За рубежами Чечено-Ингушетии чеченцы обитали в Грузии, в основном в Тионетском и Душетском округах Тифлисской губернии с 40-х годов XIX в. (50-е годы XIX в. – 2,5 тыс., 1865 г. – 3,1 тыс. и 1897 г. – 2,3 тыс. человек) и в очень небольшом числе в Азербайджане. Что касается ингушей, то они частично размещались на территории современной Осетии.

В советское время (в 20–80-е годы XIX в.) земли преобладающего проживания чеченцев и ингушей расширяются, в первую

очередь за счет русских. Как видно из табл. 3, с 1926 по 1989 гг. численность чеченцев в СССР увеличилась в 3 раза (с 319 до 957 тыс. человек). Подавляющая их часть размещалась в границах РСФСР, где в 20-е годы возникли Чеченская и Ингушская АССР (с 1922 г.). В 1924 г. они объединились в единую Чечено-Ингушскую автономную область, которая в 1936 г. была переименована в Чечено-Ингушскую АССР. В 1944 г. она была расформирована, а чеченцы и ингуши депортированы в Казахстан. На этих землях с присоединением части Ставропольского края возникла Грозненская область. После реабилитации чеченцев и ингушей Чечено-Ингушская АССР по указу 9 января 1957 г. была восстановлена с сохранением в ее составе Наурского и Шелковского районов, некогда входивших в состав Ставрополья.

Численность чеченцев в СССР с 1926 по 1989 г. увеличилась в 3 раза (с 319,0 до 956,9 тыс. человек), а ингушей – более чем в 3 раза (с 74,1 до 237,4 тыс. человек), в том числе в РСФСР – почти в 3 раза (с 72,0 до 215,1 тыс. человек). А в Чечено-Ингушетии их число возросло в 3,5 раза (с 48,3 до 163,8 тыс. человек). Количество же русских (с украинцами) в эти годы лишь удвоилось (со 148,1 до 305,4 тыс. человек). Собственно в Чечено-Ингушетии удельный вес чеченцев в эти годы повысился с 50,6 до 57,8%, а к 2000 г. – до 73,7% (см. табл. 3–4). Доля ингушей выросла с 9,0 до 12,9%, а в 2000 г. – до 21,0%. А у русских (с украинцами) она упала с 27,5 до 24,2% (в 2000 г. – до 5,0%).

В 20–30-е годы этнодемографическая ситуация в регионе менялась еще не в пользу титульных этносов. Доля чеченцев в 1926–1939 г. не изменилась (равнялась 50,6%), ингушей – снизилась с 9,0 до 7,8%, а прочих этносов – с 12,9 до 5,4%. А вот у русских (с украинцами) она в эти годы даже повышается (с 27,5 до 36,2%). Это было обусловлено в первую очередь притоком сюда новых мигрантов из других регионов страны.

Табл. 3 показывает, что национально-территориальное размежевание в 20–50-х годах XX в. не привело к созданию в Чечено-Ингушетии (как и на всем Северном Кавказе) моноэтнических государственных образований. Чеченцы потеряли (в пользу Дагестана) часть своей этнической территории, занимающей запад Хасав-Юртовского округа бывшей Терской области.

Ингуши также лишились части своей земли (кусок Пригородного района, отошедшего к Северной Осетии). И одновременно Чечено-Ингушетия получила обширные русские земли бывших терских казаков по обе стороны р. Терека (Наурский и Шелковский районы).

В Дагестане в 1926 г. проживало 23,3 тыс., в 1939 г. – 27,7 тыс., в 1939 г. – 57,9 тыс. чеченцев.

Ингуши достигали в Северной Осетии в 1926 г. – 23,7 тыс., в 1939 г. – 33,5 тыс. и в 1989 г. – 32,8 тыс. человек. Небольшое число чеченцев – кистинцев (1939 г. – около 3 тыс. человек) размещалось в Грузии.

В феврале 1944 г. все чеченцы и ингуши были депортированы в Казахстан и в очень небольшом числе в Киргизию и Узбекистан. Всего на новые места прибыло 362,3 тыс. чеченцев и 134,2 тыс. ингушей, а вместе – 496,5 тыс. человек. Это составило 99,9% от числа этих этносов по переписи 1939 г. (497,1 тыс.)¹⁵. Смертность среди спецпоселенцев оказалась огромной. До 1 октября 1948 г. у всех сосланных “северо-кавказцев” родилось 28 120 человек, а умерло – 146 892 человека. По состоянию на 1 января 1953 г. было учтено 400,2 тыс. человек чеченцев (316,7 тыс.) и ингушей (83,5 тыс.). Это составило 80,5% от их общего числа в 1939 г. Подавляющая часть чеченцев и ингушей была направлена в Казахстан. Перепись 1939 г. зарегистрировала здесь только 3 тыс. чеченцев, которые поселились в основном в Джамбульской (1,1 тыс.) и Гурьевской (0,4 тыс.) областях. А ингушей здесь было учтено лишь 0,3 тыс. чел. (см. табл. 3). На 1.I 1953 г. в Казахстане было зарегистрировано 244 674 чеченца и 80 844 ингуша. В Киргизии тогда оказалось 71 238 чеченцев и 2334 ингуша. Очень малое их число оказалось в РСФСР (соответственно 537 и 143 человека), Узбекистане (180 и 167) и Таджикистане (69 и 15 человек).

В январе 1957 г. Чечено-Ингушская АССР была восстановлена. Перепись 1959 г. показала, что в СССР абсолютное число чеченцев с 1939 по 1959 г. увеличилось с 408,0 до 418,8 тыс., а ингушей – с 92,1 до 106,0 тыс. человек (см. табл. 4). Перепись 1959 г. показала, что возвращение этих народов в свою республику к 1959 г. еще далеко не завершилось. В РСФСР с 1939 по 1959 г. число чеченцев уменьшилось с 400,3 до 291,3 тыс. человек, а ингушей – с 91,0 до 55,8 тыс. человек. В самой Чечено-Ингушетии в 1939 г. было учтено чеченцев 368,1 тыс., а в 1959 г. – 244,0 тыс. человек, а ингушей соответственно 56,5 и 48,3 тыс. человек.

В Северной Осетии ингушей оказалось в 1939 г. – 33,5 тыс., а в 1959 г. – 6,1 тыс. человек, в Дагестане чеченцев в 1959 г. – 27,7 тыс., а в 1959 г. – 12,8 тыс. человек.

В Казахстане в начале 50-х годов численность чеченцев (316,7 тыс.) и ингушей (83,5 тыс.) составила 400 тыс. человек. Перепись 1959 г. зарегистрировала их здесь только 200 тыс. (143 тыс. чеченцев и 50 тыс. ингушей). Это значит, что в

1957–1958 гг. Казахстан успело покинуть около половины проживающих там чеченцев и ингушей. Оставшиеся были разбросаны по многим областям этой республики (см. табл. 5–6). Основная их часть была зарегистрирована в Восточно-Казахстанской (17,7 тыс. чеченцев), Карагандинской (20,6 тыс. чеченцев и 5,0 тыс. ингушей), Джамбульской (14,8 тыс. чеченцев и 1,4 тыс. ингушей), Алма-Атинской (37,7 тыс. чеченцев и 9,3 тыс. ингушей) и Семипалатинской (19,2 тыс. чеченцев) областях.

Табл. 6 приводит районы областей Казахстана, где по переписи 1959 г. было учтено максимальное число чеченцев и ингушей.

Как видно из табл. 3 и 5, в Казахстане после 1959 г. численность чеченцев и ингушей продолжала сокращаться (1970 г. – чеченцев 34,5 тыс. и ингушей – 18,4 тыс.; в 1989 г. – соответственно 49,1 и 19,5 тыс.; в 1999 г. – 31,8 и 16,9 тыс. человек).

Из табл. 5 следует, что в 60–90-е годы основное чеченское и ингушское население сохранилось в Казахстане в Алма-Атинской, Акмолинской, Карагандинской, Гурьевской, Чимкентской и Джамбульской областях. Небольшая его часть проживает в Грузии.

В границах же современной России кроме Чечено-Ингушетии основная часть чеченцев и ингушей зарегистрирована в Дагестане (чеченцы) и Северной Осетии (ингуши). Кроме того, значительное число преимущественно чеченцев расселилась в южных областях России. В Ставропольском крае по переписи 1989 г. было учтено 15 тыс. чеченцев и 1,2 тыс. ингушей, в Ростовской области – соответственно 17,2 и 1,2 тыс., в Волгоградской области – чеченцев 11,1 тыс., в Калмыкии – чеченцев 8,3 тыс., в Астраханской области – чеченцев 7,9 тыс. и т.д. Ныне их там, бесспорно, стало значительно больше.

После переписи 1959 г. в Чечено-Ингушетии прослеживается по всем ее районам быстрое понижение удельного веса (1959 г. – 50,9%; 1970 г. – 35,7, 1979 г. – 30,1, 1989 г. – 24,1, 2000 г. – 5,0%), а после 1970 г. – и абсолютной численности русских (с украинцами). В 1970 г. их численность достигала здесь 379,7 тыс., в 1979 г. – 348,0 тыс., в 1989 г. – 306,4 тыс. человек. К 2000 г. русских в Чечено-Ингушетии осталось совсем немного. Это было обусловлено как отрицательным уровнем воспроизводства, так и прямым переселением за пределы региона¹⁶. Ныне в Чечено-Ингушетии русских осталось не более 63 тыс. (5%).

Табл. 7 показывает, как по отдельным районам Чечено-Ингушетии в 1959–1989 гг. изменились численность и удельный вес чеченцев и русских. В 1959 г. чеченцы составляли здесь 34,9%, в 1989 г. – 57,8%, а русские соответственно 49,1 и 23,1% всех жителей.

В 1959 г. русские еще абсолютно доминировали в Наурском районе (83,2% всех жителей, а в 1926 г. они составляли здесь 89,7%), в г. Грозном (78,1%), в районах Гудермесском (58,9%), Малгобекском (56,2%), Сунженском (72,7%) и Шелковском (71,5%). Относительно они преобладали в Грозненском районе (45,8%).

Чеченцы составляли большинство жителей в Веденском (93,8%), Нажай-Юртовском (96,3%), Шатойском (77,6%), Урус-Мортановском (87,6%), Шалинском (89,8%), Надтеречном (70,9%) и Ачхой-Мортановском (70,9%) районах. Таким образом, в 1959 г. в регионе сохраняется присущая XVIII–середине XX в. ситуация, когда русские доминировали в северных, равнинных районах и в г. Грозном, а чеченцы – в центральных и южных горных районах.

К 1989 г. картина изменяется радикальным образом. Русские сохраняют небольшое преобладание в г. Грозном (52,9%, чеченцы – 30,6%). В Малгобекском, Назрановском и Сунженском районах доминировали ингуши. В других районах чеченцы стали абсолютно господствующим этносом. Особенно отчетливо эта тенденция прослеживается в Урус-Мортановском (99,1%), Нажай-Юртовском (99,4%), Веденском (97,3%), Шалинском (96,2%), Ачхой-Мортановском (95,8%) и Надтеречном (94,4%) районах.

Значительное число русских сохраняется в некоторых равнинных районах: в Наурском (35,8%), Шелковском (31,9%) и Сунженском (31,5%).

Таким образом, в Чечне русский этнос в 50-80-е годы фактически потерял все свои этнические земли, которые сформировались здесь в XVI–XIX вв. и продолжали существовать до 80-х годов XX в.

Русский этнос продолжает терять свою этническую территорию на всем Северном Кавказе. Национальное размежевание 20–50-х годов XX в., которое не ориентировалось в должной мере на совмещение этнических и политических границ в процессе формирования новых национальных государственных образований, также в немалой мере способствовало потере русскими многих своих земель.

В Чечено-Ингушетии этот процесс привел к особенно ощутимым результатам. По своим масштабам его можно на просторах бывшего СССР сравнивать только с Казахстаном. Здесь русская этническая территория занимала огромные пространства (в первую очередь из-за включения в состав этого государственного образования многих чисто русских земель в 1921 г.), которые она в этническом отношении потеряла уже в 90-е годы XX в. (в 1989 г. в Казахстане русских было 6,1 млн человек, или 37,4%

всех жителей, а в 1999 г. только 4,5 млн, или 30%). Аналогичная ситуация ожидает нас и на землях, отданных Украине.

Сейчас даже невозможно представить, какие из своих земель удастся сохранить русскому этносу на просторах бывшего СССР, да и собственно России. Со стороны официальных властей отсутствуют какие-либо реальные меры по защите прав русских как собственно в России, так и за ее пределами. Мы видим, как соблюдаются интересы почти 300 тыс. русских беженцев, покинувших в последние годы Чечено-Ингушетию, почти 2 млн русских, выехавших из Казахстана в Россию и т.д. И в этих условиях нельзя не признать крайне аморальными новые миграционные законы наших властей, которые с 2002 г., по существу, лишили русских (и тем более русскоязычных) жителей даже права беспрепятственно вернуться на свою историческую родину.

И это совершается в условиях, когда в 1991 г. в ходе распада СССР, огромные по площади русские этнические территории были услужливо подарены нашим соседям (включая сюда и ряд национальных субъектов РФ). Благодаря этому, мы сразу же лишились более 30 млн наших соотечественников. И при этом в условиях победившей “демократии” у них никто даже не удосужился хотя бы спросить, в составе какого государства они хотели бы жить? А их высказанное ранее желание проживать в составе одного государства было легкомысленно предано забвению в угоду мелкособственническим интересам различных узконационалистических группировок. И теперь ясно лишь одно. Русский этнос, потерявший в результате распада СССР многие свои этнические территории в политическом отношении, также быстро теряет (и уже в значительной мере потерял) их в этническом отношении. А ведь это были земли, с таким трудом приобретенные и заселенные в XVI–XIX вв., причем очень часто осваивались фактически пустые неосвоенные территории, где русские абсолютно доминировали вплоть до 90-х годов XX в., а кое-где преобладают еще и ныне. В конечном счете нам, по-видимому, оставят лишь то, на что не польстятся наши более удачные, бесцеремонные и дальнзоркие соседи.

¹ Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

² Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках: Этно-статистическое исследование. СПб., 1996. С. 6–14.

³ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII–первой половине XIX в. Грозный, 1961; *Он же*. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900). Грозный, 1963.

- ⁴ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967–1972. Т. 1–2; Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1.
- ⁵ Кабузан В.М. Указ. соч.
- ⁶ Там же. С. 14–32.
- ⁷ Малый атлас России. М., 1997. С. 110–111; Географический атлас России. М., 1998. С. 108–109; География России: Энциклопедия. М., 1998. С. 207, 659.
- ⁸ Богоявленский Д. Этнический состав населения России, 1999 // Население и общество. 1999. Ноябрь, № 41. С. 1–4; Триер Т. В Чечне сейчас мальчиков рождается больше, чем девочек // Известия. 2000. 2 дек., № 228 (25820). С. 2.
- ⁹ Леберх Г. Разделение и число народа в последних годах царствования Петра Великого // Статистический журнал. СПб., 1806. Т 1, ч. 2. С. 138–149; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., Б.г. Кн. 4, т. XVIII, ч. III. С. 774; Очерки истории СССР. Период феодализма. Народы России в первой половине XVIII в. М., 1957. С. 739, 750, 751.
- ¹⁰ Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989): Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 295–296.
- ¹¹ Кабузан В.М. Население Северного Кавказа... С. 145.
- ¹² В данном случае мы рассматриваем всю этническую территорию чеченцев с землями будущего Хасав-Юртовского уезда, отошедшего к Дагестану в 20-е годы XX в. Небольшая чеченская территория, которая сформировалась в Грузии в Тионетском уезде (здесь поселились кистинцы) не принимается во внимание. Кистинцы прибыли туда лишь в 40-е годы XIX в. и их численность была невелика (см.: Брук С.И. Население Мира: Этнодемократический справочник. 2-изд. М., 1986. С. 166).
- ¹³ ПСЗ-І. Т. XIX. № 13404 от 22 января 1880 г. С. 5–8.
- ¹⁴ Воронов Н. Статистические данные о Терском казачьем войске // Кавказский календарь на 1867 г. Тифлис, 1866. С. 372–374.
- ¹⁵ Земсков В.Н. Депортация населения. Спецпоселенцы и ссыльные. Заключенные // Население России в XX в.: Исторические очерки. М., 2001. Т. 2: 1940–1959 гг. С. 169–175.
- ¹⁶ В июле 2000 г. русские составили в Чечне лишь 1,3% (около 9,4 тыс. человек), а чеченцы 97,3%. Ингушей здесь оставалось лишь 0,5 тыс. человек, тогда как в лагерях беженцев в Ингушетии было учтено 15 тыс. ингушей, ранее живших на территории Чечни, см.: Триер Т. Указ. соч. С. 2.

Таблица 1

Русское казачье население на территории Чечено-Ингушетии в XVIII–60-х годах XIX в. Границы полков 60-х годов XIX в. * (тыс. человек)

Полки и станицы	Год заселения	20-е годы XVIII в.	80-е годы XVIII в.	Начало XIX в.	1857 г.	1865 г.
1	2	3	4	5	6	7
Второй						
Владикавказский полк:						
Камбилеевская	1859	–	–	–	–	1780
Сунженская	1859	–	–	–	–	2248
Галашевская	1860	–	–	–	–	894
Алкуновская	1860	–	–	–	–	715
Терская	1861	–	–	–	–	1179
Фельдмаршальская	1861	–	–	–	–	784
Аки-Юртовская	1861	–	–	–	–	521
Итого	–	–	–	–	–	7337
Моздокский:						
Луковская	1770	–	173	517	978	1898
Горская	1770	–	–	–	833	961
Ищерская	1770	–	399	2233	1151	2288
Наурская	1770	–	802	2603	3294	3514
Мекенская	1771	–	325	1152	1797	2036
Итого	–	–	1699	5504	6173	10197
Гребенской**:						
Калиновская	1772	–	347	1737	3176	4052
Николаевская	1848	–	–	–	1476	1233
Червленая	1781	–	513	2962	3644	3963
Щедринская	1782	–	428	971	1867	2070
Шелкозаводская	1818	–	–	–	622	606
Новогладковская	1787	–	188	709	2250	1299
Итого	–	–	1476	6379	13075	13223
Кизлярский:						
Старогладковская	1735	–	281	859	1100	1270
Курдюковская	1735	–	325	708	179	756
Каргалинская	1736	–	502	1158	1421	1493
Дубовская	1736	–	314	831	998	1103
Бороздинская	1736	–	214	419	882	900
Александровская	1855	–	325	708	179	401
Итого	–	–	1961	4683	5887	5923
Первый Сунженский:						
Слепцовская	1845	–	–	–	3016	2715
Троицкая	1846	–	–	–	2097	2008
Михайловская	1847	–	–	–	1665	1655
Ассиновская	1847	–	–	–	1638	1815
Магомет-Юртовская	1847	–	–	–	1385	1779
Карабулакская	1859	–	–	–	–	1367
Нестеровская	1861	–	–	–	–	857
Итого	–	–	–	–	9801	12189

Таблица 1 (окончание)

1	2	3	4	5	6	7
Второй Сунженский:						
Грозненская	1839	–	–	–	1254	1277
Алхан-Юртовская	1851	–	–	–	3012	2515
Закань-Юртовская	1853	–	–	–	1613	1675
Самашкинская	1851	–	–	–	1610	1805
Петропавловская	1857	–	–	–	–	1531
Горячеводская	1857	–	–	–	–	382
Джалкинская	1860	–	–	–	–	366
Умахан-Юртовская	1860	–	–	–	–	1422
Итого	–	–	–	–	7489	10944
Всего	–	5000	5136	16566	42425	60603

* Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., Б.г. Кн. 4, т. XVIII, ч. III. С. 774; Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX вв.: Этностатистическое исследование. СПб., 1996. С. 141–142, 166–167, 183–188; Воронов Н. Статистические данные о Терском казачьем войске // Кавказский календарь на 1867 г. Тифлис, 1866. С. 354–369.

** Без станиц Стодеревской и Галюгаевской, которые ныне входят в состав Ставропольского края.

Таблица 2

Численность и этнический состав населения Чечено-Ингушетии в XIX в. (тыс. человек и %)*

Народы	1795 г.	1834 г.	1858 г.	1865 г.	1897 г.
Чеченцев**	118,0	190,0	190,0	143,6	223,3
%	81,0	73,6	73,0	62,8	57,6
Ингушей	11,1	28,0	28,0	24,4	46,2
%	7,6	10,9	10,8	10,7	11,9
Русских и украинцев	16,6	40,0	42,4	60,6	118,4
%	11,4	15,5	16,4	26,5	30,5
Всего (100%)	145,7	258,0	260,4	228,6	387,9
Сверх того					
Чеченцев в Грузии***	–	–	2,5	3,1	2,3
Азербайджане	–	–	–	–	0,8
Кубанской области	–	–	–	–	0,1
Ингушей в Осетии	–	–	–	–	1,3
Итого	–	–	262,9	231,7	392,4

* Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX вв.: Этностатистическое исследование. СПб., 1996. С. 145.

** С чеченцами Хасав-Юртовского округа, отошедшего с 20-х годов XX в. к Дагестану. В 1897 г. здесь проживало 18,1 тыс. чеченцев, в 1867 г. – 7,0 тыс., с 1858 г. – не менее 7 тыс. человек.

*** По исчислению 1873 г. в Грузии в Тионетском и Душетском уездах проживало 3,1 тыс., а в 1894 г. – 3,4 тыс. чеченцев (см.: Кавказский календарь на 1894 г. Тифлис, 1893. С. 22). В 1858 г. их тут было 2,5 тыс., а до 40-х годов XIX в. не было вовсе (см.: Брук С.И. Население Мира: Этнодемографический справочник. 2-е изд. М., 1986. С. 166).

Таблица 3

Динамика численности и размещения чеченцев и ингушей в СССР, РСФСР, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Казахстане, Грузии и Дагестане в 20–90-е годы XX в. *, тыс. человек

Регионы, этносы	1926 г.	1939 г.	1959г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999–2000****
СССР							
чеченцев	319,0	408,0	418,8	612,7	755,8	956,9	...
ингушей	74,1	92,1	106,0	157,6	186,2	237,4	...
РСФСР							
чеченцев	296,3	400,3	261,3	572,2	712,2	899,0	1085,0
ингушей	72,0	91,6	55,8	137,4	166,0	215,1	261,8
Чечено-Ингушетия							
чеченцев	273,0	368,1	248,3	509,0	611,4	734,5	918,0
ингушей	48,3	56,5	48,3	134,0	134,7	163,8	261,8
Северная Осетия							
чеченцев	–	1,0	–	–	–	–	–
ингушей	23,7	33,5	6,1	18,0	23,7	32,8	...
Казахстан**							
чеченцев	–	3,0	142,9	34,5	28,3	49,1	31,8
ингушей	–	0,3	48,3	18,4	18,7	19,5	16,9
Грузия***							
чеченцев	...	2,8	7,5
ингушей	...	0,1
Дагестан							
чеченцев	23,3	27,7	12,8	40,0	49,2	57,9	...
ингушей	–	0,1	–	–	–	–	–

* Кабузан В.М. Население Северного Кавказа... С. 145.

** По переписи в Казахстане в 1999 г. было учтено 31,8 тыс. чеченцев и 16,9 тыс. ингушей (см.: Алексеев А. Казахстан в зеркале переписей населения // Население и общество. 2000. Август, № 47. С. 3.

*** По Грузии в материалах переписей после 1939 г. не выделены чеченцы. Лишь в 1999 г. их учтено здесь 7,5 тыс. человек.

**** В середине 2000 г. в Чечне проживало 930,0 тыс., а в Ингушетии 314,9 тыс. человек, в том числе 918,0 тыс. чеченцев, 261,8 тыс. ингушей и 62,5 тыс. русских (см.: Триер Т. Указ. соч. С. 2).

Таблица 4

Изменения в удельном весе и численности чеченского, ингушского и русского (с украинцами) населения Чечено-Ингушетии в 20–90-е годы XX в., тыс. человек и %*

Народы	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2000 г.
Чеченцы	273,0	368,1	248,3	509,0	611,4	734,5	918,0
%	50,6	50,6	34,9	47,8	52,9	57,8	73,7
Ингуши	48,3	56,5	48,3	113,7	134,7	163,8	261,8
%	9,0	7,8	6,8	10,7	11,7	12,9	21,0
Русские и украинцы	148,1	263,3	362,0	379,7	348,0	306,4	62,5
%	27,5	36,2	50,9	35,7	30,1	24,1	5,0
Прочие	69,6	34,2	51,9	62,1	61,7	65,7	2,6
%	12,9	5,4	7,3	5,8	5,3	5,2	6,3
Всего (100%)	539,0	727,1	710,5	1064,5	1155,8	1270,4	1244,9

* Кабузан В.М. Население Северного Кавказа... С. 145; Триер Т. В Чечне сейчас мальчиков рождается больше, чем девочек // Известия. 2000. 2 дек. № 228(25826). С. 2.

Таблица 5

Размещение чеченцев и ингушей в областях Казахстана в 1939–1989 гг., тыс. человек*

Области	1939 г.	1959 г.		1989 г.	
	чеченцев	чеченцев	ингушей	чеченцев	ингушей
Акмолинская	0,1	5,5	13,7	4,4	5,2
Актюбинская	0,1	2,6	–	3,3	–
Восточно-Казахстанская	0,1	17,7	–	–	–
Кустанайская	0,2	3,7	3,4	–	–
Карагандинская	0,1	20,6	5,0	5,1	–
Джамбульская	1,1	14,8	1,4	3,9	–
Алма-Атинская	0,2	37,7	9,3	19,3	12,6
Гурьевская	0,4	0,1	–	4,6	–
Северо-Казахстанская	0,1	1,2	0,4	–	–
Кокчетавская	0,1	1,7	7,2	–	–
Павлодарская	0,1	4,0	–	1,9	2,1
Кызыл-Ординская	0,1	4,7	–	1,5	–
Семипалатинская	0,1	19,2	–	1,9	–
Чимкентская	0,2	9,4	0,4	3,6	–
Итого	3,0	142,9	48,3	49,5	19,9

* Архив Госкомстата РФ. Оп. 1. Д. 141. Л. 203–600; Архив Института этнологии АН России. Ф. Перепись 1959 г. Оп. 1. Д. 1. Казахская ССР. Л. 1–20; Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения, 1989 г. М., 1991. С. 5–77, 142, 153.

Таблица 6

Основные районы проживания чеченцев и ингушей в Казахстане по переписи 1959 г. *, тыс. человек

Области, районы	Чеченцев	Ингушей	Области, районы	Чеченцев	Ингушей
Акмолинская:			Алма-Атинская:		
Акмолинский	1,8	4,5	Алма-Атинский	4,1	6,2
Атбасарский	2,7	2,1	Текелийский	1,8	0,2
Макинский	–	2,2	Алакульский	1,6	–
Сталинский	–	1,8	Джамбульский	2,4	0,2
Восточно-Казахстанская:			Илийский	4,9	1,0
Усть-Каменогорский	2,9	–	Им. 28-ми гвардейцев	1,0	–
Зырянский	4,1	–	Каскеленский	1,4	0,6
Лениногорский	4,7	–	Чиликский	1,2	–
Кировский	1,9	–	Кокчетавская:		
Шемонахинский	2,0	–	Кокчетавский	0,3	2,8
Кустанайская:			Шучинский	0,5	2,0
Кустанайский	0,6	0,8	Арык-Балыкский	–	1,0
Тарановский	1,3	0,6	Павлодарская:		
Федоровский	–	0,5	Павлодарский	0,9	5,0
Куюмурунский	0,7	0,1	Лебяженский	0,8	0,2
Семиозерский	0,6	0,1	Максим-Горьковский	0,4	0,8
Карагандинская:			Кызыл-Ордынская:		
Ленинский	2,7	1,4	Кызыл-Ордынский	1,5	–
Сталинский	3,4	1,0	Казалинский	0,8	–
Шахтинский	0,4	0,1	Семипалатинская:		
Балхашский	1,3	0,1	Семипалатинский	2,5	–
Джезказганский	1,1	0,1	Бородулихинский	1,8	–
Саранский	1,0	0,2	Жарминский	1,4	–
Темиртауский	1,9	0,2	Новопокровский	1,4	–
Жан-Аркинский	0,8	0,1	Урджарский	1,9	–
Осакаровский	3,1	0,4	Чарский	1,7	–
Тельмановский	0,1	0,8	Чимкентская:		
Джамбульская:			Чимкентский	1,4	–
Джамбульский	2,9	0,9	Кентауский	1,2	–
Джувалинский	2,0	–	Георгиевский	3,1	–
Курдайский	1,5	–	Тюлькубасский	1,6	–
Луговский	1,3	–			
Меркенский	1,8	0,1			
Сары-Суйский	0,1	–			
Свердловский	1,0	0,1			
Таласский	1,2	–			
Чуйский	3,1	0,1			

* Архив Института этнологии РАН. Ф. Перепись 1959 г. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–20.

Таблица 7

Население Чечено-Ингушетии в 1959–1989 гг. Порайонные данные, тыс. человек и %*

Районы	Всего		В том числе							
	1959 г.	1989 г.	1959 г.				1989 г.			
			русских	%	чечен-цев	%	русских	%	чечен-цев	%
Ачхой-Мортановский	39,1	59,8	5,1	13,0	26,9	68,8	0,6	1,0	57,3	95,8
Веденский	19,3	33,1	0,5	2,6	18,1	93,8	0,2	0,6	32,2	97,3
г. Грозный	251,7	397,3	196,5	78,1	16,9	6,7	210,3	52,9	121,4	30,6
Грозненский	34,5	99,9	15,8	45,8	14,9	43,2	8,7	8,7	86,0	86,1
Гудермесский	33,8	82,2	19,9	58,9	9,7	28,7	13,2	16,0	63,1	76,8
Надтеречный	19,9	35,5	5,0	25,1	14,1	70,9	1,5	4,2	33,5	94,4
Малгобекский	25,8	45,9	14,5	56,2	2,5	9,7	5,0	10,9	5,8	12,6
Назрановский	34,2	79,1	1,8	5,3	0,2	0,6	0,4	0,5	0,4	0,4
Наурский	27,4	46,4	22,8	83,2	2,0	7,3	16,6	35,8	27,6	59,5
Нажай-Юртовский	38,3	48,8	0,7	1,8	36,9	96,3	0,1	–	48,5	99,4
Шелковской	32,3	44,5	23,1	71,5	1,6	5,0	14,2	31,9	16,9	38,0
Сунженский	43,2	60,9	34,1	72,7	2,9	6,7	19,2	31,5	13,0	21,3
Урус-Мортановский	41,8	84,8	4,1	9,8	36,6	87,6	0,4	0,5	84,0	99,1
Шатойский (Советский)	12,5	15,4	0,5	4,0	9,7	77,6	0,1	0,7	13,2	86,8
Шалинский	56,7	136,8	4,1	7,2	50,9	89,8	3,3	2,4	131,6	96,2
Всего	710,5	1270,4	348,7	49,1	248,3	34,9	293,8	23,1	734,5	57,8

* Кабузан В.М. Население Северного Кавказа... С. 210, 212, 214, 216.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Э.П. Федосова:

– Насколько точна церковная статистика?

В.М. Кабузан:

– Это огромная, широкая тема. В России существовал независимый церковный учет населения, священники вели учет прихожан. Это делалось по конфессиям и такие сведения сохранились. Они имеются в фондах Синода. Их можно исследовать, с цифрами и фактами в руках показать ход исторического процесса, доведя его до 1918 г. Вырисовывается очень интересная статистика: прирост у православных был очень высок, особенно с 40-х годов XIX в., а у магометан этот скачок произошел уже в советское время.

Ю.А. Тихонов:

– Сохранилась ли первичная церковная статистика или же в Синоде ее обобщали и выводили общие сведения?

В.М. Кабузан:

– Сохранились данные Синода по городам и уездам. К примеру, Московская епархия: город Москва, в ней столько-то душ мужского и женского пола. Эти данные доступны для исследования.

В.Я. Гросул:

– У меня два вопроса. Один по теме: какие потери в Чечне за последние десять лет, сколько убитых, считая и гражданское население?

Второй вопрос. Статистикой убийств и самоубийств занималось III отделение. Я хорошо помню, что в середине XIX в. самоубийств в пределах России было 1500. Вы нам сейчас назвали цифру 60 тыс. Это страшный рост. Когда произошел такой зигзаг, в какое время?

В.М. Кабузан:

– Насчет цифр потерь сведений много, они разные и их не с чем сравнить. Серьезный исследователь сможет ввести их в оборот, показав в примечаниях, что имеются данные, которые требуют серьезной проверки.

В отношении сведений о самоубийствах. Эти цифры начали быстро расти в 1980-е годы. Резкий скачок произошел в начале 90-х годов. В его основе лежат экономический, политический, культурный и демографический факторы.

Н.А. Соболева:

– Корректируете ли Вы свои наблюдения о том, что эти земли были исконно русскими, с работами историков, например, Казахстана и Украины. Они утверждают, что эти земли исконно принадлежали Казахстану или Украине.

В.М. Кабузан:

– Все мои выводы опираются на огромную источниковую базу. Прежде чем я упомяну какую-то цифру, я ее просчитаю не один раз, особенно если она не сходится с первоначальными данными.

К сожалению, многие заявления бывают бездоказательными и дискуссия тут невозможна.

Я.Н. Шапов:

– Среди вопросов, которые должны были быть включены в последнюю перепись населения, был вопрос о конфессиональном составе. Институт этнологии и наш научный совет просили включить в анкету вопрос о конфессиональном составе населения. Было направлено письмо с соответствующей просьбой к руководителю администрации президента РФ. Тогда президент РАН Осипов отказался подписать это письмо, ссылаясь на то, что другие ученые – не историки, не религиоведы – возразили, выдвинув аргумент, что указание вероисповедания в анкетах может обострить взаимоотношения на местах. У нас есть опыт предыдущей переписи 1937 г., и эти данные для нас и для народного хозяйства, и для политики, и для национального вопроса, для религиозной политики очень важны.

В.М. Кабузан:

– Мне кажется, что здесь сказывается влияние высших церковных иерархов, испуганных возможными результатами переписи, поэтому этот вопрос не был включен в переписные листы.

Этнологи сейчас проводят большую работу по определению конфессионального состава населения Поволжья, они устраивают экспедиции, объезжают отдельные поселения, и получается, что у магометан нет ни ереси, ни отклонений, а у христиан очень много течений, например баптисты и др. Ясно одно: количество людей, которые соотносят себя с православными, очень сильно уменьшилось.

В.А. Кучкин:

– Каков прирост у мусульман в мире и у мусульманских народов на территории бывшего СССР, каково его соотношение?

В.М. Кабузан:

– В отношении всего мира я сказать не могу, потому что не во всех странах проводятся статистические исследования, а в России с 1719 по 1999 г. доля магометан увеличилась с 8 до 10%.

Ю.А. Тихонов:

– Как Вы считаете, если брать первую половину XIX в., то если бы государство не оттеснило коренные народы с равнинных мест в горы, может быть, тогда и не было бы кавказской войны?

В.М. Кабузан:

– Если бы царские власти дозволили всем желающим после Крымской войны 1855–1856 гг. уехать, то этой проблемы не существовало бы, потому что в 1860 г. уехало 2/3 крымских татар, остальные не успели сразу выехать. А когда им выдали паспорта на выезд, то они уже не воспользовались ими и остались. То же самое произошло и на Кавказе в 1865 г. Мусульманское население (почти 500 тыс.) выселилось в Турцию. Однако часть горцев осталась в России. Также ушло много чеченцев, но основная часть их все-таки осталась.

Ю.А. Тихонов:

– Тема интересная, и ответы на вопросы не такие простые. На многие из них имеется несколько точек зрения. Необходимо продолжить дискуссию и изучение этих важных вопросов.

ИЗУЧЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ В XX ВЕКЕ*

Сокращение исследований по методологическим проблемам в русской исторической науке в 1990-е годы стало примечательной чертой ее развития. Современное состояние науки о прошедшем XX веке, лишенной базисных основ, свойственных советскому периоду, оценивается рядом специалистов как кризисное. Однако они не отрицают появление ряда позитивных моментов, связанных с изменением политической обстановки: расширение проблематики, обогащение многих исследовательских направлений неизвестными ранее источниками, ликвидация идеологических и политических ограничений, существовавших в советский период и др.¹

Среди факторов, определивших современное состояние науки, на первое место следует, по-видимому, поставить теоретико-методологическую переориентацию большинства историков, принадлежащих к официальному, государственному направлению, представленному академической и университетской наукой. Организованный и стихийно протекавший, санкционированный руководством научных коллективов (государственное управление и партийное руководство наукой в 1990-е годы были ликвидированы) и мировоззренческий отказ ученых от марксизма, точнее – от марксизма-ленинизма, т.е. советского марксизма, утверждение плюрализма на всех уровнях научного исторического знания привели к теоретическому, методологическому и концепционному вакууму, который некоторые специалисты пытаются заполнить различными методами и средствами. Это заполнение определяется тем, что историки по-разному оценивают возможности и потребности науки в преодолении кризиса, в выходе на новые рубежи, завоевании достойного места и престижа в стране и в мировом научном сообществе XXI в. Одна группа историков усматривает решение этих проблем в дальнейшем расширении и обновлении проблемно-тематической структуры науки, ее обогащении новым фактическим материалом; другая – в смене модели

* Доклад на заседании ученого совета ИРИ РАН 21 марта 2002 г.

мирового и отечественного исторического процесса: в отказе от марксистской теории общественно-экономических формаций и внедрении в русскую науку цивилизационной модели, широко распространенной в западной философии мировой истории, историко-философской литературе, хотя она была весьма редким явлением в мировой историографии XX в. Некоторые историки предлагают идти по пути изучения “социальной истории”, которая во все времена была и остается “социальной историей”, ибо изучает общество – социум – и иной быть не может. Задача истории как науки – исследовать эволюцию социальных систем (в отличие от естественных наук, занимающихся природой) различного типа, существовавших на протяжении всей истории человечества: их возникновение, изменение, распад, исчезновение. Общество, т.е. социум – как сложнейшая организованная система – включает большое число различных компонентов, в том числе классы и социальные группы, государственные и общественные организации, культуру, науку, образование, образ жизни, тип личности, характерный для каждого этапа развития, экономические, социальные, идеологические отношения внутри общества, его связи с внешним миром. К сожалению, эволюция и изменения, проходящие в обществе как сложнейшей социальной системе, весьма редко становятся объектом глубокого научного анализа историков, увлекающихся изучением его отдельных элементов (государство, политика, экономика и т.д.) .

В большой группе трудов современных русских историков образовавшийся концепционный и терминологический вакуум заполняется трактовками, оценками, понятиями, заимствованными из западной историографии, точнее советологии периода холодной войны, от которых многие серьезные исследователи давно отказались. Это убедительно показал С. Коэн в книге “Переосмысливая советский опыт”².

Часто новая информация различной ценности, вводимая в науку из архивных и опубликованных источников, объясняется заимствованием терминологии и идей у политиков перестроечного времени (командно-административная система, авторитаризм, тоталитаризм и др.). Эти термины часто избавляют авторов этих “новаций” от попыток собственного научного обобщения, объяснения, оценки³. Большинство подобных подходов имеет мало общего с научными концепциями, ибо вырастает не из развития научного знания, а привносится извне, находясь под влиянием политического и идеологического факторов, которые чаще всего играют негативную роль, сковывая догмами, идеологемами и новыми штампами познавательный процесс и его результаты.

Некоторые новации современных историков приобрели весьма примитивный характер по сравнению с литературой советского периода: изучение образа жизни подменяется “повседневностью”, которая является лишь одним из элементов “образа жизни” общества и человека. Место сложнейших идеологических процессов заменила пропаганда, а все вопросы идейного противоборства сведены к “образу врага”, который является лишь частью большой проблемы, требующей объективного и глубокого исследования⁴.

Всем известно, что методологические исследования историков и философов советского периода страдали существенными недостатками. Некоторые современные специалисты склонны их объяснять господством марксизма и его ошибками, не учитывая, что многие историки тех лет плохо знали марксизм, изучали его по “Истории ВКП(б)” (1938), примитивно и односторонне толковали идеи и взгляды основоположников научного социализма. Так, политические оценки В.И. Ленина событий XX в. были превращены, а точнее, изображались по многим вопросам в виде фундаментальной научной концепции истории России. Высказывания классиков, особенно по вопросам политической истории, которая заметно преобладала в проблемно-тематической структуре советской науки (в ущерб другим областям знания), превращались в непререкаемые истины, в догмы. Они сами неоднократно протестовали против этого, рассматривая свою теорию как постоянно развивающуюся и обогащающуюся систему социальных знаний. Это относится и к методологическим проблемам марксистской теории исторического процесса, которая тоже была извращена, фальсифицирована и примитивизирована. Все эти явления необходимо учитывать при анализе и оценке трудов историков XX в. по вопросам методологии исторической науки.

Как известно, методологические аспекты исследования любой науки принадлежат к числу наиболее сложных областей знания. Большая совокупность причин определяет их появление в связи с потребностями науки и образования, накоплением новых фактических данных, требующих изменения прежних подходов, обновления методологического инструментария, осознанием важности, объективной оценки пройденных этапов для выхода из кризиса путем освоения опыта и достижений отечественной и мировой науки и др.

Не является в этом отношении исключением историческая наука России. Эволюция всей совокупности усилий ученых в области методологии истории была направлена на рассмотрение вопросов, которые на разных этапах ее развития в XX в. стави-

лись, обсуждались, дискутировались, а иногда и решались, влияя на исследовательскую практику историков, их отношение к поиску методологических ориентиров как важному средству обновления, преодоления косности и рутины. Такими же обстоятельствами объясняется обращение историков России к изучению методологии истории в 60-е годы прошлого века.

В российской исторической литературе XX в., связанной с исследованием методологических проблем истории, можно видеть работы двух типов. Первый – это освещение различных вопросов методологии, т.е. труды, в которых методология является главным объектом исследования (М.А. Барг, И.Д. Ковальченко, Л.М. Спиринов, Н.Н. Маслов и др.)⁵. Вторая группа – это конкретно-историческое исследование больших и сложных проблем, в которых авторы рассматривают методологические сюжеты в связи с задачами своего исследования. Так, труды Л.Н. Гумилева содержат глубокие наблюдения о характере фактов, вводимых историком в ходе научного поиска, о пассионарности и формах ее проявления на отдельных этапах человеческой истории, в социумах различного типа⁶.

По-разному определяется в литературе прошлого века и само понятие методологии. У одних историков – это совокупность или система (таковой в исторической науке не было) методов; у других – принципы изучения истории; у третьих – исходные теоретико-методологические позиции и исследовательский инструментарий; у четвертых – наука о методах исследования, хотя таковой она не стала⁷. Уровень, характер и результаты исследований по методологии истории у российских исследователей XX в. таков, что вряд ли можно говорить о методологии как науке, являющейся исторической дисциплиной, которая органически включена в сложную систему исторических знаний, с определившимся объектом, предметом и целями как историография, источниковедение и др. Поэтому и само определение методологии в XX в. сводилось в большинстве энциклопедических изданий к определению ее как “системы принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учений об этой системе”⁸. Вполне возможно, что это определение имеет определенный смысл по отношению к философским дисциплинам, однако по отношению к истории оно почти неприменимо, ибо методологические аспекты исторической науки имеют свою, весьма значительную специфику, связанную с особенностями ее объекта и предмета.

На основании анализа существовавших в XX в. многочисленных определений можно сделать вывод, что обоснованное, доста-

точно четко сформулированное определение методологии, с учетом разработки всей совокупности методологических вопросов, как отрасли научного знания, или дисциплины, имеющей свой конкретный объект изучения, до сих пор не выработано. Господствует плюрализм самостоятельно существующих, различных, весьма противоречивых мнений, что, по-видимому, по отношению к такому фундаментальному понятию, как методология истории, можно считать существенным недостатком, учитывая довольно обширный круг исследований в этой важной области научного знания.

Как и любая другая область науки, методология в XX в. переживала стадию становления, поиска целей и задач исследования, осмысления историками потребностей и возможностей науки, ее места в современном процессе познания истории. И хотя появилась довольно значительная литература, определились научные центры изучения проблем методологии (Москва, Ленинград, Новосибирск, Киев, Калинин и др.), однако она не вышла из стадии становления, формирования основных исследовательских направлений в рамках отечественной и всемирной истории (дискуссии об общественно-экономических формациях, эрах, эпохах и др.). Применительно к истории методология, изучавшаяся в XX в., это область знания, в которой описывались основополагающие принципы, методы, способы и их совокупность, на которых строится реальный процесс познания прошлого. Кроме этого, с ней связана реальная исследовательская практика ученых, т.е. получение достоверных научных знаний, их проверка и включение в концепционное, теоретическое осмысление исторического процесса с древнейших времен (археологи активно разрабатывали проблемы методологии этой науки) до современности.

Если рассматривать методологию как осмысление пути научного познания с использованием различных методологических посылок, приемов и принципов, то можно согласиться с мнением, что одной из важнейших черт достаточно развитой науки (о чем свидетельствует появление трудов и университетских курсов в России в первое десятилетие XX в.)⁹ является методологическая форма ее существования.

Историческая наука России XIX и XX вв. накопила достаточно большой объем знаний в области методологии, хотя не по всем аспектам они равноценны по объему, характеру и глубине содержания.

Применительно к методологическому анализу в области истории можно выделить несколько важнейших направлений исследовательской деятельности историков как в дореволюцион-

ное, так и в советское время, которые во многом совпадали, хотя имели различные исходные теоретические основы.

1. Центральными по важности для науки стали методологические проблемы исторического процесса, связанные с анализом его хода и содержания, периодизации, т.е. с выделением различных эпох, этапов, характеристики их сущности и эволюции, определением и оценкой переходных периодов, роли различных факторов (географических, демографических, экономических, политических и др.). Следует сказать, что этот – наиболее важный аспект методологии особенно сложен для исследования, ибо требует не только фундаментальной исторической подготовки, глубокого знания как отечественной, так и всемирной истории, но и знания историографической и философской традиции в изучении всемирной истории. Недостаток в этой области особенно заметно проявлялся у участников дискуссий по проблемам периодизации всемирно-исторического процесса, особенностей российского феодализма, абсолютизма, эволюции Российского государства, его различных институтов и др. В методологическом осмыслении исторического процесса России четко прослеживаются три важнейших этапа: конец XIX–начало XX в.; советский и постсоветский периоды, имеющие существенные различия как в исходных позициях, так и конечных выводах, влиявших на изложение истории России. Это отражено в фундаментальных исследованиях, многотомных и конкретно-исторических трудах историков по крупным проблемам всемирной и отечественной истории, которое историографам предстоит еще изучить и оценить с позиций исторического реализма, отказавшись от идеологических и политических пристрастий, которые до сих пор господствуют в российской исторической науке.

2. Наиболее разработанной и чаще всего привлекающей внимание историков стала методология источниковедения – получения знания на основе прочтения, изучения, критики текста, сопоставления, сравнения, проверки информации о фактах, событиях, процессах, получаемых из исторических источников различного типа. Если вспомнить начальный период возникновения в России методологии истории, т.е. конец XIX – начало XX в., (А.С. Лаппо-Данилевский и др.), то можно утверждать, что методология как область знания зарождалась в России в виде источниковедческих наблюдений, т.е. обобщения накопленного к этому времени опыта и навыков в изучении обширного и разнообразного материала по средневековой истории России и Европы с учетом достижений отечественной и мировой науки¹⁰.

Одним из важнейших направлений изучения методологии истории стали проблемы, относящиеся к самой исторической науке. На разных этапах существовали различные подходы и концепции историографической методологии (до 1917 г. – одни; в 1920-е–начале 1930-х годов – другие: господство примитивного классового подхода к оценке историков, созданного М.Н. Покровским и его учениками, в 1960–1980-е годы – преодоление прежних установок и более четкое определение круга вопросов по методологии историографии). Не все наработки можно, вероятно, признать удачными, тем не менее ХХ в. был временем значительных достижений как в области конкретных исследований, так и в методологии историографии.

Историографами была проделана большая работа по определению объекта исследования, предмета историографии как специальной исторической дисциплины. Специально были изучены ее познавательные и социальные функции (в советское время они определялись как классовые, как борьба с враждебными марксизму течениями и взглядами), связи с другими историческими дисциплинами, общественно-политической мыслью, с такими областями жизни общества, как культура, образование, идеология, политика в области науки и др.

3. Важным направлением в области изучения методологических проблем истории следует назвать само историческое познание, как объект специального исследования. В названных выше разделах оно присутствует либо в ограниченном виде, либо подчинено конкретным задачам исследования без обращения к общим проблемам исторического познания, как особого типа научного знания. Это связано с неповторимым и невозпроизводимым прошлым, с фрагментарным характером сохранившейся информации (особенно по ранним периодам), с сознательной фальсификацией и субъективизмом, имеющих место в большом числе источников по истории XIX и XX в., и рядом других явлений, которые историк должен учитывать в процессе реконструкции исторического процесса и создания его объективной картины. Еще до революции историки предпринимали попытки поставить проблемы теории исторического познания, т.е. исторической гносеологии¹¹, которые, к сожалению, получили весьма односторонние оценки в советской историографии с точки зрения их противостояния марксизму¹². Историографам предстоит детально и скрупулезно изучить и объективно оценить эти исследования важных проблем познания всемирной истории (исторического процесса, исторического закона), роли различных факторов (субъективизма и психологизма и др.), обобщения накопленного к началу

XX в. опыта изучения прошлого. Однако в советской и дореволюционной историографии по исторической гносеологии были поставлены лишь некоторые проблемы этого направления методологических исследований. К сожалению, не был четко определен объект исследования, его цели и задачи, круг проблем в области построения и обоснования исторического объяснения, концепции, исторической теории. Во многом это объясняется начальным этапом этой деятельности историков, когда делались первые шаги и готовилась база для последующей работы. Однако в советское время она не получила серьезного развития из-за господства мнения о тождественности общей философской теории познания марксизма с исторической гносеологией, которая имеет существенные особенности, объясняемые объектом изучения и источниками научной информации, которые существенно отличаются от философского знания и других наук.

Произошедшее в конце XX в. освобождение от марксизма, догматизированного и фальсифицированного историками и помогавшими им философами, позволяет в настоящее время переосмыслить многие важные вопросы. Появилась возможность обратиться к созданию работ по исторической гносеологии, которые включали бы такие важные элементы, как достижения источниковедения, текстологии, исторической герменевтики; работ по логике исторического процесса, опыта привлечения в историческую науку методов и методик других научных дисциплин (теория систем, структурный анализ и др.) с оценкой эффективности этих наработок для реконструкции прошлого. Это важно не только для понимания специфики истории как науки, но и для избавления от спекулятивных подходов, продолжающих существовать с советского периода в виде формулы изучения темы “на стыке наук”¹³, т.е. использования приемов, методов, наработок ученых различных научных дисциплин. Работы подобного рода, как правило, демонстрируют крайне низкий уровень эрудиции в области “других” наук, ибо само образование современных историков страдает существенными проблемами – отсутствием фундаментальных знаний по философии, психологии, филологии, правоведению, педагогике и др. Только на базе невежества могла появиться и продолжать жить формула “на стыке наук”, так как практически речь идет совсем об ином содержании деятельности историков, использующих в исследовании своих проблем наработки (методы) других обществоведов.

Одной из важнейших задач исторической гносеологии является анализ и оценка существующего терминологического аппарата науки, адекватность употребляемых терминов историче-

ским реалиям, особенно тех, которые имеют фундаментальный характер. Изучение всей понятийной системы, ее эволюции, появление одних и исчезновение других терминов, причины этого явления, изменение содержания и использования важнейших исторических понятий на различных этапах развития науки – все эти сюжеты имеют первостепенное значение в современных условиях, хотя историки, к сожалению, этими вопросами не занимаются. Язык науки, его эволюция – один из важнейших компонентов познавательного процесса, уровня исследовательской культуры, которая тоже могла бы стать объектом изучения историографов и исследователей методологических проблем истории.

Даже по таким важнейшим понятиям, как историческая концепция, историческая теория, у историков XX в. отсутствовали четкие представления. А в современных условиях “исторической теорией” стали называть схему (перечень) типов цивилизаций, которая имеет мало общего с исторической научной теорией по содержанию и происхождению, отражая в меньшей мере ход исторического процесса, а в большей – локальные особенности мирового развития.

4. И, наконец, последнее направление методологии истории, имеющее особенно важное практическое значение. Оно является показателем уровня состояния исследовательской культуры, научной школы, специалистов определенной области знания (аграрников, источниковедов и др.), а также отдельных ученых – это методология изучения крупных исторических проблем, этапов истории. Она особенно важна, если научные темы находятся на начальной стадии разработки и не имеют значительных исследовательских традиций в российской и мировой историографии (например, история перестройки и развал СССР, идеологические процессы в России XIX–XX вв., общественное сознание и социальная психология, их взаимосвязь и эволюция на различных этапах развития российского общества, характер и особенности Российской империи и многие другие). При разработке такого типа тем методологическое осмысление структуры изучаемого объекта, его важнейших составляющих, исследование предмета в развитии, а не в статике объективная оценка источниковой базы, характера ее полноты, особенностей использования, обоснование целей исследования, его места в изучении общего исторического и историографического процесса – все это имеет первостепенное значение для успеха творческих усилий историка. Серьезный методологический подход исключит из работ многих современных авторов, особенно при защите диссертаций, многословные и часто пустые рассуждения о методологических основах труда, но-

визне и актуальности, богатой источниковой базе, “впервые вводимой в научный оборот” и т.п. Все это должны выявлять и оценивать не авторы, занимающиеся саморекламой, а оппоненты, рецензенты – профессионалы, как это происходит во всех странах мира при оценке научных трудов коллег и соискателей. Повидимому, и ВАКу следует подумать, как расстаться с порочной практикой самовосхваления и саморекламы, оставшихся нам от советского времени, заменив эти разделы серьезным обоснованием задачи с использованием методологического анализа изучаемой проблемы, традиций ее исследования в прошлом, спорных объяснений и оценок и т.д. Только такой подход позволит расстаться с установившимися и господствующими шаблонами, с субъективизмом и примитивизмом, с рассуждениями и самооценками, ничего не дающими науке и читателю.

В исследовании методологических проблем исторической науки России в рамках XX в. можно выделить несколько важнейших этапов. Они характеризуются обусловленным временем кругом проблем, изменением состава ученых, работавших в этой области исторического знания, определенным типом связи с потребностями и возможностями науки, с пониманием места и значения методологического анализа для науки и высшего образования (до революции курсы по методологии истории читал А.С. Лаппо-Данилевский и другие ведущие историки страны).

Первый этап изучения методологии истории в России относится к началу XX в., когда появились исследования по большому числу проблем, выделившиеся в относительно самостоятельную область знания. До этого они разрабатывались и освещались в рамках конкретно-исторических исследований и общих курсах по истории России и историографии. Следует также отметить тесную и необходимую связь между методологией, философией истории, источниковедением, социальной психологией и историографией, которая, к сожалению, в последующие годы, т.е. в советский период, была утрачена. В работах по методологии истории Е.Н. Щепкина, Н.И. Кареева, Р.Ю. Виппера, А.С. Лаппо-Данилевского, Д.М. Петрушевского, В.М. Хвостова и других ставились многие важные проблемы, имевшие принципиальное значение для исторической науки тех лет. В них поднимались и освещались такие проблемы, как цель исторического исследования и значение авторской интерпретации в трудах историков. В теории исторического познания освещались проблемы изучения исторической эволюции, причинных связей, природы исторических законов, зависимости характера исторического исследования от типа личности ученого, роли психологического фактора, значе-

ния “личного опыта” в объяснении фактов, отношения к проблеме “абсолютных ценностей”, роли исторических категорий и их применения в познавательном процессе и многие другие¹⁴.

В трудах историков дореволюционного периода было много ценных наблюдений, в которых обобщался и оценивался опыт мировой и отечественной науки. К сожалению, почти все они получили отрицательные оценки в трудах советских историографов, где определяющим критерием стали их “антимарксистская направленность”, “исторический идеализм”, психологизм, “идеалистическая методология” и т.п.¹⁵ За этими формулировками исчезало все то ценное, что было накоплено дореволюционной наукой в области методологии, особенно источниковедения и исторической герменевтики.

Новый этап разработки методологических проблем истории начался после 1917 г., когда наука меняла прежние теоретико-методологические ориентиры дореволюционного времени на новые, связанные с утверждением марксизма, т.е. исторического материализма.

Первый период этого процесса – 1920-е годы, был достаточно плодотворным в постановке, обсуждении в творческих дискуссиях, на страницах общественно-политических и научных журналов ряда важных методологических вопросов. Они были связаны с новой проблемно-тематической структурой науки, с изучением истории XIX и XX вв., особенно таких ее разделов, как история революционного движения, рабочего класса и крестьянства, истории партии, народничества, революций 1905–1907 гг., Февральской и Октябрьской¹⁵. Авторами немногочисленных трудов были представители первого поколения достаточно образованных историков-марксистов, которые в разработке методологии истории усматривали один из важнейших факторов формирования новой науки. Среди большого числа проблем, которые исследовались в те годы, центральное место занимали вопросы изучения истории партии (предмет истории партии, принципы изложения материала, научная периодизация, связь с революционным движением), а также вопросы общественно-экономических формаций. В конце 1920–начале 1930-х годов были проведены весьма интересные дискуссии по теории общественно-экономических формаций¹⁶, оказавшие определяющее влияние на формирование нового взгляда на всемирно-исторический процесс в советской историографии.

Следует отметить, что немногие из ученых старой школы включились в разработку новых методологических проблем (С.Н. Валк, А.Е. Пресняков и др.)¹⁷.

Второй этап охватывает начало 1930–середины 1950-х годов. Он характеризуется забвением методологических наработок 1920-х годов (большинство историков было репрессировано), что оказало негативное влияние на изучение ряда важных проблем, включая и методологию истории. Исследования в этой области заметно сократились, а если и появлялись, то только в русле исторической концепции “Истории ВКП(б). Краткого курса” и его комментирования. И хотя в первой половине 1930-х годов, продолжалось обсуждение проблем социально-экономических формаций¹⁸, однако в большинстве трудов обращались к комментированию отдельных идей, высказываний о формациях В.И. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса. Большинство историков было переориентировано на разработку проблем преподавания истории в средней, а затем в высшей школе в связи с подготовкой учебников и программ по русской и всеобщей истории¹⁹. После долгих лет господства в советской науке “покровщины”, историки заметно активизировали свои усилия в изучении конкретной истории древнего мира и средневековья, что тоже стало положительным моментом развития науки и образования в СССР.

Однако главным в процессе развития науки было влияние “Истории ВКП(б)” и работы И.В. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР (1952), что проявлялось в изучении и конкретной истории, и дискуссиях первой половины 1950-х годов: об образовании буржуазных наций и народностей, об основном экономическом законе феодальной формации (1953), о сущности феодально-патриархальных отношений у кочевых народов, об особенностях крестьянских войн в России XVII–XVIII вв., о действии экономических законов в антагонистических формациях (1954), о первоначальном накоплении в России (1955) и др.²⁰ Особенно большое внимание уделялось в те годы вопросам периодизации отечественной и всемирной истории. Это было связано в большой степени с подготовкой учебников. В ходе проводившихся обсуждений, в которых участвовали крупнейшие историки страны, высказывались интересные и ценные для науки идеи по ряду важных вопросов. К сожалению, критика в адрес Сталина, высказанная Н.С. Хрущевым на XX съезде, и огульное отрицание всех достижений советской науки этого периода (до 1956 г.), в том числе наблюдений методологического характера по ряду проблем истории, не позволили объективно оценить накопленный в те годы опыт в изучении истории, даже тех ее разделов, где влияние идеологии и политики было минимальным. Необходимо отметить, что этот период развития советской науки остается менее всего изученным историографами, а тенденциозность и идео-

логизированность остаются главными элементами почти всех оценок деятельности историков тех лет.

Третий период в изучении методологических проблем истории начался в первой половине 1960-х годов, когда началась хрущевская “перестройка”, заметно изменившая весь ход развития исторической науки, и завершился началом 1980-х годов. В эти годы особенно много было опубликовано работ по методологии как отечественной, так и всеобщей истории. Толчок этому направлению деятельности историков дало совещание историков и философов 1964 г., посвященное обсуждению методологических проблем исторической науки и получившее весьма странное название “История и социология”²¹. Поскольку в современной литературе оно довольно подробно освещалось²², то нет смысла возвращаться к этой теме.

Среди появившихся во второй половине 1960-х, в 1970-е и начале 1980-х годов работ по методологии истории, особенно ценными стали исследования М.А. Барга, И.Д. Ковальченко, М.В. Нечкиной, А.М. Сахарова, С.Ф. Поршнева и др.

Они создавались на “пустом месте”, без учета традиций и работ дореволюционных ученых, историков 1920-х годов, а тем более последующих лет. Это обстоятельство, по-видимому, позволяет объяснить слабые стороны многих изданий, особенно по методологии истории партии. И хотя в работах этого времени присутствовали почти все направления, названные в начале этого текста (кроме исторической гносеологии и герменевтики), многие вопросы формулировались примитивно и узко, испытывая влияние идеологии и сложившихся стандартов. Значительное место уделялось апологии марксизма-ленинизма. Большое внимание историками партии и XX в. уделялось партийности, объективности, идеологической роли исторической науки, связи с практикой борьбы против буржуазных фальсификаторов и т.п. Эта группа работ оказалась особенно политизированной и идеологизированной, построенной на комментариях цитат классиков марксизма и политических лидеров тех лет. В какой-то мере это обстоятельство помешало историкам не только успешно решить, но даже правильно поставить такие важные вопросы, как предмет исторической науки (который в 1920-е годы успешно решили историки партии), особенности методологических приемов изучения документов различных исторических эпох, функции исторической науки, историографии, методологии, особенности исторического познания и полученного знания, природа ошибок и заблуждений в науке истории и многие другие.

С завершением четвертого этапа разработка методологических проблем исторической науки резко сократилась в середине

1980-х и почти совсем прекратилась в 1990-е годы. Это объясняется многими причинами, среди которых главная – идейно-теоретическая и методологическая переориентация всей науки и работающих в ней ученых. Четвертый раз в истории русской исторической науки XX в. произошел коренной разрыв в исследовании методологических проблем истории, связанный с политикой и идеологией, под прессом которых продолжает существовать одна из интереснейших и важнейших для жизни общества наука о прошлом России и Человечества.

- 1 Россия в XX в.: Судьбы исторической науки. М., 1996. Статьи А.Н. Сахарова, В.П. Данилова, Ю.А. Полякова и др.
- 2 Коэн С. Переосмысливая советский опыт: (Политика и история с 1917 г.). Venson (Vermont), 1986. С. 22, 55 и след.
- 3 “Даже слово «тоталитаризм», ставшее символом советологической ортодоксии, – писал Ст. Коэн, – оказалось неотъемлемой частью антикоммунистического единомыслия” (Коэн С. Указ. соч. С. 22). Научная несостоятельность этого понятия, употребляемого в качестве исторического термина, убедительно раскрыта в ст.: Соколов А.К. Блеск и нищета тоталитарной модели: Методологические проблемы исследования взаимоотношений общества и власти в СССР в 1920–1930-е годы // Власть и общество в России в первой трети XX в.: Межвузов. науч. конф., июнь, 1994. М., 1994.
- 4 Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде 1945–1954 гг. М., 1999.
- 5 Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Ковальченко И.Ф. Методы исторического исследования. М., 1987; Варшавчик М.А., Спириин Л.М. О научных основах истории КПСС. М., 1978; Спириин Л.М. Теория, методология и методика исследований по истории КПСС. М., 1982; и др.
- 6 Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. Л., 1989. С. 20–21, 27, 595, 638 и след.
- 7 Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 5, 9–10 и след.
- 8 Философская энциклопедия. М., 1983. С. 365.
- 9 Курсы лекций в Санкт-Петербургском университете читал А.С. Лаппо-Данилевский, см. также: Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории: Курс лекций. М., 1909; и др.
- 10 Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910–1913. Вып. 1–2.
- 11 Винтер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911; Кареев Н.И. Теория исторического знания. СПб., 1913; и др.
- 12 Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 263–264; и след.
- 13 Такой же тип имеют рассуждения Е.С. Сеньявской о “междисциплинарном характере” и “смежных областях знания”, ибо названные ею

науки имеют один и тот же объект исследования (“человек на войне”), но разные задачи, см.: *Сенявская Е.С.* Человек на войне: Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 5–6.

- ¹⁴ *Щепкин Е.Н.* Вопросы методологии истории // *Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете.* Одесса, 1905. Вып. XII; *Петрушевский Д.М.* К вопросу о логическом стиле исторической науки. Пг., 1915; *Кареев Н.И.* Указ. соч.: *Випер Р.Ю.* Указ. соч.
- ¹⁵ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4.
- ¹⁶ Историк-марксист. 1930. Т. 16; Против механистических тенденций в исторической науке. М.; Л., 1930; Спорные вопросы методологии истории: (Дискуссия об общественных формациях). Харьков, 1930; Дискуссия об “азиатском способе производства”. М.; Л., 1931; Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1931. № 6; и др.
- ¹⁷ *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии: Научное наследие. СПб., 1991; *Он же.* О тексте декретов Октябрьской социалистической революции и о необходимости научного издания // Архивное дело. 1939. № 3 (51); и др.
- ¹⁸ Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1934.
- ¹⁹ Историк-марксист. 1935. № 7; 1938. № 5; 1940, № 8.
- ²⁰ 50 лет советской исторической науки, 1917–1967: Хроника. М., 1971. С. 288–308.
- ²¹ История и социология. М., 1964.
- ²² Историческая наука в России в XX в. М., 1997. С. 287–296.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Ю.А. Поляков:

– Вы назвали методологию новой исторической дисциплиной. Методология истории – историческая дисциплина?

Г.Д. Алексева:

– Я пытаюсь доказать, что та методология истории, которая изучалась в советский период, не стала и, по-видимому, по ряду причин не могла состояться как новая историческая дисциплина, хотя некоторые предпосылки были созданы. Это относится к пониманию важности развития исследовательской работы в области методологии, к определению ее основных направлений. Тогда же появилась проблемная методология. По моему глубокому убеждению и опыту изучения советской историографии, историческая наука XX, а тем более XXI в., нуждается в разработке всех направлений: методологии исторического процесса, исторической науки, исторического познания, а также методологических проблем специальных и вспомогательных исторических дисциплин.

лин. Если эти исследования займут заметное место в трудах историков, а работа будет достаточно результативной, то методология истории может превратиться в одну из исторических дисциплин. Современная историческая наука России испытывает в этом большую потребность по ряду причин, в том числе, в связи с преодолением теоретического и методологического кризиса, охватившего не только русскую, но и всю мировую науку (развитых стран). Произойдет ли это – покажет время. Сейчас ясно одно: современная историческая наука нуждается в развертывании широких исследований как по общей, так и проблемной методологии истории, особенно в изучении XX в.

Ю.А. Поляков:

– Второй вопрос. За что вы критиковали В.М. Хвостова, я не понял.

И третий вопрос. Вы совершенно справедливо ругали философов. Их можно и должно ругать, в особенности П.Н. Федосеева. Поскольку он сам не писал, это делали за него безымянные для нас авторы. Он приглашал грамотных знающих людей, которые для него создавали нужные тексты. Вы критиковали философов, но они же занимались диаматом и истматом. А разве проблема методологии истории не имеет к ней отношения? Почему Вы об этих “величайших достижениях” философов ничего не сказали?

Г.Д. Алексеева:

– Я не ругала, я критиковала.

О В.М. Хвостове. Я сказала, что это единственный историк, который в своем выступлении на совещании в январе 1964 г. поставил вопрос об особенностях исторического познания. Все остальные участники обсуждения их игнорировали. Ю.П. Францев, П.Н. Федосеев и другие уделяли этому большое внимание, но они освещали ленинскую теорию отражения. А В.М. Хвостов, как историк, поставил эту проблему применительно к исторической науке и ее особенностям.

Вопрос о диамате и истмате. Я сказала: в изучении диамата и истмата философы советской науке почти ничего не дали. Поэтому они активно включились в “обучение” историков тому, как они должны заниматься методологическими проблемами. В частности, у П.Н. Федосеева в докладе это звучало так: “Вы должны дать нам факты для того, чтобы мы развивали исторический материализм”. Мы должны им дать факты. Они предлагали комментировать общие социологические законы. То есть они нам будут спускать социологические законы. Мы, историки, их будем комментировать, объяснять, расширять и реализовать на нашем материале. Глупее и примитивнее трудно что-либо придумать.

Это предлагали и Г.Е. Глезерман, и другие философы, в том числе П.Н. Федосеев и Ю.П. Францев в своем основном докладе. Вдумаемся в название публикации материалов этого совещания – “История и социология” (М., 1964). Само совещание и основной доклад П.Н. Федосеева и Ю.П. Францева назывался “О разработке методологических вопросов истории”, по чьей инициативе и на каком этапе подготовки этих материалов к печати произошла эта замена – тоже важный вопрос. Мне кажется, что это произошло под влиянием определенной группы философов, хорошо знавших работу Н.И. Бухарина об историческом материализме, который он называл “социологией”. Если говорить об уточнении понятий, то следовало ставить вопрос не о “социологических обобщениях” в исторической науке, а о теоретических и методологических исследованиях в области истории.

Предлагалось комментировать общесоциологические проблемы. О каком истмате и диамате вообще можно говорить? Они ничего значительного не сделали в области истмата и диамата.

Правильно писал Р. Гароди, что последней значительной работой, которую дали русские философы, была книга Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”, в котором были обобщены все достижения естественных наук конца XIX–начала XX в. После этого русские философы ничего существенного в области истмата не дали.

Вот итог развития советской философии с точки зрения историков и тех проблем, которые они предлагали для изучения.

М.А. Рахматуллин:

– У меня два вопроса. Вы всех советских философов рассматриваете в едином потоке? Однако Ю.П. Францев существенно отличался от Н.П. Федосеева. Они разные специалисты, у них были разные подходы.

Г.Д. Алексеева:

– В данном случае они сделали один общий доклад, а это значит, что по вопросам исторической науки и роли социологии их взгляды были одинаковы.

М.А. Рахматуллин:

– И второй вопрос. Вы ничего не сказали относительно методологического семинара Данилова в Томске.

Как вы оцениваете работу этого семинара?

Г.Д. Алексеева:

– Я ничего не сказала, потому что я не укладывалась в отведенное мне время. В области методологии успешно работали и другие историки. У нас было несколько центров изучения мето-

дологических проблем: Московский университет, Калинин, Томск, Киев и, др. Эти начинания историков необходимо изучать, как и работы философов, которые занимались проблемой человека, труда, обсуждения личности, образа жизни и др.

То, что Данилов написал и что было опубликовано в сборнике “Средние века”, если вы это имеете в виду, заслуживает серьезно-го анализа.

Ю.А. Поляков:

– В журнале “Коммунист” была об этом статья.

Г.Д. Алексева:

– Да, в журнале “Коммунист” была разгромная статья по поводу позиций некоторых историков. Я считаю, что это был не лучший вариант решения методологических проблем, он не способствовал их разработке. Хотя я к Данилову хорошо отношусь как к историку и как к человеку.

Г.А. Куманев:

– Галина Дмитриевна, Вы не упомянули об особенностях развития военной историографии в области методологии.

Были ли какие-нибудь специфические аспекты в ее становлении и развитии в советские годы?

Г.Д. Алексева:

– Да, бесспорно они были, и это предмет специального изучения. Основы методологии истории войн и революций были заложены в 1920-е годы, в частности, А.С. Бубновым и Н.И. Подвойским, которые делали прекрасные доклады на Первой конференции историков-марксистов. Потом все это было перечеркнуто, поскольку большинство из них было отстранено от работы, репрессировано. Позднее это направление возрождается на новом уровне, и Институт военной истории АН СССР издает известную книгу “Марксистско-ленинская методология военной истории” (два издания). Но все это шло в рамках выступления Жилина на совещании 1964 г. Поэтому это издание я оцениваю как типичное для того времени, хотя ряд вопросов был сформулирован весьма удачно: методология использования истории войн, военного искусства, военно-исторической науки и др.

Л.Н. Нежинский:

– Доклад был интересный, он поставил целый ряд очень непростых, а временами болезненных вопросов. Тут могут быть и будут еще серьезные, содержательные дискуссии по методологии истории и советского, и современного этапов развития исторической науки.

Н.К. КРУПСКАЯ – ИДЕОЛОГ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Историки, анализируя ожесточенную схватку за власть в феврале–октябре 1917 г., редко сопоставляют работы теоретиков педагогики противоборствующих политических партий. Более значимыми представляются идеи победителей, что понятно. Речь ведь идет о реально свершившейся истории. Между тем, сопоставление дает возможность отчетливее увидеть и утраченную альтернативу, и осознать **цену**, уплаченную обществом за эксперимент победителей.

После Февральской революции известный либеральный историк Н.И. Кареев писал: *“Единственные реальные существа в обществе суть люди, которые поэтому только и могут рассматриваться как цели самого существования общества, все же остальное, без чего общество немислимо: язык и культура, государство, право и т.д., суть только способы и средства”* (курсив авт. – Т.К.)¹. Пришедшее к власти либерально-кадетское правительство видело задачу в том, чтобы создать личность, конструктивно мыслящую, допускающую множественность истин, уважающую позиции другого. Достичь цели становилось возможным, меняя авторитарную педагогическую парадигму. Исторической наукой не востребованы теоретико-педагогические труды либерального лагеря, например кадета П.Ф. Каптерева. Это “Дидактические очерки. Теория образования”, “История педагогики”, “Педагогическая психология”, “Педагогический процесс”. Не учтено, что для либералов его работы имели такое же значение, как для большевиков – работы Н.К. Крупской. Каптерев участвовал в создании дидактической базы Игнатьевской реформы. Из профессиональной литературы того периода лишь его работы *увязывают политико-мировоззренческие позиции либералов (кадетов) с педагогикой как профессией*.

Каптерев четко обозначал водораздел, пролегающий между педагогом и государственным деятелем. Последний заботится об образовании граждан конкретного государства, *педагог* – об образовании “прежде всего граждан мира, т.е. людей”, об “их общем гуманитарном развитии”, что “педагогическое дело есть

дело совести, разностороннего и духовного развития личностей, а государство следит и может следить лишь за внешним порядком”². Подробно даны и профессиональные разъяснения соотношения универсальной общечеловеческой миссии образования с этнокультурной функцией, связанной с передачей наследия, сохранением национальной идентичности.

Большевики, главные оппоненты кадетов, также требовали сменить педагогическую парадигму. Но у них до лета 1917 г. не было в программе специального раздела об образовании. Планируемое взятие власти поставило их перед необходимостью конкретизировать представления о том, как они ее намерены использовать, в том числе в сферах, чувствительных для всех. Школа таковой, несомненно, являлась. От их взглядов зависело отношение к ним разных социальных, национальных, профессиональных слоев населения, объединенных по другому признаку. Все они были родителями, и образование, а значит, судьба и будущее школы (их детей) не могла их не волновать.

Наибольшим авторитетом в деле образования считалась Н.К. Крупская. В анналах советской педагогики ее почитают главным теоретиком советской системы образования. В ранг классика она зачислена задним, правда, числом. К ее 60-летию, в 1929 г., в год “великого перелома” и в школьной реформе, М.Н. Покровский отметил, что «не все знают и *ценят*, как следует, что Надежда Константиновна была *педагогом-теоретиком задолго* до революции, что в ее лице мы имеем первого *педагогического “спеца” нашей партии*» (курсив авт. – Т.К.)³. Важно, что Покровский подчеркнул: “не ценят”.

Самой крупной работой Крупской, одобренной Лениным и опубликованной осенью 1917 г., была статья “Народное образование и демократия”. Ф.Ф. Королев считал ее “настойной книгой по вопросам советской педагогической теории”. Высокого мнения о ней был М.З. Тутаев. Как “наиболее крупный теоретический труд”, “вклад в методологию педагогики” оценил статью и Н.К. Гончаров⁴.

Оценки специалистов позволяют ставить рядом с работами Каптерева и работы Крупской. Отметим все же, что главную из них не заметил П.П. Блонский, современник Н.К. Крупской, талантливейший педагог, долгое время работавший вместе с нею. До публикации главной работы между февралем и октябрём Крупская публикует в “Правде” еще несколько статей.

Посмотрим, какие педагогические идеи и политические механизмы (способы их реализации) предложены ею. Как их оценить с профессионально-педагогических позиций в контексте реаль-

ного времени? Что привлекло внимание в них родителей, а также тех, от кого зависело функционирование школы – педагогов?

Признаем, что газетные страницы, на которых опубликовались статьи Крупской не лучший источник для профессионального разбора проблемы. Что касается “своих” газет, большевики так никогда не считали. Отчасти они правы: специалист и на страницах газеты даст возможность увидеть, насколько глубоко владеет проблемой. Интересующие нас статьи позже включены в собрания ее педагогических сочинений. Фундаментальных (монографических), как Каптерев, работ Крупская и позже не создавала.

П.Н. Каптерев не принял Октябрьской революции и с профессионально-педагогической точки зрения, и есть резон сравнить теоретико-педагогические подходы его и Крупской, тем более, что такое сравнение не проведено.

9 апреля 1917 г., вернувшись из эмиграции, Крупская в “Правде” резко реагирует на слова кадета В.И. Чарнолусского, что “реформы должны проводиться сверху, чтобы предупредить их снизу”. Известный педагог говорил о необходимости четкой организации проведения школьных реформ, подчеркивал важность использования учительских профсоюзов как эффективного механизма взаимодействия профессиональной среды с новым правительством. Но его слова Крупская интерпретирует в том смысле, что-де “вот чего боится буржуазия” – “реформ снизу”! Но разве создание Всероссийского профсоюза учителей не свидетельство тому, что власть поддерживает, а вовсе не боится, учительской инициативы? Реакция Крупской выдает партийные мотивы борьбы за власть. Цель статьи – создать мнение о вредности “буржуазной педагогики” и школы, как образовательной структуры, где такая педагогика применяется. Понятен мотив “усилить” объем претензий к власти: усиление критики создает возможность оставить в тени собственные новации. У историка таких возможностей нет.

Разберемся, что по-настоящему новое предложено большевиками? Новым стало то, что большевики интерпретируют культуру как надстроечный фактор по отношению к базисному (экономическому). Культура – это средство достижения цели, а не цель, сама по себе. В утилитарном и прагматическом отношении к культуре и выявляется несовместимость большевистского подхода с либеральным. Ленинское утверждение о неразрывной связи школы с политикой – это шаг в прошлое, а не вперед не только в философии образования, но и в конкретной политике. В 1918 г. А.С. Изгоев писал, что “из всей европейской культуры эти госпо-

да по-старому берут одну небольшую ее часть, в общем строении организма играющую лишь подчиненную роль орудия критики. Но ее-то они и изображают как цельное здание европейской культуры”. Указывая на ложные представления о роли культуры, Изгоев так закончил мысль: “В создании другой части, *гораздо более значительной качественно и количественно*, социализм уже совершенно не принимал никакого участия”⁵.

Крупская использует риторику в политической борьбе, обращаясь к населению, теоретических работ по педагогике не читавшему. В статье “Неотложная задача рабочих – охрана труда детей и подростков” автор требует запретить наемный труд детей и подростков до 16 лет. Благородное требование. Конечно, до 16 лет детям лучше учиться, а не зарабатывать на хлеб. Но, обосновывая необходимость обязательного всеобщего обучения, она требует соединить его с *производительным* трудом, при этом подчеркивает, что труд детей от 12 до 16 лет *обязателен*. Ибо он является *экономической необходимостью* для страны. Труд – великая воспитывающая сила: “только труд воспитывает граждан”⁶. По сути это – банальная аксиома, но в каком-то двусмысленно-жестком контексте.

Что означает в устах автора обязательность труда подростков как *экономическая необходимость для страны*? Крупская будто стоит на защите ребенка. Но какая, в сущности, разница работающему ребенку, кому, фабриканту с заводчиком или государству, “экономически необходим” его труд? Это не случайная описка в ее статье.

Согласно Игнатъевской реформе, с 1916 г. уроки ручного труда внесены в учебные планы высших начальных училищ. Правда, отводя на них 72 учебных часа ежегодно (в сумме 288 часов), реформаторы признавали их необязательность⁷. Педагогам предоставлялась свобода выбора. Введение уроков стало практическим, но осторожным ответом сторонникам идей трудовой школы на упреки в сугубой академичности школьных знаний и продуманно взвешенным отражением самих идей.

Но к тому времени стало уже понятно, что ручной труд как *учебный предмет* профанировал обсуждаемую педагогами идею трудовой школы, идею, по сути, либеральную. В Игнатъевских программах практически все учебные предметы фокусированы на практические и лабораторные занятия, т.е. на *образовательные* способы, ставящие целью приблизить получаемые в школе знания к разным сторонам жизни. Этот подход *развивался, но не в ущерб количеству и качеству знаний основ наук*. У Каптерева есть глубокий теоретический разбор вопроса, сводящийся к

тому, что школа всегда будет “центром образования”. Попытки изменить ее роль понизят интеллектуальный уровень страны. “Боязнь теории, боязнь широких обобщений есть принадлежность невежества и умственной ограниченности”, – пишет он. И далее: “Никогда серьезная практическая сноровка не может быть приобретена в школе. Чтобы овладеть чисто практической стороной известного дела, нужно им заниматься в жизни, взять на себя его ведение и отвечать за его успех и неуспех. Школьные средства с рассматриваемой стороны всегда очень слабы, практические занятия в школе суть только тень настоящей практики... Школа всегда останется заведением по преимуществу теоретическим”⁸. Впоследствии не удалось опровергнуть практикой это утверждение, хотя и несть числа советским попыткам это сделать. Нарком просвещения А. Луначарский потратит много сил, чтобы отстоять то, что “школа все-таки есть школа”, в основе ее должен быть педагогический, а не производственный план.

Крупская излагает крайне важный постулат большевистского мировоззрения. Позже Ф.А. Хайек вынесет его в название известной книги “Дорога к рабству”. Нобелевский лауреат докажет, что труд, понимаемый как экономическая необходимость всех и каждого на пользу государству, есть *исток тоталитаризма*. Крупская настаивала, что именно буржуазия не реформирует школу “зубрежки и молитвы” в трудовую школу, где бы учили жить и работать. Но возникает вопрос: буржуазия, по Марксу, существует только благодаря эксплуатации чужого труда. Следуя какой логике, она не стремится к столь полезному для нее производительному труду детей от 12 до 16 лет? Ретивые последователи Крупской после Октября будут настаивать: не с 12, а с 9 лет! Почему, следуя “буржуазным интересам”, “буржуазные педагоги” отстаивают важность знаний? Хотелось бы оценить представления автора о том, *как связать* трудовое обучение детей с *содержанием знаний* в учебном процессе, уже имеющихся педагогических наработок. В статье налицо риторика и идеологизаторство вместо разбора профессиональных проблем.

18 мая в “Правде” опубликована очередная статья Н.К. Крупской “Школьная муниципальная программа”. В ней справедливо обращено внимание на то, что втягивание женщин в работу на промышленных предприятиях настоятельно требует развития сети дошкольных учреждений. Любопытно, как Крупская полагает, что именно война втянула женщин в производство, наступившая дороговизна заставила их пойти работать. За скобки вынесено знание автором индустриальных процессов, востребовавших женский труд в производстве задолго до начала войны. Это

Крупская наблюдала в длительной эмиграции. Втягивание женщин в промышленное производство активно развивалось и в России, о чем и рабочая партия, и автор знали. Зачем эта неточность в выявлении корней проблемы, что за нею стоит?

Нет, именно вследствие войны, полагает Крупская, перед муниципальными органами встает задача устроить, как можно больше бесплатных ясель, детских садов, организовать летние школы, бесплатное питание. Но война вряд ли подходящие и обстоятельство, и условие решения нерешенных и в мирное время социальных проблем. Поставим себя на место обывателя, чтобы понять его отношение к читаемым текстам. Грамотный, прочитав статью и признавая объективную необходимость развития этой, и в самом деле, недостающей системы, согласится, что ее создание – дело необходимое, но в конкретных условиях не реализуемое. Обыватель – проще: женщина-мать, вынужденная зарабатывать кусок хлеба в тяжелейших условиях, по-иному отнесется к таким филиппикам. Ей ближе эмоции, не аргументы. Такие статьи собирали вокруг большевиков специфических сторонников. Они нагнетали нервозные настроения, особенно в крупных городах, столицах. В них концентрировалось общественное недовольство войной, тяготами жизни. С этой стороны статья представляет особый интерес. Она показывает, как достичь успеха, играя на том, что П. Сорокин назвал “базовыми инстинктами”, а Л. Гумилев отметил, что “в сознании человека происходит смена ценностно-временной ориентации, рождается футуристическое ощущение времени. Прошлое и настоящее теряют ценность, все надежды устремляются в будущее, реальным прошлым и настоящим человек начинает жертвовать”⁹.

В реальный контекст необходимо вписать и содержащиеся в статье Крупской рассуждения о сущности единой трудовой школы. Она должна упразднить, по мнению автора, монополию имущих классов на образование и обездоленность им трудящихся. “Нужно, – писала Крупская, – чтобы для всех была одна общая школа, подготовляющая всех детей к труду и физическому, и умственному, к пониманию жизни, дающая им свет жизни. Поэтому в общей единой школе обучение должно быть тесно связано с производством, с производительным трудом. Дело это новое. Чтобы помочь ему, местное самоуправление должно озаботиться устройством при школах мастерских, подвижных музеев, научных кинематографов, экскурсий и пр. С другой стороны, оно должно выяснить те отрасли труда, где по гигиеническим и другим условиям возможно применение *общественного производительного труда* детей и организовать этот труд совместно с

представителями учительских организаций, профессиональных союзов, кооперативов и пр.” (С. 278).

Грамматическая ошибка, сделанная Крупской, выдает истинную мотивацию. Поясним. По правилам грамматики русского языка ближе к существительному обязано стоять качественное прилагательное, а не относительное. Следуя им, Крупская должна написать “производительный общественный труд”. Но в том и дело, что для нее важнее труд производительный. Словосочетание станет устойчивым, выявив важность приоритетов советской реформы школы.

Такая школа, в ее представлении, даст возможность молодым людям свободно и сознательно выбрать будущую профессию. Чем именно существующая школа мешала учащемуся, из статьи не понятно. Автор выделяет профессии, связанные с промышленным производством. Крупская явно видит школу как механизм производства *исполнителей*. Дело, оказывается, за созданием мастерских. Их производственный профиль все же определяют органы самоуправления. Но, в таком случае, как будет обстоять дело со свободой выбора профессии?

В статье указывалось, что в отношении школьного воспитания и образования социал-демократия стремится к тому, чтобы все дети получали возможность всестороннего развития физических и душевных сил. Общий пафос статьи трудно не поддерживать. Никакая политическая партия иного и не записала бы в программных документах.

Конкретные же меры сведены в первую очередь к необходимости «озаботиться оборудованием достаточного количества школьных зданий, светлых, сухих, с ванными, залами, столовыми и пр. ...Одновременно с этим должны быть устроены “детские дома”, где бы дети могли проводить все внешкольное время. При детских домах должны быть организованы детские общежития, детские площадки для игр, читальни, мастерские и пр.» Должны быть организованы “летние школы”, в которых дети (не только больные, но и здоровые) могли бы проводить летние месяцы. В деревенской обстановке дети не только будут физически крепнуть, но и готовиться к всестороннему труду, расширять свой умственный горизонт и пр. “...Чтобы уничтожалась пропасть между городом и деревней, необходимо, чтобы, каждый был способен и к городскому, и к сельскому труду”. Особое место в статье занимало требование организовать “даровое” питание школьников. И это дело, подчеркивала Крупская, должно стать делом общественным, к нему должно привлечь самих школьников.

Уже недалек день и события, в нем произошедшие, из-за которых долгие годы тепло и сухо будет только под солнцем. А голодающие дети страны, и в самом деле, окажутся “привлечены” к проблеме добывания куска хлеба. Ужас голода в Поволжье останется вечным укором первым годам истории советской власти и ее системе образования.

В статьях Крупской лишь один мотив: отдайте власть, и мы все устроим. В них имеются благие пожелания, разделяемые многими, умеющими читать. Безусловно, хорошо кормить детей в школе бесплатно. Но бесплатно никогда и ни у кого ничего не получалось, даже у большевиков, даже в годы военного коммунизма. Россия воюет, многие матери работают, чтобы прокормить детей: отцы призваны в армию. Где же финансовый источник “даровых обедов”? Единственный их источник – отчисления от заработка. Нет, увы, в статье механизма, решающего проблему *бесплатного* питания. Как заодно и создания школьных зданий с ваннами, как и производственных мастерских различного профиля (Россия на 80% сельская страна). Есть очевидный расчет на эмоции бедноты, которая поверит партии, “заботящейся” о детях. В ее среде нет ни хорошо знающих русскую грамматику, ни специалистов по психоанализу. С приходом большевиков к власти эта беднота утратит возможность понять ценность знания и первой, и второго.

Понятнее становится последовавшая с победой большевиков концентрация механизма принятия решений в руках органов власти. В статьях Крупской явственен подход к отчуждению объекта, которого должно подвергнуть обучению и воспитанию, от субъекта, принимающего решения по этому вопросу. Подход деформирует роль педагога в образовательном процессе и в конечном счете не приближает решения главной (и общей для всех претендентов на власть) проблемы: активизировать население повышать образовательный уровень. На таком фоне возникает возможность увидеть реальную потребность большевиков в “революционном творчестве масс”, востребованность этого “творчества”.

Заметив знакомую по прежним реформам модальность к предпочтению политических целей “педагогическим соображениям” (П.Н. Миллюков), отчетливее отделяешь пафос от сути в знаменитой ленинской фразе о том, что “школа вне политики это ложь и лицемерие”. Под этой фразой подписались бы и российские самодержцы. Этой логике они и следовали. П. Сорокин, иронизируя, утверждал, что “поступи по их методу царизм, он не только не был бы сброшен, но вышел бы более сильным и абсо-

лютым из переделки”¹⁰. Представления Крупской о реальных трудностях и обстоятельствах жизни прикрыты “верой в мудрость” рабочего класса. Но черпаются они главным образом из литературных источников.

В России многие смотрели на демократию не как на идеал, достигаемый упорной и кропотливой работой, а как на данность, которой мешало утвердиться раньше самодержавное устройство жизни, теперь – правительство, “продажное” и “тайномонархическое”. “Интеллигенция” – с горечью возьмет в кавычки это слово автор модной в те времена книги. И добавит: “с ее вычитанными проблемами и конфликтами”¹¹.

Требования автора единства образовательной системы, всеобщая и для педагогической науки, и для политического спектра России не новы. Их важность профессионалами хорошо осознана. Проблема всеобщая – большое место – горячо дискутировалась со второй половины XIX в. Еще при Александре II, после Манифеста об отмене крепостного права, предполагалось ввести обязательность обучения даже средствами понуждения, введения штрафов, недопущения к причастию, к общественным должностям. Советская власть использует те же средства, кроме, конечно, недопущения к причастию. Реализация всеобщая упиралась в проблему, пишет П.Н. Милуков, “страшных денег”. В 1907 г. октябрист В.К. Анреп подсчитал, что Россия при существующих темпах развития сможет финансировать всеобщую к 1928 г. По иронии истории указанный срок почти совпал с тем, когда и советская власть подступила к практическому его решению. Сталин решит проблему финансирования всеобщая новым закрепощением крестьян, лишением их оплаты труда. Огромнейшая разница в цене и в способе решения проблемы! Известный же педагог В.П. Вахтеров утверждал, что проблема всеобщая – проблема не политическая, а педагогическая. Либералы вели к тому, чтобы население активно участвовало в его проведении личным вкладом (налогом). Он же представил факты: в столицах за право отдать ребенка в начальную школу приходилось уплачивать ежегодно немалую сумму, школьная сеть уже не соответствовала стремлению населения получить образование. Но немало губерний, в которых школьная сеть заполнена лишь на 50–60%¹². Книга Вахтерова вышла одновременно со статьями Крупской. Ключи к решению, по мнению Крупской, лежали в процессе передачи власти народу, он и решит проблему. Выше приведен пример, к чему таковая “передача” привела. Важнее увидеть отсутствие понимания профессиональной стороны дела в публичном изложении.

Из разбираемых текстов статей вытекают два наблюдения. Либо Крупская не считала важным и нужным предъявить обществу профессиональные представления о деле, что странно. Ибо она постоянно зывала к народу как политическому партнеру в управлении страной. Либо она профессиональными знаниями не обладала. Но повременим с выводами и рассмотрим, наконец, основную работу Крупской. Ее содержание даст представление о профессиональном уровне автора, многое объяснит и в разобраных выше работах.

Первое впечатление, которое возникает при чтении, довольно странное. Крупская неплохо знает зарубежную педагогическую литературу. Видно, что она читает *прекрасную* профессиональную литературу. Сохранилось 27 тетрадей ее конспектов на трех языках. Но... она не знает школу. Точнее, она знает, чего хочет от школы, но не знает, а потому и не описывает, как школа добывается результатов. От такой оценки не спасает работу и ограничение автора разбором опыта зарубежной школы по обучению “производительному труду”.

Крупская излишне длинно цитирует педагогическую литературу. Некоторые цитаты делятся страницами. Возникает убеждение, что или, в ее представлении, русский профессиональный читатель эту литературу не знает, или Крупская демонстрирует собственную осведомленность. Но в России прекрасно знали цитируемых авторов: и Г. Кершенштейдера, и Д. Дьюи (изданного в 1915 г.), и А.-В. Лая (1906), и Ф. Паульсена (1913), и Э. Клапареда (1911). Конечно, педагоги знали и И.Ф. Гербарта. Из П. Наторпа, виднейшего представителя социальной педагогики и, кстати, сторонника трудового метода обучения, в России перевели и издали почти все. Важнейшая работа “Развитие народа и развитие личности” вышла в Петербурге в 1912 г. Она состоит из цикла лекций, прочитанных в Германии в *октябре* 1910 г. Авторское предисловие к русскому изданию датировано *декабром* 1910 г.¹³ Так быстро доходили до педагогов новаторские идеи.

Нечего и говорить о знании педагогами работ Г. Песталоцци, цитируемого особенно длинно. Заметим, что цитат из Наторпа в ее основной работе нет, но Крупская его читала. В работе 1916 г. “Дорогу таланту”, посвященной (Г. Кершенштейдеру, она отмечает, что излюбленной областью “кантианца” Наторпа была этика. Действительно, в области философии И. Кант совершил прорыв, поместив этику в сферу науки, возвел ее в законодательный ранг. Его категорический императив стал формой философии, *этика стала законодательством науки*. “Не было философа, больше презирающего душу, чем Кант”, но он “уважал пси-

хологию мыслительной деятельности как теорию познания”¹⁴. Сегодня многое известно об отношении большевиков к этике, как законодательству науки. Наторп отстаивал тезис Канта, самого властного мыслителя, о том, что единственным мыслимым носителем общего “нравственного прогресса человечества” является “государство”, и этим в 1916 г. Наторп не нравится Крупской (С. 156). Она из тех революционеров, которые полагают: их *партия* вполне заменит *государственную* нормирующую их деятельность.

Крупская не “заметила”, что “этот кантианец” философию любимого Канта анализирует только в связке с интересующим и Крупскую Песталоцци. Наторп доказывает, что основоположником социальной педагогики является Песталоцци.

Но более всего, думаю, Наторп Крупской не нравился другим, крайне важным. Последователь идей Канта–Песталоцци, ее современник, сторонник трудового обучения, настаивал, что “все учение об *объекте* образования, т.е. систематика и организация *содержания* образования, будут находиться в ведении *нормативных наук*”. Наторп утверждал, что в “*систематическом построении педагогической науки учение о содержании образования необходимо должно стоять на первом месте*”. Обосновывая необходимость “утвердить учение о содержании образования” “*как самостоятельную, и притом основную часть педагогической системы*”, он подчеркивал, что “никому еще не приходило в голову *перевернуть естественный порядок* системы и поставить на первом месте деятельность субъектов и затем уже спрашивать о содержании образования (курсив авт. – Т.К.)¹⁵. Он резко осуждает намерения некоторых педагогов выдвинуть на первое место учение о “средствах, пособиях и мерах воспитания”, не говоря “ни слова о содержании”, критикует немецкого педагога В. Рейна с его “Педагогикой в систематическом изложении”. Любопытно, что именно В. Рейн привлек внимание Крупской (С. 250). Но мимо другой работы, подчеркнута противопоставленной Наторпом работе Рейна, она прошла. Речь идет о работе крупнейшего специалиста по католической схоластике О. Вильмана “Дидактика как теория образования”. В ней содержание образования поставлено, в отличие от В. Рейна, на надлежащее место в педагогике. Крупская, однако, отметила Рейна. П. Блонский, в 1919 г. издал знаменитую “Трудовую школу”, внимательно читал О. Вильмана.

Но, наконец, рассмотрим, как оценила Крупская Песталоцци, которому посвятила специальную главу. Попытаемся увидеть ее глазами этого “Канта дидактики”, по оценке П.Ф. Каптерева еще

в 1885 г., задолго до того, как Надежда Константиновна взяла в руки “Лингарда и Гертруду” великого педагога¹⁶. Постараемся понять, почему и Каптерев, и Наторп поставили на столь высокий пьедестал Песталоцци?

На что обращает внимание читателя Крупская у Песталоцци? Что сама берет у него? После оценки тяжелого положения народа в Швейцарии, рассказывает она, Песталоцци поселился у своего деда, чтобы “сблизиться с народом”. Он “страдал его страданиями”, занимался полевыми работами с народом, но в них не преуспел: порезал все пальцы на левой руке (С. 169). Большинство его произведений, пишет Крупская, “согреты горячей любовью к народу, он обнаруживает необычайную наблюдательность, глубину и оригинальность мысли”. Но “в них очень много наивного” (С. 170). Классовой борьбы не понимал и потому у него не следует “искать ответов на жгучие вопросы”. Все же Песталоцци интересен, по ее мнению, для желающих “ознакомиться с историей демократической мысли” (С. 170).

Далее идет подробный пересказ из “Лингарда и Гертруды” о доброжелательном помещике, желающем путем разумного законодательства, управления и воспитания молодежи сделать население “счастливым”. Крупская считает, что роман растянут, не отличается художественными достоинствами, *сентиментален*. Оставим оценку литературоведам, хотя отметим, что педагог должен отличать роман от педагогического произведения. “Что делать?” Н.Г. Чернышевского тоже роман, и сны Веры Павловны не менее пространны...

Важнее, что помещик с учителем обсуждают “глубокий” план как учить детей, но как достичь этого, вот это интересно, им рассказывает жена поденщика Лингарда – Гертруда. Именно она, выделяет Крупская, во время поденной работы успевала учить работающих детей читать и считать. В этом и залог того, что дети “работали поденную работу, но души их не знали поденщины” (С. 172). То, насколько избирательно вычитывает Крупская у Песталоцци нужное для нее, увидим, прочитав анализ этого произведения у П. Наторпа, далекого от российского политического противостояния. Во-первых, Наторп отмечает, что, с литературной стороны, произведение не так уж плохо, по крайней мере, в первой части. Во-вторых, Наторп, считая Песталоцци основателем *социальной педагогики*, отмечает, что его мотивы лежат в *ликвидации или минимизации* *увиденного великим педагогом вреда семье, роли воспитания в ней, принесенные развитием промышленности*. Общество, вслед за Песталоцци, утверждает Наторп, “берет свои важнейшие корни в семье” и должно их со-

хранить, выходя из феодального состояния. Главная теоретическая работа Песталоцци “Как *Гертруда* учит своих детей”, полагает Наторп, *названием* “не вполне соответствует содержанию”¹⁷. Ибо главная мысль в ней – *роль матери* и семьи в воспитании ребенка, получила дальнейшее развитие в песталоцциевской “Книге матери”.

В пересказе Крупской романа, а не *педагогических работ* Песталоцци, важны расставляемые акценты. У нее Гертруда, даже в романе, – это Гертруда, но не *мать*. Эта важнейшая мысль выпала из ее поля зрения, но что же тогда от Песталоцци осталось? Его-то занимает проблема *уменьшения* разрыва между матерью и ребенком. *Это уменьшение – основа для отказа от средневекового стиля, отвергавшего ребенка как личность, для поиска педагогических формул нарождавшегося социализирующего стиля, качественно новой педагогики.* Новый характер педагогики создал технологии трансформации средневековой личности в личность нового времени, сорвал с европейского человека феодальную маску, высвободил индивидуализм, который привел к созданию демократии. У Крупской Гертруда – это представитель пролетариата, этим она ей интересна. Упрощенная трактовка, это даже не вина автора, это ее личная трагедия.

Но в акцентах Крупской заложено сыгравшее губительную роль в советской действительности неуважение не только к семье, но и к профессии. Помещик с учителем мучаются над составлением “глубокого плана”, но... приходит поденщица и так, “запросто”, все им объясняет. Это, увы, хорошо знакомый мотив. Это – руководящая роль рабочего класса во всех отраслях человеческой деятельности. О том, что такой акцент для Крупской не случаен и мы не чересчур строги к ней, говорят другие ее работы. В статье “Общественная сторона педагогических вопросов”, написанной еще в Уфимской ссылке, она отмечает, что “в нашей педагогике царит наивная вера во всемогущество педагогических идей” (С. 15). Рассматривая чью-то педагогическую работу, она сетует: “Кого тут только нет: Локк, Песталоцци, Амос Коменский, Ушинский, Пирогов, Новиков, Екатерина Великая, Бецкий. Читатель подавлен этим потоком педагогических имен. Сыпятся они, сыпятся на него, как мелкий осенний морозящий дождик, и на душе у него также тоскливо и скучно, как пасмурный осенний день... Особенно утомляет отсутствие в книге какой бы то ни было руководящей идеи” (С. 18). Так еще до прихода к власти большевики начинают отучать читателя от профессиональной литературы.

Но в статьях, анализированных выше “руководящая идея” есть в виде, например, контроля рабочих за составлением учеб-

ных программ. Но, спросим, как же контролировать их составление, если так скучно от Коменского и Песталоцци, Ушинского и Пирогова? В слаборазвитых странах, а Крупская такой видела Россию, научная традиция сначала носит преимущественно теоретический характер, прежде чем перейти к формулированию “руководящих идей”. В отличие от Крупской, кадет С.И. Гессен увидел в примере Гертруды “*независимость души от труда*”, которая “достигается через ее рост в труде. А это возможно лишь тогда, когда *профессия* осознана как необходимая часть *органической целокупности культуры*... *Тогда* из поденной работы она преобразуется в призвание человека” (курсив авт. – Т.К.)¹⁸. Гессен точнее понял Маркса, в отличие от претендентов на ключевые позиции в российской образовательной системе.

Вернемся к ее главной работе. Далее идет рассказ об устройстве школы по Гертрудиному образцу, выделяется Л. Толстой, как последователь Песталоцци. Осуждается современная школа с ее непомерной централизацией, не учитывающей индивидуальные потребности и ребенка, и населения, которые многообразны, что справедливо.

По Крупской, выходит: Песталоцци уверен в том, что лишь воспитав в себе “всесторонние способности к труду”, народ сможет “самому помочь себе” (С. 171). У Песталоцци же по-другому: “Ты должен сам подготовить свое спасение”, – так дословно. Удивительный пассаж, впрочем, он вполне сочетается со столь же удивительным пассажем ее мужа. У председателя Совнаркома с раздражением в марте 1918 г. вырвется: “русский человек – плохой работник”¹⁹. Он почему-то не связал эту оценку с ранними ставками на “героический рабочий класс”.

Для Песталоцци, который полагал важным участие государства в регулировании общественных отношений, нет мысли, более чуждой, “чем мысль о *поглощении человека государством* (курсив Наторпа. – Т.К.)”. Усматривая в этом отражение идей “последовательного государственного социализма”, Наторп отмечает, что он стоял за сохранение права собственности, но при контроле государства. “Механический коммунизм, поэтому, был бы точно также противен ему, как и механический, опекуновствующий бюрократизм”²⁰. Однако Крупская в “Дороге таланту” с неодобрением отнесла Наторпа к “крайне характерным фигурам в современной немецкой педагогики”, для которого государство является “единственным мыслимым носителем нравственного прогресса человечества”. Потому и “гражданское воспитание” сводится к преклонению перед существующим немецким государством (С. 256). Неодобрение произрастает из отличного от

Наторпа понимания того, что есть *государство*. Для Крупской государство – это власть. Вникнув в анализ Наторпом идей Песталоцци, понимаешь, для них государство – это народ, хотя еще и плохо использующий свои возможности. По причине, среди прочих, и малых знаний.

Крупская особенно выделяет, что Песталоцци мечтал написать “Азбуку труда”, “в которой были бы указаны постепенные упражнения для всех видов элементарных актов трудовой деятельности, как-то: бросание, переноска, толкание, размахивание, кручение и пр. Ребенок, выполняя эти упражнения, развивал бы свои физические способности... необходимые при выполнении любой работы” (С. 177). В Советской России “мечту” воплотят в жизнь и, хотя ни одного толкового школьного учебника по труду советская школа не предъявит, их место с лихвой восполнит море всевозможных инструкций и указаний на этот счет. Особенно отличится Наркомпрос, и выплеснется этот “девятый вал” в первую очередь на головы несчастных педагогов, заставив забыть, а поздних так и не понять то, в чем же, в сущности, заключается их профессия.

Но Песталоцци все же написал, но не ту книгу, об отсутствии которой сожалела Крупская, а другую. Называется она “Лебединая песнь” (“Schwanengesang”). Ее подробно разобрал А.-В. Лай, назвав “азбукой наглядности”, стремлением Песталоцци логически разложить элементарные движения, показать роль педагога в развитии у ребенка “инстинкта развития”. Лай отмечает, что гениальная педагогическая проницательность Песталоцци довела его до “порога психологии движения”, создала базу для обобщений психологов о сенсорных и моторных представлениях о движении²¹.

Песталоцци, убежден, цитирует Крупская, в том, что “весь школьный порядок должен зиждиться на том, что дети с самого начала сами зарабатывали бы на свое существование” (С. 173). Из этого следует вывод: школа должна быть тесно связана с жизнью. А поскольку труд стоит в центре жизни народных масс, то и центром школы должен быть “производительный труд” (С. 176). Однако история педагогической деятельности Песталоцци, по Крупской, имеет печальный конец. Он потерпел крах как раз в части реализации производительного труда. Общество предпочло школу знания. Крупская считает, что “нельзя было ставить успех педагогического предприятия в зависимость от условий рынка” (С. 179). Далее идут рассуждения о несовместимости идей Песталоцци с “общей могуче развивавшейся капиталистической организацией”: они выглядят “утопией”. Общий вывод знаком:

идеи хороши, но им мешает капитализм. Лишь с его ликвидацией школа удовлетворит “потребности народных масс”, станет “охотно приниматься ими” и “в значительной степени созданием их собственных рук” (С. 180, 187).

Удивляет в контексте этих рассуждений и выделяемая Крупской необходимость упрощения методов преподавания (С. 180). Читая работу, в которой тщательнейшим образом перечислены разные виды труда, лишь догадываешься, что в школах еще, вероятно, как-то учат читать и писать. Автор концентрирует внимание лишь на роли труда в школе. Неужели в стране, власть над которой они готовились взять, так не умели работать? На чем базируются *политические* ставки, те, когда рабочий возьмет власть, то он и наведет порядок?

Описывая далее, как и где трудящийся ребенок успешно обучается производительному труду, Крупская так и не пришла к очевидному выводу. Обучение каждого ребенка в школе стало возможным не вследствие улучшения типов школ с обучением *производительному* труду. А вследствие развития экономики, когда родители стали зарабатывать достаточно для того, чтобы освободить ребенка от забот о куске хлеба и отдать его в школу, где давались знания. Вот причина реализации всеобщего в странах Западной Европы. Причина, вовсе не требовавшая низвержения существующих правительств. Ее Крупская не посчитала нужной изложить. Капитализм, создающий материальную базу высвобождения ребенка от работы за кусок хлеба, для его образования, не раздражал Песталоцци.

Но где же, спросим, в ее изложении не просто один из столпов мировой педагогики, а гораздо больше – “Кант ее дидактики”? Не преувеличивает ли здесь П.Ф. Каптерев еще в 1885 г.? Но вровень с Кантом ставит Песталоцци и П. Наторп. Его книга “Философия как основа педагогики” вышла в Петербурге в 1910 г.²² Поищем ответ у первого автора оценки, на которого Крупская ни разу не ссылается. Понятно: он – кадетский педагог. Кстати, Крупская, кроме Л. Толстого, уже превращенного в “зеркало русской революции”, в главной работе не упоминает из русских педагогов даже К. Ушинского²³: Создается ощущение, что “соединять производительный труд с умственным развитием” умеет только зарубежная педагогика (С. 155).

Когда открываешь соответствующую главу о Песталоцци у Каптерева, то первое приходит на ум, что Крупская и Каптерев изучали разных авторов. Понимаешь, и что имел в виду А. Камю, когда, разбирая, чем оказалась полезна гегелевская диалектика Марксу, заметил, что “у Гегеля, как во всякой великой филосо-

фии, есть, чем исправить Гегеля”²⁴, и почему П. Наторп ставил Песталоцци вровень и с Гете. Ничего из того, что описывает Крупская, Каптерева не интересует. Об изрезанных на полевых работах пальцах сведений также нет. Гертруда, правда, есть, но то, как она преподает азы учительской профессии учителю, Каптеревым не выделено.

Гениальность дидактики Песталоцци Каптерев видит в том, что тот изменил в педагогике понимание процесса обучения. Это не “отпечатление в уме учащихся науки”, передача достигнутого человечеством, а “дело творчества самого учащегося”, “развитие деятельности изнутри, как акт самодеятельности, саморазвития”. Ставка на “собственную волю человека” – вот главный мотив дидактики Песталоцци, лейтмотив идей либерализма. Это отражение в педагогике идей Реформации с ее новыми представлениями о личности, ее стремления к свободе, которые “самостоятельны, самодеятельны, подчинены своеобразным внутренним законам”. Каптеревым, выпускником Духовной академии, понят и Кант, и тип западного прометеевского человека. Это же оценил у Песталоцци и “кантианец” Наторп, подчеркивая, что только при таком подходе содержание образования, которое суть содержание человеческой культуры, начинает “мыслиться, как продолжающий действовать живой процесс”. “Все педагогические законы, – выносит Каптерев из Песталоцци, – приводятся к центральному пункту человеческой природы, а этот центральный пункт – наше Я”. Вот, что российский педагог цитирует у Песталоцци: “Все, что ты есть, все, чего ты хочешь, все, что ты должен, исходит от тебя самого”, и в связи с этим “не должно ли и мое познание *исходить от меня самого?*”²⁵. Капитальнейшая для выходящей из крепостного состояния России педагогическая идея, далеко не “мелкий осенний морозящий дождик”, идея, мимо которой прошла Крупская, но не прошла кадетская педагогика.

В связи с выдвинутым *мотивом* образования Песталоцци, как и Коменский, по Каптереву, придавал огромное значение роли метода, т.е. *профессионального способа организации ума обучаемого*. Сущность “всемогущего метода” он видел в “психологически правильной последовательности распределения материала, способов и приемов обучения, последовательности... логичной и твердой”²⁶. Выделяя “наглядность” как “абсолютную основу познания” и “неизбежную основу всякого знания”, Песталоцци видел в ней способ борьбы с “всепоглощающим буквоедством и книгоедством”. Под ним он имел в виду не нелюбовь к книге как учебному руководству, а *строгую систему связи излагаемых в книгах знаний с окружающей жизнью*. Таким образом, он “хотел

теснейшим образом слить формальные начала каждого учебного предмета с наблюдением действительных вещей в данной области”. Так в дидактике Песталоцци закладываются основы проблемного метода обучения.

В понимании Каптерева, речь идет совсем не о том, как в поле преподаются Гертрудой навыки читать и считать. В поле вполне возможно научить тому детей, и не только Гертруде это удавалось. Строго говоря, для этого не нужна ни школа, ни даже Гертруда. Песталоцци пишет совсем об ином, когда разъясняет, чему, на самом деле, при обучении математике следует научить ребенка, помимо чисто утилитарного умения считать.

Одна из глав “Лингарда и Гертруды” специально Каптеревым разобрана: она, во-первых, очень интересно озаглавлена – “Кто отделяет суть счета от чувства правды, тот разъединяет то, что Бог соединил” (курсив авт. – Т.К.). Песталоцци развивает мысль, что “счисление есть природные узы, предохраняющие нас от заблуждения при исследовании истины, и основа спокойствия и благополучия”, и потому так важно научить детей хорошо считать. Число возникает из “определенной, не исключительно чувственной, способности представления”²⁷. Если “звук и форма приводят нас к ясным понятиям и умственной самостоятельности не прямо, а при помощи многих средств, арифметика есть единственный способ, не заключающий в себе второстепенных средств”. “Звук и форма часто служат источником заблуждения, число же никогда”. Эта глава вызвала искреннее восхищение и у П. Наторпа. “С почти невероятной силой... интуиции” Песталоцци, подчеркивает и он, “познает коренное значение математики, числа и пространственной формы для действительного понимания всего, познает это с такой глубиной, с какой со времени Платона едва ли кто так познал”²⁸. В другой работе Наторп отметил, что это понимание дало Песталоцци, его, по собственному признанию, “совершенно не математической голове” не только “верное познание образовательной ценности математики”, но и “ее глубокой связи с... этическим корнем образования”²⁹.

Отметим, Каптерев ни словом не обмолвился о “неудачах” великого педагога на поприще производительного труда в системе обучения.

Очевидно, что с оценкой педагогических идей Песталоцци в исторической ретроспективе, их профессиональной актуальности для современной российской педагогики Крупская не справилась, хотя добросовестно перечислила и ланкастерские школы в Англии, и опыт Р. Оуэна, и декреты Конвента, и многое, многое другое. Она и не могла с ней справиться, ибо разбираемую ста-

тью пишет не педагог, и тем более не педагог-теоретик. Крупская верно схватывает, что уровень промышленного развития Европы и США заставил педагогику выделить трудовое обучение в самостоятельную педагогическую проблему. Но, вырванная из общего контекста повышения качества образования, проблема и утрирована ею, и извращена. Суть ее идеологически интерпретирована. Из работы Крупской еще можно составить представление, как эта проблема могла бы решаться организационно (мастерские и пр.), но как она решается профессионально, на этот вопрос читатель ответа не найдет. Ответ же очевиден.

Крупской пока еще нравится американская начальная школа, по ее оценке, дающая лучшую подготовку к труду, школа демократическая уже тем, что сын чернорабочего сидит рядом с сыном президента Т. Рузвельта. Но ее внимание обращено на то, как усложняются уроки труда в ней, на лепку, вырезание, склеивание и иное подобное. Этому обучали и в русской школе. В США же имелась и структурированная сеть политехнических школ и даже появились консультанты, помогающие выбирать профессию молодым людям. Не заметила Надежда Константиновна очевидного и крайне важного для педагога: в этот период американская начальная школа успешно решала важную профессиональную проблему: переход от *предметного* способа обучения к способу обучения *проблемному*. Смысл его (а не мастерские) связал американскую школу с жизнью. Он и вывел США в мировые лидеры, покончив с иллюзией, главным образом германской, о том, что школа должна постоянно гнаться за стремительно развивающейся промышленностью и порождаемыми ею новыми разновидностями труда. Не понадобилось для этого американской общественности менять и политический строй в стране. Но для решения этой капитальнейшей педагогической проблемы общественности пришлось крепко и как следует “поскучать” над Песталоцци и именно у него вычитать то, что вычитал и Каптерев.

Крупская никак не поясняет в работе и свое отношение к ленинской теории отражения, которая впоследствии станет советской философской моделью познания. Ей, как никому иному, лучше известны побудительные мотивы Ленина, стремившегося в “Материализме и эмпириокритицизме”, пусть пока и в тактическом плане, но защитить материалистический взгляд большевиков на природу и историю, способы их познания. Это особенно удивляет, ибо все крупные педагоги того периода были и философами (П. Наторп, С. Гессен, много занимался философией П. Блонский, П. Каптерев и др.). Без собственного отношения к концептуальным спорам трудно не впасть в предвзятость оценок

теоретической достаточности и практической эффективности эмпирических наук и вытекающих из них социальных технологий.

Вероятно, ощущая теоретическую слабость анализа заявленных в названии работы проблем, Крупская в предисловии к третьему изданию (декабрь 1920 г.) указывает, что предполагала назвать работу иначе – “Народное образование и рабочий класс”, но отказалась от намерений по “цензурным соображениям” (С. 157).

Что же в итоге? Не предложены в работах Крупской механизмы решения проблем, очевидные профессионалам. Но их значимость заключается в другом. Ее работы вызвали бы большое внимание З. Фрейда, ибо их мотив – переключение общественно-недовольства в сторону действительных или мнимых врагов. Фрейд считал его одним из основных социально-психологических механизмов подавления и удержания в повиновении угнетенных. А Н.А. Бердяев характеризовал как диктатуру интеллектуальную “над духом, над совестью, над мыслью”³⁰: Чем, по сути, предлагаемый Крупской механизм отличается от традиционного в прежней российской власти? Очевидное преувеличение достоинств собственных партийных политико-идеологических схем, подходов, рецептов, с сопутствующим небрежением к тому, что уже сделано, но не ее партией. Но это и есть рычаг господства и иллюзорное вознаграждение за убожество собственных идей и мыслей. Возвращаясь к рассуждениям А. Камю о Гегеле, напомним: Камю счел необходимым подчеркнуть, что появление концлагерей в Дахау и Караганде не является обвинительным приговором для философии Гегеля. Правда, появление самих лагерей “дает повод заподозрить, что некий аспект... *мыслей* или же... *логики* мог привести к таким страшным пределам”³¹. Но ни некий аспект мыслей, ни логики Песталоцци не дает повода для подобной аналогии. С Крупской ответ на этот вопрос сложнее...

Симптоматично: несмотря на восприятие многими Крупской как педагога-теоретика (ведь у нее, единственной из советского руководства, были работы, относящиеся к теме образования), она после Октября заняла должность заведующей внешкольным отделом. В 1918 г. Крупская отказалась от должности заместителя наркома просвещения и никогда не занимала его при А.В. Луначарском. Она станет заместителем А.С. Бубнова. Из внешкольного отдела, возглавляемого ею, позднее вырастет Главполитпросвет, а чуть позже – Агитпропотдел ЦК. Будучи вторым лицом в государственной иерархии управления народным образованием, она никогда не занимала официальных постов, ответственных *практически* за школу. Она руководила структурами, от-

вечающими за *теоретическую* сторону дела: научно-педагогической секцией ГУСа, возглавляла редколлегия большинства научно-педагогических журналов. Подчеркнем еще раз: она занимала посты и должности, руководила той *практической* сферой деятельности, которая вызвала бы большой интерес у З. Фрейда.

О том, что главный пафос предоктябрьских работ Крупской направлен против кадетской программы реформирования образования, свидетельствует ее собственная статья “Не совсем одно и то же”. Крупская закончила ее утверждением, что “кадеты и их подголоски, и коммунисты и сочувствующие им хотят двух совершенно различных школ” (С. 303). С этим утверждением автора спорить излишне.

Любые теоретические рассуждения вообще безобидны до тех пор, пока они не облачаются в политические одежды. Очевидно, что статьи Крупской периода февраля–октября 1917 г. трактуют в идеологическом ключе и пристрастно оценивают профессиональный опыт политических противников. Ее работы нацелены на перемещение образовательных проблем в плоскость жестокой политической борьбы. Идеология же – это технология. В работах Крупской нет профессионального анализа. Кроме ее статей, у большевиков не было иных разработок в сфере образования. Их ставка на марксистскую теорию пренебрегала тем, что ее основоположники никогда не считали себя специалистами в сфере педагогики. Вера во всемогущество теории закладывала базу для формирования мировоззрения, не способного воспринимать и профессионально оценивать иные образы и картины мира, реалистически профессиональные способы их улучшения. Далеко заведет негативная критика правительства, доминирующая в ее работах в период борьбы за власть. Позже Н.А. Бердяев тонко заметил, что такие стремления как можно быстрее покончить с прошлым, порвать с ним, являются нравственной проблемой, нравственным императивом, который не ведет к преодолению взаимной ненависти, ибо ненависть “всегда обращена к прошлому”. Она, как таковая, не может быть *источником новой лучшей жизни*³².

Чтобы повести за собой общество, его нужно объединить. Это можно сделать двумя способами: сформулировав понятную и нужную цель или предложив общего для большинства врага. Каждый способ требует *разных* талантов. По технологии цели управляет сильная и умная власть. Технологией врага пользуется власть изначально слабая. *Потому что правильную цель сформулировать в сто крат сложнее, чем выдумать удобного во всех отношениях врага.* Н.И. Кареев в 1917 г. отмечал: “...нет

ничего фальшивее, как та педагогическая система, которая берется выращивать сладкие плоды из горьких корней». Она “ложна” потому, что “стремясь сделать из воспитанника человека в будущем, не признает в нем человека и в настоящем”. Ибо “ставят вопрос не о том, что школа должна сделать для человека, а о том, что она должна из него сделать для достижения тех или иных вне его лежащих целей – национальных, государственных, общественных и т.п.”³³

- ¹ *Кареев Н.И.* О школьном преподавании истории. Пг., 1917. С. 17–18.
- ² *Каптерев П.Ф.* Дидактические очерки: Теория образования. Пг., 1915. С. 184.
- ³ Цит. по: *Королев Ф.Ф.* Очерки по истории советской школы и педагогики, 1917–1920. М., 1958. С. 489.
- ⁴ Там же. С. 490; *Тутаев М.З.* Октябрь и просвещение. Казань, 1970. С. 83; *Гончаров Н.К.* Очерки по истории советской педагогики. Киев, 1970. С. 101, 104.
- ⁵ Вехи: Из глубины. М., 1991. С. 364, 366.
- ⁶ *Крупская Н.К.* Педагогические сочинения: В 6 т. М., 1978. Т. 1. С. 278. Далее в тексте указываются страницы тома 1.
- ⁷ См.: Программы для высших начальных училищ МНП. Пг., 1916.
- ⁸ *Каптерев П.Ф.* Дидактические очерки... С. 174–175.
- ⁹ *Сорокин П.* Социология революции // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 274; *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 96–100.
- ¹⁰ *Сорокин П.* Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 5. С. 162.
- ¹¹ *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: Всемирно-исторические перспективы. М., 1998. Т. 2. С. 199.
- ¹² *Вахтеров В.П.* Всенародное школьное и внешкольное образование. М., 1917. С. 89.
- ¹³ *Наторп П.* Развитие народа и развитие личности. СПб., 1912. С. 5.
- ¹⁴ *Шубарт В.* Россия и Европа. М., 1997. С. 93.
- ¹⁵ *Наторп П.* Философия как основа педагогики. СПб., 1910. С. 64–65, 68.
- ¹⁶ *Каптерев П.Ф.* Дидактические очерки... С. 29.
- ¹⁷ *Наторп П.* Развитие народа и развитие личности... С. 14, 17, 32.
- ¹⁸ *Гессен С.И.* Основы педагогики: Введение в прикладную философию. М., 1995. С. 129–130.
- ¹⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 189.
- ²⁰ *Наторп П.* Развитие народа и развитие личности... С. 20, 23.
- ²¹ *Лай А.-В.* Школа действия: Реформа школы сообразно требованиям природы и культуры. Пг., 1920. С. 8–10.
- ²² *Наторп П.* Философия как основа педагогики... С. 14.
- ²³ *Абрамов Я.* Песталоцци: Его жизнь и педагогическая деятельность: Биографический очерк. СПб., 1893.

- ²⁴ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 222.
²⁵ Каптерев П.Ф. Дидактические очерки... С. 26–27.
²⁶ Там же. С. 28.
²⁷ Там же. С. 30, 37.
²⁸ Там же.
²⁹ Натопн П. Развитие народа и развитие личности... С. 24.
³⁰ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 136–137.
³¹ Камю А. Бунтующий человек... С. 224.
³² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма... С. 129–140.
³³ Кареев Н.И. О школьном преподавании истории. Пг., 1917. С. 16, 20–21.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Г.Д. Алексеева:

– Откуда Вы взяли мысль, что рабфаки доделывали то, что недоделали школы? Те, кто кончали школу, шли в высшие учебные заведения. На рабфаки приходили фактически неграмотные люди либо уровня сельской приходской школы, где было четыре класса, либо вообще неграмотные и учились на рабфаке грамоте, арифметике. И нельзя сказать, что рабфаки что-то недоделали.

Т.Ю. Красовицкая:

– Эту нехитрую мысль я уже излагала ранее и теперь настаиваю, что дело не только в рабфаках. Они делали то, что могли делать при практически не работающем среднем звене образования в гражданскую войну, исключительно из-за привнесенной большевиками идеологии школьной реформы. В сознание людей вселили убежденность, что после приходской школы или, даже не окончив курсов ликбеза, можно рассчитывать на учебу в университете. Люди не понимали важности и ценности знания как такового. Сами люди в том не повинны, это их революционные надежды использовались властью. Помните фразу, по-моему, Луначарского или Покровского: “Берите университет на абордаж!” И брали. В этом проблема. У нас рабфаки изучались с романтической, а не с профессиональной точки зрения. Среднюю же школу, по сравнению с дореволюционным периодом, удалось окончить немногим. А как они учились? Учебный план, т.е. сколько часов отводили на математику, на язык, литературу и т.д., появился только в 1920 г. А с конкретными программами так и не разобрались. Как может технический вуз работать, если,

говоря современным языком, абитуриент, окончив то, что считалось средней школой, не получил в ней знаний законов Ньютона? Это просто не предусмотрено программой. Значит, вуз доделывает за школу ее работу? Задумайтесь, почему советские мосты рушатся, а мосты XIX в. стоят, почему старые дома стоят, а новые обрушиваются? Кто-то когда-то какие-то формулы недопросчитал! Поэтому я писала книгу о качестве образования, а не о количестве. Я привожу свидетельства, когда и учителя, и родители умоляли: “Не трогайте школу”.

Г.Д. Алексеева:

– Я с большим интересом прослушала доклад прежде всего потому, что он имеет необычный разворот, которого мы раньше не касались – идет сравнение знаний о школе, об образовании с дореволюционным, с европейским, с позициями крупнейших теоретиков, педагогов. В нашей истории образования нужно различать работы по истории образования и работы по истории педагогики. Это абсолютно разные проблемы, и поэтому они часто изучаются в разных учреждениях, на разном материале и с разной целью. В докладе введен большой элемент педагогического материала, что имеет определенный смысл.

Что же у меня вызывает возражение? Вызывает возражение тезис докладчицы о создании новой системы советского образования к периоду 1917–1920 гг. Вначале она сказала, что система не была создана. Это практически было невозможно. Шла гражданская война, страна безграмотная, накопилась масса проблем, и никто не ставил вопрос о создании системы советского образования к 1920 г.

В этот период еще нет государственных идеологических установок, потому что не сформирована государственная идеологическая концепция. Есть одна установка: детей нужно учить пониманию современности и воспитывать активных граждан – защитников революции. Это одна из идеологических установок, а отнюдь не идеология в целом. Еще нет никакой “новой идеологии”, это мнение абсолютно исторически неверно.

Что касается Крупской, мое отношение к ней двойственное, и тут я разделяю мнение автора. Она очень много делала и в партии, и в образовании, и в своих отношениях с окружением, в частности с партийным окружением, глупостей. Это относится и к ее педагогическому наследию.

Содержание доклада гораздо глубже и интереснее, чем заявка на анализ “большевистского эксперимента”. Что значит “эксперимент”? Строится новое общество. Идет поиск чего-то нового, свежего, чего-то правильного, верного. Я против того, чтобы

Богданову приписывали отрицание всей культуры. Это культурнейший человек XX в.! Вот он все отрицал: давайте разрушим! И приводит слова пролеткульта поэта: “Сметем всю культуру прошлого!”... Это были очень культурные, образованные люди, которые прошли прекрасную школу обучения в царской России, и чтобы Крупская, Ленин, Богданов не понимали того, что надо сохранять и от чего надо избавляться? Я лично не могу этого объяснить. Я не могу объяснить, почему Крупская встала на такой путь.

Огромное число людей, попадавших в Наркомпрос и в отделы народного образования, несли в себе заряд абсолютного разрушения. Этот заряд разрушения заражал даже очень образованную часть марксистов и большевиков, которые, с одной стороны, не могли этот напор сдержать, а с другой стороны, подвергались влиянию этого напора, и поэтому они начинали кричать, что надо все разрушить, что все это не годится.

Но, тем не менее, я считаю, что преподавание естественных и точных наук – математики, физики и т.п. – при всех этих разрушениях было сохранено. Иначе был бы разрыв традиций, который мы никогда не могли бы восстановить, причем с большой перспективой на будущее. Те крупные ученые, физики, которые работали в 40–50-е годы, учились после революции, и у них было прекрасное образование. Но тут есть другая сторона, которая в основном касалась гуманитарного знания, но в этой области гораздо большую роль, чем Крупская, играли два человека – Покровский и Бубнов. Когда встал вопрос о замене учебников русской истории новыми учебниками (речь идет о комиссии Кирова, Жданова, Сталина), когда в первый раз сказали, что нужно менять учебники, Крупская, Бубнов и Покровский не нашли ничего лучшего, как опять рекомендовать учебник русской истории в сжатом очерке, который совершенно ни с какой точки зрения не годился для преподавания истории.

Поэтому мне кажется, что в наших подходах нужно больше усилить элемент объяснения, чем элемент идеологического пресса и большевистского эксперимента.

Т.Ю. Красовицкая:

– Закрываю во порядку. Галина Дмитриевна возражает против того, что я не развела историю образования и историю педагогики. Она считает, что это разные проблемы и изучаются в разных учреждениях. Я же настаиваю на том, что это и есть наша главная проблема. Я считаю, что мы до сих пор не можем объективно оценить урон, нанесенный революционаристскими деяниями качеству образования потому, что когда-то мы эту

проблему отдали на откуп Академии педагогических наук. Как же можно оценить качество образованности страны, не касаясь того, какими средствами это достигалось? Именно поэтому я большое место отвела изучению педагогики, главным образом, кадетской, чтобы сопоставить их профессиональные подходы с подходами Н.К. Крупской. И пришла к неутешительному выводу, что Крупская профессионально оказалась несостоятельной. Понять это можно, только положив рядом педагогические работы и начав их изучать: есть ли в них ответы на профессиональные вопросы. Скажу больше, я уверена, что при сегодняшнем уровне исторической науки историк культуры, изучая историю образования, не может обойти педагогические работы. Они для меня являются главнейшим историческим источником. Когда я пишу о школьных программах по русскому языку, я обязана быть в курсе дискуссий лингвистов. Там есть очень многое, гораздо более значимое, чем в партийных документах, что позволяет понять, какие учебные программы использовали более эффективные, более отвечающие времени предложения специалистов о том, как учить тому же языку. А что мы до сих пор читаем или читали? Вот большевики наконец-то реализовали реформу алфавита. Но ее подготовили еще до революции. Она и называлась “манулицей”. Большевики только опубликовали декрет, да и то первый оказался неграмотным. Более внятным был второй декрет, написать который помог тот же А.А. Мануйлов.

У Г.Д. Алексеевой вызывает возражение и то, что я “требую” создать за 1917–1920 гг. советскую систему образования. Она считает, что создать ее было невозможно: гражданская война. Во-первых, я ничего не требую. Я говорила о том, что в итоге такая система была создана. И ее главная проблема – это отсутствие реальных решений и предложений о том, как повысить качество знаний. Выпускник с аттестатом зрелости был неспособен заработать. Что ему делать в жизни с биномом Ньютона? Приходилось организовывать огромное количество профтехшкол, училищ, чтобы адаптировать человека к жизни. А выпускник гимназии спокойно, еще учась в ней, мог зарабатывать хотя бы уроками для младших. А проблема доучивания, дополнительных затрат на подготовку к поступлению? А проблема “блата”, взятки в вузы? Разве это не проблема советской педагогики? Не проблема качества образования?

Я же только пытаюсь разобраться, реализовали ли большевики то, что они наобещали перед октябрём? И если я задаю вопросы, то только для того, чтобы понять, чем им мешали те кон-

кретные знания, которые предоставляла школа населению? Почему, в связи с какой логикой, знаниям был придан классовый характер? Из-за такого рода идеологической концепции все и пошло кувыркком. Вот поэтому учителя в эмиграции – вторая по численности профессиональная группа. Эмигрировали целыми школами, кому удавалось. Та установка, что детей нужно учить современности – это не их находка. Вспомните реформу П.Н. Игнатъева, это было до них сделано. Я пытаюсь показать отличие подходов Крупской и Луначарского, защищавшего школу как центр образования, а не как трудовую коммуну, в которой правила русского языка или теоремы по геометрии можно изучить “трудовым способом”, да еще занимаясь “производительным трудом, экономически выгодным для государства”. Я и спрашиваю, а что разве интеллектуальный труд – это не труд? Вот откуда отношение к интеллигенции. Да, я понимаю, почему охранка считала Крупскую вторым после Ленина по опасности лицом: в XX в. так легко относиться к важности знаний для человека, при таком усложняющемся и ритме жизни, и росте техники... Мы за это и сегодня еще расплачиваемся.

Что касается разрушения всего советского, я обратила внимание главным образом на восстановление роли профессионала в такой важной сфере деятельности, какой является школа. Примером профессионального отношения к школе для меня был Каптерев. Богданову, конечно, не повезло. Следовало бы подробнее изучить, во что превратили его идеи ретивые революционеры. Согласна с Вами и в том, что в 20-е годы еще оставались педагоги из прежних гимназий, глубокие профессионалы, но будущее было уже не за ними, а за выпускниками как раз рабфаков. Они успевали “проучивать” целое поколение. А это серьезно. Они тоже когда-то станут профессионалами, но уже советской педагогики. Да, я тоже попыталась разобраться, и две главы у меня этому посвящены, как Луначарскому удалось все-таки “протащить” в 20-е годы некоторые наработки Игнатъевской реформы, я установила этих людей, попыталась показать, что по их учебникам и советская школа работала иногда вплоть до 60-х годов. Но это было уже вопреки, а не благодаря той концепции, с которой пришла Крупская. Это была тяжелая борьба, окончившаяся когда Сталин понял, что системы образования как таковой нет. Он убрал и Крупскую, и Луначарского. А школу вернул к николаевским временам. Но ведь мы, историки, должны оценить и тот уровень достижений, а значит, и возможностей, которые не реализовались.

Что касается того, что не было новой идеологии. Как это ее не было, и ее никто не знал? А программа партии 1919 г.? А все

пишущиеся программы и их приспособление к ней? Но если мало кто знал о самой программе, то юридические документы о новой школе осени 1918 г. разве не были известны? Старое учительство было грамотным, это не рабфаковцы. А перевыборы учительства, которые проходили под знаком лояльности новой власти и признания этих документов? Без этого их бы никто к занятиям в школе не допустил бы.

Я настаиваю на том, что мы не оценим то время, если не начнем смотреть на него глазами профессионала – педагога, лингвиста, психолога. Я хочу привлечь внимание к тому, что мы до сих пор не хотим смотреть на исторический процесс глазами профессионалов, в моем случае – педагогов, по-прежнему настаиваем на “разделенности” наук. Это чисто советский подход, это интерес только к идеологии. Мне важно было рассмотреть партийные и идеологические установки и решения глазами профессионала. Как только включаешь новые источники, так картина меняется, оценки меняются. Они могут не нравиться. Но пока мы не введем в наш анализ весь комплекс источников, пока не перестанем делить историю образования: это для Института истории, а это для АПН, мы не поможем ни себе, ни школе. А школа – это такой социальный институт, в котором заинтересовано все общество. И в нем есть еще одна особенность: школа жестоко мстит за пренебрежение к качеству ее работы. Мстит судьбами поколений, а значит – судьбой страны.

Г.Д. Алексеева:

– Большая ценность доклада в том, что в нем показано, как можно использовать педагогический мировой опыт, чего сейчас руководители образования не делают.

Т.Ю. Красовицкая:

– Они не читают Песталоцци.

Л.Н. Нежинский:

– Очень жаль. Потому что даже в более суровые времена заставляли читать классику мировой педагогики. И это играло очень большую позитивную роль. По крайней мере, во всех педагогических институтах Советского Союза (а их немало, и кадры педагогики там ведущие) их изучение считалось обязательным. Роль знакомства с трудами этих людей, этих мыслителей, этих авторов выходила за рамки только ознакомления с чисто педагогическими образовательными проблемами.

Доклад был интересный. Он затронул целый ряд проблем, которые важны не только в научно-познавательном отношении для нас, историков, но и весьма актуально звучат сегодня. Когда

Вы внимательно прочитаете нашу современную прессу и все дискуссии, которые идут уже не первый год относительно сущности и будущего нашего среднего, а в значительной мере и высшего образования, то обратите внимание на один из тех моментов, который затронула докладчица. Вокруг чего идут дискуссии и споры? Все – к сожалению или не к сожалению – в истории повторяется. Опять то же самое: во-первых, что учить, а во-вторых, как учить. (Г.Д. Алексеева: “И для чего учить...”) А для чего – об этом даже бояться говорить, потому что тут сегодня возникает наибольшее противоречие в силу нашей свободы слова, высказываний, поведения и т.д. Для чего – это каждый гражданин сам определяет, особенно у кого есть семья, дети, внуки. Но вот что учить и как учить? Это, кстати, критерии так до конца и не выработанные. Поэтому я думаю, что сама постановка этой проблемы по большому счету, конечно, очень важна, актуальна и интересна.

ОБРАЗ ЕВРОПЫ В СОВЕТСКОЙ КАРИКАТУРЕ 20–30-х ГОДОВ*

Советская политическая карикатура, представлявшая собой “своеобразное сочетание политики, идеологии и собственно популярной литературы”¹, обладает ценностью в качестве исторического источника, хотя лишь в самые последние годы в российской историографии появились работы, где она рассматривается с этой точки зрения².

Изученная на протяжении, скажем, двух десятилетий, она позволяет проследить все зигзаги, повороты, нюансы официальной пропаганды. Но есть и другой пласт исторической реальности, раскрыть которую также можно через анализ политической карикатуры. Речь идет о тех образах внешнего мира, которые формируются в массовом сознании.

Информация о внешнем мире, доступная подавляющему большинству советских граждан, была ограничена, каналы ее поступления практически полностью контролировались властями. Тем более это относится к информации визуальной – помимо многочисленных и зачастую некачественных фотографий в газетах и журналах источником ее могла служить лишь кинохроника, также относительно малодоступная. И поэтому любые официальные сообщения, газетные статьи или радиопередачи о современной жизни за рубежом очень часто вызывали зрительные ассоциации именно с карикатурами, которые публиковались в прессе, составляли часть привычной повседневности и, что немало важно, с точки зрения содержания практически повторяли основные темы и сюжеты советской пропаганды. И поэтому образ мира, в первую очередь Запада, для значительной части советского общества приобретал явно выраженные карикатурные, гротескные черты. Конечно, это в полной мере осознавалось и

* Доклад на заседании ученого совета ИРИ РАН 22 мая 2003 г. Подготовлен в рамках исследовательского проекта «Динамика формирования внешнеполитических стереотипов советского общества в межвоенный период (на примере представлений о “внешней угрозе”)». Грант 02-01-00255а предоставлен Российским гуманитарным научным фондом.

использовалось теми, кто занимался формированием у советских людей соответствующей картины мира. Более того, гротеск рассматривался как наиболее адекватное отражение внешнего мира. “В этой борьбе смехом мы имеем право изображать врага карикатурно. Ведь никто не удивляется, когда Ефимов или кто-нибудь другой из карикатуристов ставит Макдональда в самые неожиданные положения, в которых тот в действительности никогда не был. Мы очень хорошо знаем, что это бóльшая правда, чем лучшая фотография Макдональда, потому что художник этим искусственным, неправдоподобным положением карикатуры **выясняет внутреннюю правду** (курсив мой. – А.Г.) ярче и острее, чем какой бы то ни было другой прием”, – говорил А.В. Луначарский³.

В образном ряду, формирующем представления о внешнем мире, политическая карикатура занимает особое место. С одной стороны, для нее характерна особая емкость образа, эмоциональность (с ироническим или саркастическим оттенком) и, в ее советском варианте, абсолютная идеологизированность. “В листовках ли, плакатах, лубочных картинках на печатном поле газетных полос, карикатура всегда четко и ясно разрешала тот или иной политический момент даже перед теми, кто менее всего посвящен в события политического дня. Масса знакомится с политическим моментом еще до прочтения передовицы, до отдельных статей на определенную тему”, – подчеркивалось в одной из брошюр того времени⁴. С другой стороны, карикатура – часть повседневности, которая не всегда воспринималась читателями как пропаганда, выступая порой под маской “развлечения”, но из-за своей распространенности и особенностей восприятия запоминалась и накладывала несомненный отпечаток на формирование образа иной страны или культуры. Оставляя в стороне многие нюансы, карикатура формирует упрощенную картину реальности, опираясь при этом на уже существующие установки, представления, стереотипы.

Образ страны или группы стран в карикатуре подменяется маской, упрощенной до примитивизма и за редким исключением откровенно черно-белой в своих оценках. Но и эти маски (которые могут меняться, иногда почти мгновенно, исчезать и возникать вновь) остаются важной составной частью образа, в значительной мере определяя его эмоциональную окраску.

Как отмечал критик В.П. Полонский, “карикатура принадлежит к самому меткому виду оружия. Карикатура казнит смехом. А от смеха не спасает ничто – ни миллионная армия, ни наемные перья, ни каменные стены. Оттого-то искусство карикатуры –

могучее искусство. Оно дается немногим. Карикатура – как и плакат – орудие борьбы. Когда карандашом художника перестает водить боевая задача – пафос карикатуры гаснет. Она потухает как электролампа, в которой перегорела нить”⁵.

Еще более определенно о советской политической карикатуре высказался видный коминтерновец Ф. Кон: “Часовой, вооруженный карандашом и зорко наблюдающий за готовящим новую интервенцию классовым врагом и разоблачающий его приемы”⁶. Необходимо отметить, что термин “политическая карикатура” в СССР межвоенного периода применялся *исключительно к карикатуре на международные темы*. Карикатуры, посвященные внутренней жизни СССР, независимо от темы и сюжета, таковыми не считались. Порой подобная практика вызывала обоснованные возражения, однако продолжала оставаться общепринятой. В данном очерке мы будем пользоваться именно этой терминологией.

Как подчеркивает А.В. Дмитриев, “в отличие от западного элитарного подхода к карикатуре, в России она использовалась как особая коммуникация властей с широкими массами населения. Ее злость и простота были достаточно понятны для любого читателя и зрителя”⁷. В свою очередь, Б. Ефимов убежден, что уже к началу 1920-х годов карикатура заняла в советской печати такое место, какого она никогда и нигде не имела на Западе. Там карикатуры, за редким исключением, носили развлекательно-бытовой характер, появлялись главным образом в воскресных, спортивных или юмористических выпусках. «Неудивительно, что буржуазная пресса была определенно озадачена активностью советской сатиры, когда “Правда” – газета мирового значения, а вслед за ней “Известия” и другие советские газеты придали карикатуре значение важного и ответственного политического материала, используя ее как острое и сильное агитационное оружие» – вспоминает Б. Ефимов⁸. Тут же он приводит ряд примеров перепечатки советских (в частности, своих собственных) карикатур западными изданиями. По мнению художника, это говорило о “небывалом внутреннем и международном резонансе”, который получала советская карикатура. Однако, изучая карикатуры тех лет, невольно приходишь к мысли, что западная пресса воспроизводила прежде всего те карикатуры, которые, по ее мнению, выходили за общепринятые рамки цивилизованной политической сатиры, представляя видных государственных, политических, религиозных и общественных деятелей не просто карикатурным, но иногда откровенно оскорбительным образом.

Вышедшая в 1930 г. брошюра так определяла задачи советской политической карикатуры: “Существует ходкое суждение о том, что карикатура является всемирной историей в эпиграммах. Это несомненно. Но советская политическая карикатура может к этому присоединить и то, что является отличительным для характеристики рабочей карикатуры, это – обличительный жар, который вскрывает и разит капиталистический мир... Комическое в этой сатире не служит развлечением для читателя нашей прессы, а служит разоблачением, где едким смехом уничтожается притязание врага и *открывается путь к постижению истинного смысла политического события* (курсив мой. – А.Г.)”⁹.

Не случайно вводные статьи (иногда весьма развернутые) к альбомам карикатур, выходящим в 20–30-е годы, в ряде случаев писали видные политические деятели, такие, как А.В. Луначарский или Феликс Кон.

Сатирическая печать неоднократно становилась объектом пристального внимания высшего партийного руководства. Так, в мае 1927 г. было принято постановление отдела печати ЦК ВКП(б) “О сатирико-юмористических журналах”, в августе 1928 г. – постановление секретариата ЦК ВКП(б) “О сатирических журналах”. И впоследствии (в частности, в 40–50-е годы) принимались специальные постановления ЦК, посвященные работе журнала “Крокодил”.

Темы карикатур для газеты “Правда” (реже “Известий”) иногда задавались “сверху”, что же касается журналов, если верить воспоминаниям Б. Ефимова, темы рисунков определялись редакционной коллегией. Их обычно предлагали сатирики-“темисты”, темы обсуждались редакцией, и только после этого за нее брался кто-то из карикатуристов. Готовая карикатура обсуждалась вновь и после необходимой доработки шла в печать. Этот процесс занимал в среднем две недели¹⁰. Иногда публиковались карикатуры, полученные в готовом виде от карикатуристов, не работающих в данном журнале, или даже от читателей (в “Крокодиле”, например, время от времени появлялись подборки читательских карикатур), порой перепечатывались рисунки из иностранных журналов.

Для политической карикатуры было характерно обилие деталей и многочисленных подписей различного уровня – эпиграфа (часто в виде цитаты), определяющего конкретный повод для появления данной карикатуры; названия карикатуры; подписи под рисунком, чаще всего в виде прямой речи действующих лиц; поясняющие надписи на тех или иных элементах рисунка. Не слу-

чайно читатели того времени часто в своих письмах подчеркивали, что “любят читать карикатуры”¹¹.

Характерной особенностью политической карикатуры являлась повторяемость и узнаваемость нескольких “масок” – империалист (цилиндр, монокль, мешок с деньгами), как правило, лишенный национальных примет, но иногда – с явным намеком на английское происхождение; военные (чаще других в форме Франции, Японии, Польши), социал-демократ; полицейский. Своеобразными масками выступало и несколько наиболее одиозных для советской пропаганды политических деятелей. Вскоре искушенный читатель уже безо всяких подписей узнавал тех или иных персонажей, ориентируясь на привычные детали – подбородок Муссолини, монокль Остина Чемберлена, конфедератка и усы Пилсудского, пилотка с кисточкой и характерный профиль Франко.

Сатириков нередко критиковали за “копание в мелочах”, требовали поднимать принципиальные вопросы общественной жизни, однако здесь любого автора частушек, фельетонов, карикатур подстерегали различные, иногда весьма значительные, неприятные последствия. “Выход был найден. Сатира и юмор взялись за иностранный капитал. Здесь и критика, здесь и мировой масштаб. Да и вся страна жила мировыми проблемами. Слова: Лига наций, Чемберлен, Чичерин, ультиматум и другие – не сходили со страниц газет”, – подчеркивает Г.В. Андреевский¹². Но и здесь возникали свои проблемы, о чем говорит карикатура И.А. Малютина с красноречивым названием “Зачемберленились”, опубликованная в “Крокодиле” в январе 1926 г. Речь шла о том, что многие сатирики и карикатуристы занимались только внешнеполитическими сюжетами и не беспокоили “внутреннего врага”¹³. В результате уже в конце того же 1926 г. на карикатуре Ю. Ганфа “Лекарь Крокодил” предлагал Чемберлену: заходите в следующий номер, сейчас я занят внутренними болезнями...¹⁴

Внимание советской сатиры к международной тематике то увеличивалось, то снижалось. Это было связано со множеством причин, в первую очередь, конечно, с ситуацией внутри страны и с той оценкой международной обстановки, которая давалась политическим руководством.

Если посмотреть материалы “Крокодила” с 1922 по 1939 г., окажется, что наибольшее количество карикатур на международную тематику (180 карикатур в 48 номерах) было опубликовано в 1923 г., когда в СССР всерьез ожидали начала мировой революции. На втором месте – 1936 (обострение международной ситуации, война в Испании) и 1939 г. (международный кризис, начало Второй мировой войны, советско-финская кампания), когда

в 36 журналах появилось соответственно 145 и 148 карикатур. На третьем месте – 1932 г., канун прихода Гитлера к власти в Германии (131 карикатура в 36 номерах). А меньше всего внимания внешнему миру “Крокодил” уделял в 1927–1928 гг., годах “Великого перелома” и начала массовой коллективизации (соответственно 26 и 12 карикатур в 48 номерах журнала за год). Даже знаменитая “военная тревога” 1927 г. не изменила ситуации.

Политическая карикатура публиковалась в газетах, журналах, в том числе специальных (сатирических или юмористических). Расцвет ее приходится на 20-е годы, когда работали наиболее интересные советские карикатуристы, сложившиеся как мастера еще до революции (в основном вокруг журнала “Новый Сатирикон” – Дени, Моор, Черемных и др.), выходило множество сатирических журналов как в столице, так и в провинции, вплоть до уездных городов. Более или менее стабильными оказались (среди столичных) московские журналы “Смехач” (1924–1928) и сменивший его “Чудак” (1928–1930), петроградские “Бегемот” (1924–1928), “Пушка” (1926–1929) и “Ревизор” (1929–1930). Однако с 1930 г. количество журналов резко сокращается, вновь возникающие существуют лишь несколько месяцев. В Ленинграде с 1930 г. сатирических журналов практически не издавалось; было два или три журнала в республиках, на языках титульных наций. Эти журналы просуществовали до начала войны. Особняком стоят специализированные журналы “Лапоть” (1924–1933) и “Безбожник” (1923–1941)¹⁵. Политические карикатуры регулярно печатались также в “Правде”, “Известиях”, “Огоньке”, выходили в виде альбомов видных карикатуристов. Но, конечно, наиболее стабильным, популярным и многотиражным среди советских сатирических журналов был “Крокодил”, который издавался в Москве с 1922 по 2000 г. с периодичностью в среднем три раза в месяц. Весьма значительным был и тираж издания – 150 тыс. экз. в 1923 г., 500 тыс. в 1933 г., 275 тыс. в 1939 г. Именно материалы “Крокодила” положены в основу данного очерка.

* * *

Послевоенная Европа в изображении советских карикатуристов 1920-х годов представляла собой довольно жалкое зрелище. Как гласила стихотворная подпись к одному из рисунков 1923 г.:

Европа смотрит взглядом тусклым,
Товара нет и порван зонт,
И под дождем штыков французских
Европы мрачен горизонт¹⁶.

“Французские штыки” появились здесь не случайно – в 20-е годы именно Франция воспринималась как доминирующая в военном отношении держава Европы, от Франции и ее восточно-европейских союзников, прежде всего Польши, исходила в представлении советского руководства и соответственно карикатуристов непосредственная военная угроза для СССР. Необходимо оговориться, что основным источником угрозы, политической или экономической, в представлении советской элиты выступала Англия, которая, однако, в соответствии с традиционными российскими стереотипами, предпочитала воевать исключительно чужими руками. Позднее, в 30-е годы, роль источника основной военной угрозы в советских геополитических представлениях перейдет к Германии, но за ее спиной все так же будет вырисовываться зловещая фигура Джона Буля¹⁷.

Показателен обобщенный образ Европы тех лет. Нищая старуха с дырявым зонтиком; та же старуха, но уже безумная, увешанная оружием; официант, ожидающий чаевых от богатого клиента-американца – подобные изображения Европы в эти годы доминируют .

Общеполитическая ситуация в Европе заслуживала не менее саркастических оценок советских карикатуристов. Немая сцена из “Ревизора”, где в роли Городничего – Капитал, Анна Андреевна и Марья Антоновна (в подписи к карикатуре почему-то Агафья) – соответственно Ллойд Джордж и Пуанкаре, Добчинский и Бобчинский – Польша и Финляндия и т.д., – такой виделась Европа художникам “Крокодила” в начале 1922 г. Любопытно, что ни Хлестакова, ни жандарма, объявившего о появлении настоящего ревизора, на рисунке нет, и можно только догадываться, что именно так поразило европейцев¹⁸.

В эти же годы нередко встречается сравнение Европы с оркестром, играющим “кто в лес, кто по дрова” (так гласит подпись под карикатурой Д. Моора 1922 г.¹⁹). В 1927 г. тот же сюжет воспроизвел Ю. Ганф. На его карикатуре “Оркестр без дирижера” в качестве оркестрантов были изображены восточноевропейские страны, играющие на пушках, броненосцах, баллонах с ядовитыми газами и т.п. Но у карикатуры был и свой подтекст. “А где же дирижер? – Дирижер находится в Лондоне”, – гласила подпись под рисунком²⁰.

Еще любопытней рисунок Б. Ефимова, появившийся в 1924 г. и озаглавленный “Европейская джаз-банда”. На сей раз дирижер в европейском оркестре присутствует – это Юз. Первая скрипка Болдуин, вторая – Эррио, лорд Керзон дует в 16-дюймовую “трубу”, польский пан играет *на контрабанде* (подчеркнуто – “опе-

чатка”), Румыния на свирели, Макдональд после фальшивой ноты (по поводу так называемого письма Зиновьева) уходит с рваной струной. В руках у Муссолини флейта из кости коммуниста, у Эберта пищик, фашист, сидящий верхом на Эберте, звенит в “треугольник” в форме свастики²¹... Очевидно, что подобные карикатуры представляют собой уже не явление искусства, пусть даже искусства карикатуры, а, скорее, пособие к лекции о международном положении. И тем не менее нужного результата они достигали – читатель, внимательно рассмотревший рисунок, получал наглядное представление о политической ситуации в Европе в целом, конечно с точки зрения советской пропаганды.

Другой расхожий образ Европы на рубеже 20–30-х годов – дом, то сумасшедший, то игорный, общежитие, наконец, ночлежка.

В феврале 1929 г. в “Известиях” появилась карикатура Б. Ефимова «Сумасшедший дом “Европа”», тут же перепечатанная в ряде зарубежных изданий²². Среди персонажей карикатуры – Пуанкаре – “война”, разрывающий Версальский договор и рычащий “Р-р-р-у-р-р!” (буйное помешательство); Муссолини в тоге римского цезаря, утверждающий “Италия – это я”, и Пилсудский в роли Наполеона (мания величия); лорд Керзон, рвущийся к нефти, и т.д.

На многофигурной композиции К. Ротова, опубликованной в 1929 г., Европа представала как общежитие, напоминавшее советскую “коммуналку”. Вокруг двери с надписью “СССР” столпились добрые соседи. Финляндия жаловалась окружающим: “Все стучит, строит”, Эстония поддакивала: “Электричество жжет”. Франция советовала поляку: “Вот нож, ткни его, когда отвернется”. Румыния, изображенная в виде злой старухи с примусом в руках, мечтала: “Еще бы участок оттяпать” (это, конечно, был намек на Бессарабию). В стороне стояла Англия, многозначительно бормотавшая: “Нельзя не признать...”²³

В 1931 г. появилась новая композиция Ротова «Жилкооператив “Мировое капиталистическое хозяйство”». На сей раз, помимо европейских стран, в число персонажей карикатуры вошел и “ответственный съемщик” Америка – с кнутом в руке. Но подавляющее большинство “членов жилкооператива” составляли европейские страны. В подвале поселились страны малые, восточноевропейские – Венгрия, Польша, Румыния, традиционно изображавшаяся со скрипкой в руках, Финляндия, вооруженная рогаткой. Первый этаж занимали наиболее уважаемые жильцы – Италия, Франция, Англия, второй этаж – Испания, Бельгия, Чехословакия. Там же оказалась и Германия, почему-то

с тюремными решетками на окнах (речь все же шла о демократической Веймарской республике). Мансарду заселили прибалтийские государства – Эстония, Латвия, Литва²⁴. Главный смысл карикатуры был, впрочем, не в самом рисунке, а в подписи, в которой содержался совет сделать этот дом “коммунальным”. Речь, по-видимому, шла о коммунистическом будущем Европы. И тем не менее звучала эта подпись для советского читателя довольно двусмысленно.

Разумеется, советских сатириков занимали не только нюансы современного положения Европы, но и ее перспективы. Тема “мрачных горизонтов Европы” занимала видное место в советской карикатуре. При этом речь шла, во-первых, о надвигающемся или, на рубеже 1920–1930-х годов, уже разразившемся социально-экономическом кризисе, и, во-вторых, о перспективах европейской революции, означавшей конец старой Европы.

В 1922 г. появилась известная карикатура И. Малютина “В Европу из России”, на которой был изображен Голод в виде скелета с косою на фоне силуэта западного города. Комментарий к карикатуре гласил: “В Англии 1,5 млн безработных, в Париже рекомендуют потреблять меньше хлеба”. Голод мрачно добавлял от себя: “В Европе растет безработица, зато я в этом году, кажется, буду работать сверхурочно”. Надо помнить, что в самой Советской России только еще заканчивался страшный голод в Поволжье, в то время как в Европе, даже разоренной войной, ничего подобного не было ни в 1922 г., ни в последующие годы. Тем не менее, карикатура была опубликована в нескольких изданиях и впоследствии неоднократно воспроизводилась²⁵.

Позднее, в годы мирового экономического кризиса, карикатуры, связанные с безработицей, закрытием предприятий, исчезновением потребительского спроса, финансовыми катастрофами, регулярно появлялись в советской прессе. В частности, биржевой крах в США и последовавшие за этим финансовые потрясения в Европе породили новый сюжет, повторенный многими карикатуристами. Речь шла о самоубийстве банкиров как факте повседневном, даже бытовом; одни стрелялись, другие вешались или выбрасывались из окна. Не случайно появилась карикатура “На костюмированном балу в Европе”, где был представлен маскарадный костюм банкира – поношенный фрак, помятый цилиндр, в руке револьвер²⁶. А кое-кто из промышленников, если верить карикатуристам, даже спас свое предприятие от кризиса, перейдя на производство пистолетов для самоубийц.

Видное место занимала тема послевоенных долгов. В качестве главного кредитора выступали, разумеется, США, но и евро-

пейские державы пытались получить свою долю. Так, на карикатуре И. Малютина “Самогонный аппарат” и на рисунке М. Черемных “Все с рабочего” была изображена одна и та же цепочка – США, Англия, Франция пытаются получить долги у худой, оборванной Германии, причем одна из карикатур была снабжена стихотворной подписью:

Англичанин на француза,
На Германию француз.
Все друг с друга без конфуза
Рвут, дерут, входя во вкус²⁷.

Германские долги (и вообще положение послевоенной Германии) вызывали особое сочувствие у советских карикатуристов. Эта тема вновь и вновь появлялась на страницах “Крокодила”. Так, на карикатуре Б. Ефимова “В германском ресторане” французские офицеры (имелась в виду союзническая контрольная комиссия) заявляют немецкому официанту: “Мы за тобой следим, ты за это сам нам должен...”²⁸

Тема задолжавшей Германии позволяла заодно покритиковать и политику Лиги Наций. На рисунке Ю. Ганфа с красноречивым названием “Смотрит в Лигу, а видит фигу” голая, изможденная Германия, почему-то ярко-зеленого цвета, просит раздевающего ее француза оставить хотя бы фиговый листок. Наблюдающий за ситуацией в качестве представителя Лиги Наций английский министр иностранных дел О. Чемберлен меланхолично поясняет: вот листок (с обещаниями), а фигу отдельно...²⁹ Логичное завершение отношений Германии с Лигой Наций в представлениях советских карикатуристов продемонстрировала карикатура К. Ротова на которой изображено дерево с надписью “Лига Наций”. На одной из веток этого дерева висит Германия – тощая, язык высунут, в колпаке³⁰.

Конечно, не остались без внимания и коллизии, связанные с отказом большевиков платить по долгам царского и Временного правительства. На одной из карикатур, опубликованных в том же 1925 г., в ответ на обращенные к СССР требования уплатить долги, трудящиеся европейских стран в свою очередь спрашивали у капитала Англии, Франции, США, Германии: где наш сын, брат, муж, отец (имелись в виду погибшие на мировой войне). А закрыла тему в 1928 г. карикатура В. Козлинского “Еще об очередях”. В Наркомфине СССР в очереди за царскими долгами стоят Франция, Польша и старушка Германия; на кассе объявление “Не выдаются и не будут”³¹.

Пренебрежительное отношение художников “Крокодила” к Европе хорошо иллюстрируется карикатурой “Старушка Европа

перед богатырской заставой”. В роли богатырей выступали, разумеется, красноармейцы. Если в данном случае в рисунке преобладает добродушная ирония, то в следующей публикации на схожую тему уже царит откровенная сатира. На многофигурной, занимающей целый разворот журнала, композиции Ю. Ганфа “Крестовый поход. Капиталисты мира против большевиков” большая группа западноевропейских политиков и российских эмигрантов (в том числе О. Чемберлен в доспехах, Э. Эррио в белом и ночном колпаке, маршал Фош на игрушечной лошадке и т.д.) длинной вереницей отправляются в поход против СССР. Отдельно тема “крестового похода” обыгрывается в том же номере в карикатуре К. Ротова – на сей раз среди участников похода только восточноевропейские страны, причем главным инициатором этого “мероприятия” является Болгария³². Вообще тема угрозы СССР со стороны его ближайших соседей возникает постоянно, и при этом нередко подчеркивается роль великих держав. В качестве иллюстрации можно привести одну из карикатур 1931 г. с многозначительным названием “В панъевропейской больнице”. Главным персонажем является, конечно, выдвинувший идею “Пан-Европы” А. Бриан, который заражает восточноевропейские страны (узнаваемы на рисунке, в частности, Польша и Болгария) бациллами бешенства, направленного против СССР³³.

Советская пропаганда пользовалась любым, даже относительно незначительным поводом, чтобы противопоставить сравнительные исторические перспективы Европы и Советской России. Например, отставка коалиционного кабинета в Англии и очередной парламентский кризис во Франции в 1922 г. вызвали к жизни карикатуру “В море истории”. На ней было изображено бушующее море; с английского корабля сбрасывают Ллойд Джорджа, французский корабль тонет, а советский корабль, с попутным ветром, рассекая волны, гордо идет вперед...³⁴

Не менее красноречивы три карикатуры одного автора, Ю. Ганфа, появившиеся в 1925, 1929 и 1939 гг. На первой из них несколько европейских стран, в том числе Франция, Польша, Германия, Румыния с завистью смотрят на дородную беременную красавицу – Советскую Россию (карикатура появилась в связи с утверждением бюджета СССР на 1926 г.). Две последующие представляют собой вариации одного и того же сюжета – на обеих Америка и Европа бегут, обливаясь потом, по рытвинам и кочкам, а молодой атлет, СССР, уверенно догоняет их (впрочем, за 10 лет, разделявших появление этих карикатур, догнать их он так и не сумел)³⁵.

Еще один персонаж, с которым приходится иметь дело Европе, это Америка. Тему большинства карикатур, связанных с европейско-американскими отношениями, определяет название одной из них – “Европа, придавленная долларом”. Огромный “дядя Сам” (так транскрибировалось в те годы знаменитое “дядя Сэм”, и местоимение “сам” неоднократно обыгрывалось советскими карикатуристами) свысока поглядывал на маленьких европейцев: то требовал с них долги, то давал в долг. Так, на рисунке Ю. Ганфа, появившемся на обложке “Крокодила” в 1933 г., в игорном доме “Европа” за столом сидели игроки: Америка, самодовольная, вальяжная, с кучей выигранных монет перед ней; Франция, девица нестрогого поведения, с кучкой монет поменьше; Германия, одетая в рванье, с трубкой во рту, но без единой копейки; наконец, Англия с жалкой кучкой оставшихся монет³⁶. В конце концов, на новогодней карикатуре 1933 г. “дядя Сам” за долги просто повесил печать на Европу и европейцев³⁷.

Множество карикатур, особенно в 20-е годы, было посвящено теме классовой борьбы и перспективам европейской революции. В начале 1922 г. даже появилась карикатура “Последняя мирная конференция”. Сюжет ее прост: группа буржуазных политиков во фраках и цилиндрах сидит в тюремной камере. Текст поясняет: происходит эта “конференция” после провозглашения Европейской советской республики³⁸.

Рабочие демонстрации, столкновения с полицией, репрессии против коммунистов, деятелей рабочего или крестьянского движения, подавление национально-освободительной борьбы в колониях – все это постоянно возникало на страницах “Крокодила”, других журналов и газет.

В качестве типичного можно привести рисунок, обыгрывающий заглавие знаменитого романа Ремарка. Подпись под карикатурой гласила “На Западе не без перемен”. На ней был изображен буржуй с сигарой во рту в полном унынии. А на календаре, висевшем на стене, помимо кризиса, безработицы, забастовок были отмечены еще и голодные походы³⁹. “Призрак бродит по Европе” – провозгласил на обложке журнала в конце ноября 1932 г. М.М. Черемных. Красный пролетарский призрак вставал на фоне немецкого города – 8 млн голосов, утверждала подпись, было подано за коммунистов на парламентских выборах в Германии⁴⁰.

Одна из карикатур К. Ротова, появившаяся в самом начале 1933 г., как бы подводила итог европейскому кризису. Она была создана по мотивам знаменитой картины Брюллова “Гибель Помпеи”. На большом, занимавшем две страницы многофигур-

ном рисунке на фоне зарева рушились дома, а заодно – и курсы европейских валют. Сын-француз спасает мать-белоэмигрантку (намек на то, что именно Франция дала приют значительной части эмигрантов), фашист со свастикой и социал-демократ несут на руках Капитал. Кто-то стреляется, спасаются бегством Каутский и Джон Буль...⁴¹

* * *

Период 1920–1930-х годов часто именуется межвоенным периодом, и для этого есть все основания. Довольно долго мир, прежде всего конечно, Европа, приходили в себя после Первой мировой войны. Но не успели еще залечиться все раны, как на горизонте замаячила Вторая мировая...

В течение всего межвоенного периода Европа стремилась к длительному (а то и вечному) миру и надеялась на дипломатию в деле предотвращения войны. В советском же обществе царили настроения противоположные.

Возможность войны с “капиталистическим окружением” в 20-е годы (вопреки расхожим современным представлениям) ощущалась гораздо более остро, чем в 30-е. Причин для этого много: живая память о мировой и гражданской войнах с участием иностранных держав; советская пропаганда, в которой эта тема муссировалась постоянно; особенности восприятия, когда доходившая, например, до деревни, внешнеполитическая информация многократно искажалась и “перекраивалась” по законам мифологического сознания. Свою лепту вносила пропаганда, которая не уставала напоминать о “капиталистическом окружении”.

Угроза новой войны всегда была одной из ведущих тем для карикатуристов. То Чемберлен, то Пуанкаре, то “дядя Сам” спустили с поводка огромное бронированное чудовище – войну – огромную, страшную, как правило, в противогазе, оцетинившуюся пушками, на танковых гусеницах... Даже шаг, казалось бы ведущий к укреплению мира – подписание пакта Бриана–Келлога и присоединение к нему СССР в августе 1928 г., так отразился в “Крокодиле”: западные дипломаты на рисунке подписывают пакт, приговаривая: “С удовольствием подписали бы и двумя руками”. Но свободна только одна – каждый из них держит за спиной пистолет или бомбу. А на карикатуре М.М. Черемных, появившейся на обложке журнала в начале 1929 г., пакт обсуждали красноармейцы. Один говорил: “С буржуями подписали мирный пакт, значит, нам домой”. Второй довольно остроумно (хотя и чисто по-советски) отвечал: “С ними, как в загсе – сегодня расписались, завтра драка, буржуйской подписи не верь...”⁴² Впрочем,

карикатуристы лишь следовали общему курсу советской политики – так, “всесоюзный староста” М.И. Калинин в марте 1929 г., уже после присоединения СССР к пакту, в публичном выступлении заявил, что пакт “рассчитан на завуалирование перед широкими массами опасности будущей войны”⁴³.

Не случайно на рубеже 20–30-х годов в “Крокодиле” неоднократно появлялись карикатуры на обывателя, который, сидя в своем уютном домике, не видит и не желает видеть ничего вокруг – а за стенами его дома оскаленные рожи империалистов, рабочие со скованными руками, расстрелянные индусы и китайцы, до зубов вооруженные поляки или французы, пушки, танки, отравляющие газы...⁴⁴ Ожидали не только войны империалистов против республики Советов; постоянно возникала тема и новой мировой войны, главными участниками которой должны были стать великие державы в самых неожиданных комбинациях – США против Англии, Англия против Франции и т.д.

Виновники будущей войны, как это ни странно звучит, уже в конце 20-х годов были названы советскими карикатуристами поименно. В конце 1927 г. появилось произведение Ю. Ганфа “Парад-алле”, где на арене играли мускулами чемпионы – причем не чемпионы мира, как подчеркивала подпись, а чемпионы войны. Англию на “чемпионате” представляли О. Чемберлен и С. Болдуин, Францию – Р. Пуанкаре, Италию – Муссолини, Испанию – Примо де Ривера, Польшу – маршал Пилсудский... Германия в этом первенстве участия не принимала⁴⁵. Прошло два года, и в журнале появилась подборка шаржей, объединенная безапелляционным названием “Виновники будущей войны”. Любопытно сравнить персональный состав персонажей двух публикаций. Сохранили свое место в этом не слишком почетном ряду Пуанкаре, Муссолини, Пилсудский, Примо де Ривера. После прихода к власти лейбористского правительства английские консерваторы Чемберлен и Болдуин практически исчезли со страниц “Крокодила”; Англию на данной карикатуре представлял бывший министр финансов У. Черчилль. Зато появились папа римский Пий XI, регент Венгрии М. Хорти, бывшие президент Франции А. Мильеран и премьер-министр Болгарии А. Цанков. Но самое интересное, что в числе виновников будущей войны, притом впервые на страницах “Крокодила”, появился глава Национал-социалистической рабочей партии Германии А. Гитлер. Правда, его внешность была еще не слишком известна, и карикатурист, по-видимому, рисовал его понаслышке. Гитлера без подписи узнать невозможно – лицо испуганное, довольно молодое, усики с острыми кончиками⁴⁶.

Опубликованная в первом номере “Крокодила” за 1929 г. карикатура Ю. Ганфа “Буржуазная Европа вкушает мир” как бы подводила итог всей европейской дипломатии 20-х годов. Вечерний европейский город: в окнах военные, склонившиеся над картами, и фашисты, собравшиеся вокруг стола со свастикой; буржуа внимательно слушают кюре и генерала; обыватели тем временем развлекаются, наблюдая канкан и стриптиз. А на улице – рабочая демонстрация, в порту военные корабли с флагами США, Франции, Англии, Японии. И над всем этим нависает огромная фигура в форме, противогазе, с винтовкой⁴⁷.

Новая программа вооружений, принятая тем или иным государством, иногда просто очередной бюджет, предусматривающий рост военных расходов хотя бы в рамках инфляции, – все вызывало у карикатуриста и, соответственно, у читателя образ “безумной Европы”, увешивающей себя оружием. Уже в 1922–1923 гг. понятие “гонка вооружений” прочно обосновалось среди основных стереотипов, внедрявшихся советской пропагандой, в том числе и средствами политической сатиры⁴⁸.

Любые, достаточно, впрочем, робкие и безрезультатные, попытки западной дипломатии ограничить гонку вооружений заранее вызвали скептическое отношение советских сатириков. Характерна карикатура М. Черемных, на которой все тот же лауреат Нобелевской премии мира Чемберлен, оседлав явно слабеего, теряющего на лету перья голубя с оливковой веткой в клюве, подгонял его, приговаривая: “Донеси только до Женевы, а там хоть сдохни!”⁴⁹

Идеи демократического пацифизма, призывы воспитывать отвращение к войне и насилию, начиная со школы и т.п. – все это являлось благодатным материалом для новых карикатур. Одна из них, опубликованная в 1931 г., так и называлась – “В школе Лиги Наций”. Ангел мира входил в школу Лиги Наций, учителями в которой были О. Чемберлен и А. Бриан, ребенком с оливковой ветвью в руках, а выходил в виде здорового детеныша в военной форме, вооруженного до зубов, держащего в руках баллон с отравляющим газом и план нападения на СССР. За плечами у бедного ангела появились крылья от бомбардировщика со свастикой⁵⁰.

Ангел мира, несмотря на подчеркнутый антиклерикализм советской пропаганды, появлялся на страницах “Крокодила” довольно часто. Так, на рисунке Б. Ефимова “Худой мир” доктор Чемберлен предлагал тощему, темно-зеленому ангелочку отдохнуть годика два-три⁵¹. Иногда ангел представлял собой лишь украшение, ширму, за которой скрывалась война со всеми своими

атрибутами. Неоднократно он представлял в военной форме и с винтовкой, его давили танками, протыкали штыками, резали на куски буржуазные дипломаты...⁵² Логичное завершение эти сюжеты нашли в карикатуре, появившейся в 1940 г., на которой у закрытых дверей Лиги Наций тощий, оборванный ангел мира просил подать ему на вооружение⁵³.

Все же на протяжении 20-х и начала 30-х годов тема будущей войны оставалась на втором плане по сравнению с внутривнутриполитическими сюжетами европейской жизни – кризисы, революционное движение, репрессии, тяжелое положение трудящихся и т.д. Да и “виновники будущей войны” иногда подбирались по очевидному случайному принципу.

В 1933 г. к власти в Германии приходит Гитлер, и вскоре тема фашистской агрессии выходит на первый план. Только в “Крокодиле” за 1933–1939 гг. этой теме было посвящено более 200 карикатур, кроме того, они регулярно публиковались в других журналах и газетах, в тематических альбомах известных карикатуристов.

На первых порах преобладала тема перевооружения Германии. Немецкие дипломаты изображались на фоне пушек, генералы просили разрешения построить уже готовые к полету бомбовозы, голубь мира в немецком варианте был приспособлен для фотографирования неприятельских позиций и разбрасывания бактерий⁵⁴. Выход Германии из Лиги Наций в октябре 1933 г. был расценен карикатуристами как первый шаг к войне – вслед за немецким дипломатом двинулся в путь скелет в противогазе, с винтовкой в руке⁵⁵. Не обошлось, конечно, и без выпадов в адрес мирового империализма: в полном соответствии с официальной советской пропагандой уже в 1933 г. “добрыми феями” Адольфа Гитлера были объявлены магнаты Уолл-стрита, Англии, Франции и Рура⁵⁶.

Вскоре появились сюжеты, связанные уже с конкретными территориальными претензиями Германии – относительно Австрии или Саарского бассейна. Что же касается антисоветских заявлений гитлеровского руководства, они были прокомментированы следующим образом. Стоящий перед картой пятилетки, огромный симпатичный тевтон с мечом предостерегал противного штурмовика с дубиной: “У них есть кое-что, чего не было даже у Рима”⁵⁷.

Ряд карикатур отражал наметившееся сближение Германии и Японии. “Брак по любви... к чужим территориям” – так называлась карикатура Б. Ефимова 1936 г., на которой японец, с вождением рассматривавший глобус, покрытый немецкими и япон-

скими флажками, сжимал в объятиях огромную Германию в тевтонском рогатом шлеме, с длинной белокурой косой и... с неизбежными усиками⁵⁸.

Особый сюжет этих лет – германо-итальянское сближение, ось “Берлин–Рим”. Муссолини и Гитлер фигурируют в целом ряде карикатур. На одной из них тевтон Гитлер и римлянин Муссолини “на потребу богу войны” куют ось для колесницы Марса. На другой – проект статуи германо-итальянской дружбы, изображающей Гитлера в роли всадника, а Муссолини, соответственно лошади. И, наконец, оба союзника изображены голодными волками на европейской дороге⁵⁹.

Однако настоящей темой дня стала, конечно, немецко-итальянская интервенция в Испании. Только в “Крокодиле” появилось свыше 30 карикатур на эту тему; вышел специальный альбом Б. Ефимова⁶⁰.

Немецкие “добровольцы” в Испании на фоне трупов и руин, гитлеровские генералы в штабе Франко, жертвы немецкой авиации – все эти сюжеты постоянно повторялись в советской карикатуре в 1936–1938 гг. В этой серии карикатур Гитлер и его союзник Муссолини выглядели опасными и могущественными злодеями, зато генерала Франко авторы карикатур то загоняли под стол, за которым сидели немецкие “советники”, то заставляли чистить сапоги Гитлеру и Муссолини, а на одном из рисунков Франко – в роли туземца в юбочке из листьев – целовал ноги немцу-колонизатору⁶¹.

Почти столь же презрительно изображались в карикатурах на испанскую тему Великобритания, Франция и их политика невмешательства: агрессоры стригли когти британскому льву, наступали на хвост, а тот все предлагал одну уступку за другой.

Если Гитлер и его союзники на фоне своих испанских сателлитов или западноевропейских дипломатических партнеров выглядели весьма грозно, то на фоне СССР они же становились подчеркнуто жалкими, уродливыми, бессильными. Подобные карикатуры с соответствующими надписями, например “Видит око, да зуб неймет”, регулярно появлялись в “Крокодиле”. У Гитлера были “коротки руки”, чтобы схватить глобус с изображенным на нем СССР; фашистская свинья беспомощно ковырялась у высокого советского забора; немецкий фашист за школьной партией учил уроки истории (Ледовое побоище), географии (где находится озеро Хасан), арифметики (рост производства в СССР)⁶².

Оккупация Австрии, ввод войск в Рейнскую демилитаризованную зону, угрозы в адрес Чехословакии и Польши – все отражалось в карикатуре. Если в 1925 г. Германия была изображена

в качестве приживалки в “польском коридоре”, то на рисунке 1937 г. лакеем в Данцигском коридоре оказывался уже поляк, зато в комнатах уютно устроились хозяева-нацисты⁶³. А польский министр иностранных дел Ю. Бек, изображенный в виде собачонки, униженно ждал подачек с немецкого стола⁶⁴.

Германия представляла в образах то свирепого кабана (1936), то паука, подбирающегося к нейтральным странам (Голландия, Бельгия, Швейцария, 1937), то волка из сказки о Красной шапочке – только Красных шапочек на рисунке четыре: это Австрия, Венгрия, Румыния, Югославия (1937)⁶⁵. И все более жалко и беспомощно выглядели перед лицом агрессора “умиротворители” – британский лев, он же Джон Буль, Марианна, их восточноевропейские союзники.

В новой международной ситуации по-новому переосмысливаются и знакомые сюжеты, связанные с образом “Европы-дома” и “Европы-оркестра”.

На двух композициях, принадлежавших кисти Ю. Ганфа, предстает совсем другая Европа, разделенная на несколько достаточно определившихся групп: государства агрессивные, нейтральные, проводившие “политику умиротворения”. Одна из композиций, появившаяся в 1937 г., воспроизводила сюжеты пьесы М. Горького “На дне”. В переполненной ночлежке Франко и японский офицер нанимали нищих белогвардейцев, журналист из “Фелькише Беобахтер” торговал тухлыми утками, немецкий фашист жарил пушки вместо мяса, помешанный чиновник немецкого общества любителей чужих колоний грыз карту мира, немец и итальянец играли в карты на Австрию, Муссолини штопал тогу, побитый самурай считал шанхайские убытки, гестаповец платил “троцкистам”, в форточку лезла ученица гестаповца – Польша, и, глядя на все это, кричал, сидя на жердочке, попугай из Лиги Наций⁶⁶.

Уже накануне Второй мировой войны получила свое логичное завершение и тема “Европа-оркестр” в многофигурной карикатуре с красноречивым названием “Ансамбль международной свистопляски”. На сей раз Европа предстает в виде не столько ансамбля, сколько сборного эстрадного представления, организованного не слишком разборчивым импресарио. Муссолини поливает водой Джона Буля; Италия режет на куски Албанию; британскому льву в хвост забили ось “Берлин–Рим”; Джон Буль и Марианна держат перед фашистом бумажный обруч; Германия крадет у Румынии нефть; нейтралы поют: “А мы просо сеяли”, агрессоры же (Япония, Германия, Италия) отвечают им: “А мы просо вытопчем”; итальянские финансы поют романсы; Франко

слушает японца, немца, итальянца; немецкий фашист дирижирует Румынией...⁶⁷

В 1938–1939 гг. появляется ряд карикатур, посвященных агрессивным намерениям Германии относительно Чехословакии, как до, так и после подписания Мюнхенских соглашений, и Польши. Однако уже в июне 1939 г. рисунков на международные, особенно европейские темы становится все меньше.

В первые месяцы Второй мировой войны советская пропаганда находится в состоянии полной неопределенности. Неожиданный для абсолютного большинства поворот во внешней политике СССР, обозначенный пактом Риббентропа–Молотова, привел к растерянности в обществе, в том числе и среди карикатуристов. Мгновенно (и уже до 22 июня 1941 г.) исчезают все карикатуры, изображающие Германию. Тема Англии и Франции во второй половине 1939 г. возникает лишь несколько раз, в связи с тяготами войны для рядовых европейцев. Доминирует сначала польская тема (поражение Польши и “освободительный поход” Красной Армии, ликование польского народа, преобразования на бывших польских территориях), позднее – финская, связанная с советско-финской войной.

В 1940 и первой половине 1941 г. карикатуры на европейские темы вновь возвращаются на страницы “Крокодила” и других изданий. Их основные герои – Англия, Франция, польские эмигранты, финны. Время от времени достается Румынии и Швеции. Большая часть карикатур посвящена международной тематике⁶⁸, ходу войны и тяготам военного быта в воюющих странах (Италия и Германия в этом ряду, конечно, отсутствуют).

Пройдет еще полгода, и начнется Великая Отечественная война. Германия, Италия и их сателлиты теперь предстанут перед читателем в “образе врага”, в то время как Англия, а также Франция и Польша, пусть и оккупированные, будут рассматриваться в качестве союзников.

К сожалению, объем статьи не позволяет подробно проанализировать, как в советской карикатуре 20–30-х годов отражалась жизнь отдельных европейских стран. Остановимся лишь на том, какие из них привлекали наибольшее внимание, основываясь на материалах “Крокодила”.

Первое место, безусловно, принадлежало Германии. Из общего числа примерно 1600 политических карикатур более 550 (свыше 30%), так или иначе затрагивают связанные с ней сюжеты.

Великобритания занимает почетное второе место (свыше 300 карикатур или чуть меньше 20%). На третьем месте Франция (более 250 карикатур, примерно 15%), на четвертом и пятом со-

ответственно Япония и США, а затем вновь европейские страны – Польша (170), Италия (130) и, с большим отрывом, Финляндия (около 30 карикатур).

* * *

Образы внешнего мира, и в первую очередь Европы, созданные советской карикатурой 20–30-х годов во многом определили внешнеполитические стереотипы значительной части советского общества тех лет.

В своих воспоминаниях старейший советский карикатурист Б.Е. Ефимов утверждает: “Образная форма карикатуры понятнее, эмоциональнее и, главное, нагляднее любой литературной формы, так как сатирический рисунок конкретизирует явления и ситуации, приближает их к глазу читателя, переводит факты с языка логических понятий на язык зрительных образов”⁶⁹.

С этим согласно и большинство исследователей. Как отмечает А.В. Дмитриев, “из-за использования визуального канала воздействия или критически нацеленного на отдельную важную тему символа политическая карикатура становится действенным средством формирования общественного мнения. Ее апелляции к эмоциям вообще трудно противостоять, и *ее воздействие довольно заметно до нашего времени* (курсив мой. – А.Г.)”⁷⁰.

Можно сделать вывод, что внешнеполитические стереотипы, сформировавшиеся в том числе под воздействием политической карикатуры в советском обществе 20-х, а особенно 30-х годов, отличались большой устойчивостью и в значительной степени сохраняли свое воздействие до конца 80-х годов, да и сейчас время от времени проявляют себя в общественном сознании⁷¹.

¹ Орлов И.Б. “Новая буржуазия” в сатире 1920-х годов // История России XIX–XX вв.: Новые источники понимания. М., 2001. С. 231.

² О советской политической карикатуре и ее особенностях как исторического источника подробнее см.: Голубев А.В. Межвоенная Европа глазами советской карикатуры // Европа. Варшава, 2003. Т. 3. № 3 (8). С. 125–169; Он же. “Ансамбль международной свистопляски”: Европа в советской политической карикатуре 20–30-х годов // Проблемы российской истории. Магнитогорск, 2003. Вып. 2. С. 472–498; Он же. “Наш ответ Чемберлену”: Советская политическая карикатура 1920–1930-х годов // Историк и художник. 2004. № 2. С. 122–139.

³ Цит. по: Дмитриев А.В. Социология политического юмора: Очерки. М., 1998. С. 68–69.

⁴ Варшавский Л. Наша политическая карикатура. М., 1930. С. 9.

⁵ Цит. по: Ефимов Б.Е. Десять десятилетий: О том, что видел, пережил, запомнил. М., 2000. С. 126–127.

- 6 Лицо врага: Рисунки Б. Ефимова. М., 1931. С. 3.
- 7 *Дмитриев А.В.* Указ. соч. С. 69.
- 8 *Ефимов Б.* Сорок лет: Записки художника-сатирика. М., 1961. С. 88.
- 9 *Варшавский Л.* Указ. соч. С. 8.
- 10 *Ефимов Б.* Мне хочется рассказать. М., 1970. С. 198.
- 11 *Ефимов Б.* Политическая карикатура, 1924–1935. М., 1935. С. 5.
- 12 *Андреевский Г.В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20–30-е годы). М., 2003. С. 410.
- 13 Крокодил. 1926. № 2. С. 3.
- 14 Там же. № 43. С. 1.
- 15 Полный перечень сатирических изданий см.: *Стыкалин С., Кременская И.* Советская сатирическая печать, 1917–1963. М., 1963. С. 458–466.
- 16 Крокодил. 1923. № 3. С. 536. В 1923 г., начиная со второго номера, журнал перешел на сплошную нумерацию страниц, отсчитывая их с первого номера за 1922 г. В 1924 г. была восстановлена прежняя нумерация.
- 17 Подробнее об этом см.: *Голубев А.В.* Запад глазами советского руководства в 1930-е годы // Россия XXI. 1997. № 11/12. С. 114–132.
- 18 Крокодил. 1922. № 3. С. 8–9.
- 19 Там же. № 8. С. 5.
- 20 Смехач. 1927. № 16. С. 7.
- 21 Крокодил. 1924. № 24. С. 8–9.
- 22 В своих воспоминаниях, в частности, Б. Ефимов воспроизводит в качестве иллюстрации вариант, появившийся в английской газете. См.: *Ефимов Б.* Сорок лет. С. 89.
- 23 Крокодил. 1929. № 28. С. 8.
- 24 Там же. 1931. № 20. С. 4.
- 25 Красный дьявол. 1922. № 12. С. 1; Крокодил. 1923. № 1. С. 12.
- 26 Крокодил. 1932. № 31. С. 4.
- 27 Там же. 1922. № 2. С. 12; № 4. С. 7.
- 28 Там же. 1923. № 2. С. 523.
- 29 Там же. 1925. № 27. С. 9.
- 30 Там же. № 38. С. 12.
- 31 Там же. 1925. № 10. С. 5; 1928. № 46. С. 4.
- 32 Там же. 1923. № 17. С. 755; 1925. № 4. С. 8–9, 16.
- 33 Там же. 1931. № 5. С. 13.
- 34 Там же. 1922. № 12. С. 8.
- 35 Там же. 1925. № 38. С. 9; 1929. № 19. С. 1; 1939. № 9. С. 1.
- 36 Там же. 1931. № 22. С. 1.
- 37 Там же. 1924. № 16. С. 2; 1926. № 6. С. 1; № 9. С. 1; № 13. С. 9; 1927. № 6. С. 9; 1929. № 40. С. 7; 1931. № 20. С. 4; № 22. С. 1; 1933. № 2. С. 7.
- 38 Там же. 1923. № 2. С. 522.
- 39 Там же. 1931. № 1. С. 3.
- 40 Там же. 1932. № 33. С. 1.
- 41 Там же. 1933. № 1. С. 6–7.
- 42 Там же. 1928. № 32. С. 5; 1929. № 7. С. 1.

- 43 Документы внешней политики СССР. М., 1966. Т. 11. С. 463, 464; 1967. Т. 12. С. 105.
- 44 См., например, карикатуры Ю. Ганфа. “В норе за самоварчиком” и “Иван Иванович почитывает”. Крокодил. 1927. № 19. С. 1; 1929. № 32. С. 10.
- 45 Крокодил. 1927. № 33. С. 1.
- 46 Там же. 1929. № 28. С. 4–5.
- 47 Там же. № 1. С. 12.
- 48 Там же. 1922. № 8. С. 7; 1923. № 21. С. 802; 1931. № 13. С. 14 и др.
- 49 Смехач. 1927. № 9. С. 4.
- 50 Крокодил. 1931. № 23/24. С. 2.
- 51 Смехач. 1927. № 22. С. 1.
- 52 См.: Крокодил. 1925. № 48. С. 2; 1926. № 1. С. 1; 1928. № 1. С. 5; 1930. № 9. С. 7; 1932. № 19. С. 2; 1935. № 28/29. С. 9; и др.
- 53 Там же. 1940. № 4. С. 9.
- 54 Там же. 1935. № 7/8. С. 5; № 9. С. 1; № 28/29. С. 21; 1936. № 5. С. 6.
- 55 Там же. 1933. № 30. С. 3.
- 56 Борис Ефимов в “Известиях”: Карикатуры за полвека. М., 1969. С. 80.
- 57 Крокодил. 1934. № 5. С. 5.
- 58 Поджигатели войны. М., 1939. С. 67.
- 59 Крокодил. 1937. № 26. С. 1; Поджигатели войны... С. 5, 15.
- 60 Фашистские интервенты в Испании: Карикатуры Б. Ефимова. М., 1937.
- 61 Крокодил. 1937. № 23. С. 4; 1938. № 12. С. 11; Фашистские интервенты в Испании... С. 29.
- 62 Крокодил. 1936. № 34. С. 13, 15; 1938. № 31. С. 4. На одном из рисунков Геббельс в образе Микки Мауса старательно дирижировал антисоветским хором. См.: Поджигатели войны... С. 99.
- 63 Крокодил. 1937. № 1. С. 7.
- 64 Поджигатели войны... С. 61.
- 65 Крокодил. 1936. № 35. С. 5; Поджигатели войны... С. 48, 55.
- 66 Крокодил. 1937. № 29/30. С. 10–11.
- 67 Там же. 1939. № 12. С. 8–9.
- 68 В частности, этим сюжетам был полностью посвящен восьмой номер “Крокодила” за 1940 г. под общим названием «Сегодня “Крокодил” принимает иностранных гостей».
- 69 Ефимов Б. Сорок лет... С. 90.
- 70 Дмитриев А.В. Указ. соч. С. 74.
- 71 Подробнее см.: Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в. М., 1998. С. 69–95; Яковенко И.Г. Динамика образа Запада в отечественной культуре 1990-х годов // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2. С. 387–399.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.К. Соколов:

– Не могли бы Вы привести примеры, когда восприятие Европы в массовом сознании советских граждан было бы таким карикатурным, действительно ли карикатура влияла на формирование общественного мнения, т.е. было ли карикатурным восприятие европейской действительности в сознании советских людей?

А.В. Голубев:

– При исследовании 30-х годов встает одна очень большая проблема. Так как социологических опросов не проводилось, все имеющиеся у нас свидетельства (их достаточно много) фрагментарны. Я не берусь дать оценку количественной стороне, т.е. определить процент советских граждан, на которых влияла карикатура. Карикатурное представление о гражданах Европы со знаком минус, по крайней мере в 30-е годы, становится довольно частым явлением. Об этом можно судить по сохранившимся высказываниям.

Существовало и обратное представление – со знаком плюс.

А.К. Соколов:

– Факт, что карикатура действительно влияла на общественное мнение. В источниках это прослеживается.

А.В. Голубев:

– Довольно часто Англию сравнивают с Джоном Булем. Это не советское изобретение, оно было и в XIX в. Или образ дяди Сэма применительно к Америке, особенно после войны, когда Америка занимает первое место в советской политической карикатуре.

Мне не попадались свидетельства прямого воспроизводства тех или иных карикатур в массовом сознании. Это не значит, что их не было. То, что в 30-е годы образ Запада стал приобретать определенные гротескные черты в советской пропаганде, это я могу проиллюстрировать. Я считаю, что карикатура сыграла в этом определенную роль.

А.К. Соколов:

– Вы говорили, что тематика карикатуры определялась наверху. В ЦК ВКП(б), в его отделах, давалось задание – нужно выделить такие-то сюжеты.

Мой опыт говорит, что задачи карикатуристам ставились несколько по-другому. Они должны были знакомиться с тем материалом, который публикуется в печати, и искать там сюжеты, на

которые следовало бы обратить внимание. Интересно было бы установить степень независимости карикатурного творчества.

А.В. Голубев:

– Случаи, когда заказы давались сверху, были. Об этом пишет, в частности, Б. Ефимов. Основная масса карикатур рождалась как заказ редколлегии. Из потока международных событий выбирались те или иные темы для карикатур следующего номера. Многие карикатуристы выбирали свои варианты. Сотрудники, которые назывались “темисты”, готовили подписи для этих карикатур, иногда писали стихи, которые довольно часто давались как подписи под рисунками, и через неделю-другую эта карикатура публиковалась в печати. Так выглядел этот процесс.

Г.А. Куманев:

– В порядке небольшого уточнения, конкретизации темы Вашего доклада, его лучше назвать “Европа в советской внешнеполитической карикатуре”, потому что каждое государство проводит и внутреннюю политику.

Л.Н. Нежинский:

– Прослеживалась ли в карикатурном творчестве в наших средствах массовой информации проблематика внутренней советской политики? (А.В. Голубев: “Да, оно было”.) Просто Вы этого сознательно не касались, поскольку тема Вашего доклада была другая.

А.В. Голубев:

– Да, эта тема преобладала, Вы правы.

Г.А. Куманев:

– Какие источники Вы рассмотрели, кроме “Крокодила”, какие журналы, газеты, чтобы создать общее представление о данной теме? Насколько советская внешнеполитическая карикатура была эффективна? И кого, кроме Бориса Ефимова, можно выделить из карикатуристов?

Располагаете ли Вы фактами, когда высшие руководители того времени, включая Сталина, давали указания: как писать карикатуры по такому-то сюжету, по такой-то теме, или нет? В частности, на конференции по Нюрнбергу об этом интересно говорил Борис Ефимов.

В.Б. Жиромская:

– Рассматривали ли Вы художественные особенности различных карикатуристов – Кукрыниксов, Ефимова и т.д.?

А.В. Голубев:

– Я знакомился с карикатурами в различных газетах и журналах, но сплошняком, массивом я смотрел только “Крокодил”. По-

чему именно “Крокодил” и почему я считал возможным им ограничиться? Это единственное сатирическое издание, выходившее постоянно, регулярно и на всю страну в течение всего этого периода. В 20-е годы сатирических журналов было много, я использовал отдельные карикатуры из них в качестве примеров, но одни из журналов существовали по нескольку лет, другие – по нескольку месяцев, у некоторых было один-два выпуска, потом они исчезли. Что касается газет, то в них внешнеполитические карикатуры появлялись примерно через номер. Это не дает полной картины, поэтому я и ограничился в основном материалами “Крокодила”.

Термин “политическая карикатура” утвердился, существовала литература, посвященная советской политической карикатуре, в названии специальных монографий стоял этот термин. Но при этом имелась в виду исключительно карикатура на международные темы.

Далее – насчет художественных особенностей и карикатуристов. Пожалуй, наиболее интересными в жанре международной карикатуры помимо Ефимова можно назвать Юлиа Ганфа, Константина Ротова, Малютина, Баженова, карикатуристов более старшего поколения – таких, как Дени (Денисов) и Моор. Кукрыниксы появились уже чуть позднее. Было и много других.

Что касается художественных особенностей, то это дело искусствоведов.

Теперь – о роли Сталина. Такие вещи, как правило, не откладываются в документах, я о них знаю из мемуаров, воспоминаний и статей Ефимова, который об этом подробно и с удовольствием писал несколько раз. Ефимов приводит несколько случаев, когда лично Сталин делал заказ на карикатуру и вмешивался даже в процесс ее создания, вносил корректировки в первоначальный набросок. Конечно, эти случаи были достаточно редкими.

А.К. Соколов:

– В Вашей теме самое важное, на мой взгляд, – это продолжить намеченную работу. Если ставить вопрос о политической карикатуре, то это не совсем задача историка. Для нас гораздо важнее исследование вопроса о том, как эта карикатура влияет на формирование общественного сознания, как она способствует карикатурному восприятию мира, Европы.

Когда я занимался этими материалами, я видел такое влияние, видел как действительно Запад воспринимался через карикатуру, не так, как это было на самом деле.

Вы упоминали сюжет, связанный с милитаризацией Европы в 20-е и 30-е годы. Совершенно очевидно, что в массовом сознании

кариатура настолько переборщила, что народ относился к этому с испугом. На этой основе карикатура формировала восприятие страха, отчужденности и другие проблемы. Или факт, связанный с Антантой. После гражданской войны определенно воспринимается в карикатурном виде и эмиграция, и сама Антанта, которая ее поддерживает, именно в таком плане формируется отношение к ней и к эмиграции, совершенно карикатурное и не соответствующее исторической реальности.

Л.Н. Нежинский:

– В докладе затронута очень любопытная и до сих пор мало исследованная тема: отражение нашей карикатурной линии в органах печати в сочетании с основными направлениями международной политики Советского государства в 20–30-е годы.

Судя по издаваемым сборникам документов, по тем сведениям, которые раньше появлялись в печати, эта линия играла очень большую роль в формировании общественного сознания населения нашей страны. Причем постепенно менялись пропорции того давления и того эффекта, который появлялся в течение 20-х, потом – 30-х годов, когда подрастало новое поколение. Многие молодые люди газеты не особенно читали, а карикатуры не только видели, но и мгновенно запоминали, рассказывали друг другу, тем более, что какая-то часть этих карикатур не оставалась только на газетных полосах. Видимо, по указанию свыше, какие-то наиболее жесткие, хлесткие карикатуры вывешивались в виде плакатов на стенах, на заборах и т.д., и человеку не надо было раскрывать газету. Это был очень немаловажный канал формирования общественно-гражданского и общественно-политического сознания нашего населения. Тем более, это играло очень большую роль в области внутренней политики. Если мы посмотрим наши основные газеты и журналы за 20–30-е годы, то многое в разных плоскостях внутренней политики касалось и различного уровня деятелей, и рядовых граждан.

Было бы очень интересно, продолжая работу в этом направлении, через год-два создать такой сборник, где было бы много иллюстраций. Это бы произвело очень большое впечатление на читателей, и было бы полезно для исследователей. Можно показать, как формировалась важная струя нашего общественно-гражданского, общественно-политического сознания, тем более, что и в послевоенные десятилетия эта струя давала о себе знать. Приведу один только пример.

Начиная с 1950 г., после разрыва отношений советского руководства с Югославией, не реже чем раз в полтора-два месяца, а может быть, чаще, в наших главных газетах – в “Правде” и в

“Известиях” – появлялись карикатуры на Тито и его соратников. Что же это были за образы? А это был Тито в образе Геринга: он был изображен как главный палач югославского народа. И это продолжалось, как минимум, три года, до весны 1953 г. Я знаю по документам, какие сложные проблемы возникли у советского Министерства иностранных дел и у органов, курирующих нашу печать, в 1956 г. Когда после нормализации отношений с Югославией состоялся визит Тито в Москву, из поезда вышел элегантный, в белом костюме и в белых перчатках мужчина с красавицей женой Йованкой Броз-Тито. Этот визит показали на телевидению, в кинохронике. После этого тысячи писем посыпались в “Правду” и в “Известия”: как это понимать? Вы нам в головы вкладывали образ, который абсолютно не соответствовал действительности... Сотрудники целого ряда изданий день и ночь писали ответы тем, кто подписывался под этими письмами: “Это вопрос не к нам, а к руководству, которое нас ориентировало на такое изображение руководителя Югославии”. Эта работа продолжалась как минимум месяца два-три после визита Тито.

Сама постановка проблемы и подготовка сборника с иллюстрациями будут очень полезны для массового читателя и исследователей советской истории.

Г.А. Куманев:

– Б. Ефимов рассказывал, как после одного эпизода, когда Мехлис (тогда редактор “Правды”) его резко критиковал за некоторые вещи, его пригласил к себе Сталин. Сталин, в частности, сказал: “Товарищ Борис Ефимов, Вы рисуете, если речь о японцах, японцев такими страшными; в очках, с огромными заячьими зубами. И у народа складывается впечатление, что японцы все такие. Оскорбление народа! Вы это учтите”. Ефимов сказал: “Я учел и долгое время рисовал японцев вообще без зубов, с закрытым ртом”.

Л.Н. Нежинский:

– Докладчик поставил интересную проблему, и будем надеяться, что он дальше будет со своими коллегами развивать это направление.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1959)*

В последние 10–12 лет к демографической ситуации в России постоянно приковано внимание президента и правительства страны. В целом ряде президентских обращений к Федеральному Собранию, Государственной Думе и в разработанной органами власти “Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г.” положение с ростом народонаселения оценивается как катастрофическое.

С начала 1990-х годов население России ежегодно убывает примерно на 0,7–0,9 млн человек, а в целом за 1990-е годы оно уменьшилось более чем на 5 млн. В стране давно нет естественного прироста населения, поскольку средний уровень смертности выше, чем рождаемости. Президент России и Дума обращают внимание на то, что если ситуация в ближайшее время не переломится к лучшему, то через 15 лет количество россиян, по подсчетам специалистов, может сократиться на 33 млн¹.

Особенно неблагоприятная демографическая ситуация складывается в российской деревне – или, как образно ее называют, в “корневой системе нации”, подпитывающей и городское население. По целому ряду российских регионов (особенно по северным и центральным областям) в селах уже достаточно давно отмечается устойчивая депопуляция. С 1992 по 2000 г. общая численность населения сократилась в 65 из 89 субъектов России. Абсолютная убыль затронула практически всю территорию и почти все этнические группы².

Острота ситуации сопряжена с тем, что резкому падению рождаемости, которое исследователи отмечают с 1989 г., сопутствует все большее ухудшение возрастного состава – население быстро стареет, в нем растет процент пенсионеров. Так, в 1997 г. по сельской местности России доля лиц старше 60 лет составила 20%, а еще в 1959 г. она была вдвое ниже. Соответственно снижается доля экономически активных групп населения. Кроме того,

* Доклад на заседании ученого совета ИРИ РАН 15 марта 2001 г.

неуклонно растут показатели общего уровня смертности в стране. И без того невысокая средняя продолжительность жизни сокращается, падает брачность, растет число разводов, российская семья теряет свои прежде традиционно крепкие устои.

Ухудшение демографических перспектив настораживает, в поисках выхода из создавшегося кризиса народонаселения мы пытаемся найти аналогии в истории России. Это заставляет обратиться к анализу пройденного в относительно недавние, по историческим меркам, годы, так как в известной мере нынешние проблемы в демографической сфере – результат их нерешенности в прошлом.

Во многом нынешнее положение перекликается с не менее драматическим по масштабам демографических коллизий и накалу политических событий периодом, датируемым с конца 1930-х и вплоть до конца 1950-х годов. На первый взгляд, данная временная параллель весьма уместительна, поскольку с точки зрения политического содержания происходивших явлений названный период и последнее десятилетие XX в. абсолютно не похожи. Но им обоим присуща общая черта – выраженные негативные тенденции в естественном движении населения, масштабность демографических издержек при решении политических задач в 1930-е годы и при проведении “ельцинских” крайне непопулярных и непоследовательных реформ 1990-х годов.

На заре нашей молодой демократии, при премьере Гайдаре, в средствах массовой информации попадались и нелепые высказывания: в том, что население не растет нет ничего страшного. России вообще не нужна большая численность и прирост населения, нам бы прокормить уже живущих и т.д. Однако все последующее развитие доказало ущербность такой концепции, поскольку негативные тенденции в изменении возрастно-половой структуры населения Российской Федерации пошли вразрез с экономической реальностью и возможностями государства по социальному обеспечению. В это же время, в 1990-е годы, еще больше уменьшилась и прежде крайне низкая плотность заселения необъятных просторов азиатской части России, вследствие чего Дальний Восток “в явочном порядке” заселяется нелегальными выходцами из соседней КНР.

Следовательно, демографические проблемы в российском обществе сегодня стоят необычайно остро, что актуализирует их изучение, в том числе и в исторической ретроспективе.

Наблюдения демографов говорят о том, что в основе нынешних проблем лежат не только причины экономического и социального характера; они имеют и достаточно глубокие демогра-

фические корни. В частности, важнейшей составляющей быстрого сокращения населения и его старения является, как известно, снижение уровня рождаемости. И все же драматическое падение числа рождений в последние годы можно назвать важной, но не единственной причиной естественной убыли населения. Исторически эта тенденция в нашей стране обозначилась уже давно и проявлялась на протяжении всего XX в.

Всего 100 лет назад, в начале XX в., население Российской империи еще отличалось предельно высокими показателями рождаемости – на уровне 45–50 рождений на каждую тысячу населения. Сегодня же рождаемость сократилась в 5 и более раз – до 8,9‰ (данные за 1996 г. по РФ в целом, хотя во многих областях они еще ниже)³.

Естественно, что пяти-шестикратное падение рождаемости в течение 100 лет накапливалось постепенно. Все это время в сельском населении под влиянием событий политической и экономической жизни происходили существенные изменения, которые закладывали основу для многих будущих явлений, в том числе и неблагоприятных. В отечественной истории в этом плане особо выделяется послевоенный период, когда российская деревня *впервые* за многие годы столкнулась с целым рядом демографических проблем, ставших серьезным препятствием для ее дальнейшего нормального развития.

Основным фактором, предопределившим колоссальные негативные изменения в численности и составе сельского населения России в 1945–1959 гг., безусловно, послужила Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Она вызвала колоссальную убыль сельского населения. Прямого ответа на вопрос, насколько меньше оно стало за четыре года войны по селу, нет. Как известно, данные о потерях СССР в этой войне долго не публиковались, считались строго секретными сведениями, составлявшими государственную тайну. Еще при жизни Сталина в советском обществе и за рубежом осознавалось, что объявленная им в 1946 г. цифра потерь СССР в 7 млн человек – далеко не полная: она явно не включала в себя даже всех прямых, безвозвратных потерь, не говоря уже о потерях косвенных, т.е. вызванных резким падением рождаемости и сверхсмертностью мирного населения от войны.

Данные о численности населения в статистической практике обычно получают двумя способами – путем проведения переписей (что бывает сравнительно редко), а в межпереписной период – на основе материалов текущего учета. К данным, полученным в ходе очередной переписи, которые считаются наибо-

лее точными, статистика ежегодно прибавляет число родившихся в отчетном году и вычитает число умерших. Сведения подобного рода учитываются загсами, которые довольно точно фиксируют все факты естественного движения населения (т.е. рождения, случаи смерти, вступление в брак, разводы и пр.). Кроме загсов сельское население в послевоенные годы учитывалось еще и местными органами власти – сельскими советами на основе хозяйственных книг. Сельские советы, начиная с 1943 г., почти ежегодно составляли единовременные отчеты о возрастном-половом составе сельского населения. Все полученные данные о населении (из загсов и сельсоветов) поступали в ЦСУ СССР и РСФСР, где они обрабатывались и детально анализировались.

Простое сопоставление цифр о величине сельского населения РСФСР, полученных при переписи 1939 г. (72 522,2 тыс.) и в ходе составления единовременных отчетов о составе сельского населения (в нашем распоряжении есть только цифра на начало 1945 г., поскольку в 1946 г. такого обследования не было), – т.е. 51 546,1 тыс. – дает разницу в 20,9 млн человек.

При этом мы вовсе не склонны засчитывать эту разницу в безвозвратные потери, хотя сельские жители, в силу своего огромного количественного преобладания в общем населении страны, за период войны составили, по подсчетам специалистов, не менее $\frac{3}{4}$ наличного состава Вооруженных Сил СССР⁴. Уже по этой причине их доля в общих потерях среди военнослужащих, безусловно, доминирует.

Нельзя забывать и то, что во время войны значительная часть колхозников, единоличников и других категорий сельских жителей, которым с начала 1930-х годов был перекрыт путь из села, воспользовалась временным послаблением в правилах отходничества из колхозов и перешла в город на заводы и стройки. Это было продиктовано насущной жесткой потребностью оборонной промышленности в дополнительных рабочих руках, благодаря чему был разрешен набор рабочих и из колхозов. Некоторая часть граждан РСФСР на начальном этапе войны была в порядке эвакуации вывезена в Среднюю Азию, поэтому в начале 1945 г. в составе сельского населения России учтена не была. Но тем не менее, каковы бы ни были причины, всего за шесть лет (с 1939 по 1944 г. включительно) сельское население Российской Федерации уменьшилось почти на 21 млн человек. Столь значительная убыль населения представляла собой *важнейшую проблему не только демографического, но и социального, экономического характера*, поскольку угрожала далеко идущими негативными последствиями для дальнейших судеб российского села.

В дальнейшем в течение всего послевоенного периода, вплоть до конца 1950-х годов, динамика общей численности наличного сельского населения в целом по России особо не изменилась: с 51,5 млн (в начале 1945 г.) до 53,6 млн (в конце 1959 г.), т.е. выросла всего на 2,1 млн. человек.

Но по социальному составу население деревни за это время существенно переменялось. Оно и ранее никогда не отличалось социальной однородностью, но за послевоенные годы соотношение составлявших его отдельных общественных групп стало иным. В 1930–1940-е годы наиболее многочисленными были представители колхозного крестьянства, а рабочие, занятые в совхозах и других государственных предприятиях деревни, вместе насчитывали менее $\frac{1}{4}$ жителей села. Однако за 1950-е годы удельный вес сельских рабочих, служащих и представителей интеллигенции в российской деревне практически удвоился, в то время как исчез крайне немногочисленный слой крестьян-единоличников. В 1947 г. доля крестьян – колхозников измерялась $\frac{3}{4}$ от общего количества сельского населения, а в 1960 г. она уже едва превышала половину⁵.

Перемены в социальном составе сельского населения были обусловлены прежде всего социально-экономической политикой КПСС и советского правительства. Во многом суть этой политики состояла в постоянном ущемлении интересов села, в том числе социальных прав крестьян. Оплата труда в большинстве колхозов России существенно уступала оплате в промышленности. Кроме экономического давления колхозное и единоличное крестьянство ощущало на себе и социальную приниженность. Известно, что оно в массовом порядке вплоть до середины 1970-х годов было лишено паспортов граждан своей страны. Колхозники не имели пенсионного обеспечения по старости (вплоть до 1966 г.), социального страхования и многого другого. Все это существенно ущемляло многочисленных жителей деревни – крестьян, превращая их во второстепенных членов советского общества. Это рождало у наиболее многочисленной группы сельского населения глубокое недовольство, стремление любой ценой сменить место работы и адрес в пользу города. Особенно не хотела мириться с тяжелым положением в деревне молодежь, получившая семилетнее, а то и среднее образование, среди которой миграционные настроения были обычным явлением.

И все же основной причиной, не удовлетворявшей колхозное крестьянство, была оплата труда. Труд колхозников фиксировался по трудодням, а оплачивался по остаточному принципу. Это означало, что на оплату труда своих работников колхозы имели

право начислять средства, полученные за год, лишь после расчетов с государством, в том числе за поставленную технику, минеральные удобрения и услуги МТС, а также после обязательных отчислений на производственные нужды артели и т.п. В результате только оставшиеся средства, если они вообще оставались, шли на оплату выработанных колхозниками трудодней. Понятно, что при такой системе расчетов средний по Российской Федерации уровень оплаты труда колхозников был весьма низким. Например, в 1952 г. по РСФСР средняя семья, состоявшая из двух трудоспособных родителей, работавших в колхозе, и их одного-двух малолетних детей, от колхоза получила в среднем всего по 250 руб. деньгами и очень незначительное количество зерна и овощей. Этого на весь год семье из четырех человек было явно недостаточно⁶.

За средними показателями оплаты труда скрывались огромные отличия, имевшиеся как по отдельным областям России, так и между колхозами одного и того же района. Как правило, благополучнее обстояло дело на Кубани, Ставрополье, в областях Черноземного Центра, на Южном Урале и ряде областей Сибири, т.е. там, где существовали более благоприятные природные условия для ведения сельского хозяйства или же военные последствия для колхозной экономики были менее тяжелыми.

Низкий уровень оплаты труда вынуждал многих колхозников искать дополнительные источники дохода, подрабатывать где-нибудь еще, и прежде всего – интенсифицировать труд в своем подсобном хозяйстве. Продукция, выращенная в семейном хозяйстве, в основном шла на потребление внутри семьи, но иногда ее излишки продавались на рынке. Лишь подобным образом колхозная семья могла сводить концы с концами и приобретать необходимые ей товары промышленного производства (ткани, обувь и т.п.), но работа на личном приусадебном участке отрывала колхозников от общественного колхозного производства, что преследовалось властями всех уровней.

Тяжелое социальное и экономическое положение колхозников, низкий уровень доходов от колхоза способствовал и формированию у многих из них стремлений работать в колхозе вполсилы и побольше отдавать времени своему приусадебному хозяйству. Последнее оказывалось гораздо более выгодным, принося стабильный, хоть и не очень высокий доход. Подрастающая молодежь, наблюдая положение в колхозах и жизнь своих родителей, стремилась обязательно перейти работать в совхоз или вообще уехать в город, что обещало более радужные перспективы.

Таковы экономические и социальные истоки процесса, весьма губительного по своим последствиям для российской деревни, — “раскрестьянивания”, которому активно сопутствовала миграция сельчан в города. Здесь подчеркнем лишь, что масштабы сельской миграции в целом по стране за период с 1939 по 1959 г. специалистами оцениваются в 24,6 млн человек⁷.

Напомним в связи с этой цифрой, что общие потери советского народа в Великой Отечественной войне, по уточненным данным, составляют около 26 млн человек. Таким образом, получается, что объем потерь сельского населения СССР от миграции в города за 20 лет вполне сопоставим с общей величиной потерь в войне. Возможно, эта не вполне корректная в научном отношении параллель позволит лучше представить масштаб и величину общих потерь деревни в результате не прекращавшейся миграции ее населения в город.

Проблема миграционных перемещений сельского населения в рассматриваемый период достойна специального рассмотрения.

После войны миграция из деревни в город стала основным фактором формирования демографической ситуации на селе. Она существенно корректировала развитие таких важнейших демографических процессов, как рождаемость, смертность, брачность, формирование семейного и возрастно-полового состава сельского населения.

Что же касается сокращения колхозного населения за 1945–1959 гг., то помимо последствий войны и миграции из села, в этом процессе немалую роль сыграл и политический фактор. Своеобразие аграрной политики, попытки вытащить сельское хозяйство из затяжного экономического кризиса, вызванного не только войной, но и низкой эффективностью колхозного производства, обусловили появление череды различных реформ в деревне. Среди них в постепенном процессе раскрестьянивания российского села особо следует отметить массовое преобразование в совхозы сначала отстающих, развалившихся колхозных артелей, а затем и относительно крепких колхозов.

На резкой убыли крестьянского населения в целом ряде центральных российских областей негативно отразились и последствия широко проводившихся сельскохозяйственных переселений, прежде всего в восточные районы страны, а также для заселения после войны Калининградской, Сахалинской, Крымской, Саратовской и так называемой Грозненской области. Кроме Калининградской области и юга Сахалина, отошедших к РСФСР по итогам Второй мировой войны, необходимость заселения остальных перечисленных областей определялась иными причинами.

Они остро нуждались в переселении крестьянского населения из других районов страны вследствие депортаций целых народов из исконных ареалов обитания – немцев, крымских татар, чеченцев и ингушей и др.

Повсеместно на переселение в первую очередь подбирались семьи колхозников и единоличников, которые отличались трудолюбием и выносливостью, к тому же в надежде обрести на новом месте лучшие условия жизни, они весьма охотно соглашались переселяться. Однако нередко по прибытии они поселялись в создававшиеся там совхозы, т.е. переставали считаться колхозниками, или же, так или иначе, уходили в города.

По причине перевода в совхозный сектор или благодаря переселениям, в том числе и в неорганизованном порядке (стихийной миграции), количество крестьянского населения в деревне России неумолимо сокращалось. Только с 1945 по 1950 г. оно уменьшилось почти на 1,5 млн, а всего с 1945 по 1959 г. – на огромную цифру – почти на 9,2 млн (с 36,6 до 27,4 млн человек).

Историки-аграрники уже давно доказали, что начавшееся в послевоенные годы и продолжавшееся почти полвека раскрестьянивание российской деревни, по своей сути выражалось не только и не столько в количественной убыли.

Наряду с этим происходили и сложные внутренние процессы перерождения крестьянской натуры даже у тех жителей деревни, которые оставались в колхозах. Под губительным влиянием целого ряда постулатов советской аграрной политики, внушавшей колхозникам, что их страсть и привязанность к своему подсобному хозяйству – не что иное, как вредный пережиток капитализма, постепенно менялось их отношение к сельскохозяйственному труду, к земле, доброе и ответственное отношение к домашним животным сменилось на равнодушие и т.п.

Эффективность идеологической обработки была тем выше, что она сопровождалась целой системой наказаний за “излишнюю увлеченность частной собственностью”. Только в период 1940-х и начала 1950-х годов неоднократно повышались налоги на содержание личных подсобных хозяйств и производимую в них продукцию⁸. Хотя справедливости ради напомним, что после сентябрьского (1953) Пленума ЦК КПСС наступил кратковременный – в пять лет – период относительно доброжелательной политики в области подсобных хозяйств колхозников. С них был снят целый ряд административных ограничений, что, кстати, весьма позитивно отразилось на росте валовой продукции сельского хозяйства. Но уже с конца 1958 г. отношение власти к личным подсобным хозяйствам колхозников, приносившим солид-

ную добавку в их семейный бюджет, стало меняться к худшему. Они вновь стали рассматриваться как уступка частнособственническим интересам колхозников, что явно шло вразрез с объявленным партией курсом на ускоренное построение коммунизма⁹. Несбалансированная политика в области подсобных хозяйств колхозников, их преждевременное “отмирание” и свертывание в итоге лишь добавили новые стимулы к миграционным настроениям среди крестьянства.

Демографическая ситуация в деревне обострялась и вследствие резкого ухудшения возрастно-полового состава ее жителей. Начало этому было положено еще Великой Отечественной войной, а позже свой вклад в дальнейшую разбалансированность структуры сельского населения по возрасту и полу вносила миграция из села, вымывавшая прежде всего мужчин и молодежь. Исследователи доказали, что в общем числе безвозвратных потерь СССР во Второй мировой войне мужчин оказалось в 4 раза больше, чем женщин¹⁰.

Уже в предвоенные годы общая численность женщин в российской деревне превышала количество мужчин на 4,3 млн, а в 1945 г. эта разница выросла до 14,2 млн человек. Таким образом, важнейшим следствием огромных военных потерь для возрастнополовой структуры сельского населения оказались серьезнейшие деформации в соотношении мужчин и женщин. *Это вторая важнейшая демографическая проблема послевоенной деревни.*

Военные последствия стали серьезным препятствием для дальнейшего формирования баланса полов в населении. Это стало серьезной проблемой, с которой столкнулось общество после войны, поскольку она вела к далеко идущим осложнениям, причем не только в демографической сфере.

В целом война 1941–1945 гг. привела к резкому нарушению пропорции полов среди ровесников, особенно у молодежи, у которой перед войной этот баланс был практически нормальным. В конце войны по сельской местности РСФСР общее число мужчин дееспособных возрастов (от 16 до 50 лет) едва лишь приблизилось к 30% от довоенного уровня и было втрое меньшим, чем женщин этого возраста. Особенно болезненно ощущались военные потери мужского населения в молодых возрастных группах. На одного молодого мужчину от 21 до 23 лет (т.е. 1923–1925 гг. рождения – наиболее пострадавших в войне) в среднем по сельской местности России приходилось по пять (!) девушек-ровесниц¹¹. Понятно, что недостаток дееспособных молодых мужчин, находившихся в активном брачном и детородном возрасте, негативно отражался не только на демографических перспективах

деревни, на формировании семейно-брачной структуры ее населения и уровне рождаемости, но и на темпах восстановления сельского хозяйства и деревни.

Послевоенное советское общество, как справедливо пишет Е.Ю. Зубкова, было преимущественно женским обществом. Численное преобладание женщин, в том числе многочисленных вдов, незамужних и одиноких, создавало серьезные проблемы психологического плана, перерастая в проблему личной неустроенности, женского одиночества, детской беспризорности, безотцовщины, преступности и т.д.¹².

Демографические трудности, характерные для всей страны, в деревне ощущались многократно острее, поскольку деформация соотношения численности мужчин и женщин здесь была еще резче и ощущалась дольше. Перепись 1959 г., проведенная спустя 13,5 лет после окончания войны, все еще фиксировала явные диспропорции в соотношении полов в сельском населении. Так, в детородных возрастах (по группировке переписи – с 20 до 49 лет) преобладание женщин в российской деревне измерялось огромной цифрой – почти в 2,8 млн человек (соответственно – 12 787,1 тыс. и 10 029,1 тыс.).

И все же, несмотря на недостаток молодых мужчин, множество незамужних женщин и молодых вдов, жизнь в деревне после окончания войны не остановилась. В это время в нашей стране, как и в ряде других воевавших стран, воспроизводство населения проходило в специфических условиях *демографической компенсации* – явления, вполне обычного для послевоенного периода, когда начинают осуществляться многие демографические события, временно отложенные из-за войны.

Основное содержание этого периода заключается в бурном всплеске ранее отложенной брачности, воссоединении разлученных войной супругов, и – как результат – в довольно крутом подъеме рождаемости. В демографической компенсации после Великой Отечественной войны важную роль для населения деревни сыграла демобилизация армии и флота, а также возвращение граждан из эвакуации и по репатриации. Все эти факторы благотворно сказались на демографической ситуации на селе – способствовали частичному восполнению численности сельского населения и укреплению баланса его возрастно-полового состава.

В целом особенности возрастно-половой структуры сельского населения (более высокий удельный вес в нем небрачных, т.е. детских и старческих возрастов) предопределили сравнительно более низкие, чем в городе, показатели брачности на селе. Так, в

1945 г. уровень брачности по селу был втрое ниже, чем в городе, в 1950–1952 гг. – почти наполовину и т.д.

Более резко выраженные деформации соотношения полов в сельском населении обусловили то обстоятельство, что даже в конце 1950-х годов среди жительниц села замужних было меньше, чем среди горожанок. Так, одно из первых советских социологических исследований ЦСУ СССР, проведенное в 1960 г. (после перерыва в несколько десятилетий), показало, что среди женщин-колхозниц доля состоящих в браке была заметно ниже, чем среди представительниц других общественных групп населения. Так, среди колхозниц в возрасте от 17 до 49 лет замужем было всего 61%, а в городе среди работающих женщин в браке состояло 68%, а среди служащих – 71%¹³.

Основной вывод, вытекающий из анализа изменений в состоянии брачности в деревне в послевоенные годы, заключается в том, что у мужчин показатели брачности, бывшие и до этого достаточно высокими, после войны выросли еще больше. Это стало следствием того, что из-за нехватки мужчин в деревне шанс жениться был практически у каждого, каким бы покалеченным, некрасивым или с дурным характером он ни был, поскольку молодых женщин, желавших иметь семью и детей, было в несколько раз больше.

В то же время относительная доля сельских женщин, состоявших в браке, оказалась заметно ниже, чем в предвоенные годы. Это – *третья важнейшая демографическая проблема деревни*. В 1939 г. замужем было 59,5% всех взрослых женщин, а в 1959 г. – лишь 48,3%, да и то главным образом – самых молодых, для которых за послевоенные годы подросли женихи 18–23 лет.

Доля состоявших в браке женщин заметно понижалась после 35 лет, что отрицательно сказывалось на перспективах рождаемости, поскольку общий период репродукции продолжается до 49 лет. Значительное число жительниц деревни (молодые вдовы, не вышедшие замуж девушки, разведенные, одинокие и т.п.) из-за недостатка мужчин бракоспособного возраста оказалось обречено на безбрачие и сопутствующую этому бездетность.

Зачастую безбрачие женщин имело вынужденный характер, но изменить ситуацию, оставаясь в деревне, было практически невозможно. Из-за тяжелейших демографических последствий войны брачность россиянок, проживавших в сельской местности, оставалась далеко не полной даже спустя 13 лет после победы (при переписи 1959 г.) Это, кстати, сказалось и на общем количестве рожденных ими детей, несмотря на то что многие дети появлялись на свет вне зарегистрированного брака. Всего за период с

1944 по 1956 г. детей, “в акте о рождении которых отсутствовала запись об отце”, по стране в целом родилось порядка 10–12 млн – солидный и весомый вклад в решение демографических проблем.

И все же, несмотря на эти нюансы, общие итоги развития воспроизводственных процессов уже в 1946 г. оказались вполне благоприятными. Отличительной чертой развития процессов рождаемости в российской деревне после войны стало определенное запаздывание в сроках подъема рождаемости по сравнению с городом.

Кроме того, естественно, что в такой обширной республике, как Российская Федерация, имелись значительные региональные отличия в показателях рождаемости. Так, области, освобожденные от вражеской оккупации, примерно на $\frac{1}{3}$ и более отставали от среднего по России уровня. Это объяснялось намного худшим состоянием возрастно-половой структуры сельских жителей этих районов. В освобожденных районах нередко сельское население было представлено лишь женщинами и подростками, в то время как многие мужчины после демобилизации не возвратились в разоренную войной деревню. В целом население этих областей свой воспроизводственный потенциал восстанавливало гораздо медленнее.

При изучении процессов рождаемости нами были использованы документы ЦСУ о естественном движении населения, отложившиеся в архивах. Ранее они никогда не публиковались, состояние их тоже оставляет желать много лучшего. Поэтому при пользовании этими материалами возникает целый ряд трудностей, связанных с состоянием источников.

Наряду с абсолютными числами родившихся, в архивах ЦСУ нередко можно встретить и относительные показатели – коэффициенты рождаемости в расчете на тысячу населения. Однако такие цифры имеются не по всем годам, поэтому путем подсчета по принятым в демографии и статистике формулам отсутствующие данные приходится восполнять, а нередко – пересчитывать и уточнять имеющиеся. Это тем более важно, что из-за значительного ухудшения состояния демографической статистической отчетности после 1953 г. прямые, т.е. рассчитанные непосредственными исполнителями в отделах ЦСУ, коэффициенты не приводятся.

В целом, как показывает анализ статистических данных, после войны динамика рождаемости развивалась неравномерно. После быстрого и существенного прироста в 1946 г., когда родилось почти на 60% больше детей, чем в 1945 г., темпы рождаемости несколько замедлились. 1949 год стал годом своеобразного

рекорда – именно тогда в сельской местности РСФСР родилось 1,7 млн. детей, что превзошло даже уровень 1940 г. Столько детей больше никогда в будущем сельские женщины уже не рожали.

После 1949 г., насколько можно судить по конкретным цифрам, период демографической компенсации в сельском населении России пошел на убыль. Начиная с 1950 г. в деревне установился несколько меньший, чем в 1945–1949 гг., но вполне сопоставимый и достаточно стабильный уровень рождаемости.

В целом в 1950-е годы рождаемость держалась примерно на уровне 1,4–1,5 млн. новорожденных в год (± 100 тыс.). В то же время коэффициенты рождаемости, выражающие частное от деления абсолютного числа родившихся на общее количество населения на ту же дату, были менее постоянны и колебались от 32,5 (в 1949 г.) до 27,6 (в 1958 г.). Это достаточно высокие показатели, находившиеся, согласно градации, принятой в демографии, на уровне “выше среднего”, но им уже было далеко до предвоенных показателей рождаемости.

Источники высокого уровня рождаемости в первые послевоенные годы понятны – демографическая компенсация, в ходе которой были реализованы практически все отложенные из-за войны вступления в брак и рождения детей. Что касается причин стабильно высокого уровня деторождения в 1950-е годы, то следует сказать, что в этот период в детородный возраст вступили многочисленные поколения, родившиеся во второй половине 1930-х годов, когда держался очень высокий уровень рождаемости.

Возможно, что и после войны в деревне бы родилось детей намного больше, если бы не тормозящее действие миграции, в ходе которой деревню покидали самые молодые и активные группы – молодежь, особенно мужчины от 17 до 29 лет, которые вступали в брак и заводили детей уже в городе. Иными словами, в очередной раз свою негативную роль сыграл экономический фактор – низкий уровень жизни в колхозной деревне, который буквально выталкивал в город на поиски лучших условий значительное число молодых жителей детородного возраста.

Интересно, что сразу после войны по заданию советского правительства ряд ученых-медиков и специалистов по народонаселению на основе демографических показателей 1946 и 1945 гг. разработали весьма оптимистический прогноз развития процессов рождаемости на послевоенный период. Согласно ему, ожидалось, что переход к условиям мирного времени, демобилизация Красной Армии, восстановление народного хозяйства, а также государственные меры по защите семьи и подъему рождаемости,

предусмотренные известным указом Президиума Верховного Совета от 8 июля 1944 г., создадут благоприятные условия для быстрого и мощного подъема рождаемости. Ее максимального пика ожидали в 1947 г., когда число родившихся детей должно было превысить даже показатели 1940 г. После этого рождаемость, как ожидалось, несколько снизится и останется на предвоенном уровне или близком к нему. Учитывалось и то, что в развитии процессов рождаемости возможен спад, поскольку даже в полностью восстановившихся семьях бывает необходимый интервал между последовательными рожденьями детей.

Однако уже в 1946 г. стало понятно, что быстрой и полной компенсации военных потерь не произойдет из-за слишком большого числа погибших на фронте молодых мужчин. Но не только это обстоятельство помешало сбыться упомянутому прогнозу ученых. Они явно недоучли и то, что сельское население, наряду с горожанами, к этому времени уже перешло на новый тип репродуктивного поведения и достаточно широко применяло внутрисемейное регулирование деторождения, в частности практику аборт.

Несмотря на законодательный запрет аборта еще в 1936 г. и суровые наказания за него, количество даже официально зарегистрированных операций по искусственному прерыванию беременности после войны стремительно росло: в 1948 г. на 70% больше, чем в 1947 г., а в 1949 г. на $\frac{1}{3}$ больше, чем в 1948 г. и т.д. Фактическое же число осуществленных аборт (в том числе так называемых подпольных, т.е. выполненных без медицинских показаний и обращения к врачу) не было известно, но, по мнению врачей-практиков, оно было не меньше числа, официально зарегистрированных статистикой. Иными словами, практика аборт получила огромное распространение и совершенно вышла из-под контроля правительства, пытавшегося их отменой насильственно поднять рождаемость.

Хотя сельские женщины также практиковали аборт, все же они значительно реже прибегали к такой операции, чем горожанки. Например, в 1949 г. по сельской местности Калужской области аборт состоялось почти вдвое меньше, чем в городах; в Новосибирской области, Карело-Финской ССР – на 40% меньше и т.д.

В 1955 г., учитывая высокую смертность женщин при нелегальных абортах, большое количество детей, потерявших в результате аборта своих матерей и ставших сиротами, и другие факторы, Президиум Верховного Совета СССР своим указом отменил запрет на аборт. Советская женщина после почти 20-лет-

него перерыва вновь получила полное право самостоятельно решать вопрос о будущем материнстве.

В целом за послевоенные годы среднее число детей в сельских семьях России, несмотря на достаточно высокий уровень рождаемости, все же уменьшилось. *И это также стало одной из примечательных черт демографического развития российской деревни.* Представление о числе детей в семьях может дать особый коэффициент, рассчитываемый как отношение общего числа родившихся к числу сельских женщин в возрасте фертильности (от 16 до 49 лет). В целом по сельской местности РСФСР этот показатель снизился с 2,90 (в 1950 г.) до 2,82 (в 1959 г.), что также подтверждает снижение среднего числа детей в сельских семьях.

К этому времени заметно поубавилось и число многодетных семей в русской деревне. Они сохранялись главным образом среди работников неквалифицированного труда, да и то в пределах 2–8% к общему числу сельских семей. В то же время у сельской интеллигенции, рабочих и служащих четко проявлялось стремление к малодетности.

Тотальное убывание сельского населения за счет отъезда в город, прежде всего молодых парней и девушек, которые уже там вступали в брак и заводили семьи, отразилось и на сельской семье. За годы рассматриваемого периода она стала меньше, изменился и ее внутренний состав.

В среднем за 20 лет (1939–1959) в сельском населении России уменьшилась доля крупных семей, состоявших из пяти и более человек, с 42 до 30%, т.е. на 12%. Ровно настолько возрос удельный вес семей, насчитывавших по два-три человека, т.е. малых семей. Характерно, что в городах доля таких семей осталась прежней, поскольку переход к малосемейности там произошел раньше, чем в деревне.

Параллельно уменьшению средних размеров сельских семей произошло и перераспределение их по демографическому типу: возросла доля нуклеарных, включавших лишь родителей и их детей, или без детей. В то же время снизилась доля сложных семей, в которые кроме супружеского ядра входили взрослые дети, возможно уже со своими детьми, или другие родственники.

Сельская семья в России долго сохраняла локальные особенности. В районах Центра из-за более высокого уровня урбанизации и степени вовлеченности в нее многих сельских семей, а также в районах Севера и Северо-Запада России средние размеры ее были меньше, чем на окраинах. Например, в Забайкалье, Приангарье, в ряде других районов Восточной Сибири, а также у ка-

зачьего населения Терека, Дона и Кубани сельские семьи достигали девяти и более членов. В них было больше мужчин, детей и стариков, В то же время в центральных районах семьи в два-три поколения (т.е. многопоколенные) в послевоенные годы встречались уже нечасто.

В целом же к концу 1950-х годов вырос удельный вес неполных семей (без отца), где из родителей была одна мать. Много детей остались полусиротами, росли без крепкой мужской руки, что имело соответствующий результат в их воспитании. Кстати, тенденция к распространению неполных семей укрепилась и благодаря нередким даже в сельской среде разводам, а также случаям овдовения, т.е. смерти одного из супругов, не всегда компенсированными повторными браками.

Иными словами, сельская семья в эти годы менялась, приобретала более современные формы, приближалась в этом отношении к общемировым стандартам. Тем не менее сельская семья в рассматриваемые годы со своими основными задачами – обеспечением воспроизводства населения и воспитанием подрастающего поколения, в том числе и трудовым – вполне справилась. Однако практически не прекращавшаяся миграция, вымывавшая из деревни молодежь, существенно понижала демографический потенциал сельского населения, в том числе и сельской семьи.

Итак, в течение послевоенных лет (вторая половина 1945–1959 г.) демографическая ситуация в российской деревне оставалась нестабильной. Общая численность ее населения в 1959 г. была на 2 млн человек ниже, чем даже в военном 1943 г. Его возрастно-половой состав сразу после войны был сильно деформирован – оставалось очень мало молодых мужчин бракоспособных возрастов. По этой причине произошли изменения в характере брачности – заметно вырос уровень брачности мужского населения, при весьма существенном понижении уровня брачности женщин.

Из-за непростого экономического положения в сельском хозяйстве, низкого уровня оплаты труда, социальной ущемленности – колхозников, на всем протяжении послевоенных лет наблюдался постоянный отток населения из российской деревни. Максимальную миграционную мобильность при этом проявляла, естественно, наиболее дееспособная и активная часть ее населения – молодежь, и прежде всего мужчины от 16 до 30 лет. Это не могло не сказаться на демографическом составе всего сельского населения. И в конце 1950-х годов в нем по-прежнему было мало молодых мужчин (в детородном возрасте – на 2,7 млн меньше, чем их ровесниц-женщин).

Сельское население за 20 лет, прошедших между проведением двух советских переписей (1939 и 1959 гг.), заметно постарело. В нем почти на 10% сократилась доля детей и молодежи до 20 лет, зато на 6% выросла доля людей старше 50 лет.

Общее уменьшение населения и ухудшение его демографического состава нашли отражение и в составе, и в численности сельских семей – они стали меньше, в деревне выросла доля малых (в два-три человека) и сократилось число многодетных семей. Возросла доля одиночек, живших вне семьи.

Таким образом, в послевоенные годы российская деревня пережила очень серьезный этап своей истории. Тяжелейшие последствия войны как в материальной, так и в демографической сфере создали труднопреодолимые препятствия для выполнения ею своего основного предназначения – обеспечения страны продуктами питания, промышленности – необходимым сырьем. Отметим, что, на наш взгляд, те многочисленные трудности, которые переживала вся страна с нехваткой продовольствия в послевоенные годы, наряду с крупными ошибками во внутренней политике страны и руководстве сельским хозяйством, в значительной мере были порождены и демографическими проблемами села.

Представляется, что при столь существенном сокращении людских ресурсов деревни как в результате войны, так и из-за широкомасштабной миграции ее населения в города, которое не было восполнено повышением механизации аграрного производства или более гибким и умелым руководством, других результатов и ожидать не стоило. Продолжительное отсутствие достойного материального уровня жизни, остро переживаемая социальная ущемленность обернулись постепенным исходом населения из деревни. Пусть это станет хорошим уроком для нынешних политиков России.

¹ Российская газета. 2000. 11 июля.

² Там же. 2001. 17 окт.; Демографический ежегодник России, 1997 г. / Госкомстат РФ. М., 1998. С. 219.

³ Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. / Госкомстат РФ. М., 1998. С. 114.

⁴ См.: *Гущин Н.Я.* Население Сибири в XX в.: Основные тенденции и кактаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995. С. 24 и след.

⁵ *Вербицкая О.М.* Население российской деревни в 1939–1959 гг.: Проблемы демографического развития. М., 2002. С. 62.

⁶ См.: *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву: Середина 40–начало 60-х годов. М., 1992. С. 139.

⁷ См.: *Урланис Б.Ц.* Рост населения в СССР. М., 1996. С. 34.

- ⁸ *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945–март 1953): Сб. документов. М., 1993. С. 124–125.
- ⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 9. С. 289 и след.
- ¹⁰ *Рыбаковский П.П.* Динамика и факторы демографического развития СССР в послевоенный период. М., 1984. С. 8.
- ¹¹ *Вербицкая О.М.* Население российской деревни в 1939–1959 гг. С. 103.
- ¹² *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: Политика и повседневность, 1945–1953 гг. М., 2000. С. 25.
- ¹³ Вестник статистики. 1962. № 12. С. 45.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Г.А. Куманев:

– Какую цифру Вы назвали, произнесенную Сталиным в 1946 г.

О.М. Вербицкая:

– 7 млн человек демографических потерь.

Л.Н. Нежинский:

– Когда Вы рассматривали эту проблему, Вы учитывали только не оккупированные в годы войны территории? Оккупированная территория – это довольно большая территория России и не только России.

О.М. Вербицкая:

– Статистика военных лет вела учет населения на так называемой “охваченной территории”, т.е. той, где был поставлен демографический учет, за исключением территорий, бывших под оккупацией.

Ю.А. Поляков:

– В качестве причин трудностей 1980-х годов Вы назвали одну причину – продовольственную. Но Вы забыли о том, что население в стране в границах СССР увеличилось. Если в 1921–1922 гг. у нас было 135 млн, то потом 270–280 млн. Разве это увеличение населения страны вдвое могло не сказаться на снабжении населения продовольствием?

О.М. Вербицкая:

– Безусловно. Хотя я говорила только о послевоенном периоде, но это правомерно и для всего последующего времени. Деревня была поставлена в такие условия, когда уровень механи-

зации рос очень медленно, постоянно стояла проблема повышения производительности труда в сельском хозяйстве, поэтому выход из артели был очень ограничен. Если человек все-таки перешел работать в промышленность, то на это закрывали глаза, потому что промышленность в эти годы развивалась экстенсивными методами и ей требовалось очень много людей для неквалифицированного физического труда, которых и давала деревня.

Действительно, нужно увязывать проблемы. Мы всегда констатировали то, что планы по сельскому хозяйству никогда не выполнялись, что сельское хозяйство – это черная дыра: сколько туда вложений ни производи, они никогда не окупаются. Надо, наверное, больше внимания уделять тому, в какой степени демографический потенциал деревни соответствует уровню этих задач, трезво соотносить эти две величины.

А.К. Соколов:

– Вы привели очень интересную цифру, которая не очень соответствует Вашему негативному отношению к проблеме невыдачи паспортов. Вы говорили о значительном сокращении числа колхозников до 1959 г.

О.М. Вербицкая:

– Да. Их число сократилось на 11 млн человек.

А.К. Соколов:

– Эта проблема меня волнует. Есть ли у Вас какие-то цифры на этот счет? За счет кого, каким образом осуществлялось сокращение числа колхозников? Такие факты известны. Они затрагивают проблемы сельской семьи. Но одни работают в колхозе, другие – где-то на стороне. Так было по всей стране. Это немаловажный процесс. Мог ли колхозник, который состоит в колхозе, на самом деле работать на стройке, на фабрике?

О.М. Вербицкая:

– Как правило, социальная принадлежность любой семьи определяется по тому, кем является ее глава. Если он работает в колхозе, то и вся семья, будь жена, скажем, учительница, взрослые дети работают, один в МТС, другой – еще где-нибудь, все равно считается колхозной. Во-первых, они живут на территории колхоза, а во-вторых, глава семьи является членом сельскохозяйственной артели. Это принятая социальная градация. Известно, что даже в 1950-е годы было очень много социально смешанных семей такого рода.

Цифра общей убыли колхозного крестьянства за послевоенный период – более 11 млн человек, и это на фоне того, что сельское население все-таки выросло на 2 млн. Крестьянство убыва-

ло столь быстро не только вследствие миграции. Еще одним каналом было преобразование колхозов в совхозы, туда перешло очень много бывших колхозников. Они оставались жить на прежнем месте, но несколько колхозов объединяли в совхоз, т.е. менялась только “вывеска” и прежние колхозники становились рабочими. Конечно, менялись со временем и условия. В совхозе была стабильная оплата труда, выдавали паспорта и другие преимущества. Не следует забывать, что в годы массового освоения целины очень многие сельские жители – молодежь – выбывали с территории Российской Федерации и прибывали, например, в Караганду, которая теперь входит в состав Казахстана, там они и оставались. За счет этого тоже происходило сокращение численности крестьян в России.

А.К. Соколов:

– Как квалифицировать те категории колхозников, которые только числятся колхозниками, но на самом деле работают где-то в другом месте. Возможна была такая ситуация?

О.М. Вербицкая:

– Нет. Здесь существовали некоторые нюансы. Если хоть кто-то из данной семьи работал в колхозе, за ним оставалось и членство в колхозе, и главное – приусадебное хозяйство, которое выдает колхоз. Но если такая семья полностью порывала связь с колхозом, она оставалась жить на территории колхоза. Никакие меры здесь, как правило, не помогали. Известно, что в 1947 г. очень многие такие семьи высылались, но это была крайняя мера, к ней не часто прибегали. Они потом попадали под категорию околоколхозного населения, которое уже порвало связь с колхозом, т.е. они уже не были колхозниками в строгом смысле слова. Но в силу нашей бюрократической нерасторопности они мало что от этого теряли. Приусадебный участок в 1950-е годы все равно за ними, как правило, оставался. Может быть, и были какие-то иные случаи. Хотя никакой статистики по этому вопросу конечно нет, и это затрудняет наши исследования.

Г.Д. Алексеева:

– Были ли какие-то попытки создания государственных программ, пусть неосуществленные, регулирования и стимулирования решения демографических проблем по увеличению населения? Если они были, то каково было их содержание? Если они не выполнены, то по какой причине?

О.М. Вербицкая:

– Такая попытка была предпринята в 1944 г. Был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР 8 июля 1944 г.

Он имеет очень длинное название – “Оказание помощи беременным, одиноким, многодетным матерям” и т.д., где также говорилось об укреплении семьи. Там, по существу, содержалась программа, которая была направлена на скорейшее восполнение численности населения после войны. И ставка при этом делалась на укрепление семьи. Именно после войны в паспорте гражданина появилась графа, где фиксировался брак, имя, фамилия того, с кем заключен брак. Это имело большое значение в условиях послевоенного периода, когда было очень мало мужчин и слишком много молодых женщин.

Эта программа в целом себя оправдала, по крайней мере на какие-то ближайшие годы. 12 млн детей родилось вне брака. И эта программа как раз предусматривала оказание материальной помощи матерям-одиночкам по воспитанию детей, родившихся без отца. Так что можно говорить, что такая программа была и она, как и все государственные программы, эффективно действовала лет пять-семь, после чего многие детали устаревали, жизнь менялась. Несмотря на то, что в советское время цены были стабильными, все равно установленных там 100 руб. на каждого ребенка становилось мало, но их платили, хотя покупательная способность этих 100 руб. постепенно падала.

Тем не менее после войны появилось очень много многодетных женщин. Я смотрела материалы о числе детей и возрасте матерей, родивших их. Нередки были случаи, когда к 26 годам у них уже было по трое детей. Программа работала. Денег особенных не получали, зато государство стабильно платило живыми деньгами, и это способствовало увеличению рождаемости.

Ю.А. Поляков:

– В докладе О.М. Вербицкой достойно представлен Центр области изучения исторической демографии и исторической географии населения территории России. Доклад хорошо фундирован, и главное я вижу в том, что доклад представляет собой одно из приоритетных направлений в нашей деятельности. Изучение истории населения, демографических проблем для России является одной из важнейших проблем жизни нашего государства, и это всегда находит отражение в истории, потому что нам нужно знать исторические корни.

Ученый совет должен ставить и выбирать именно такие проблемы, рассматривать вопросы, которые назрели, которые являются приоритетными и которые либо решаются, либо не решаются в нашей работе. Мы должны быть генератором идей, отражать развитие науки, и не просто отражать, но и способствовать этому развитию.

К числу важнейших относятся и проблемы демографического развития страны. Или, например, проблемы экологического развития.

Историческая экология возникла, существует и должна развиваться, хотя развивается слабо. Но для того, чтобы разобраться в корнях нынешнего экологического кризиса, нужно изучить экологическую историю.

Или проблема адаптации, проблема повседневности, которая пока мало реализована.

Таким образом, я высказываю общее пожелание, чтобы ставились такие доклады, которые отражают важнейшие направления развития нашей науки хотя бы в постановочном плане.

А.К. Соколов:

– Доклад интересный. Не надо доказывать, насколько важна эта проблема.

Я выступаю здесь как исследователь городской истории.

Те демографические процессы, которые происходили в деревне, были сочетанием как бы двух линий. С одной стороны, это объективные процессы, которые происходят во всех современных обществах. Это те демографические процессы, которые неизбежны при переходе от традиционного общества к современному.

Второй аспект, который здесь проявляется, это влияние разного рода субъективных факторов. Под субъективными факторами я имею в виду политику государства, которое рассматривало деревню как неисчерпаемый источник людских ресурсов, поступления сельскохозяйственных продуктов и всего прочего. Рассмотрение этих двух аспектов, их сочетание в демографическом развитии советской деревни, было бы полезно.

Л.Н. Нежинский:

– Что касается самого доклада, то он поставлен правильно, интересно, ибо поднимает одну из важнейших проблем отечественной истории на конкретном материале. Звучание и последствия этой проблемы до сих пор не только не угасли, но, к сожалению, в силу целого ряда причин возрастают.

Мы можем только приветствовать дальнейшую разработку этой темы, и конкретно О.М. Вербицкой, и тем подразделением института, в котором она сейчас работает.

“КРЕМЛЕВСКИЙ ДИССИДЕНТ”: ДОКУМЕНТЫ ОБ ОТТО КУУСИНЕНЕ В ЦК КПСС В СЕРЕДИНЕ 1950-х – НАЧАЛЕ 1960-х ГОДОВ*

Сухие строки официальной биографии оставляют без внимания многие сюжеты, аспекты и периоды жизнедеятельности человека, которые со временем кажутся едва ли не наиболее существенными и определяющими, не говоря уже о характере, человеческих качествах, манере говорить, важность которых трудно переоценить при характеристике личности. В связи с этим хочется сослаться на такие современные направления исследований, как историческая антропология, новая семейная и биографическая история, которые ставят и успешно решают вопросы, традиционно казавшиеся несущественными, раскрывая во взаимной увязке все стороны истории индивидуума. Сказанное выше несомненно относится к политическим деятелям, принимающим решения государственной важности, многие поступки которых подчас невозможно объяснить вне широко понимаемого биографического контекста.

Об Отто Вилле Куусинене (1881–1964), несмотря на то, что его имя вошло в энциклопедии и биографические словари, в России известно сравнительно немного, а то, что известно, относится в основном к сухим официальным данным. Немало споров о Куусинене до сих пор идет и на его родине. Он родился в Финляндии в семье портного, окончил Хельсинкский университет, с юности участвовал в социал-демократическом движении, считался большевиком ленинской когорты революционеров. В 1920–1930-е годы был одним из руководителей Коминтерна, во время “зимней войны” руководил созданным Сталиным в СССР так называемым финским народным правительством, а затем возглавлял Карело-Финскую ССР и работал в ЦК КПСС. За свою долгую жизнь Куусинен получил немало высоких советских регалий. Он стал академиком, Героем Социалистического Труда, кавалером пяти орденов Ленина, а после кончины был с высшими государственными почестями похоронен у Кремлевской стены.

* Доклад на заседании ученого совета ИРИ РАН 26 ноября 2002 г.

С кем бы ни приходилось разговаривать о Куусинене в России и Финляндии, эта личность никого не оставляла равнодушным. Его могли уважать или ненавидеть, называть предателем родины или “кремлевским диссидентом”. Наиболее спорными и неясными периодами его биографии остаются время массовых репрессий и “зимней войны”, когда Куусинен, у которого были арестованы близкие родственники, оказался, по существу, заложником режима, пережив глубокую личную драму. Здесь, по-видимому, кроются истоки столь решительных действий Куусинена по развенчанию сталинизма, его безусловная поддержка Хрущева в разоблачении культа личности, а также объяснение специфики “последнего аккорда” биографии Куусинена – его работы в ЦК КПСС в середине 1950–начале 1960-х годов.

Этот период биографии наиболее сложен, противоречив и хуже всего изучен в научном плане. Именно поэтому по инициативе финских коллег и при участии ИРИ РАН в 2002 г. была принята работа по прояснению роли Куусинена как советского партийного деятеля и теоретика КПСС. По данной теме в Москве состоялась международная научная конференция, а в 2003 г. на основе выступлений участников, включая автора, была подготовлена книга на финском языке под редакцией профессора университета г. Хельсинки Тимо Вихавайнена¹. В основе настоящего доклада, являющегося частью указанного общего проекта, лежат архивные изыскания в фондах РГАСПИ и РГАНИ, а также записанные автором в 2002 г. интервью с близко знавшими Отто Куусинена академиком Г.А. Арбатовым и известным публицистом Ф.М. Бурлацким.

ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

«Что такое идея? Для Ленина идея есть познание плюс стремление (хотение) человека. Сравни с теорией Станиславского о “сверхзадаче”»² – записал однажды, размышляя наедине с листом бумаги, Отто Куусинен. Таких раздумий, сравнений, рефлексий, как бы невзначай выявляющих недюжинную эрудицию автора и свойственных скорее людям творческого труда, нежели советским партийным функционерам, разбросано немало среди его документов конца 1950–начала 1960-х годов. Из них можно составить некоторое представление о сложной и противоречивой фигуре Куусинена как человека и политика.

В приведенной выше цитате, не предназначенной для печати, Куусинен сверяется с Лениным, и это совсем не случайный эпизод. О чем бы ни заходила речь, Ленин для него – едва ли не глав-

ный и непререкаемый авторитет, своеобразный универсальный компас в оценке спорной ситуации и принятии решений. В этом смысле, конечно, при всей его творческой натуре, Куусинен предстает из документов фанатиком и догматиком ленинизма, не допускающим для себя или других даже мысли о возможной неправоте Ленина или необходимости корректировки его идей в существенно изменившихся исторических условиях 1950–1960-х годов. Впрочем, думается, что даже если бы тень сомнения у Куусинена-человека и закралась, то Куусинен-политик никогда бы в этом публично не признался. Он слишком хорошо понимал, что в той острейшей ситуации в стране и руководстве десталинизация и обновление социализма были возможны лишь под лозунгом возвращения к ленинским нормам партийной жизни, точнее, они могли осуществляться исключительно под незапятнанным знаменем ленинизма. В общественном мнении, от которого скрыли текст разоблачительной речи Хрущева на XX съезде партии, во второй половине 1950-х годов образ Сталина продолжал сохранять во многом культовый характер. И сравниться с ним по “божественной силе” мог только мифологизированный образ Ленина.

На практике имя Ленина (все знали, что старый большевик Куусинен, член партии с 1905 г. был из “ленинской когорты”) и ленинское теоретическое наследие частенько применялись Куусиненом как грозное оружие. В идеологическом противостоянии рубежа 1950–1960-х годов правильно подобранная и использованная к месту ленинская цитата была главным и подчас единственным “убойным” аргументом в споре с оппонентом из партноменклатурной среды. Опытный аппаратчик Куусинен прекрасно знал принятые в ней правила игры и сам успешно играл по этим правилам. Куусинен в очных и заочных дискуссиях (чаще всего в виде писем и докладных записок руководству партии) выглядит не только как яркий теоретик и лучший в ЦК тех лет знаток ленинских работ, но и как умный, расчетливый политик. Он, в частности, умеет не размениваться по мелочам, выжидать, скрывать свои эмоции и идти на тактические компромиссы ради достижения главной цели.

В каждом из изученных архивных комплексов в зависимости от обстановки Куусинен предстает как бы разным человеком. В докладных записках Н.С. Хрущеву, написанных в классическом партаппаратном стиле с соблюдением правил субординации, он – многоопытный и хитрый стратег, пользующийся особыми отношениями с первым лицом страны. Формально он представляет дело так, будто обращается к руководству за советом. На деле же

в логически выверенной и построенной в наступательной манере обосновывающей части записок сквозит тонкий расчет ситуации и знание психологии руководителя, умение убедить и привлечь его на свою сторону. Заручившись принципиальной поддержкой Хрущева, можно было пускать записку по малопредсказуемым партийным инстанциям обычным порядком.

Другим – явно не самым активным и принципиальным, подчас идущим на поводу у партийных консерваторов – он был на заседаниях Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей (далее – Идеологическая комиссия), где решалась масса текущих вопросов. Комиссию возглавлял М.А. Сулов, а Куусинен был одним из ее членов. Здесь Куусинен оказывался в ситуации “своего среди чужих, чужого среди своих”. Изучение протоколов заседаний этой комиссии рубежа 1950–1960-х годов и подготовительных материалов к ним показывает крайнюю противоречивость принятых ею решений. На одном и том же заседании с участием Куусинена и при его положительном голосовании могли быть одобрены положения, по духу напоминающие сталинскую традицию “держат и не пущать”, и одновременно – меры, направленные на демократизацию жизни общества.

Третий, совершенно иной, откровенный и размышляющий Куусинен предстает из разного рода написанных им подготовительных материалов, не предназначавшихся для постороннего глаза.

1957 г.: ВОЗВРАЩЕНИЕ В “БОЛЬШУЮ ПОЛИТИКУ”

В октябре 1952 г. по решению XIX съезда партии Политбюро было преобразовано в Президиум ЦК КПСС с расширением численного состава. Тогда-то, на исходе сталинского правления и безусловно с санкции самого “хозяина”, впервые в состав высшего партийного органа страны вошел секретарь ЦК партии Отто Вильгельмович Куусинен. В первом составе Президиума ЦК он оказался по стажу самым опытным политиком. Однако уже в марте 1953 г., после смерти Сталина, в новый состав Президиума его не избрали.

Взлет Куусинена и его избрание по инициативе Н.С. Хрущева членом Президиума ЦК партии в июне 1957 г. связаны с двумя главными обстоятельствами. Во-первых, Хрущеву, судя по его воспоминаниям, постоянно ощущавшему в то время зыбкую политическую почву под ногами, были крайне необходимы имя и

авторитет Отто Куусинена, начало политической карьеры которого четко ассоциировалось с ленинским периодом истории. Вероятно, также учитывался аппаратный опыт секретаря ЦК, немалое влияние и давние зарубежные связи Куусинена как бывшего лидера Коминтерна, а также его особо острое неприятие сталинских репрессий (его первая жена и сын были репрессированы). Действительно, в благодарность за развенчание культа Сталина и разрушение ГУЛАГа Куусинен готов был многое простить Хрущеву. Наконец, в условиях острой внутривнутрипартийной борьбы важным плюсом Куусинена оказался его возраст и отсутствие властных амбиций.

Во-вторых, это назначение и возникновение особо доверительных отношений Куусинена с Хрущевым связаны в немалой степени с ярким выступлением Куусинена в его защиту на Пленуме ЦК в июне 1957 г., где обсуждалось поведение “антипартийной группы” Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича, В.М. Молотова и др.

В отличие от 1970-х годов, когда материалы этого Пленума не дали даже советнику Л.И. Брежнева – Г.А. Арбатову, сейчас они хранятся в РГАНИ, рассекречены и доступны исследователям³. Пленум не получил должной оценки историками как важный, переломный момент десталинизации и как один из немногих партийных форумов, итоги которого были заранее непредсказуемы даже для его участников. Речь идет о решительном бое, который сплотившаяся “сталинская гвардия”, решила дать Хрущеву. Впервые за многие годы не узкая группа амбициозных членов высшего руководства (накануне Президиум ЦК большинством голосов принял-таки решение об отстранении Хрущева), а срочно созданный по инициативе сторонников Хрущева и проходивший в крайне напряженной обстановке Пленум ЦК, по сути дела, решал судьбу страны.

Куусинену на Пленуме изначально не отводилась ведущая роль. Он выступал в прениях под № 36. Однако это обстоятельство давало и известные преимущества: он имел возможность выслушать и обдумать не только речи главных действующих лиц (формально основным оппонентом Маленкова выступал М.А. Суслов), но и значительную часть выступавших членов ЦК. При этом Куусинен сориентировался, на ходу меняя первоначально подготовленный текст. О том, что это было именно так, что часть его выступления – это домашняя заготовка, а другая – явный экспромт, хорошо видно из стенограммы Пленума.

Несколько слов об основных моментах и особенностях выступления Куусинена. Во-первых, оно отличалось сильной теоре-

тической базой, обильным цитированием и ссылками на Ленина. Тем самым Куусинен продемонстрировал свои задатки теоретика партии.

Разоблачая Сталина, он обратил внимание на то, что тот своим культом личности подмял диктатуру пролетариата. Видимо, Куусинен посчитал, что данная постановка вопроса должна быть понятной для большинства присутствующих на Пленуме. Таким образом, его выступление можно было истолковать как призыв к восстановлению норм диктатуры пролетариата, против чего участникам Пленума возразить было нечего. О том же, что диктатура пролетариата уже давно изжила себя, в его выступлении не было и намека. Говорить об этом пока было не время и не место.

Далее Куусинен обратил внимание на международные отзвуки XX съезда, сказав, что иностранные коммунисты не до конца верят в искренность избавления от наследия культа личности в СССР, в том числе потому, что разоблачен только умерший Сталин, но не живые его подручные, также ответственные за репрессии и сталинскую политику.

Наконец, Куусинен счел нужным откликнуться на неожиданное для многих утверждение хитрого Молотова о складывании вместо разоблаченного культа личности Сталина культа Хрущева (против этого, мол, он и предпринимал усилия в ЦК партии, квалифицированные как деятельность антипартийной группы). Куусинен взял Хрущева под защиту и сказал, что не нужно смешивать культ личности и популярность Хрущева как руководителя. Последнее, наоборот, хорошо и полезно для страны и партии.

“Я лично узнал о попытках членов антипартийной группы сместить т. Хрущева только здесь, из сообщения т. Сулова. Но если бы я узнал раньше, я бы считал честью для себя участвовать, вместе с другими членами ЦК, в этом бою⁴⁷”, – такими решительными словами под зафиксированные в стенограмме аплодисменты Куусинен закончил свою речь.

На июньском 1957 г. Пленуме Куусинен вновь избирается членом Президиума ЦК (он находился в его составе вплоть до смерти в мае 1964 г.) и тем самым возвращается в “большую политику”. Это назначение с сохранением должности секретаря ЦК партии и особые отношения с Хрущевым открывают ему возможности для более смелых самостоятельных действий.

ТРИ ДОКУМЕНТА О РОЛИ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА (СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ 1957 г.)

В личном фонде Куусинена в РГАСПИ сохранилось несколько важных документов, имеющих тематическое единство. В сентябре 1957 г. им была подготовлена, а в октябре направлена в адрес партийного руководства “Записка о современной трактовке диктатуры пролетариата”⁵. Как видно из сохранившихся на полях пометок секретаря, по просьбе Куусинена она была послана Н.С. Хрущеву, а также двум другим наиболее влиятельным членам руководства – А.И. Микояну и М.А. Суслову. Куусинен просил их высказать мнение, следует ли вопрос о новой трактовке диктатуры пролетариата поставить на обсуждение Президиума ЦК КПСС, так как приближающееся 40-летие Великого Октября – хороший повод для авторитетного выступления ЦК с данным заявлением к советскому народу.

Записка начиналась словами: “Считал бы целесообразным обсудить вопрос о современной трактовке диктатуры пролетариата в свете исторического опыта развития СССР и других социалистических стран. Вопрос о диктатуре пролетариата был и остается одним из основных вопросов марксизма-ленинизма”⁶.

Можно представить, что в то время в партийных кругах эта записка могла вызвать настоящий шок. Более того, справедливости ради, скажем, что она не совпадала с позицией самого Куусинена, озвученной на недавнем июньском 1957 г. Пленуме ЦК. В его неожиданное “прозрение” в период с июня по сентябрь верится с трудом. Скорее, критический пассаж в адрес Сталина на Пленуме с противопоставлением культа его личности идеям диктатуры пролетариата был обычным тактическим ходом. О том, что вопрос о диктатуре пролетариата встал в 1957 г. не случайно, свидетельствуют и рассмотренные ниже обстоятельства подготовки под руководством Куусинена учебного пособия “Основы марксизма-ленинизма”.

Основная идея подготовленного Куусиненом теоретического документа звучала крамольно – диктатура пролетариата исторически изжила себя. Автор писал, что она необходима в условиях классовой борьбы, войны, ее главный элемент – насилие, подавление сопротивления буржуазии. Но все это в истории СССР уже пройденный этап. Диктатура пролетариата фактически переросла в социалистическую демократию, настаивал Куусинен, ведь в условиях отсутствия эксплуататоров общество, народ не могут осуществлять диктатуру и насилие над самим собой, это нонсенс. И об этом партия должна открыто заявить. Он трактовал работу

Ленина “Государство и революция” таким образом, чтобы доказать, что, по мысли Ленина, диктатура пролетариата применима при переходе лишь от капитализма к социализму, но не к коммунизму, как считалось ранее.

Вопрос о диктатуре пролетариата только на первый взгляд имел сугубо теоретическое звучание. На самом деле проблема носила принципиальный характер. Диктатура пролетариата относилась к аксиомам сталинской идеологии. Она сыграла не последнюю роль в обосновании политики репрессий и печально знаменитого тезиса об обострении классовой борьбы по мере приближения к коммунизму. Ее пересмотр мог привести к далеко идущим последствиям и одновременно оказаться первой брешью в разрушении системы догматизированных представлений, утвердившихся в сталинский период. Кроме того, на практике догмат о диктатуре пролетариата был шлюзом, тормозившим демократизацию в обществе тех лет, мешал развитию народовластия, проведению полноценной реабилитации репрессированных и др.

Куусинен хорошо понимал, какую реакцию вызовут его неожиданные для многих мысли. Поэтому он стремился, во-первых, быть крайне осторожным в формулировках, чтобы не отпугнуть колеблющихся, во-вторых, воздвигнуть крепкую доказательную базу в виде многочисленных ссылок и цитат из классиков марксизма-ленинизма, подтверждающих преходящий характер периода диктатуры пролетариата. С высоты сегодняшних дней частокол из ленинских цитат, умело выстроенный в записке Куусинена, выглядит едва ли не начетничеством и демагогией, тем более, что при желании в произведениях классиков можно подобрать едва ли не любые, подчас взаимоисключающие утверждения. Но, судя по всему, у Куусинена не было выбора. Протолкнуть свежую мысль в тех условиях можно было только используя Ленина, применяя риторику тех лет и следуя принятой в партийных кругах процедуре рассмотрения вопросов.

В данном документе Куусинен идет даже на то, чтобы в одном случае взять в союзники Сталина. Доказывая историческую закономерность и якобы историческую преемственность предлагаемых идей, Куусинен пишет, что СССР отказался от идеи диктатуры пролетариата и провозгласил всенародную демократию еще в середине 1930-х годов, что нашло закрепление в Конституции 1936 г. Далее была война с естественным отходом от демократических норм, а назревшие в 1950-е годы меры по расширению социалистической демократии – это всего лишь продолжение и развитие того, что провозглашалось ранее, в том числе и Сталиным. Для доказательства Куусинен включил в текст своей

записки цитату Сталина из доклада на XVIII съезде партии, где тот признавал, что функция подавления сопротивления эксплуататоров внутри страны уже отмерла.

Вообще, судя по записке, для Куусинена было характерно не уничижительное отношение к поверженным соперникам, а серьезный, основательный и вместе с тем критический, аргументированный подход к теоретическим построениям Сталина. Он несколько раз подчеркивает, что Сталин претендовал на роль теоретика партии, а значит, к его высказываниям нельзя относиться походя, как к случайным фразам. В анализируемой записке эта полемика выглядит как своеобразная заочная дискуссия двух теоретиков – Куусинена и Сталина, высшим арбитром у которых выступает Ленин. Корень разногласий в следующем. Все – за сильное государство. Но для Сталина сила государства – в силе армии и карательных органов. Он пытался доказать, что насилие и при социализме сохраняется как главное средство воздействия. “Это грубейшая теоретическая ошибка, которая привела на практике к тяжелым последствиям”⁷, – замечает Куусинен. Наоборот, для него (со ссылкой на Ленина) сила государства – в сознательности и преданности СССР широких народных масс. Куусинен убежден, что коммунизм нельзя строить на насилии, нужно расширять социалистическую демократию, вовлекать трудящихся в управление государством, заниматься воспитанием трудящихся и одновременно нужно строить прочный экономический фундамент коммунизма.

Искусство Куусинена-политика заключалось в том, что он заранее просчитывал возможные возражения. Например, предвидел, что его идея отказаться от диктатуры пролетариата может вызвать серьезное по тем временам обвинение в социал-демократическом уклоне. Поэтому в записке он поспешил отместить подобные обвинения, вероятно, намеренно сделав это в форме классических партийных агиток: “В этом вопросе мы должны дать самый решительный отпор социал-демократам и всем новым ревизионистам в рядах некоторых зарубежных компартий, подвергающим нападкам учение марксизма-ленинизма о диктатуре пролетариата”⁸.

К упомянутой записке Куусинена о современной трактовке диктатуры пролетариата прилагался проект Постановления ЦК КПСС “О правильном освещении вопроса о диктатуре пролетариата и вопроса о социалистической демократии”⁹. По сравнению с запиской это в меньшей мере научный и в большей – политический документ, в котором в соответствующей партийным решениям форме излагались основные идеи записки. “ЦК КПСС

считает, что сложившееся в научной и пропагандистской работе освещение вопроса о диктатуре пролетариата во многом устарело и не отвечает современной обстановке в нашей стране. Вопреки указаниям основоположников марксизма-ленинизма об исторически преходящем характере диктатуры рабочего класса, в нашей теоретической и пропагандистской литературе проявляется тенденция если не увековечить ее, то во всяком случае распространить на все этапы развития социализма... ЦК КПСС считает, что необходимо решительно устранить догматическое толкование вопроса о диктатуре пролетариата..." и др.

Третьим документом данной тематики является хранящийся в архиве набросок для части предполагаемого доклада Н.С. Хрущева на праздновании 40-летия Октябрьской революции (октябрь 1957 г.) под названием "О диктатуре пролетариата и социалистической демократии"¹⁰. Здесь в более яркой, эмоциональной форме, адаптированной к особенностям устной речи, излагаются основные идеи записки Куусинена. В частности, прямо говорится о необходимости избавиться в вопросе о диктатуре пролетариата, названном кардинальным, от "всякого абстрактного и догматического подхода". Высказан и крамольный тезис о том, что в теории нет "священных коров", что все положения марксизма, как и любой теории, должны быть историчны и изменяться, совершенствоваться вместе со временем и конкретной обстановкой. "Диктатура пролетариата исчерпала свои функции в Советском Союзе. Поэтому вполне естественно, что Президиум ЦК КПСС решил в специальном Постановлении указать на это положение и объяснить его"¹¹, – отмечалось в документе.

Смелая постановка Отто Куусиненом вопросов о пересмотре роли диктатуры пролетариата и необходимости коренной демократизации жизни советского общества встретила принципиальную поддержку Н.С. Хрущева, но резкие возражения в аппарате ЦК партии. Дискуссии и споры по этому вопросу продолжались и в дальнейшем, при подготовке партийных учебников и третьей Программы КПСС.

МАКЕТ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ "ОСНОВЫ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА"

Популярное и рассчитанное на массового читателя, это учебное пособие готовилось с 1956 г. по решению ЦК партии как альтернатива устаревшему сталинскому "Краткому курсу". Авторам была поставлена задача соединить теорию с практикой социалистического

тельства, уйти от догматизации ленинского учения и одновременно создать средство пропаганды марксизма-ленинизма, предназначенное для советского и зарубежного читателя. Авторам было дано задание не навязывать догмы и теоретические положения для запоминания, а аргументировать и убедить читателя в правоте марксизма-ленинизма.

Авторский коллектив, руководить которым поручили О.В. Куусинену, был подобран аппаратом ЦК из старых “проверенных кадров”, оказавшихся в конечном итоге не способными мыслить по-новому, освободиться от прежних стереотипов. Куусинену в 1957 г. и начале 1958 г. пришлось заниматься формированием нового коллектива авторов, в основном из незнакомой ему среды молодых ученых (в их числе оказались Г.А. Арбатов и позже Ф.М. Бурлацкий). Процесс замены активизировался с лета 1957 г., после избрания Куусинена членом Президиума ЦК партии, что дало ему необходимые властные полномочия. О ходе создания учебного пособия, в связи с которым в числе прочих в авторском коллективе с участием Куусинена активно дискутировался и вопрос о диктатуре пролетариата, известно из воспоминаний авторов.

Как видно из архивных документов, по наиболее принципиальным теоретическим вопросам Куусинен советовался и заручался поддержкой лично Хрущева. Сохранилось, например, недатированное письмо Куусинена Хрущеву, относящееся, вероятно, к периоду конца 1957 – начала 1958 г., т.е. наиболее активной работы нового авторского коллектива над пособием¹². Письмо начиналось словами: «Дорогой т. Хрущев Н.С. В ходе работы над учебником “Основы марксизма-ленинизма” возникло несколько весьма важных вопросов, по которым было бы необходимо посоветоваться лично с Вами...» Среди этих вопросов, во-первых, вновь – и в который уже раз – присутствовала проблема трактовки роли диктатуры пролетариата, во-вторых, закрепление в учебном пособии возможности революции и установления в некоторых странах народовластия без этапа диктатуры пролетариата, в-третьих, допустимость говорить о противоречиях в социалистическом обществе. “Прошу Вас, Никита Сергеевич, принять меня для короткой беседы по этим вопросам, если только позволит Ваша занятость”¹³, – завершал письмо Куусинен.

Окончательный вариант текста “Основ марксизма-ленинизма”, в котором Куусинен лично целиком написал вводную и заключительную части, был в основном закончен в октябре 1958 г. 5 ноября 1958 г. Куусинен от имени авторского коллектива направили его членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС.

В архиве сохранилась подробная пояснительная записка к тексту (макету пособия), подписанная Куусиненом¹⁴. Цель его рассылки изложена предельно четко: “Авторы заинтересованы в получении критических замечаний, советов, пожеланий со стороны Президиума ЦК КПСС”¹⁵. О том, каковы были эти замечания, мы документально не знаем. Но очевидно, что осторожный Куусинен стремился заручиться формальной поддержкой высшего партийного руководства страны. Потому-то в пояснительной записке по каждому разделу пособия сформулировано и специально выделено подчеркиванием немало спорных моментов для обсуждения с обозначением точки зрения авторского коллектива.

Структура пособия такова. В первом разделе излагались философские основы марксистско-ленинского мировоззрения (диалектический материализм). Во втором разделе (материалистическое понимание истории) присутствовали новаторские главы об общественном прогрессе (с теоретическим обоснованием превосходства социализма над капитализмом), а также глава о роли народных масс и личности в истории с развернутой трактовкой критики культа личности Сталина. В третьем разделе – “Политэкономия капитализма” – не просто излагались в популярной форме основные положения экономической теории К. Маркса, но впервые предлагался взгляд на них с высоты конца 1950-х годов. В связи с рассмотрением вопроса о положении современного рабочего класса Куусинен показал себя реалистом, знающим ситуацию на Западе. Он предложил отказаться от вульгаризации некоторых положений, в частности тезиса о постоянном обнищании рабочего класса при капитализме, который только дискредитировал марксизм-ленинизм в глазах иностранных рабочих, добившихся после войны немалых успехов в отстаивании своих материальных интересов и социальных условий жизни. Тот же реалистический подход был продемонстрирован и в главе об анализе и критике современного капитализма.

В четвертом разделе – “Теория и практика международного коммунистического движения” – содержалось немало новых положений. Например, Сталин рассматривал иностранные компартии и колониальные национально-освободительные движения в качестве “резервов” СССР. Тем самым отрицался самостоятельный характер их деятельности. Куусиненом это было исправлено, он предлагал признать и закрепить их безусловную самостоятельность. Далее. Сталин считал основной задачей революции на первом этапе не свержение самодержавия, а изоляцию либерально-монархической буржуазии, и на втором этапе – не свержение буржуазии, как писал Ленин, а изоляцию мелкобуржуазной демо-

кратии. Куусинен предлагал вернуться к ленинской трактовке. Здесь же рассмотрены вопросы о единстве действий рабочего класса и всех демократических сил народа (ранее опыт таких совместных действий вообще не изучался).

В пятом, последнем разделе пособия – “Учение о социализме и коммунизме” центральным стал вопрос о роли диктатуры пролетариата в период от победы социализма до построения коммунизма. Куусинен отметил в пояснительной записке, что он оставил этот вопрос открытым для обсуждения в связи с подготовкой нового проекта Программы КПСС. Данная формулировка наглядно свидетельствует о существовавших разногласиях по данному вопросу и отсутствию единства даже в период подготовки третьей Программы КПСС. Не менее актуальными в тех условиях были и затронутые в учебном пособии вопросы о пролетарской демократии, о мировой социалистической системе (с введением нового понятия “социалистический интернационализм”).

Пособие заключала глава о постепенном переходе от социализма к коммунизму, которая должна была содержать научный прогноз и потому давалась авторам с огромным трудом. В представленном макете она оказалась не завершенной. Вместо нее содержался обзор развития партии и государства после 1953 г., оценка современной ситуации в связи с задачами построения коммунизма в СССР. Куусинен, который в конце концов сам взялся за ее написание, явно выжидал, пока определятся основные контуры новой Программы КПСС, чтобы привести пособие в соответствие с ними. В конце 1958 г. еще существовала так и не сбывшаяся вероятность того, что работа над Программой будет поручена Куусинену.

Оценивая с высоты сегодняшних дней учебное пособие “Основы марксизма-ленинизма”, подготовленное под руководством О.В. Куусинена, обращаешь внимание на несколько моментов. Во-первых, на его историческую роль в разрушении сталинской концепции марксизма-ленинизма. Во-вторых, на смелость, незашоренность и реалистичность мышления Куусинена, стремившегося по-своему “осовременить” марксизм-ленинизм, освободить его от очевидных атавизмов, взглянуть на его положения не только из-за толстых кремлевских стен, но и глазами, например, иностранного рабочего. Судя по воспоминаниям, на этот же творческий путь он вдохновлял своих молодых коллег-соавторов, большинство из которых впоследствии стали активистами горбачевской перестройки. В-третьих, на примере пособия лучше понимаешь критическое отставание советского обществоведения 1970–1980-х годов, ведь предложенные еще Куусиненом

и членами его коллектива во второй половине 1950-х годов базисные теоретические установки и термины составили основу для всех позднейших аналогичных учебников советского времени.

ТРЕТЬЯ ПРОГРАММА КПСС

Судя по архивным документам, на рубеже 1950–1960-х годов Куусинен много времени и внимания уделял участию в подготовке третьей Программы КПСС. История ее подготовки по большому счету еще не написана. Известно, что имелось несколько проектов, которые обсуждались и совершенствовались. На начальном этапе Куусинен был привлечен к ее разработке, но затем это направление поручили Б.Н. Пономареву. Тем не менее, Куусинен не самоустранился. С января 1960 г. общее руководство подготовкой новой Программы КПСС было возложено партией на Н.С. Хрущева. Предполагалось, что вслед за Программой будет обновлена и Конституция СССР.

В начале 1960-х годов О.В. Куусинен продолжал пользоваться расположением Н.С. Хрущева. Из документов видно, что он регулярно и методично направлял свои замечания прямо ему, как руководителю работы над Программой. Судя по характеру их переписки, не исключено, что не сильно сведущий в марксистско-ленинской теории Хрущев вначале сам просил Куусинена быть его неофициальным советником и критиком в этом трудном для него деле. По крайней мере, складывается впечатление, что договоренность такого рода между ними была, и Куусинен действовал в соответствии с нею. Так, 29 марта 1961 г. он сообщал Хрущеву в препроводительной записке: «Дорогой Никита Сергеевич! Посылаю Вам: 1) Некоторые общие замечания ко II-й части Проекта Программы; 2) Замечания к разделу “Задачи КПСС в области подъема благосостояния народа”. Когда Вы в апреле будете заниматься проектом Программы, прошу Вас ознакомиться и с этими моими замечаниями. Через несколько дней имею в виду послать Вам также предложения, касающиеся вопроса о культуре личности. В апреле в Москве постараюсь обдумать вопросы I-й (международной) части Проекта Программы (подпись)»¹⁶.

Сохранились его заметки, комментарии, замечания и предложения к разным вариантам едва ли не всех разделов проекта Программы, позволяющие составить довольно полное представление о замыслах Куусинена тех лет. Прежде всего видна эволюция по сравнению с представлениями 1957–1958 гг. Его взгляды стали радикальнее. Если суммировать его предложения, то можно говорить, по сути дела, о вынашиваемой им идее реформиру-

вания советской системы в направлении ее демократизации по ленинскому образцу. Основные предложения Куусинена могут быть сведены к следующему:

1. Отказ от доставшегося в наследство от сталинских времен тотального партийного контроля за всеми сферами жизни страны, возвращение от всевластия КПСС ко власти Советов и других общественных организаций.

2. Коренная реорганизация системы Советов, утеревших реальную власть и превратившихся в придаток партийного и советского аппарата, с передачей максимума полномочий депутатам на местах; Советы должны обладать одновременно и законодательной, и исполнительной властью.

3. Реформа избирательной системы с целью привлечения граждан к реальному управлению государством через своих представителей.

Едва ли не самое поразительное в заметках секретаря ЦК партии и члена Президиума ЦК КПСС Куусинена – обилие резкой критики в отношении роли партии в современном ему советском обществе. КПСС – универсальный административно-распорядительный орган, который работает и решает за всех, подменяя всех и вся. Эту ситуацию нужно менять, пишет он Хрущеву летом 1961 г. В другом месте Куусинен вновь акцентирует внимание на мелочной опеке, фактической подмене деятельности Советов партаппаратом, который вполне привык к такому положению вещей и никак не хочет меняться. Он приводит пример из будней Карелии. Тамошний секретарь горкома партии, чувствующий себя царьком, в разговоре сокрушается: “Что это такое – депутаты суют свой нос не в свои дела, предлагают даже без ведома горкома построить прачечную. Разве это дело депутатов?” Именно это и есть дело депутатов, а не горкома партии, считает Куусинен.

Не меньше критических стрел достается и советской системе. Советы превратились в районах в фикцию, пишет он, они штампуют на сессиях решения, подготовленные аппаратом. Нужно отнять реальную власть у исполкома, превратившегося в бюрократический придаток госаппарата, не подотчетного депутатам, и передать как можно больше власти самим депутатам. Районный совет должен стать постоянно действующим органом. Для этого нужно чаще собирать Совет, создать вместо исполкомов постоянно действующие комиссии с частичным освобождением депутатов от основной работы на производстве и др. Со ссылкой на Ленина Куусинен выступает против разделения законодательной и исполнительной власти, так как это принцип буржуазной демо-

кратии, закреплённый Сталиным в Конституции 1936 г. Нужно упразднить все райисполкомы, как бюрократический аппарат, и отдать всю законодательную и исполнительную власть самим депутатам. Из постоянно действующих Куусинен предлагал оставить Президиум Совета (работа между сессиями) во главе с Председателем (позднее он все же согласился, что нужен секретарь и небольшой исполком, но с усечёнными функциями, ни в коем случае не подменяющий Совет).

Для лучшей координации работы Совета с парторганизацией Куусинен предлагал совмещать пост руководителя местного Совета и первого секретаря райкома партии, а секретари райкома стали бы членами Президиума Совета. Тем самым удастся, по мнению Куусинена, убить сразу трех зайцев – обеспечить партийное руководство работой Совета, заставить секретаря райкома отчитываться перед всеми избирателями и сократить платный партийный аппарат. Во что на деле выливалось совмещение советских и партийных должностей – мы из истории хорошо знаем. Это была явно утопичная идея.

Другая утопия – идея Куусинена, чтобы все депутаты местных советов ежедневно, кроме выходных дней, после основной работы не отдыхали, самосовершенствовались или проводили время с семьёй и детьми, а спешили заниматься делами своего Совета. Платить ли за эту работу небольшое вознаграждение малообеспеченным депутатам? – спрашивал риторически Куусинен. И сам же отвечал: “Вряд ли это нужно”. Для обоснования приводилось ленинское высказывание многолетней давности: “Целью нашей является бесплатное выполнение государственных обязанностей каждым трудящимся по отбытии 8-часового рабочего дня. Переход к этому особенно труден. Но только в этом переходе залог окончательного упрочения социализма”. Судя по всему, буквальное следование ленинским заветам на сей раз оказалось сильнее ощущения реальности. Куусинен явно преувеличивал и материальный достаток, и уровень сознательности обычных людей.

Среди архивных документов особый интерес представляет написанная Куусиненом записка под названием “О реформе избирательной системы” для раздела Программы КПСС “Задачи партии в области развития социалистической демократии”. “Выборы у нас прямые, и внешне это выглядит как будто демократично”, – писал Куусинен. На самом же деле это только формальная демократия. Далее он выступил фактически с критикой построенного в СССР реального социализма, его политической основы – Советов, показал их бюрократический характер, пол-

ную зависимость от партийного аппарата. Многие пассажи из этого документа звучат как записки диссидента, а не члена высшего партийного руководства.

Реформа избирательной системы должна состоять из нескольких принципиальных моментов, которые призваны вырвать власть из рук аппарата и привлечь население к реальному управлению страной. Что для этого нужно сделать? Вместо территориального избирательного округа, введенного при Сталине, основной избирательной единицей он предлагал сделать производственные ячейки, как это было при Ленине (с сохранением территориальных округов для пенсионеров и домохозяек). Депутат от трудового коллектива, в отличие от депутата от территориального округа, никуда не скроется, вся его жизнь как на ладони, он каждый день на работе общается с избирателями, а потому будет чувствовать большую ответственность и силу за спиной.

Куусинен много писал о важности регулярной отчетности депутатов перед избирателями и о реализации права на досрочный отзыв депутата, не оправдавшего доверие. Эти мысли 40-летней давности актуальны не только для послесталинского СССР, но и для законодательства современной постсоветской России.

Существенными кажутся также замечания Куусинена по поводу культа личности и отношения к социал-демократии. Куусинен обращает внимание Хрущева на то, что вопрос о культе личности вообще “обойден” авторами проекта Программы КПСС. Видимо, пишет он, этот вопрос отнесен ими ко второстепенным. Но это не так. 27 февраля 1960 г. Куусинен пишет Хрущеву: “Обращаю Ваше внимание, что в проекте нет никакой критики и никакого предупреждения против возможного проявления культа личности. Выступив против идеологии и режима культа личности, КПСС совершила великое историческое дело”. Борьба с культом личности – “это не история, которую надо поскорее забыть”. Это вопрос программный, считает он, настаивая на его включении в Программу КПСС.

Не прошел Куусинен и мимо представленной в проекте Программы огульной критики в адрес социал-демократии, которая может принести, по его мнению, только вред. Он предложил отделять партийную верхушку социал-демократии от рядовых трудящихся-социалистов, потенциальных союзников коммунистов.

КУУСИНЕН О КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ В СССР

Особый интерес представляет позиция Куусинена относительно детализации в проекте Программы партии конкретных сроков перехода к коммунизму. Здесь он выступал за реалистичный и трезвый подход, предлагая, в частности, начать с того, чтобы четко разграничить ближние и конечные, перспективные цели строительства коммунизма.

Он не боялся критиковать, спорить и высказывать свое мнение по самым острым вопросам. Обратимся, в частности, к написанному Куусиненом 27 февраля 1960 г. и посланным Хрущеву замечаниям на II часть программы КПСС.

Куусинен, например, не разделял содержащееся в проекте Программы утверждение о скором отмирании государства в СССР, из чего делались далеко идущие выводы. По его мнению, ситуация требует не заниматься прожектерством, а бросить силы на развитие социалистической демократии как важнейшей предпосылки для постепенной передачи государственных функций в руки народа. А государство отомрет не скоро, оно еще довольно долго будет нужно для защиты Отечества, на международной арене, в общественном производстве и др.

Слишком лихо авторы проекта обошлись и с тезисом о скором стирании национальных различий между народами СССР. Куусинен возражал: это настолько далекая цель коммунизма, что разумно в нынешнем проекте Программы партии об этом вообще не упоминать. Если же говорить, то вместо “слияния” нужно иметь в виду разумную тенденцию сближения народов. В этом вопросе он предлагал быть предельно щепетильными и учитывать не только национальные чувства, но и международные последствия утверждений о “слиянии” наций как ближайшей цели коммунизма, поскольку национальная самостоятельность, самоопределение – цель современного мирового национально-освободительного движения, поддерживаемого прогрессивными людьми.

Куусинен выступил и против включения в Программу явно нереальной задачи преодоления различий между городом и деревней, между людьми физического и умственного труда уже к 1980 г. Он напоминал, что “не так все просто, нужно учесть и вековую отсталость деревни, и явное отставание людей физического труда от культурного уровня интеллигенции”. Поэтому преодоление данных различий может наступить только при зрелом коммунизме, в далекой перспективе.

Но самый большой просчет проекта Программы, по его мнению, состоит в том, что она похожа на “манну небесную”, так как ориентирует людей не на активное созидание и тем самым приближение коммунизма, а расхолаживает, настраивает сидеть сложа рука и ожидать прихода коммунизма уже через 20 лет. “Все это выглядит, как какие-то обещания подарков населению со стороны партии и государства”, – с едкой иронией замечает Куусинен в письме Хрущеву. Не лучше ли вместо этого прямо сказать людям, что успехи в области благосостояния целиком зависят от усиленного труда самих этих людей? Очевидно, что главный источник повышения благосостояния и роста зарплаток – повышение производительности труда. Но, продолжал свою мысль Куусинен, об этом в проекте Программы вообще ничего не говорится.

Куусинен выступил и против провозглашенного Программой сокращения разницы в доходах различных слоев населения, вплоть до скорого введения уравнительного распределения по коммунистическому принципу “от каждого по способности, каждому по потребности”. Если нивелировать зарплату и другие источники материального благосостояния, то исчезнет и самый мощный – материальный – стимул производительного труда, а с ним и материальная заинтересованность, рассуждал он. На этапе перехода от социализма к коммунизму, когда требуется достичь наивысшей производительности труда, а также мотивировать повышение образования и квалификации работников, отказ от действительных материальных стимулов невозможен. Этот вопрос он предлагал отдельно продумать. Здесь Куусинен выступил, по сути, оппонентом самого Хрущева, который на XXI съезде партии специально остановился на том, что в условиях быстрого роста общественных фондов потребления доходы по труду скоро потеряют свое значение. Куусинен в записке назвал это положение ошибочным и утверждал: “Общество не может отказаться от регулирования ранее, чем будет достигнуто полное изобилие, а до этого материальная заинтересованность должна быть”. Плохой и хороший работник не могут получать одинаково. Если преждевременно отказаться от принципа материальной заинтересованности, то производство попросту рухнет, предупреждал он Хрущева.

Куусинен критиковал раздел Программы “Задачи КПСС в области подъема благосостояния народа” за чрезмерную детализацию и перечисление конкретных благ с разбивкой на их получение через 10 и через 20 лет. В частности, уже к 1970 г. каждой семье было обещано по отдельной квартире, а к 1980 г. – завер-

шить полную электрификацию страны, обеспечить водопроводное снабжение, газификацию всего жилья и др. Куусинен назвал этот раздел “недостаточно обоснованными предсказаниями, носящими агитационный характер”. Где же серьезные научные выкладки, где учет экономических факторов и возможностей для реализации всего этого в скором будущем, обращался Куусинен с вопросом к Хрущеву. Конечно, Ленин писал, что агитация в газетах и брошюрах необходима, но Программа партии должна отличаться точностью, взвешенностью и реалистичностью. В противном случае эффект может быть обратным, предупреждал Куусинен.

Весьма скептически он отнесся и к предусмотренному проектом Программы скорому введению в СССР “бесплатности” в сферу коммунальных услуг, транспорта, общественного питания. Все эти вещи он считал экономически не просчитанными и потому не реалистичными. Куусинен писал, что это популистский ход, не выделяющий никаких приоритетов, но требующий громадных затрат и совершенно неоправданный ни с моральной точки зрения, ни с позиции соревнования двух систем.

Бесплатная медицина – это понятно, это забота государства о самом святом – о здоровье своих граждан. То же самое – государственное пенсионное обеспечение, дотации на детские учреждения, на санатории и дома отдыха, на стипендии студентам – это совершенно оправданно как с точки зрения гуманистической составляющей, так и для повышения производительности труда. “Но чем может быть мотивирован переход на бесплатное жилье, коммунальный транспорт и бытовые услуги? В этом нет крайней необходимости. Гораздо важнее значительно улучшить качество медицинского обслуживания населения, пустить деньги на строительство новых домов, больниц, санаториев”, – писал Куусинен. “Очевидно, что в настоящее время на более-менее неопределенный период мы вынуждены считаться с платной формой пользования благами”, – заключал он свои наблюдения о ситуации в СССР в начале 1960-х годов. Таковы были “несвоевременные мысли” “кремлевского диссидента” О.В. Куусинена, высказанные в письмах Н.С. Хрущеву и противоречившие официальной позиции ЦК КПСС.

Вышесказанное позволяет, на наш взгляд, по-новому взглянуть на личность Куусинена, а через нее – на сложные и противоречивые процессы, происходившие в высшем советском руководстве хрущевского времени.

¹ O.W. Kuusinen ja Neuvostiiton deologinen kriisi vuosina, 1957– 1964 // Toimittanut Timo Vihavainen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2003.

² РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 2. Д. 67. Л. 18.

³ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 258. Л. 81.

⁴ Там же.

⁵ РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 2. Д. 67.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 8.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 68. Л. 1–16.

¹⁰ Там же. Л. 17–24.

¹¹ Там же. Л. 21.

¹² РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 2. Д. 73.

¹³ Там же. Л. 5.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 2. Д. 69.

¹⁵ Там же. Л. 8.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 2. Д. 70.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

– Г.Д. Алексеева:

– Понимал ли Куусинен, с каким полуграмотным деятелем в лице Хрущева он имеет дело?

И второй вопрос – каковы особенности финского издания – это памятник их соотечественнику или очередное средство борьбы с коммунизмом и социализмом?

– С.В. Журавлев:

– Я начну с последнего вопроса. Идея этого издания родилась именно потому, что в литературе присутствует много разных Куусиненов и слишком уж эта литература была долгое время у нас политизирована. Так вот, основная идея этого издания – попытаться показать реальное значение и реальную роль Куусинена в истории. То есть не политические пристрастия, а научность – это самое главное, что, на мой взгляд, должно присутствовать в этом издании. Вы знаете, например, что Куусинен лично, когда он руководил Карело-Финской ССР, очень многое сделал для создания Петрозаводского государственного университета, который был после смерти назван его именем.

В начале 1990-х годов на волне антикоммунизма руководители этого университета отказались от его имени. И сейчас этот университет не носит имя Куусинена, что, на мой взгляд, неспра-

ведливо. Книгой о Куусинене мы, в частности, могли бы поставить вопрос о возвращении его имени университету.

Что касается первого вопроса, то я бы не согласился с Вами в характеристике Хрущева как полуграмотного человека.

Федор Бурлацкий, который хорошо знал Хрущева, писал ему тексты, присутствовал на его официальных и “застольных” выступлениях, отмечал его ум и способности. Он, между прочим, говорил о том, что Хрущев очень быстро входил в курс дела, схватывал все налету, недостаток образования компенсировался природной сметкой. В частности, когда Хрущеву заранее писали речи, то он часто сбивался. И это почти всегда получалось плохо, текст казался чужеродным. Зато, когда он выступал экспромтом, просыпались ораторские способности, а речь была яркой, образной.

Время было очень противоречивое, и Хрущев олицетворял его сложность и противоречивость.

Г.Д. Алексеева:

– В теории он абсолютно ничего не понимал. Абсолютно ничего!

С.В. Журавлев:

– Спорить бесполезно, да и все на свете знать невозможно. Для руководителя страны важнее подчас умение сформировать команду профессионалов. Что он и сделал, в частности, используя теоретические знания Куусинена.

Г.А. Куманев:

– У меня такой вопрос. Он несколько выходит за рамки доклада, но, может быть, Вы в фондах Куусинена что-то находили относительно его участия как главы нашего марионеточного правительства Народной Республики Финляндия во время так называемой зимней советско-финляндской войны.

Я думаю, что эта история, которая занимает важную страницу в его политической биографии, конечно, наложила определенный отпечаток на его действия, на его жизнь и т.д.

С.В. Журавлев:

– В рамках общего проекта у меня была очень ограниченная задача. Она была ограничена и тематикой, и периодом. Поэтому я не занимался зимней войной. Но знаю, что Центральный архив ФСБ совместно с финскими коллегами собирается опубликовать большой сборник документов. Он так и будет называться – “Зимняя война”.

А.К. Соколов:

– Есть такая пословица: “Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты”. Каков был круг общения Куусинена? С кем он об-

щался в руководстве страны, кто ему ближе был по его настроениям? Вот, скажем, с Пельше какие у него были отношения и т.д.?

С.В. Журавлев:

– Я тоже пытался установить его круг общения. Судя по всему, у Куусинена были хорошие отношения с А.И. Микояном. Видимо, эти отношения основывались на старых контактах в руководстве партии. Вторым человеком, с которым он тоже был в хороших отношениях, – это Ю.В. Андропов. Как известно, в начале своей биографии Андропов работал на Севере, они там пересекались с Куусиненом по работе, и был один неприятный момент для Андропова, когда Куусинен ему очень сильно помог. Речь шла о возможных неприятностях по политической линии: был донос, которому Куусинен не дал ходу, и поэтому Андропов был благодарен ему всю жизнь. Они постоянно общались во время работы в ЦК КПСС.

Но если говорить в целом, то Куусинен, по словам Г.А. Арбатова и Ф.М. Бурлацкого, был очень одинок. Он чувствовал, что он другой – не такой как партаппаратчики. Именно поэтому я употребил этот термин – “диссидент”. Действительно, это был своего рода “партийный диссидент”.

Что еще характерно? И Арбатов, и Бурлацкий считают, что социал-демократическое прошлое Куусинена (а он начинал свою политическую биографию именно как финский социал-демократ) определило те идеи, которые он высказывал на склоне лет. По сути дела, он пытался вернуть Советский Союз к трансформированным в условиях советской системы, но тем не менее – к социал-демократическим ценностям.

Г.Д. Алексеева:

– Какая у него семья? Кто жена?

С.В. Журавлев:

– Он женился второй раз. От второго брака у него было двое детей. Одна из дочерей Куусинена (по-моему, ее звали Херта) вернулась в Финляндию, активно занималась политической деятельностью и даже, если я не ошибаюсь, стала депутатом парламента. Она была очень популярной фигурой в политических кругах и была влиятельным финским политиком.

Л.Н. Нежинский:

– Херта Куусинен была действительно очень известной деятельницей в рамках Финляндии, занималась государственной внешней политикой.

С.В. Журавлев:

– Есть еще один интересный момент. Трагедия Куусинена заключалась в том, что после войны он так и не смог побывать на родине, в Финляндии. Во время Хрущева, в 50-е годы, он поставил вопрос перед руководством, чтобы его направили туда в составе делегации. Связались с руководством компартии Финляндии, а она в то время была довольно большой и влиятельной, однако руководство Финской компартии выступило против приезда Куусинена. Они не могли гарантировать его безопасность. Насколько эта фигура была одиозной в глазах многих финнов, настолько явной была ненависть к нему как к предателю, что даже компартия посоветовала ему не приезжать. Для Куусинена это была трагедия.

Г.А. Гуманев:

– Мне доклад понравился. Понравился своей взвешенностью, объективным подходом, объективной оценкой. Мы получили достаточно новый материал о Куусинене. О нем как-то мало было известно, а ведь он занимал очень высокий пост в партийно-государственной иерархии: был не только членом Президиума, но и секретарем ЦК партии.

Я не случайно задал вопрос об участии Куусинена в так называемом народном, но по существу марионеточном правительстве Финляндии, поскольку это все потом наверняка сказалось на его душевном настроении.

Мне Анастас Иванович Микоян рассказывал, что накануне того, как мы на рассвете 30 ноября открыли боевые действия против Финляндии, Куусинен был вызван в Кремль. Но каким образом? Это было глубокой ночью. За ним приехали, позвонили или постучали в дверь. Он открыл и увидел людей в плащах. У него затряслись руки. Он был в ночном колпаке, в ночном халате. Ему сказали: “Собирайтесь”. Его посадили в машину и привезли в Кремль. Там сказали: “Будете главой народного правительства Финляндии, Народно-демократической Республики Финляндия”.

Так потом и получилось. Куусинена заставили возглавить правительство. И даже когда заканчивалась война и в Москве шли мирные переговоры (возглавлял их с финской стороны Рюти), правительство Куусинена не было свернуто. Оно закончило свою деятельность некоторое время спустя. Позже я ни разу не встречал ни одного документа, где бы он сам коснулся этой истории.

Ведь какая была идея у Сталина? Под влиянием событий 1918 г., когда финский рабочий класс активно помогал нашей ре-

волюции, у Сталина сформировалось представление: “Мы начинаем боевые действия против Финляндии. И финский народ сразу откликается, опрокидывает свое буржуазное правительство. И мы идем как освободители”.

Кое в каких документах проскользнуло, что это наша затея, а не компартия Финляндии. Между тем компартия Финляндии все послевоенные годы, со времени марта 1940 г., всю вину брала на себя, утверждая, что это их затея. Да, в Москве тогда было пять или шесть членов Центрального комитета Финляндии. Остальные были или репрессированы, или находились в эмиграции.

В результате вместо революционной мы в ответ получили народную войну. Во многом по собственной вине. Ведь когда началась война, вся вокзальная площадь в Хельсинки была запружена ликующим народом, рабочим классом Финляндии. Но потом наши авиаторы на глазок ударили, бросили бомбы на жилые кварталы Финляндии. После чего все на сто процентов поменялось.

Но, конечно, Куусинен – эта фигура весьма любопытная. Как он оценивал события зимней войны? Эти материалы было бы очень интересно найти.

Л.Н. Нежинский:

– Доклад был сам по себе интересен. Это тот пример, когда через призму анализа деятельности крупной фигуры, фигуры общественно-политической, фактически затрагиваются вопросы более крупного плана – истории, общественно-политического развития системы и т.д. Поэтому я думаю, что мы можем одобрить в целом доклад, пожелать автору и дальше работать в этом направлении, тем более что книга (я имею в виду готовящийся сборник), конечно, вызовет очень большой интерес.

Буквально два слова хочу добавить в развитие того, о чем сказал Г.А. Куманев. Понятно, почему Куусинен никогда не вспоминал об этой акции, когда его фактически насильно поставили во главе так называемого правительства народной Финляндии. И не только поставили, а на следующий день заставили подписать Договор о дружбе и сотрудничестве правительства с государством, которого не было в наличии! А дальше было то, что прекрасно знал Куусинен: немедленно финские власти опубликовали все это в печати, они быстро об этом узнали, ибо тайны из этого не получилось. И вот это, наряду с теми бомбардировками, о которых Вы говорили, сыграло очень большую роль в том, почему так быстро перевернулось общественное мнение в Финляндии на “оборонительную войну”, как они писали, “против агрессора”. Поэтому что же он мог вспоминать, тем более, что в пос-

левоенные годы ему тут крепко добавили. И не случайно руководство Финской компартии, о чем докладчик сказал, категорически предлагало Куусинену не появляться больше в Финляндии, несмотря на то, кстати, что Херта Куусинен играла очень большую роль в 1946–1947 гг. в общественно-политических процессах, происходивших в Финляндии, что ей дорого обошлось. А именно: когда в 1947 г. был создан Коминформ, между прочим, одна из немногих компартий, которая не была официально приглашена на заседание в Польшу, была именно Финская компартия. Финны написали несколько возмущенных писем, но им ничего на это не ответили.

Видите, как все переплелось. Об этом прекрасно знал и Отто Куусинен.

В воспоминаниях жены Куусинена я наткнулся на один факт. Она утверждает, что в 1924 г., был большой скандал в Великобритании, в Европе в связи с известным коминтерновским письмом Зиновьева. Мы доказали и, кстати, это же доказали авторы недавнего сборника документов “Коминтерн и идея мировой революции”, что это была фальшивка. А вот бывшая супруга Куусинена утверждает, что автором этого письма фактически был Отто Куусинен. Якобы первый экземпляр этого письма он написал на русском языке. Что было дальше, она не знает.

Закончу тем, что это тот пример, когда через биографию такой крупной личности – нестандартной, необычной – мы имеем возможность исследовать целый ряд весьма существенных сторон общественно-политической истории нашего государства, нашего общества в период существования СССР.

Так что мы благодарим Сергея Владимировича за доклад и желаем и дальше – тоже через биографические очерки, через изучение биографий крупных личностей – продолжать свои исследования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Галина Дмитриевна – доктор исторических наук, профессор, занимается проблемами истории исторической науки XX в. Автор пяти монографий: Октябрьская революция и историческая наука. 1917–1923. М., 1968; Становление и развитие советской системы научно-исторических учреждений 20–30-е годы. Ташкент, 1977 (в соавторстве); Критика эсеровской концепции Октября. М., 1989; Идеология народничества XX века. М., 1990; Историческая наука в России: Идеология. Политика (60–80-е годы XX века). М., 2003, а также учебного пособия и хроник исторической науки.

Вербицкая Ольга Михайловна – доктор исторических наук, занимается аграрной историей России, исторической демографией. Автор книг: Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву (середина 40–начало 60-х годов). М., 1992; Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002.

Голубев Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН. Специализируется в области политической и внешнеполитической истории России XX в., истории массового сознания и взаимовосприятия культур, цивилизационной специфики России и российской модернизации, содержания исторического образования. Автор свыше 130 научных работ и учебных пособий. Основные работы: Советско-английские отношения в 1979–1983 гг. Орел, 1990; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998 (в соавторстве); Взгляд на Землю Обетованную: Из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х гг. М., 2004.

Гросул Владислав Якимович – доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола, дважды лауреат Государственной премии Приднестровской, Молдавской республики. Автор 320 работ, в том числе девяти персональных и восьми коллективных монографий. Важнейшие из них: Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30-е годы XX в.). М., 1966; Россия и формирование румынского независимого государства. М., 1969 (соавтор Е.Е. Чертан); Российские революционе-

ры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). Кишинев, Штиинца, 1973; Революционная Россия и Балканы (1874–1883). М., 1980; Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг. М., 1988; Очерки истории Тамани. М., 1996 (соавтор Н.Ф. Бугай); Карагаш – минувший и нынешний: История одного приднестровского села. М., 2001; Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М., 2001; Русское общество XVIII–XIX вв. Традиции и новации. М., 2003.

Журавлев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, специализируется в области советской социальной истории. Автор монографий: Феномен “Истории фабрик и заводов”: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997; “Маленькие люди” и “большая история”: иностранцы Московского электрозавода в советском обществе 1920–1930-х годов. М., 2000; Ich bitte um Arbeit in der Sowjet. Berlin, 2003; “Крепость социализма”: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938. М., 2004; Автор и составитель сборников документов: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1917–1932 гг. М., 1997; Общество и власть: 1930-е годы: Повествование в документах. М., 1998; Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы. М.; Торонто, 1998; Stalinism as a way of life. A Narrative in Documents. New Haven; London, 2000.

Кабузан Владимир Максимович – доктор исторических наук, специалист по исторической географии, демографии и этнической статистике России XVIII–XX вв. Автор 16 монографий. Среди них главные: Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1996 гг.) СПб., 1996; Население Северного Кавказа в XIX–XX вв. СПб., 1996; Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII–начале XX в. М., 1998; Крепостное население России в XVIII–50-х гг. XIX в. М., 2002; Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII–XX вв. (1719–1989). М., 2003.

Красовицкая Тамара Юсуфовна – доктор исторических наук, профессор, специализируется по проблемам советской национально-культурной политики, истории образования в СССР, проблемам федерализма. Автор монографий: Власть и культура. Проблемы государственного руководства национально-культурным строительством. 1917–1924 гг. М., 1993; Модернизация России: Национально-культурная политика 20-х годов. М., 1995; Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917–1920 гг. М., 2003.

Малето Елена Ивановна – кандидат исторических наук, специализируется в области истории средневековой Руси, дипломатии, источниковедения и археологии. Автор монографий: *Хождения русских путешественников XII–XV вв.* М., 2000; *Антология хождений русских путешественников XII–XV вв. Исследование. Тексты. Комментарии.* М., 2004.

Марасинова Елена Нигметовна – кандидат исторических наук, занимается историей и культурой русского дворянства XVIII–XIX вв. Автор монографии “Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки)”. М., 1999.

Мионов Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского университета, специалист в области экономической и социальной истории России. Применяет в своих работах математические методы исследования. Автор книг: *История и математика.* Л., 1976; *История и социология.* Л., 1984; *Социальная история России периода империи. XVIII–начало XX в.: В 2 т.* СПб., 1999; и др.

Морозова Людмила Евгеньевна – доктор исторических наук, занимается проблемами истории России XVII в. Автор монографий: *Сочинения Зиновия Отенского.* М., 1996 (в соавторстве); *Смута начала XVII в. глазами современников.* М., 2000; один из авторов учебника для вузов, ряда научно-популярных изданий.

Фомин Вячеслав Васильевич – кандидат исторических наук, доцент Липецкого государственного педагогического университета, специалист в области истории Древней Руси. Автор монографии “Русские летописи и варяжская легенда”. Липецк, 1999.

Научное издание

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

Выпуск 5

Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *О.В. Азарова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Ардова*
Корректоры *А.Б. Васильев, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 23.09.2005
Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 22,0. Усл.кр.-отг. 22,3. Уч.-изд.л. 23,1
Тираж 400 экз. Тип. зак. 4351

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12